

Млона Андрије

Хроника Возража
Отелр #3



От Всега
Сердца

Добро пожаловать в «Гертруду Хант»! Мы рады снова видеть Вас! Ваши хранители гостиницы, Дина Демилль и Шон Эванс, позаботятся обо всем необходимом. Гостиница предоставит Вам жилье по Вашему вкусу и потребностям. Законы физики для нас не проблема. Наш шеф-повар, «Красный тесак», будет рад произвести на Вас впечатление своим кулинарным мастерством. Будьте уверены, что Ваша безопасность является нашим основным приоритетом. Наслаждайтесь и расслабляйтесь и, прежде всего, помните одно правило, которое должны соблюдать все гости: люди ничего не должны знать.

Илона Эндрюс

От всего сердца

Информация о переводе:

Переведено специально для групп

~"*°†Мир фэнтези†°*~

vk.com/club61160514 |

Переводчики:, dias, Jasmine

Редактор: Дианова Светлана

Вычитка: SD

Письмо читателям

Написание данной книги происходило долго и весело. Мы хотели донести до вас атмосферу, окружающую хранителей гостиниц. В этой книге много персонажей, поэтому мы составили для вас краткие описания кандидатов, а также представителей Доминиона и наиболее важных наблюдателей. Вы найдете их в Списке персонажей.

Тем из вас, кто следил за этой историей на нашем сайте, которая выкладывалась каждую пятницу почти в течение года, очень понравились краткие описания «В предыдущей главе...» перед каждой новой главой, поэтому мы оставили их.

Мы также включили рецепт вкусного яблочного пирога Дины из главы 1 блога и некоторые забавные моменты, которые помогли Орде Пожирателей Книг проголосовать за своего любимого кандидата.

От переводчика-редактора:

Спешу с Вами поделиться, что у русскоязычной аудитории читателей эксклюзивный вариант книги «От всего сердца». И дело даже не в корявом переводе, как многие потом благодарно напишут в отзывах, а в том, что данная книга представляет собой смесь перевода книги как из блога авторов, так и выпущенной издательством (по крайней мере, до 18 главы включительно).

Дело в том, что, перво-наперво, авторы в течение года выкладывали данную книгу по главам (полуглавам) на своем сайте, и мы полкниги перевели оттуда. (Так же в нашем варианте перевода я добавила картинки, которые авторы выкладывали вместе главами в блоге). В декабре 2022 г. была выпущена официальная версия книги, и мы переключились на перевод текста уже оттуда. Но после кропотливого сопоставления, оказалось, что некоторые абзацы глав из блога были удалены в официальном варианте, некоторые диалоги переписаны или добавлены новые. В нашем варианте книги мы оставили вырезанные абзацы и доперевели новые абзацы и диалоги, чтобы Вы, читатели, ничего не пропустили.

Начинаются новые приключения. Но сначала — пирог.

«Куй железо, пока горячо!» — гласит народная мудрость.

Я сделала глоток чая со льдом и стряхнула маленького жучка с подола своего желтого сарафана. Я сидела на заднем крыльце гостиницы «Гертруда Хант» в удобном деревянном лежаке. Передо мной простирался наш задний двор, залитый золотистым солнечным светом. Лужайка все еще была зеленой (в этом году у нас было много дождей), но с неба обрушилась жара техасского лета, ставя все на паузу. Белки дремали в своих гнездах глубоко в дубах. Мыши и кролики попрятались по своим норкам. Даже жуки притихли от жары, перестав издавать трели. Чудовище, моя крохотная черно-белая шитцу, лежала на спинке у моих ног и тихонько похрапывала. Вентилятор на крыше крыльца надо мной работал на полную мощность, но мой лоб все равно был покрыт испариной.

Какой прекрасный жаркий день. Прекрасный день, чтобы вздремнуть.

Я сделала еще глоток чая и закрыла глаза. Позади меня развернулась «Гертруда Хант» — запутанное собрание комнат и переходов, в несколько раз крупнее, чем его физический отпечаток, видимый с улицы и жилого квартала по другую сторону от нее. Я сосредоточилась на кухне. По ней передвигалась двухметровая фигура, с торчащими на спине тридцатисантиметровыми иглами.

Фигура протерла столешницу, держа тряпку в когтистых ручищах.

Спать. Спать, спать, спать, ты хочешь спать... Будь у меня сила убеждения, моя жизнь была бы намного легче.

Я открыла глаза.

Рядом со мной Калденция обмахивалась своим блестящим веером, потягивая лимонад.

— Все так же безрезультатно?

Я покачала головой.

— Тогда мне придется тебе помочь, дорогуша.

Она встала, нацепила свою соломенную шляпу и прошла на кухню. На первый взгляд, наша постоянная гостья выглядела типичной пожилой южанкой с легким загаром, собранными в изящную прическу длинными платиновыми волосами и утонченным лицом, говорившим, что она была прекрасна в молодости и остается такой же. Она болтала с соседями, выращивала потрясающие помидоры (я уверена, что это гостиница поливала и удобряла их в нужное время), и возвела в совершенство искусство улыбаться, не показывая зубов. Они у нее были треугольными и острыми, как у акулы.

Я сосредоточилась на кухне.

— Эта духота невыносима, — заявила Калденция. — Я собираюсь отдохнуть после обеда. Тебе бы тоже не помешало, Орро. На твоём месте, я бы не упустила возможности вздремнуть перед ужином.

Орро что-то пробурчал.

Я почувствовала, как Калденция прошла через кухню и поднялась наверх по лестнице в свои покои.

Орро на кухне остановился и выглянул в окно. *Ну, давай...*

Он аккуратно сложил полотенце, повесил его на крючок у раковины и неторопливо

вышел из кухни, направляясь к узкой винтовой лестнице, ведущей вниз.

Затаив дыхание, я проследила за ним при помощи магии. Вниз по лестнице, вниз, вниз, в уютную каморку, где он обустроил себе логово. Орро вошел внутрь и захлопнул дверь.

Есть!

Я выпрыгнула из лежака. Чудовище подскочила на полметра, приземлилась на лапы и гавкнула, оглядываясь по сторонам.

— Т-ссс!

Распахнув заднюю дверь, я поспешила на кухню. Чудовище помчалась за мной следом.

Подскочив к духовке, я включила ее на 180° и развернулась. Дверь кладовки открылась, демонстрируя 3000 квадратных футов пространства, заставленного полками и холодильниками. Из потолка вырвались шершавые древесные усики и устремились в кладовку, неся оттуда продукты на кухонный островок: сахар, муку, разрыхлитель... Я достала яйца и пакет зеленых яблок из единственного стоявшего на кухне холодильника. Гостиница приволокла тяжеленный кухонный комбайн.

— Не этот, а поменьше, — шепнула я. — Этот слишком громкий.

Комбайн исчез обратно в кладовку, и другой усик вручил мне ручной миксер. Я поставила на островок две большие миски и принялась колдовать.

Существо, державшее кухню в ежовых рукавицах, мирно посапывало в своем гнездышке. Операции «Яблочный пирог» быть.

Я растопила масло в миске и добавила 3/4 стакана сахара. Приготовление пирога для любимого мужчины — это уже стресс. Приготовление пирога на кухне, где заправляет шеф-повар ранга «Красный тесак» — практически подвиг. Орро считал кухню с кладовкой своими единоличными владениями. Попытка что-либо приготовить означала, что у вас будут стоять над душой, делать вам подробные замечания и сыпать предложениями о помощи, а затем обижаться, когда эти предложения будут вежливо и многократно отклонены, доходя до иступления и вселенской скорби. Если он входил во вкус, то мог и вовсе впасть в экзистенциальный кризис.

Обычно, Орро спал минимум полтора часа. На выпечку пирога требовалось всего 50 минут. Если я все правильно рассчитала, то он будет готов еще до того, как Орро проснется. Готовому пирогу уже ничего не грозило. Орро с уважением относился к чужому труду.

Я добавила сухие ингредиенты к жидким, все перемешала, вылила в разъемную форму и принялась за яблоки.

Шон уехал этим утром, чтобы заготовить дровами. Гостиница нуждалась в древесине как в воздухе, и у нас уходило три, а иногда и все шесть кубометров древесины каждые пару дней. Не было бы никаких проблем, будь мы рестораном барбекю, но мы притворялись старомодной гостиницей а-ля «постель и завтрак», ведущей скромный бизнес. Рано или поздно, кто-нибудь стал бы задаваться вопросом, куда мы деваем столько дерева. Шон распределил наши заказы дров по разным поставщикам и скупал древесные отходы при каждом удобном случае. Обычно, мы заказывали дрова онлайн, но он нашел поставщика в паре часов езды от нас, готового доставить нам целых тридцать кубов дров. Единственной загвоздкой было, что они требовали оплату вперед наличными.

Шону не нравилось покидать гостиницу.

Он не особо возражал, когда дело касалось посещения других миров. Земля была домом, местом, где он родился и вырос, и Шон научился притворяться человеком. Но затем он отправился в Великую Бесконечность. Вселенная согрела его своим дыханием. Он увидел

звезды и другие планеты, он сражался с врагами, которых не мог себе даже представить, и он познал истинную сущность своего народа.

Там он мог быть самим собой, альфа-оборотнем. Здесь, на Земле, ему пришлось снова прикидываться обычным человеком, и после многих лет в космосе ему это уже давалось нелегко.

Я смешала корицу, сахар и лимонный сок с очищенными от кожуры дольками яблок, добавила немного муки, выложила их поверх теста, отправила форму в духовку и выдохнула. Полдела сделано.

— Тридцать минут, — сказала я гостинице.

Гостиница одобрительно скрипнула.

Шон хотел раздобыть нам дров. Я предлагала поехать с ним, но он отказался. Раз уж я не могла ничем ему помочь там, то хотя бы могла встретить его дома с его любимым пирогом.

Мягкий звон прозвучал у меня в голове — на границе гостиницы появился знакомый визитер. Я пошевелила пальцами, и на стене появился экран. На нем офицер Гектор Мараис осторожно маневрировал на своем патрульном автомобиле полиции Ред Дира по моей подъездной дорожке. Обычно он парковался на улице. Заезд таким образом означал, что у него была особая доставка.

Я вытерла руки кухонным полотенцем и направилась в гараж. Ни минуты покоя.

ОФИЦЕР МАРАИС ОТКРЫЛ БАГАЖНИК МАШИНЫ И НАКЛОНИЛСЯ ПОГЛАД Чудовище. Немногим за тридцать, атлетического телосложения, с короткостриженными иссиня-черными волосами и гладко выбритым лицом, он был образчиком современного офицера полиции. Все, от воротника его униформы до подошв ботинок было «без сучка, без задоринки», как говорил Шон. Если бы управлению полиции понадобилась модель для рекрутингового плаката, они не смогли бы найти никого лучше.

Он был воистину образцовым офицером полиции, посвятившим себя защите граждан под его юрисдикцией. Собственно, по этой причине, узнав о существовании инопланетян и об особом защитном статусе Земли, он взял на себя заботу о поддержании внеземного правопорядка вместе со своими обычными обязанностями. Если бы какой-нибудь земной механик заглянул под капот его полицейской машины, то тут же рухнул бы в обморок. Нам очень повезло, что в Ред Дире офицеры приобретали свои машины через субсидиарную программу.

Я заглянула в багажник. Внутри лежала женщина, завернутая в электрошоковую сеть. Она была чуть старше меня и одета в серый боевой костюм. Ее загорелая кожа имела легкий коричневый оттенок, темно-красные волосы были заплетены и убраны с лица, а зеленые глаза смотрели на меня с нескрываемой враждебностью.

Электрошоковая сеть, одна из забавных модификаций, которую Шон и Мараис добавили к полицейской машине, была самонаводящейся и при контакте вела себя как тазер, вызывая короткое замыкание нервных путей. Мараис тренировался в ее использовании на Шоне на заброшенной складской парковке. Он гонялся за ним на машине, пока Шон улепетывал от него со всех ног, а я стояла на стрёме и пыталась не схлопотать инфаркт каждый раз, когда слышала приближение машины. Мараису еще не выпадало шанса воспользоваться новой игрушкой до сегодня.

Сеть должна была повергнуть незнакомку в легкую кому, но вместо этого, похоже,

только разозлила. Она зыркнула на меня так, будто я была причиной всех бед в ее жизни. Если бы взглядом можно было убить, на моем лице уже зияли бы две дымящиеся дыры. Я наклонилась ближе. Легкий золотой перелив пробежал по ее радужкам.

Оборотень. Тогда понятно.

— Где вы ее нашли?

Мараис кивнул на машину.

— Я вам покажу.

Я толкнула гостиницу. Я позволила усика принять передачу из машины. «Гертруда Хант» открыла ещё один экран, показывающий изображение с бортовой камеры Мараиса. У него было два комплекта камер — одна стандартная от полиции Ред Дира, а вторая — «пиратская» от нас.

Улица выглядела знакомо. Он был у старшей школы на Рэттлснейк Трейл, направляясь на восток, с огороженными жилыми домами с одной стороны и школьным бейсбольным полем с другой. Яркий солнечный свет заливал почти пустую дорогу. Рекордная температура разогнала детей по домам или к бассейнам, а их родители все еще были на работе.

Темная человекоподобная тень промелькнула мимо полицейской машины. Пределом скорости для человека было 45 км/ч, а существо промчалось так, будто автомобиль стоял на месте.

— Кто бежит со сверхчеловеческой скоростью среди бела дня на глазах у всего честного мира? — спросил Мараис. — Очевидно, она думает, что Земной договор на нее не распространяется.

Договор распространялся на всех.

Я обратилась к «Гертруде Хант». Появившийся из потолка усик подхватил женщину вместе с сетью, вытащил ее из багажника и оплелся вокруг нее, прижимая ей руки к бокам. Сеть упала на землю. Усики гостиницы расширились, разделившись на более мелкие ответвления, и закрутили женщину. На пол гаража посыпалось оружие: энергетическая винтовка ближнего действия, два ножа, короткий мономолекулярный тесак и три маленькие бомбы-липучки, каждая размером с большую виноградину. Прикрепив их к двери и взорвав, можно было пробить дыру в самом прочном земном сейфе.

Мило.

Хм. Интересно, что она собиралась взорвать со всем этим арсеналом? У меня возникло предположение, и оно мне не понравилось.

Усики поставили мою пленницу вертикально. Она снова проггла меня взглядом и зарычала.

Чудовище у моих ног зарычала в ответ.

Женщина-оборотень не обратила на нее внимания. На ее месте, я бы тоже не воспринимала пятикилограммовую шитцу всерьез. Это было потенциально смертельной ошибкой.

Я изучила незнакомку. Итак, судя по ее возрасту — второе поколение, рожденная после того, как ее народ пожертвовал своим домом, чтобы тот не попал в руки захватчиков. В хорошей форме, атлетичная, с привлекательными, броскими чертами лица. На Земле ее бы запросто приняли за знаменитую спортсменку — легкоатлетку или теннисистку.

— Вы нарушили Земной договор, — сказала я. — Вы знаете, что это значит?

Она не ответила.

— Договор строго запрещает оповещать землян о существовании внеземной жизни.

Любой путешественник, желающий посетить Землю, должен согласовать это с гостиницей, вроде нашей. Вы согласовали ваш визит?

Без ответа.

— Все она знает, — сказал Мараис. — Я зачитал ей права по дороге. Она направлялась в эту сторону, когда я перехватил ее. Вероятно, чтобы встретиться с тобой.

— Не с ней, — фыркнула женщина.

А. Еще одна.

— Спасибо, офицер, — поблагодарила я Мараиса. — Дальше я уже сама.

— С вами не соскучишься. — Он открыл переднюю дверь и нажал на скрытую кнопку на приборной панели. Сеть втянулась обратно в багажник, заряженная и готовая к повторному использованию.

— Стойте! У меня кое-что есть для вас.

Я вытянула руку. Потолок раскрылся и в мою ладонь упал вакуумный пакет с двумя мотками шерстяной пряжи, переливающейся синим и зеленым. — Для твоей жены.

— Спасибо. Ей понравится. Что это за шерсть?

— Скажите ей, что это овцебык. — Вполне походило на правду, пока кто-нибудь бы не сделал микроскопический анализ. Это был подарок от гостя, а жена офицера Мараиса вела блог по вязанию. Ей это понравится гораздо больше, чем мне.

— Еще раз спасибо.

Я проводила взглядом офицера Мараиса, выезжавшего с нашей подъездной дорожки. Мгновение спустя, я почувствовала, как он пересек границу гостиницы.

Остались только я, оборотень и ее неугасимая ненависть ко мне. Я не стала принимать это на свой счет.

Оборотни Аууля были поэтами, и страсть к сказаниям была у них в крови. К сожалению, сага их планеты закончилась трагично, как и большинство саг. Они подверглись нападению многократно превосходящей их силы, поэтому создали при помощи биоинженерии оборотней, чтобы ее отразить. Десятилетия спустя, враг создал свою собственную версию суперсолдат и вторгся снова. Народ Аууля построил телепортационные врата, зная, что они дестабилизируют планету, и создал второе поколение оборотней — альф, более опасных и смертоносных, чтобы они охраняли врата во время эвакуации.

Альфа-оборотни защищали врата до самого конца, пока питавшие их космические силы не разорвали Аууль на части. Большинство из них погибло в той последней битве.

Шон был сыном пары альф, которым каким-то образом удалось спастись перед самым катаклизмом. Он появился на свет вопреки всему, был необычайно силен, и после службы в армии, повстречал меня, узнал о своем происхождении и мельком увидел галактику. Она поманила его, и Шон последовал за ее звездным светом. Все, что он делал с тех пор, стало легендой.

Он участвовал в разрушительной войне на Нексусе, остановив наступления Орды Сокрушающей Надежду и Святой Анократии. Он сражался с лучшими бойцами галактики и преуспел. Ему не было равных в ближнем бою. Он мог возглавить армию или противостоять превосходящим силам в одиночку.

Для оборотней это стало просто слишком. Вот он, сын их героев, появившийся из ниоткуда и ставший лучшим оборотнем в веках. Они были народом без планеты, беженцами, разбросанными по дюжине миров. Они отчаянно нуждались в сказочном герое, а мой парень доказал свою непобедимость. Все о нем было легендарным и мифическим. То, что он

избегал успешности и славы, все только усугубляло.

Оборотни предпочитали прямолинейный подход к ухаживаниям. За прошедшие несколько месяцев, нас посетило несколько женщин и мужчин, прибывших в «Гертруду Хант» заявить о своем восхищении и интересе. К счастью для меня, мой парень очень отличался от вдохновленной им легенды.

Изображение на экране сменилось большим таймером, ведущим обратный отсчет. 30... 29... 28...

Мой пирог!

— Мне нужно идти, — сообщила я ей.

— Я хочу поговорить с ним! — прорычала пленница.

— Он должен скоро вернуться.

— Когда?

— Надеюсь, не в ближайшие двадцать минут. У тебя будет время отрепетировать свою речь.

Она заморгала, но тут же оправилась.

— Нет у меня никакой речи!

— Можно подумать, я впервые вижу оборотня. У вас всегда заготовлена речь.

Таймер дошел до нуля и отключился.

— Мне пора.

Я побежала по коридору в сопровождении Чудовища, а вслед нам летели постепенно утихающие проклятия.

Глава 2

Станем ли мы свидетелями ухаживания оборотня? Обнаружит ли Орро незаконную выпечку, готовящуюся на его кухне? Или затевается еще что-то более опасное?

История продолжается...

Пирог остывал в своей форме. Корочка меренги была румяной и слегка хрустящей. Она немного потрескалась, что, без сомнения, удостоится косо́го взгляда от Орро, но это уже дело десятое.

Я открыла духовку и коснулась формы. Чуть теплая. Хорошо.

Знакомое присутствие пересекло границу, и магия гостиницы зашевелилась в ответ. Будь «Гертруда Хант» собакой, она бы подняла голову и завиляла хвостом.

Шон вернулся домой.

Следом за ним возникло еще одно присутствие, поднимаясь по нашей подъездной дорожке. Я обратилась к гостинице, и она выпустила для меня экран, перекинув на него изображение с наружных камер. Грузовик Шона остановился напротив гаража. Позади него, тяжелый белый самосвал с черным кузовом, полным дров, медленно заезжал задом по плавному подъему дорожки и вокруг дома.

Я взяла длинный нож и осторожно провела им по периметру кольца, отсекая меренгу. Если открыть форму, пропустив этот этап, то половина меренги снялась бы вместе с формой.

Шон выбрался из грузовика. Он был высоким и поджарым, с развитой мускулатурой. Глядя на него, вы бы сказали, что он был сильным и быстрым, но это было еще не все. Казалось, Шон всегда настороже. Он излучал своего рода спокойную, но бдительную уверенность, и вы на инстинктивном уровне понимали, что если возникнет угроза, он ответит на нее мгновенно и с сокрушительной силой.

Люди это чувствовали и хотели дать об этом знать. Поскольку мы жили в Техасе, по большей части они спрашивали у него, играл ли он в футбол, поскольку каким-то образом фраза «этот парень играл в футбол» давала разумное объяснение боевой готовности Шона.

Чудовище сорвалась с места и вылетела через собачью дверцу навстречу Шону, пританцовывая вокруг его ног и виляя хвостом. Он наклонился, чтобы ее погладить.

Открыв защёлку, я аккуратно сняла форму с пирога. Идеально.

Бросив разъемную форму в раковину, я включила кофеварку сварить кофе без кофеина, и вышла на улицу, как раз во время, чтобы застать, как самосвал выгружает огромную гору дров нам на траву. Я подошла к Шону. Он улыбнулся и обнял меня одной рукой за плечи. Я прислонилась к нему и почувствовала, как он расслабился.

Ты уже дома, милый. Всё хорошо.

Водитель, грузный мужик средних лет с красным лицом и короткими волосами с проседью, выбрался наружу и окинул дрова взглядом.

— 30 кубометров, — с гордостью заявил он.

— Выглядит отлично, — одобрила я.

— Ваш муж не стал платить за складирование, — доложил водитель. — Сказал, что ему нужно поупражняться.

Я улыбнулась Шону. Он не был моим мужем, но уточнять не стоило.

— Мы сами разберемся.

Водитель подмигнул нам.

— Вы милая парочка. Значит, ты был полузащитником в старшей школе?

— Да, — невозмутимо соврал Шон.

Он перепробовал все виды спорта в детстве, но никак не в школе. Шон был слишком хорош и слишком физически одарен, а его родители хотели избежать излишнего внимания. Большинство его внешкольных занятий приходились на несколько отдельных школ боевых искусств с опытными тренерами-ветеранами. В армии затеряться среди других ему было намного проще. В старшей школе упор делался на индивидуальные достижения и славу, в то время как в армии предпочитали командную работу.

— Так и подумал, — сказал водитель. — Ладно, ребятки, не скучайте.

— Счастливо. — Шон поднял руку.

Водитель забрался в грузовик и поехал по дорожке. Трава вокруг кучи дров зашевелилась.

— Еще нет, — предупредил Шон.

Лужайка замерла.

Самосвал доехал до конца съезда, остановился, пропуская машины, повернул налево и покатил по дороге.

— Ладно, — сказал Шон. — Теперь забирай.

В траве разверзлась черная дыра и «Гертруда Хант» проглотила все тридцать кубометров в один присест, а я почувствовала прокатившиеся по ней удовлетворение. Лужайка снова сомкнулась, словно застегнутая на молнию. От горы дров не осталось и следа.

Шон поднял голову и его губы растянулись в медленной, ленивой улыбке.

— Ммм, яблочный пирог.

Удивить оборотня едой было нереальной затеей.

— У нас посетитель.

— Знаю. Почуял ее у гаража. Чего она хочет?

— Поговорить с тобой.

Он вздохнул.

— Ладно. Давай разберемся с этим.

Мы прошли к гаражу. Дверь открылась, и оборотень заморгала от резкого солнечного света, но тут она заметила Шона. Ее плечи расправились. Она отбросила гриву волос стратегически нетерпеливым рывком головы.

Вот и настало время толкать речь.

— Значит, вот как ты выглядишь. — Она понизила голос до бархатистого, соблазнительного сопрано. — Неплохо.

Никакой реакции.

— Такой мужчина, как ты, и в таком месте, как это. Какая растрата.

Шон ничего не ответил.

— Уилмос пропал, — заявила она.

Уилмос был оборотнем первого поколения, ветераном, одним из старейших выживших с Аууля. Будучи оборотнем, он всегда был в форме, правда, когда родились родители Шона, он уже был взрослым и приложил руку к созданию их альфа-подвида. Уилмос заработал себе имя как наемник и владелец магазина в Баха-чар, галактическом базаре. Теперь же он был

не столько наемником, сколько посредником между наемниками и их клиентами. И он считал Шона исключительным. Мы встретились по чистой случайности, и когда Шон решил, что хочет увидеть вселенную своими глазами, Уилмос ему в этом помог. Он был тем, кто втянул его в мясорубку на Нексусе, и я никогда его за это не прощу. Никогда.

Уилмос был ответственен и за нынешний наплыв к нам неугоминых поклонниц. Нексус был адским местом, где три фракции — торговцы из клана Нуан, отрокары из Орды Сокрушающей Надежду и вампиры Святой Анократии схлестнулись в бесконечной войне. Время там текло иначе, и аномалии пространства-времени делали ведение технологической войны невозможным, поэтому противостояние велось в изнурительных ближних боях. У Орды и Анократии было преимущество в количестве и качестве их солдат. У торговцев был Туран Адин, неубиваемый и непобедимый генерал, командовавший их наемниками. Неважно, как бы сильно он не был ранен, Туран Адин всегда восставал, чтобы снова ринуться в бой.

На самом деле, Тураны Адины мёрли, как мухи. Клан Нуан обладал комплектом исключительных доспехов, приспособившихся к своему носителю, и когда один генерал-наемник умирал, вместо него броню надевал другой и Туран Адин перерождался. Шон стал последним Туран Адином. Объединенным силам рыцарей-вампиров и отрокарских воинов не удавалось убить его в течение восемнадцати месяцев.

Когда война закончилась, Шон вернул доспехи торговцам и остался со мной, потому что любил меня. Его имя под личиной Туран Адина должно было остаться тайной и не быть преданным огласке. Однако Уилмос не смог держать свой рот на замке. Он лопался по швам от гордости и мало-помалу начал выпускать kota из мешка в разговорах с глазу на глаз. Так оборотни об этом узнали.

Когда я спросила об этом Уилмоса, тот что-то извиняюще проямлил, а затем сменил тему. Я видела в нем забавного дядюшку, который приходит на обед и травит шуточки, всегда такой доброжелательный, но стоит кому-то повестись на его речи, как он рискует очутиться на дереве, распивая пиво и пиля сук, на котором сидит.

Оборотень сощурила глаза, глядя на Шона.

— Дело в том, что Уилмос попросил тебя о помощи, а ты ему отказал, поскольку был слишком занят игрой в дочки-матери с человеческой девушкой. Люди говорят, что ты трус. Что ты раскис. Волк, подчинивший отрокаров и вампирских рыцарей, превратился в тень самого себя. Поэтому я пришла сама посмотреть, что случилось с героем Нексуса, которым ты когда-то был. Каково это? Просто сдаться и отвернуться от своего друга?

Она подалась вперёд, насколько это позволяли путы, сосредоточившись на нем. Она бросала ему вызов на его территории и теперь ожидала ответной реакции. Ей бы понравилось, если бы он вздернул ее вверх и приложил об стену, зарывав ей в лицо. Это было бы демонстрацией превосходства, которую она понимала. Она бы подчинилась, а затем они бы отправились на поиски Уилмоса вместе, без меня, чтобы она могла доказать ему насколько она круче как потенциальная партнёрша.

Шон нарушил молчание.

— Я тебя знать не знаю.

Женщина заморгала.

Шон вытянул руку, и метла очутилась в его пальцах, только в его случае это всегда было копьё — грубый посох с бритвенно-острым лезвием.

— Твое приглашение отозвано. — Он постучал древком копья по полу.

Гостиница раскрылась, стены и комнаты разошлись в стороны, открывая коридор, ведущий к дальней двери. Она открылась нараспашку, и из нее полился ярко-золотой солнечный свет Баха-чар.

Связывавший женщину усик поволок ее по полу.

— Подожди! — заорала она.

Усик метнулся к двери и вышвырнул ее вон, на свет. Дверь с грохотом захлопнулась, и архитектура гостиницы вернулась к нормальному состоянию. Чудовище довольно гавкнула.

— Грубовато, — сказала я.

— Она спокойно приземлится на ноги. Это уже начинает утомлять. Пора бы им усвоить намек.

Мы направились на кухню.

— Что насчет Уилмоса? — спросила я.

Шон пожал плечами.

— Без понятия.

— Врешь. Врешь и не краснеешь. Он просил тебя о помощи?

— Он все время просит меня помочь.

Что правда, то правда. С точки зрения Уилмоса, каждая работёнка могла выиграть от участия в ней Шона. Он посещал гостиницу минимум раз в месяц, а Шон всегда останавливался у его магазина, когда мы отправлялись за покупками. Я не могла припомнить ни одного раза, когда разговор не заканчивался «Я сейчас работаю над небольшим проектом...»

Уилмосу искренне нравился Шон, и не только из-за того, что Шон был вершиной всего, чего пытались достичь жители Аууля. Раз Шон заботился обо мне, это делало меня важной и для Уилмоса. Если бы с нами что-нибудь случилось, старый оборотень прибежал бы с грузовиком, полным оружия, и пожертвовал бы собой, чтобы спасти нас, не раздумывая ни секунды.

Шон считал Уилмоса кем-то типа дедушки. Логически он понимал, что его родители были превосходными бойцами, но они были его родителями, которые привыкли к мирской жизни на Земле. Уилмос был не просто старым, поседевшим ветераном, который рассказывал военные байки и отправлялся на поиски приключений. Он был больше этого. Для Шона он был старейшиной, связующим звеном с планетой, которая навсегда была утрачена. Часть Шона знала, что он никогда полностью не впишется в «нормальную» жизнь на Земле. Я познакомила его с Баха-чар и инопланетянами, но Уилмос был тем, кто открыл ему дверь в галактику.

— Думаешь, он может быть в беде? — спросила я.

— Когда я видел его в последний раз, Уилмос был совершеннолетним. Он хорошо вооружен, обладает связями и сам может о себе позаботиться. Точно так же, как делал это все пятьдесят лет до встречи со мной.

Мы вошли на кухню. Шон заметил пирог и направился прямо к нему.

Я достала из шкафчика тарелку, добавила к ней вилку, и вручила ему. Он взял нож с подставки, отрезал четверть пирога себе на тарелку и посмотрел на меня полными надежды глазами.

— Кофе?

— Свежесваренный.

Я налила кружку декафа^[1], добавила немного сливок и подала ему. Шон сделал глоток

кофе, откусил кусок пирога и довольно вздохнул.

— Пирог восхитителен, — похвалил он. — Спасибо.

— Рада, что тебе нравится.

Я отрезала себе кусочек и села напротив него. Шон протянул руку, и я повторила его жест. Он сжал мои пальцы, улыбнулся и откусил еще кусок пирога.

Таинственные вещи происходят на межгалактическом базаре Баха-чар, который мы знаем, любим и стремимся посещать. Действительно ли Шон с Диной не будут расследовать исчезновение Уилмоса?

Шон нахмурился, глядя на коммуникационное устройство. Мы стояли в узком переулке сразу за дверью, ведущей в Баха-чар, одетые в дорожные мантии хранителей гостиницы — простые накидки, скрывавшие нашу одежду. Его решение не искать Уилмоса продержалось примерно столько же, сколько и его кусочек пирога.

— Ничего? — догадалась я.

— Оно даже его не находит.

Он натянул капюшон, скрывая лицо. Я сделала то же самое, и мы пошли по переулку к широкой улице, где мириады галактических покупателей всех форм, цветов и видов текли, будто река по каньону из высоких террасных зданий.

Магазин Уилмоса был в стороне от избитого пути, сразу в переулке, отходящем от главной улицы, его дверь была прикрыта арочным проходом. Шон свернул в переулок и остановился. Я тоже остановилась.

Он вдохнул. Прошла секунда. Другая.

— Что такое? — осторожно спросила я.

— Пахнет Майклом.

Меня охватил ужас. Мои пальцы похолодели. Майкл Брасвелл был лучшим другом моего старшего брата. Он стал ад-алом, силовиком хранителей, одним из многих ответственных за устранение угроз, с которыми хранители не могли справиться, а затем он исчез. Никто не видел его больше года, пока он не перекрыл нам дорогу на Баха-чар и не попытался убить нас. Он больше не был тем Майклом, которого я знала. Он был разложением и гнилью, живой скверной, источающей грязную магию. Он чуть не убил меня, а потом его труп заразил «Гертруду Хант» и попытался убить другого ад-ала.

— Запах старый, — сказал Шон. — Держись позади меня.

Я последовала за ним к двери. Шон ввел длинный код в электронный замок, тот щелкнул, и толстая пуленепробиваемая дверь распахнулась. Он шагнул в полумрак, и вспыхнуло автоматическое освещение, заливая магазин резким искусственным светом.

Магазин представлял собой руины. У Уилмоса было место для всего, и его товары были расставлены с военной точностью. Помещение выглядело так, будто внутри взорвалась бомба. Оружие валялось на полу среди осколков стекла. Полки магазина свисали со стен наполовину оторванные. Впереди прилавков был разделен надвое, а рядом с ним на груде стекла распласталось большое волчье тело, покрытое сине-зеленым мехом. Горвар, питомец и охранник Уилмоса, один из последних волков Аууля.

Святая вселенная, что за чертовщина здесь произошла?

— Чисто, — сказал Шон.

Я бросилась к Горвару. Его шерсть была покрыта свернувшейся кровью, все еще вязкой, но не свежей. Я положила руку ему на шею, стараясь нащупать пульс. Его веки задрожали. Он поднял голову, пытаясь огрызнуться, но у него ничего не вышло.

— Это я.

В его глазах вспыхнуло узнавание, и Горвар тихонько заскулил.

— Держись, приятель. — Я повернулась к Шону. — Мы должны забрать его в гостиницу.

Шон сгрэб массивного зверя в охапку и вынес наружу словно щенка. Я поспешила следом, захлопнув за собой дверь. Щелкнул замок.

Мы поспешили по улицам, петляя сквозь оживленное движение. Покупатели Баха-чар все видели, но никому не было до нас дела. Через пятнадцать минут, мы оказались у входа в гостиницу, и Шон вручил Горвара гостинице.

— Я должен вернуться.

Я чмокнула его в губы.

— Будь осторожен.

Он кивнул и унесся со сверхчеловеческой скоростью.

Я вошла в «Гертруду Хант».

— В лазарет его. Быстро.

Гостиница проглотила тело Горвара и открыла лестницу. Я сбежала по ней, перескакивая через две ступени. Я понятия не имела, как, но я должна была спасти волка Уилмоса.

ЛАЗАРЕТ БЫЛ СПРЯТАН НА НИЖНИХ УРОВНЯХ ГОСТИНИЦЫ, ПРЯМО] главным этажом. Это была стерильная комната, которую можно было герметично закрыть на случай чрезвычайной ситуации, в ней размещался обеззараживающий душ, хранилище с шестью различными стазис-капсулами и до недавнего времени единственный древний медицинский блок, который едва справлялся с основной задачей. К счастью, мы демонтировали его три месяца назад и заменили тремя совершенно новыми, ультрасовременными, роботизированными станциями, обновив наш лазарет до полноценного медблока.

Новые медицинские приборы были подарком Мод. Моя сестра теперь была мэйвендом Дома Крар, что означало, что она отвечала за все их дипломатические усилия, и ее должность сопровождалась значительной зарплатой. Она купила эти устройства для нас на заработанные деньги и отправила их на одном из разведывательных кораблей Арланда. По словам Мод, «Гертруда Хант» видела больше событий, чем обычная крепость вампиров на враждебной планете, и мысли о том, что мы пытаемся справиться с нашим устаревшим медицинским блоком, не давали ей спокойно спать по ночам.

Когда я была ребенком, Мод покупала мне милую одежду на дисконт-сайтах в Интернете. Теперь она купила мне современное медицинское оборудование. На самом деле ничего не изменилось. Моя старшая сестра все еще пыталась заботиться обо мне.

Я посмотрела на Горвара, распластавшегося в сложном медблоке. У него было четыре глубокие рваные раны, расщелившие его от живота до середины бока. Что-то вонзилось ему в живот когтями и потянуло их вверх, оставляя порезы на его теле. Края ран изо всех сил старались омертветь, но у ауульских волков была сумасшедшая иммунная система. Это было одной из причин, по которой их ДНК использовали в биоинженерии оборотничества. Какая бы зараза ни проникла в его тело, она, должно быть, была очень мощной, потому что обычно раны зажили бы к тому времени, когда мы его нашли.

Горвар потерял много крови. Медицинский блок не был настроен на ауульских волков, но он был довольно хорош в биологическом анализе и экстраполяции надлежащего курса

лечения. Он накачал волка антибиотиками. Я воспользовалась роботизированной хирургической системой, чтобы залатать порез на его печени, промыть раны, срезать краешек поврежденной ткани для предупреждения некроза, и, наконец, зашить его раны. Его пульс был слабым, но размеренным, и показания медблока заверили меня, что, по его мнению, волк стабилен.

Теперь мне нужно было дождаться возвращения Шона.

Он учуял скверну в магазине Уилмоса, и так как Уилмоса в магазине не было, Шон, скорее всего, пошел по следу. Он говорил мне, что зловоние скверны сохраняется гораздо дольше, чем обычные запахи. Она пачкала все, к чему прикасалась.

У искаженного Майкла были толстые желтоватые когти. Порой мне снились кошмары, как он преследует меня по Ред Диру, роняя разлагающуюся плоть и протягивая ко мне эти когти, пока я отчаянно пытаюсь найти дорогу обратно в гостиницу. Моя противоречивая память сделала их намного крупнее в моем представлении, но, объективно говоря, раны Горвара могли быть нанесены как раз такими когтями.

После того, как я принесла труп Майкла в гостиницу, чтобы проанализировать его, скверна, населявшая его тело, повела себя почти как живое существо-патоген, активно попытавшись заразить гостиницу. Я вывела скверну из «Гертруды Хант», находясь в гостинице, где я была сильнее всего. Схватка с Майклом за пределами гостиницы чуть не прикончила меня. Мы с Шоном оба выступили против него и чуть не проиграли. На самом деле, так бы и было, если бы Уилмос не вмешался и не подорвал часть защиты Майкла с помощью инопланетного пулемета Гатлинга.

Был ли разгром в магазине Уилмоса мстью за ту драку? Если да, то почему сейчас? События произошли несколько месяцев назад. Или дело было в другом? Это не могло быть простым совпадением.

Я надеялась, что Майкл был единственным в своем роде. Я предупредила Ассамблею Хранителей о том, что произошло, но они никак на это не отреагировали.

С Шоном все будет в порядке. Он сильный и быстрый, и если он поймет, что проигрывает битву, то отступит в гостиницу. Это была его не первая встреча с искаженным существом. Вместо героического последнего боя он заманит существо к «Гертруде Хант», где у нас есть миллион способов справиться с ним.

Конечно, он будет в порядке. Нет причин волноваться.

И уж точно нет причин спешить в Баха-чар. Я несла ответственность перед гостиницей и ее гостями. Если где-то там бродило существо подобное Майклу, которое могло попытаться вторгнуться в «Гертуду Хант», мне нужно быть здесь, чтобы ее защитить.

Помимо Калдени и Орро, у нас проживало четверо других гостей — кошаи. Будучи одиночными, губкоподобными существами, они редко путешествовали вне своего мира, но из-за острой необходимости, им пришлось совершить межзвездное путешествие. Оно исчерпало их внутренние ресурсы, и им понадобилась комфортная среда для восстановления, прежде чем отправиться в обратный путь. Им требовалось морское окружение и полная тишина. Мы зарыли их камеру глубоко в гостинице, но я не могла просто так оставить ее без наблюдения.

«Гертруда Хант» застонала. Это был странный звук растягивающегося дерева.

Не говоря уже о том, что гостиница разрасталась. Вскоре после отъезда Мод и Хелен, «Гертруда Хант» начала расти. Гостиницы ветвились по одной им известной причине. Прямо сейчас в дальнем уголке «Гертруды Хант», простой коридор из шершавого дерева —

сути гостиницы — вел к преграде сияющей бледным серебром. В конце концов, этот барьер растворится, а на его месте появится дверь, ведущая в другой мир или в другое измерение. Поэтому гостиница и поглощала древесину целыми кубометрами. Когда эта дверь откроется (а это могло произойти в любую минуту) одному из нас нужно быть здесь, потому что мы понятия не имели, что ждет нас по другую сторону. Еще одна причина сидеть здесь и не дергаться.

Так что отправиться вслед за Шоном было не вариантом.

Сколько времени ему могло понадобиться на осмотр магазина? Он уже должен был вернуться.

Магия прозвенела в моей голове. Дверь в Баха-чар открылась, и Шон вошел в гостиницу. Наконец-то!

Я подскочила. Гостиница опустила передо мной лестницу, и я взобралась по ней на кухню.

У кухонного островка Орро выпрямился во весь свой двухметровый рост. Его темные иголки слегка приподнялись.

— Ты испекла пирог, — заявил он.

— Не сейчас, — отмахнулась я и побежала в коридор.

Шон ожидал меня у все еще открытой двери. В его глазах застыл сосредоточенный, твердый взгляд, который был у него всегда, когда он намеревался встрять в драку. Мой пульс ускорился.

— Мне нужна твоя помощь.

На мне все еще была мантия, так что гостиница просто сунула мне в руку метлу. Я нырнула в дверной проем на яркий солнечный свет Баха-чар, и мы понеслись по улицам, уклоняясь от спешащих навстречу пешеходов.

— Горвар? — спросил он.

— Стабилен. Куда мы направляемся?

— Один из этих искаженных придурков забрал Уилмоса из магазина и прошел через временные порталные врата. Этому был свидетель. Он говорит, что знает, куда ведет портал, но отказывается сказать мне.

У базара было множество врат и входов, некоторые явные, как огромная каменная арка, ведущая к звезде Тигардена, другие скрытые — например, полоса выцветшего полотна пыльной палатки, скрывающая вход к Лютен 98–59 f. Большинство из них охранялись.

Проход через такую дверь без понимания, куда та может привести, запросто мог убить. Можно оказаться посреди вулкана или в открытом космосе.

ВРАТА НАХОДИЛИСЬ ДАЛЕКО ОТ ЦЕНТРА БАЗАРА. МЫ БЕЖАЛИ ТРУСЦ более двадцати минут и уже давно оставили позади ярко украшенные улицы. Здесь воздух был зловещим, брезентовые крыши ларьков выцветли и обветшали, а брусчатка была усеяна мусором. Это была не самая веселая часть Баха-чар, связанная с покупками. Сюда не приходили, если не хотели чего-то особенного, что можно было найти только здесь. Продавцы с мрачными лицами бросали на нас подозрительные взгляды, когда мы неслись мимо.

Торговец слева от нас — странное существо с лохматым телом ленивца, массивным клювом и пушистыми щупальцами вместо конечностей, взвизгнуло при нашем появлении. Оно свисало вниз головой с верхней балки своего магазина, держась за нее задними

щупальцами, и я понятия не имела, что это был за вид, чего практически никогда не случалось. Когда мы вернемся домой, нужно будет посмотреть, кто это.

Большая каменная арка замаячила впереди, ее коричневый камень был потертым и выщербленным. Остатки красных знамен свисали с нее, выгоревшие на солнце до грязно-розового и порванные в лохмотья пустынным ветром. Высокие здания с зарешеченными окнами обступали арку с обеих сторон, образуя длинный темный туннель.

Мы прошли через него. На нас повеяло сквозняком, несущим тяжелый, отталкивающий запах мускуса. Какое-то животное пометило здесь свою территорию.

Мускусный запах становился сильнее. Я поборола желание прочистить горло, чувствуя его на языке. Шон рядом со мной скривился, но продолжил идти.

Туннель закончился, и мы вышли на круглую площадку, окруженную зданием по периметру. Своими тремя большими этажами сооружение тянулось к небу, простирая ряды балконов и каменных скамей. Незнакомые создания и причудливые глифы были вырезаны на его фасаде из песчаника, некогда четкие, но теперь потертые и размытые временем.

Сама площадь была идеально круглой, сконструированной с удивительной точностью и вымощенной гигантскими треугольными каменными плитами, расходящимися лучами от центра. Посреди нее возвышались две каменные башни, каждая в форме трехмерного полумесяца высотой пятьдесят футов. Два полумесяца были обращены друг к другу и увенчаны зеленым пламенем, горящим в металлических жаровнях.

Каждая башня была покрыта сетью тонких голубых вен из жидкого металла. Они слабо блестели на солнце. Портальные лозы. Один из самых простых способов установить телепортационные врата. Это, должно быть, недавнее дополнение.

Что-то блестящее словило свет у основания ближайшего полумесяца. Я прищурилась. Металлический жук размером с мой кулак. На вершине этого полумесяца был еще один, и еще два на противоположной башне. Камень вокруг жуков был покрыт сажей. Шон был прав. Кто-то создал краткосрочный портал. Жуки набрали достаточно энергии на пару часов, а затем сгорели.

— Это Старая арена, — прошептала я.

Шон посмотрел на меня.

— Тысячи лет назад здесь проводились гладиаторские бои. В Баха-чар три таких места. Два все еще активны. Видишь вон те врата напротив нас? Гладиаторы появлялись оттуда и сражались насмерть. Когда боец погибал, пламя угасало.

Прямо напротив нас что-то зашевелилось во мраке врат. Что-то большое.

Массивная кошачья лапа шагнула на свет, запросто достигая полутора метров в ширину. Выпущенные когти заскребли по камню.

О нет.

Следом показалось огромное плечо, затем второе, потом широкая мускулистая грудная клетка, покрытая песочным мехом, толстая шея, увенчанная темно-ржавой гривой, и, наконец, гигантская голова — странная, диковинная помесь льва и человека, антропоморфная, ужасающая, но складная. Это не была мешанина из двух видов. Это было естественно эволюционировавшее существо, которое просто напоминало огромного хищного кота с человеческими глазами на морде.

Верхняя губа Шона сморщилась в преддверии рычания. Если и существовало чудовище, созданное для того, чтобы наводить ужас на его народ — ауульский монстр, гарантированно вызывающий мгновенное отвращение среди оборотней, то это существо было перед нами.

— Это твой свидетель? — спросила я.

— Ага.

Сфинкс. Вот дерьмо.

Когда мы в последний раз покидали наших бесстрашных героев, они нашли улики, указывающие на то, что исчезновение Уилмоса было связано с искаженным ад-алом, с которым они сталкивались в предыдущих приключениях. Теперь мифический свидетель стоит на пути к большому количеству ответов.

Приготовьтесь к викторине.

Сфинкс приблизился неторопливыми, почти ленивыми шагами, обогнул две башни и улегся на землю слева от одной, мордой к нам. Гигантские золотые колечки в его ушах звякнули. Его длинный хвост протянулся до самой правой башни. Он свернулся вокруг двух башен, будто кот, прижавший игрушку к своему животу.

Шон наблюдал за ним. Он не то, чтобы сосредоточился на нем, как на своем противнике. Скорее он следил за ним с отрешенностью пресыщенного волка, наблюдающего, как зайчик прыгает по полю, любопытствуя, но не настолько, чтобы встать. Это была уловка. Шон был на чеку. Сфинкс встал между Шоном и Уилмосом, и Шон этого не потерпит.

Сфинкс потянулся. Солнце заиграло на его серовато-желтом мехе, подсвечивая бледный живот с грудью и притягивая взгляд к ржаво-коричневым обручам на его конечностях и хвосте. Толстая линия темного меха тянулась от внутренних уголков его фиолетово-синих глаз через верхние веки к внешним уголкам и дальше на щеки — особенность, некогда вдохновившая подводку глаз сурьмой.

— Без крыльев? — пробормотал Шон.

— Лучше нам не видеть его крылья.

— Ты вернулся, — промурлыкал сфинкс. Его низкий голос завибрировал сквозь меня. — И привел подружку.

Дело дрянь.

— Он что-нибудь у тебя спрашивал? — шепнула я.

— Я предложил ему ответить на его вопрос, если он отгадает мою загадку. — Сфинкс разглядывал свои когти на передней лапе. — Он отказался.

Я выдохнула.

— Хочешь отгадать мою загадку?

— Нет. Почему ты здесь? Твой вид запрещен в Баха-чар.

Танзанитовые глаза существа вспыхнули гневным пламенем.

— Запрещен? Я иду туда, куда захочу.

Только четыре темных кольца на его хвосте, и простые золотые колечки в ушах. Это был очень молодой сфинкс, почти подросток. У полностью выросших взрослых было по семь колец, а украшения были богато отделанными и вычурными. Этому же было не больше трёхсот лет.

— Это простая сделка, — сказал сфинкс. — Отгадай мою загадку, и я скажу тебе, куда существо забрало старого оборотня. Он твой отец или дед, человеческий мужчина? Он твоя семья? Я бы сделал что угодно ради моей семьи.

— Не вздумай, — предупредила я Шона.

Сфинкс вдохнул, втягивая воздух. Легкий ветерок потянул мои волосы и мантию.

Его глаза снова вспыхнули.

— Я чувю страх. Испуганный маленький оборотень. Не бойся. Тебе не о чем волноваться. Обещаю, загадка будет очень простой. Просто достаточно трудной для твоих крошечных мозгов.

— Не ведись на это, — сказала я Шону.

Надо как-то это обойти.

— Я готова!

Я обернулась. Женщина-оборотень шагала по арене с высоко поднятой головой. Только ее не хватало.

— Ты не понимаешь, что творишь, — начала я.

— Цыц, человечка. — Она направилась вперед, одарив Шона уничижительным взглядом. — Загадывай свою загадку. Я отвечу.

Сфинкс переключился на нее.

— Ты в опасности. Это ужасная идея, — попыталась я. — Он...

— В отличие от некоторых людей, я не трусиха. — Она повернулась к сфинксу.

— Остановись! — выпалил Шон.

Она не обратила на него внимания.

— Давай свою загадку.

Магия взвилась вокруг сфинкса. Два огромных золотых крыла развернулись над его спиной, каждое синтетическое перо в них было острым, будто блестящее металлическое лезвие. Тень упала на Арену, когда они закрыли солнечный свет.

— *Сделка заключена*, — объявил сфинкс.

Тонкие щупальца золотистого света оплелись вокруг оборотня, привязывая ее к месту.

— *Назови мое имя, и я исчезну. Кто я?*

Оборотень открыла рот. В ее глазах промелькнула неуверенность.

— Ни слова, — предупредила я. — Если ты ответишь неверно, он поглотит твой разум.

Кошачьи губы сфинкса растянулись, обнажая ряд метровых клыков, белых и острых, словно мечи.

Женщина побледнела.

— Поэтому они и изгнаны из Баха-чар, — продолжила я. — Они заманивают существ в ловушку своими загадками, а когда не получают верного ответа, поглощают их разум. Твое тело продолжит жить своей жизнью, но уже без тебя. Не говори ничего. Даже не кашляй. Он не тронет тебя, пока ты не издашь звук.

Она крепко стиснула губы.

Я должна спасти ее. Должна что-то сделать.

На лице Шона было знакомое задумчивое выражение. Было много видов, которые Шон мог убить ножом, но битва со сфинксом стала бы невероятно сложной. Нет, нам нужно было победить его на его условиях. Нам нужно...

Погодите.

— Я сейчас. Шон, не делай ничего, пока я не вернусь.

Я бросилась бежать. Позади меня низкий рокот хихиканья сфинкса прокатился по Старой Арене.

Я помчалась по улицам, петляя направо и налево. Будем надеяться, он все еще на месте.

Переулок вывел меня на одну из главных улиц. Я пересекла ее и поднялась по каменной лестнице сбоку здания, ведущей на террасу наверху. Зуб Швера, массивный клык из

слоновой кости высотой в двенадцать этажей, высеченный в виде террасного дворца, возвышался слева от меня, а башня из сапфирового стекла была прямо напротив. Отлично, теперь я знаю, где я.

Я потрусила вдоль террас, пересекая улицы по узким мостикам, повернула направо, пробежала еще четыре квартала, снова повернула направо, и, наконец, вышла на широкую улицу.

Огромное дерево возвышалось передо мной на сто пятьдесят футов, его кора была твердой и гладкой, больше похожей на камень, чем на дерево, и переливалась темно-красным с золотым, черным и кремово-белым цветом, будто оно было сделано из брекчиевой яшмы. Его более толстые ветви были полных двадцати футов в диаметре, более тонкие ветви — около пяти футов в поперечнике, и большинство из них были полыми, с окнами и богато украшенными дверями. Балконы огибали входы, укрытые естественной листвой дерева, пучками тонких ветвей с треугольными изумрудно-зелеными листьями.

Есть надежда, что он всё ещё здесь. Последний раз я слышала, что он решил проводить тут свои занятия, но это было три месяца назад.

Я направилась ко входу — трёхметровой двери в толстой коре — и постучала.

Сверху двойные камеры повернулись ко мне, похожие на два одуванчика на тонких ножках. Высокий голосок раздался из скрытого динамика.

— Чего угодно?

— Я хочу видеть Первого Ученого.

— Часы посещения окончены. Приходите завтра.

— Я должна увидеть его. Дело срочное.

— Первый Ученый занят. У него нет на вас времени. Приходите завтра.

Ох, ты ж блин.

— Первый Ученый меня знает.

Голос раздраженно чирикнул.

— Человек! Первый Ученый очень важен. Очень занят. Ты же неважный глупый человек! Поди прочь!

Если бы мне не требовалось производить хорошее впечатление, я бы уже подпрыгивала на месте от разочарования.

— Скажите ему, что Дина с Земли пришла его повидать.

— Дина? — раздался голос сверху.

Я попятилась от двери. Высоко надо мной, на балконе одной из веток повыше появился Первый Ученый. Он был около метра ростом, пухленький и пожилой, с абсолютными белыми перьями за исключением алого отлива на пушистом хвосте и кончиках крыльев. Две динозавроподобные руки высунулись из-под его крыльев и вцепились в перила балкона когтистыми пальцами. Его клюв был желтым, а глаза круглыми и яркими, как два сверкающих циркона.

Официальным названием вида было ку-ко. Шон называл их космическими курами и отказывался придерживаться приличного названия. Они проводили философские дебаты в «Гертруде Хант» на прошлое Рождество, и поскольку никто не умер, это был расценено как оглушительный успех.

Первый Ученый расправил крылья.

— Дина!

— Первый Ученый!

— Мы снова встретились!

Мелкий молодой ку-ко с бирюзовыми кончиками крылышек появился из проема позади Первого Ученого и водрузил вычурную шапочку из золотой проволоки и самоцветов тому на голову.

— У вашего дерева столько ветвей, — начала я. Лесть никогда не повредит.

Первый Ученый прихорошился.

— Да, оно великолепно, не правда ли? Оно может вместить всех наших студентов, факультет и персонал. Что привело тебя сюда?

— Мне нужна ваша мудрость, Великий Ученый.

Глаза Первого Ученого загорелись.

— Что я могу для тебя сделать?

— Моя знакомая попала в ловушку сфинкса.

Перья Первого Ученого встали дыбом.

— Здесь? В Баха-чар? Они ведь изгнаны с Великого базара!

— Это молодой самец. Загадка была задана, и ко времени, когда спохватятся власти, уже может быть слишком поздно. Пожалуйста, помогите мне, Первый Ученый. Я буду у вас в долгу.

Первый Учёный вытянулся в полный рост. Его шапочка съехала влево, угрожая свалиться с головы.

— Ни слова больше. Я об этом позабочусь.

Помощник ку-ко указал на проем и что-то пробормотал.

— Это будет момент просвещения, — заявил Первый Ученый и махнул крылом на дверь. — Идемте!

Поток ку-ко всех цветов и размеров извергся на балкон. Они повалили через перила, расправляя свои крылышки и слетая на землю вокруг меня. Один, два, пять... десять... Я сбилась со счета. Их пояса и ремешки отличались, но у каждого с собой был чехольчик с толстым свитком, словно личный рулон туалетной бумаги. В обычной ситуации я бы посмеялась над этим про себя (потому что где-то глубоко в душе мне было семь, а туалетный юмор всегда смешон), но прямо сейчас мне было не до смеха.

Первый Учёный снова надвинул шапочку на макушку.

— Будьте внимательны, молодые люди. Это будет опыт, который вы должны высечь у себя в памяти. Образуйте стаю и принесите мне мою указку!

Я НЕСЛАСЬ ПО УЛИЦАМ. КУ-КО БЕЗ ПРОБЛЕМ ПОСПЕВАЛИ ЗА МНОЙ, ХОТЬ были вполовину ниже меня. Если бы понадобилось, все они, включая Первого Ученого и двух его помощников, один из которых нес его шапочку, а второй тащил длинную указку из полированного синего дерева с ярко-красной кисточкой на конце, могли обогнать и перегнать меня.

— Назови мне загадку, — попросил Первый Учёный.

— «Назови мое имя, и я исчезну. Кто я?» — Я была вполне уверена, что знаю ответ, но «вполне» не считается, когда на кону стоит чья-то жизнь.

— Ты права. Сфинкс очень молод. Однако, молодость не повод для умышленного нарушения правил, хоть это и самое подходящее для этого время.

Мы свернули в темные переулки. Косматый ленивец, завидев нас, стал махать маленьким кусочком ярко-красной ткани, как флагом. Остальные продавцы провожали нас

взглядами. Они уже были свидетелями Шона, бегущего на Старую Арену, затем его возвращения, потом его появления со мной, следом моего спринта назад, а теперь я опять появилась, ведя за собой стаю ку-ко. Такого волнения, они, вероятно, не видели за весь месяц.

Мы высыпали на Старую Арену. Ничего не поменялось: сфинкс, Шон и женщина-оборотень были все еще заперты в сияющей золотой спирали силы сфинкса.

— *Почему ты не отвечаешь?* — мурлыкнул сфинкс. — *Ну же, рискни. Ты не можешь ждать вечно. Скоро ты захочешь облегчиться. Затем придет жажда, потом голод. Ты смелая воительница. Неужели ты так хочешь умереть? В одиночестве, в своих испражнениях, потому что ты слишком испугалась, чтобы ответить на простую загадку?*

— Молчи, — предупредил её Шон.

— Она ответила тебе, — заявил Первый Учёный.

Сфинкс повернул свою огромную голову и посмотрел на нас.

Помощник Первого Ученого слева водрузил шапочку на голову наставника, а помощник справа сунул указку в его когтистую руку. Три дюжины ку-ко выстроились полумесяцем позади Первого Ученого.

Фиолетовый отблеск пробежал по глазам сфинкса.

— А ты кто такой, маленькая птичка?

Его голос вернулся к норме. Насыщенный энергией звук раздавался только тогда, когда он обращался к тому, кто был связан его загадкой.

Первый Ученый поднял указку, отправив кисточку в полет.

— Не меняй тему. Самим своим молчанием она ответила на твою загадку, ибо ответ на твой вопрос — тишина.

Сфинкс нахмурился.

— Правильный ответ дан. Освободи это создание, как и было оговорено, — потребовал Первый Учёный.

Сфинкс подвис, явно сбитый с толку.

— Это ненадлежащий ответ, — наконец, сказал он.

— Тогда задай мне другой вопрос, и я отвечу за нее, — заявил Первый Учёный. — Она всего лишь скромный воин, в то время как мой разум содержит десятилетия академических знаний. Она — закуска, я же — роскошный пир.

Сфинкс улыбнулся, и чудовищный лес клыков в его рту блеснул на солнце. Золотистое свечение вокруг оборотня погасло, и она повалилась на землю.

Сфинкс распахнул свои металлические крылья, золотые перья ослепительно отразили солнечный свет. Золотой свет закружился спиралью вокруг Первого Ученого. Он был едва ли трех с половиной футов ростом, считая головной убор, а сфинкс достигал сорока футов в холке.

Учёные ку-ко закудахтали в унисон, выражая коллективное волнение.

Первый Учёный поднял голову.

— Задавай свой вопрос.

— *Чем больше меня, тем меньше ты видишь. Что я?*

— Темнота.

Сфинкс молча разинул рот.

— Это до неприличия лёгкий вопрос. Задавай другой, — сказал Первый Учёный. — Ну

же.

— *Предлагают один, но у тебя их два или ни одного...*

— Выбор. Попробуй еще раз. Что-нибудь посложнее.

— *У меня один цвет, но множество размеров. Я касаюсь тебя, но ты никогда меня не чувствуешь. Свет даёт мне жизнь, тьма...*

— Тень. — Первый Учёный вздохнул. — Давай я сэкономлю тебе силы. Ветер, время, ты сам, свет, молодость, огонь. Мне продолжить?

Сфинкс молча уставился на него.

Прошло несколько секунд.

— Как? — наконец, выдавил сфинкс.

— Очевидно, что ты перебираешь «Руководство Бартрана по вопросам пытливого ума и природы бытия». — Первый Ученый повернулся к своим ученикам и взмахнул указкой. — Записывайте.

Ку-ко вытянули свитки из держателей туалетной бумаги на поясах и достали стилусы.

— Те из вас, кто праздно задается вопросом, зачем вам читать классику, и представится ли возможность использовать фундаментальные знания, содержащиеся в ней, будьте настороже, ибо вы не знаете, когда можете столкнуться со сфинксом на перекрестке жизни. Этот сфинкс, — Ученый указал на возвышающееся существо указкой, — всего лишь аллегория. Он и ему подобные здесь запрещены, так что вы были бы прощены за то, что считали, что ваш разум в безопасности, но вот он здесь, готовый пожрать неподготовленных. Таково существование ученого, вечно стремящегося к знаниям и отстаивающего свое право получать их и делиться ими, в то время как опасности подстерегают на каждом шагу. Это благородное стремление.

Голос Первого Ученого дрожал от волнения. Студенты ку-ко послушно записывали каждое слово.

— Всегда помните, знание — это продукт труда. Оно должно быть разделено, но никогда не взято. Ибо если ты захочешь вырвать знание у других и копить его, как ревнивый купец копит свое богатство, тебя будут сторониться, как этого сфинкса, и изгонят из круга равных себе.

Без сомнения, это станет одной из философских легенд ку-ко.

Первый Ученый повернулся к сфинксу и помахал ему указкой.

— А ты, ты не должен быть здесь. Более того, ты пришел сюда неподготовленным. Бартран закладывает лишь фундамент для понимания бытия, и он, по замыслу, указывает лишь на верхушку айсберга, ровно настолько, чтобы дать намек на существование огромной подводной горы, и побудить тебя погрузиться в холодные глубины в поисках собственного понимания. У тебя впереди десятилетия учебы, прежде чем снова отправиться в путь. Ответь на вопрос моего дорогого человеческого друга, а затем смиренно возвращайся к своему учителю, который, без сомнения, будет глубоко разочарован твоим поведением.

Иногда, когда Олазард по-кошачьи упрямялся, я легонько давала ему по носу пальцем. Серый мейн-кун всегда выглядел ошарашенным, будто я совершала такое ужасное безобразие, с чем он не мог просто смириться. Сфинкс выглядел так же.

Первый ученый стукнул указкой по земле, заставив кисточку заплескаться.

— Отвечай!

— Куда ведёт портал? — спросил Шон.

— В Каррон, — ответил сфинкс.

Уилмос был обречён.

Глупенький сфинкс. Не смог справиться с Первым Ученым, получателем Звездного Пера, Мудрецом Великого Древа, самым эрудированным из космических куриц-философов! Что такого в Карроне, и почему Уилмос был обречен? Читайте дальше, чтобы узнать.

Мы сидели в штабе, круглой комнате, где корень гостиницы образовывал круглую платформу, позволяя установить более тесную связь с «Гертрудой Хант». Хранители гостиниц существовали в симбиозе со своими гостиницами, всегда чувствуя друг друга, но на расстоянии и по отдельности. Связь же с корнем превращала нас в одно целое.

Вдоль стен тянулись экраны, их разбавляли голографические проекции. Тот, что слева от меня, был обхвачен тонкими усиками дерева, пульсируя блеклым светом через равные промежутки времени, пока гостиница с треском расшифровывала запись из магазина Уилмоса. Я спросила Шона, всегда ли Уилмос зашифровывал записи с камер наблюдения, и он ответил «да». Очевидно, старому оборотню не хотелось, чтобы случайные люди совали нос в его делишки. Это заняло так много времени, что я соорудила для нас пару кресел. Я расположилась в своём, но Шон с непроницаемым лицом расхаживал по комнате размеренным шагом.

На огромном экране перед нами повис Каррон, словно зловещий шар какого-то космического фокусника.

Большая планета, почти вдвое больше Земли, Каррон, парил в обертке из зеленой атмосферы. Это был не жизнерадостный травяной цвет, намекающий на буйство растений, и не голубовато-зеленый цвет мелководных океанов и живительной воды. Нет, это был глубокий болезненный оттенок зеленого, цвет, который можно найти в видеоигре, ассоциирующийся с нежитью. Под зеленью очертания континентов цвета ржавчины огибали планету, прерываясь на полюсах бескрайними безмятежными морями.

— Расскажи мне еще раз, — попросил Шон.

— Это холодный ад из метана, электричества и пыли. Метан сжижается при температуре -260 градусов по Фаренгейту^[2]. В этих полярных морях температура -300 градусов по Фаренгейту^[3]. В них нет ни кислорода, ни фосфора. Атмосфера словно суп, плотная и богатая азотом. Снег наэлектризован и состоит из частиц углеводорода.

Я приблизила один из континентов возле экватора, и сплошная ржавчина разделилась на отдельные вихри и зазубрины, словно огромное создание оставило на планете свой отпечаток пальца.

— Дюны Каррона — порождение наэлектризованного песка и метановых ветров. Ветер дует на восток, но вершины дюн указывают на запад. Происходит это из-за того, что электричество заставляет углеводородные частицы песка слипаться между собой. На экваторе глубина дюн превышает сто метров. Попытавшийся приземлиться там корабль будет проглочен целиком. Статическое электричество песка поджарит всю электронику и проводку, а большинство ракетных двигателей прекратят свою работу.

— Похороненные заживо, ослепшие, оглохшие и неспособные пошевелиться.

— Именно. Даже если корабль зависнет в атмосфере без посадки, это будет похоже на полет сквозь песчаную бурю, за исключением того, что песок наэлектризован и липок, он немедленно прилипнет к корпусу. Через несколько минут корабль превратится в песчаный

шар с мощным зарядом. Если вес не обрушит его, то его разнесет хаос, возникший из-за пыли.

— Что насчет океанов?

— Данные о Карроне, — сказала я гостинице.

Экран моргнул. Темный, насыщенный серо-зеленый океан раскинулся перед нами. Что-то зарябило под его поверхностью. Жидкость вздулась и показалась масса плоти, бесформенная, но твердая, словно микроскопический организм каким-то образом увеличенный до огромного размера. Пульсируя, бледная плоть скользила и перетекала, извиваясь, словно лавкрафтовский кошмар...^[4] Она повернулась и исчезла в холодных глубинах.

— Мне показалось, ты сказала там нет кислорода или фосфора, — угрюмо заметил Шон.

— Это жизнь, основанная на цианиде. Винилцианидные мембраны вместо липидных. Это все, что мы знаем о местных, каррах. Они живут в океанах, уничтожают всех, кто пытается вторгнуться в их владения, не торгуют и не общаются. Они никогда не покидают планету.

— Что они едят? — поинтересовался Шон.

Я развела руками.

— Мои предположения будут ничем не лучше твоих.

Глаза Шона потемнели. Я точно знала, о чем он думал. Было невозможно туда попасть. Мы никогда не доберемся до его поверхности, не говоря уже о безопасном приземлении.

Усик погладил мою руку. «Гертруда Хант» почувствовала мое беспокойство. Я ласково похлопала по нему в ответ.

Мягкий импульс магии подсказал нам, что запись готова. Шон вывел ее на центральный экран.

Магазин был пуст, за исключением Горвара, посапывающего на мягкой подушке на полу. Я включила перемотку. Часы пролетели за минуты. Иногда, Горвар вставал, чтобы потянуться или попить воды.

Снова перемотка.

Наконец, дверь скользнула в сторону, и в магазин вошёл Уилмос, неся большую сумку со странными выпуклостями, подозрительно напоминающими оружейные стволы, растянувшие материю изнутри. Горвар подскочил и засуетился вокруг как щенок-переросток. Каждый раз, когда я видела Горвара, он либо угрожал, либо был безразличен. Сейчас же он наматывал круги у ног Уилмоса. Если бы я сама этого не видела, то в жизни бы не поверила.

Уилмос поставил сумку и присел на корточки. Горвар лизнул ему лицо. Седой оборотень обнял своего питомца.

— Что, долго меня не было, да? Я становлюсь слишком стар для этого дерьма. Погоди, я кое-что тебе принес.

Он потянулся к сумке.

Двери позади него распахнулись. В магазин ворвалось существо. Оно было восьми футов ростом и одето в потрепанную темную мантию с глубоким капюшоном и широкими рукавами.

Уилмос крутанулся, уперся одним коленом в пол, направил на незваного гостя энергетическую ручную пушку и выстрелил. Светящийся сгусток энергии покинул обойму с

характерным звуком, похожим на разменную монету, которую встряхивают в банке, с шипящей кока-колой.

Закутанная фигура метнулась в сторону. Залп Уилмоса промазал, угодив в настенные полки. Во все стороны разлетелось оружие.

Существо двигалось зигзагами, будто невесомое. Уилмос продолжал стрелять, и залпы разрывали тщательно расставленные вдоль стен товары.

Незванный гость вскинул руки, и на секунду я их увидела: бледные, костлявые, со слишком длинными пальцами, заканчивающимися желтыми когтями. Уилмос прицелился и снова выстрелил. Энергетическая искра поразила существо наповал. Воздух перед ним покрылся рябью, и вспышка погасла. Уилмос бросил пушку на пол и вытащил из сумки другое огнестрельное оружие.

Оранжевая шарообразная молния вырвалась из когтей незваного гостя, и устремилась к Уилмосу. Он бросился в сторону, но молния догнала и ударила в него. Уилмос забился в конвульсиях, барабаня пятками по полу.

Горвар бросился вперед, к незваному гостю. Фигура в мантии схватила огромного волка за горло и раздраженно вцепилась в него когтями раз, другой. Горвар бил лапами, его глаза были полны ярости. Существо вонзило когти ему в живот и рвануло их вверх, разрывая мех и мышцы. Свет в глазах Горвара померк. Оно отбросило волка в сторону, почти презрительно, словно тот был конфетной оберткой, и подошло к Уилмосу.

Большой оборотень не шевелился.

Фигура в балахоне подцепила его за пояс. Мерцающий серый пузырь, пронизанный красными прожилками, образовался вокруг них, поднимая налетчика над землей. Пузырь вылетел из двери в направлении Баха-чар. Двери магазина закрылись.

Я попросила гостиницу перемотать запись до того места, где существо подняло руки, и поставила его на паузу в тот самый момент, когда шар оранжевой молнии вырвался из его пальцев. Изодранная мантия, костлявые руки, которые могли принадлежать труп, желтые когти и, наконец, молния. Сомнений не было. Что бы это ни было, оно было похоже на Майкла. Я посмотрела на Шона и увидела подтверждение в его глазах. Он помнил тот бой так же хорошо, как и я.

Мы смотрели на другого искаженного ад-ала.

— Он стал мишенью из-за нас, — сказала я.

— Рано судить, — возразил Шон. — Уилмос был много где замешан.

Я указала на экран.

— Искаженный ад-ал, Шон?

Он ничего не ответил.

— Если бы Уилмос стал подозревать, что поблизости шастает искаженный ад-ал, он бы тут же пришел к нам. Он сражался с Майклом вместе с нами. Он знает, на что они способны. И оно его не убило, а забрало с собой.

Уилмос был наживкой. Мы оба это понимали.

— Если Уилмос — приманка, то это ловушка, — сказал Шон, — и подразумевается, что мы должны последовать за ними. Ловушка сработает, только если мы в нее попадем. — Он посмотрел на Каррон, все еще нависающего над нами. — Как мы должны следовать за ними?

— Не знаю. Может, он ожидает, что мы умрем, пытаясь.

— Зачем? — нахмурился Шон. — Слишком мудрено. Почему бы сразу не нацелиться на нас? Оно хочет отомстить за Майкла?

— Не знаю.

— Это рискованно. Если бы я был на его месте, я бы просто подождал и устроил нам засаду в магазине. Мы сражались с одним из этих придурков, и он чуть не надрал нам задницы. Двое или трое таких могли бы прикончить нас. Почему бы не исключить Уилмоса из уравнения, подождать, пока мы появимся, и тогда... — Он ударил правым кулаком по левой ладони.

— Я не знаю. — Я встала. Я устала от неведения. — Дай мне коммутатор.

Гостиница услужливо пододвинула его ко мне ближе.

— Кому ты звонишь?

— Кому-то, кто знает о Карроне больше, чем я.

— Другому хранителю? — нахмурился Шон.

— Не-а. — Хозяевам гостиниц не было дела до Каррона. Не было шансов на то, что один из его обитателей когда-нибудь останавливался в гостинице. Нет, мне нужен был кто-то с глубочайшим пониманием галактики. Я знала такого человека.

Теперь только оставалось выяснить, во что нам это обойдется.

В ГАЛАКТИКЕ БЫЛО МНОГО РАЗНЫХ НАРОДОВ. НЕКОТОРЫЕ БЫ республиками, некоторые империями, другие демократиями, анократиями, автократиями и другими формами государств, которым нет определений в человеческих словарях. В разное время многие из них находились в конфликте друг с другом. Межзвездные битвы были затратны и требовали огромных ресурсов, и большинство народов понимали необходимость их мирного разрешения — вот тут-то и появлялись Арбитры. Они пытались разрешить противоречия между космическими силами до того, как те перерастали в опустошительные войны.

Арбитражное управление было древним и таинственным учреждением, а сами Арбитры были существами беспрецедентной силы, тщательно отобранными из множества видов. Они обладали энциклопедическими знаниями о галактике и пользовались большим уважением, и с ними всегда следовало обращаться с предельной вежливостью.

— Ты выглядишь, как один из твоих покойников, — сказала я.

На огромном экране Джордж провел рукой по лицу. Обычно он напоминал одного из эльфийских принцев Толкиена, высокого, худощавого, золотоволосого и по неземному элегантного. Ему нравилось, когда люди недооценивали его, поэтому он часто притворялся, что хромает, и ходил с тростью. Я слышала из очень надежных источников, что он был превосходным фехтовальщиком. Еще он был отличным некромантом. Этому я была свидетелем лично. Я никогда не забуду, как несчетное количество нежити выкарабкивались из бесплодной почвы Нексуса.

Джордж, которого я видела сегодня, был совершенно другим. Его длинные светлые волосы выбились из конского хвоста и свисали вокруг лица жирными прядями. Темные мешки залегли у него под глазами. Он выглядел изможденным, а его шелковый камзол, который, должно быть, когда-то был белым, как свежевывпавший снег, теперь напоминал снег после того, как прошла неделя и большая его часть растаяла, превратившись в грязь.

Он уставился на меня рассеянным взглядом голубых глаз.

— Привет.

— Когда ты спал в последний раз?

Арбитр задумался над вопросом.

— Какое-то время назад.

Казалось, что он был не в себе. Должно быть, он очень недосыпал. Судя по синему оттенку в белках его глаз, он принял много энергетиков, чтобы не заснуть, и похоже, один за другим. С какой бы проблемой он ни столкнулся, он разбил об нее свой компьютерный мозг, и она поставила его в тупик.

— Джордж, тебе нужно принять душ, а затем поспать.

Он поднял палец.

— Еще нет.

— Почему?

Он задумался. Выглядело так, будто его мозг работал с пяти секундной задержкой. — Валккинианцы.

А. Валккинианцы были исключительно сложными.

— Темные или светлые?

— Темные.

Остров невезения в океане есть.

— Они отказываются с тобой встречаться?

— Да.

— Ты предлагал огонь?

— Да.

— А рубины?

— Да.

— Запиши сейчас мои слова, чтобы запомнить.

Он покорно взмахнул пальцами над экраном.

— Тебе надо принять душ, ты должен быть свеж. Не используй ничего с отдушкой, не завязывай волосы, не брейся. Затем ты приземляешься недалеко от горы Озарк, у каменной стелы. Ее высота триста метров, ты не сможешь ее не заметить. Ты снимаешь обувь и босиком поднимаешься по горной тропинке. Через каждые 67 шагов ты останавливаешься и опускаешься на колени. Прделай это пять раз, затем подожди. К тебе придет пожилой валккинианец. Скажи ему, что ты мой друг. Он поможет тебе.

Джордж несколько секунд боролся с этим.

— Откуда ты его знаешь?

— Он останавливался в гостинице.

— Валккинианцы никогда не останавливались в «Гертруде Хант». Я проверял.

— Не в моей гостинице. У моих родителей.

Джордж нахмурился.

— Не может быть.

— Почему нет?

— Потому что я спросил у твоего брата, и он сказал, что ваши родители никогда их не принимали.

Мое сердце предприняло героическую попытку выпрыгнуть из груди. Клаус был жив. Я сохранила невозмутимое выражение лица.

— Клаус с ними не сталкивался. Это было сразу после того, как им с Майклом исполнился двадцать один год. Они отправились в месячную поездку в Японию. Майкл был поклонником Тоётоми Хидэеси^[5], и он умирал, как хотел увидеть замок Осака.

Джордж уставился на меня.

— Джордж! Душ. Каменная стела. Долгая прогулка пешком. Позвони мне, когда закончишь. Мне нужна твоя помощь с Карроном.

Я бы сказала ему сначала поспать, но это было бы бестолку.

Джордж кое-как поднялся и побрел прочь, на ходу стягивая рубашку. Я оборвала звонок.

Шон склонил голову в мою сторону.

— Твой брат жив.

— И он Арбитр.

Это все объясняло. Над чем бы ни работал Джордж, это должно было быть жизненно важным и секретным. Арбитры были крайне неразговорчивы. Они не стали бы обращаться за информацией к кому попало, но мы с Джорджем уже работали раньше. Он знал, что мне можно доверять.

У Джорджа не было причин искать Клауса, когда он знал, где найти меня. По логике оставалось только одно — Клаус был внутри круга. Если он был Арбитром, то, следовательно, имел доступ ко всей секретной информации, что также означало, что Клаус был либо на равных с Джорджем, либо выше его рангом.

Вот почему Клаус пропал с радаров. Я боялась, что он мертв.

Я откинулась на спинку кресла. Когда я доберусь до брата, я устрою ему истерику. Он узнает почему фунт лиха.

Узнает.

— Думаешь, он позвонит нам? — спросил Шон.

— Позвонит. Как только сможет.

У Джорджа было много недостатков, но он всегда возвращал долги.

Все всегда становится непросто, когда в дело вмешивается Джордж. Когда мы в последний раз покидали гостиницу, Дина неожиданно получила весточку о своем брате, Клаусе, и план спасения Уилмоса начал обретать форму.

Давайте посмотрим, что у нашего любимого Арбитра под элегантными рукавами рубашки.

Двадцать шесть часов спустя мы с Шоном снова сидели перед экраном. Появившийся перед нами Джордж гораздо больше соответствовал его обычной внешности. Эльфийский принц вернулся. Он все еще был слишком бледен, и на его лице еще виднелись следы усталости, но он был бодр, опрятен и хорошо одет. Чувство стиля Джорджа находилось где-то между мушкетером и джентльменом-капером. Он любил рубашки с широкими рукавами, прекрасно сшитые жилеты и высокие кожаные сапоги. Вышивка на его темно-синем жилете была достойна обморока.

Шон отлично бы выглядел в таком жилете. Ну, не точно в таком же, ему бы понадобился размер побольше. Может, на Хэллоуин...

Я остановила себя. Я провела весь день, проверяя Горвара, беспокоясь о Уилмосе и пытаюсь найти какой-нибудь способ добраться до Каррона. Я была так измотана, что мой мозг начал бредить в целях самозащиты.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Джордж. — Она была как нельзя кстати.

— Полагаю, твоя проблема с валккинианцами решена?

— Да.

Если один из нас не вступит на эту территорию, мы будем танцевать вокруг темы Клауса весь вечер.

Я подняла голову.

— Как поживает мой брат?

— С ним все хорошо, — ответил Джордж. — Довольно досадный промах с моей стороны. Я был бы признателен, если бы ты приписала это усталости, а не невежливости. Очевидно, сто пятьдесят часов без сна значительно ухудшили мои когнитивные способности.

Шон тихо присвистнул.

— Шесть дней это много.

Джордж поморщился.

— Да уж. Урок усвоен. У Клауса есть свои причины для его нынешнего курса действий. Ты с твоей сестрой ему очень дороги.

— Тебе не стоит его выгораживать, — заметила я. — Он сам сможет объясниться при нашей встрече.

— Ты упомянула Каррон. Как я понимаю, на Баха-чар произошел инцидент?

И он знал о нем каждую деталь. На месте происшествия присутствовала целая стая куко. К настоящему времени в самых отдаленных уголках известного космоса было известно, что Уилмоса похитили из его магазина, и только шокирующий героизм и потрясающая мудрость Первого Ученого раскрыли пункт назначения похитителя. Я не завидовала юному сфинксу. Скорее всего, он покинул Баха-чар и вернулся к своим соплеменникам, где ему

пришлось объясняться, как именно ему удалось эффектно поставить в неловкое положение весь свой вид перед известной галактикой.

— Существо, напоминающее искаженного ад-ала, забрало Уилмоса на Каррон, — сказал Шон. — Мне нужно попасть на эту планету.

— Боюсь, это практически невозможно, — вздохнул Джордж. — Даже наше управление не обладает кораблем, способным пережить посадку и взлет в этом мире.

Все мои надежды разом пошли прахом.

— Невозможное возможно, — парировал Шон. — Туда забрали Уилмоса. У кого-то были средства забрать его туда и сохранить ему жизнь, иначе, почему бы им сразу не убить его?

— Очевидно, им хотелось, чтобы ты умер в попытке спасти его. — Джордж наклонил голову набок. — Однако существует галактическая сила, которая поддерживает кластерные порталы на Карроне.

Я села ровнее.

— Зачем им понадобились врата на Карроне? — спросил Шон.

— У них там аванпост.

Кластерные врата были частью группы. Чтобы функционировать, все врата в кластере должны были быть работоспособными, и, войдя в одни врата, путешественник мог выбрать любые другие в кластере в качестве точки прибытия.

— Не мое дело говорить зачем, только то, что они есть. Так уж получилось, что эта конкретная сила нуждается в одолжении, которое вы двое с уникальной квалификацией можете оказать.

— Какое совпадение, — заметил Шон.

Джордж изогнул брови.

— Нисколько. Это не совпадение, это сделано специально. Цивилизации приносят мне свои проблемы, и я нахожу решения. У них есть проблема, вы — ее решение, если вы этого хотите, и наоборот. Так устроена галактика.

— А затем обе стороны у тебя в долгу, — сказала я.

— Естественно.

— Кто это, и что он хочет?

Он рассказал нам.

Вот это да.

— Если вы сделаете это, и все пройдет хорошо, вы можете попросить их почти о чем угодно. Они будут публично в долгу перед вами. Я обсудил возможность доступа к Каррону с их канцлером. Если вы выполните их просьбу, они с радостью позволят вам воспользоваться их порталом столько раз, сколько необходимо. Их объект был законсервирован на десять лет, но все системы жизнеобеспечения внутри него все еще функционируют.

Похититель Уилмоса, должно быть, сохранял ему жизнь, иначе, зачем вообще его забирать. То сооружение было единственным пригодным для жилья местом на Карроне. Уилмос должен был быть внутри него.

Выражение лица Джорджа было серьезным.

— Вселенная полна возможностей, поэтому существует другой способ добраться до Каррона, в чисто математическом смысле, но я не знаю, как. По моему экспертному мнению, это единственный шанс спасти вашего друга. Я чувствую себя обязанным указать, что это рискованное предприятие. Масштаб события станет беспрецедентным для земной

гостиницы, и даже если все пройдет хорошо, чего, как мы все знаем, не произойдет, вам все равно придется физически отправиться в Каррон и самостоятельно провести спасательную операцию. Пожалуйста, серьезно все обдумайте. Вы оба мне очень дороги, было бы трагедией потерять вас. Мне нужен ответ в течение двадцати четырех часов.

Он прервал соединение.

— Я не могу просить тебя об этом, — сказал Шон. Его лицо ничего не выражало.

— Уилмос сделал бы это для любого из нас, — сказала я. — Ну, он бы сделал это для меня, если бы ты попросил его.

Мы сидели в тишине, обдумывая ситуацию.

Каменное лицо Шона не обмануло меня ни на секунду. Мои родители пропали без вести. Вся их гостиница исчезла в одно мгновение вместе с ними внутри. Дом, гости, сад — все исчезло, и остался только пустой участок. Ни у кого не было никаких ответов. Никто не мог даже предположить, что произошло. Неопределенность из-за незнания была ужасной.

Я искала их в течение многих лет и не сдавалась. Они были где-то там, ожидая, когда их спасут. Я точно знала, что чувствовал Шон, и я бы сделала почти все, чтобы избавить Шона от того, через что мне пришлось пройти.

У нас было местоположение. Мы должны были попытаться.

— С Калденией будут проблемы? — спросил Шон.

— Сто процентов. — И я понятия не имела, как заговорить с ней на эту тему.

Мы еще немного поразмышляли.

— Я собираюсь вытащить его оттуда, — сказал он.

Я, ха? О нет, один ты этого не сделаешь.

Я покачала головой.

— Нет, Шон Эванс. Не ты — мы.

— Одному из нас нужно будет остаться в гостинице.

— Ты никуда не поедешь без меня. Давай разберемся с этим прямо сейчас. Если бы им нужен был ты, они могли бы схватить тебя во время любой из ваших с Уилмосом вылазок. Они хотят меня, или, возможно, нас обоих. Так что я поеду. Но сначала нам нужно проверить это кошмарное мероприятие.

— Ничего не бывает легко, — сказал он.

— Нет. Мы даже в ловушку попасться не можем как нормальные люди. Сначала нам нужно изрядно потрудиться.

Он рассмеялся тихим волчьим смешком.

Я подняла руку.

— Один голос за «да». Есть возражения?

— Мы не делали ничего глупого или опасного вот уже полгода. — Шон оттолкнулся от стены, подошёл ко мне и поцеловал. — Так что давай сделаем это.

— ЭТО ВЫБОР ПАРЫ, — ОБЪЯСНИЛА Я.

Все собрались на кухне: мы с Шоном по одну сторону стола, Калденция и Мараис — по другую, во главе с Орро справа от Шона.

— В него вовлечен глава могущественного государства, — продолжила я. — Выбор пары очень сложен, и в основном, основывается на генетических особенностях, которые партнер может предложить, а также отчасти на том, какую фракцию он представляет и какого рода политические выгоды может принести.

Мараис нахмурился.

— Но они же все одного биологического вида, верно?

— Необязательно, — сказал Шон.

— Это давно устоявшаяся практика, — махнула рукой Калденция. — С наукой о генетике, доступной тем, у кого достаточно ресурсов, пол и вид не имеют никакого значения. Если есть какая-то совместимость, вы можете жениться хоть на ките, офицер Мараис. ДНК просто соединяют для получения потомства с желательным генетическим набором, а потом оставляют ребенка расти до срока в искусственной утробе.

Мараис покачал головой.

— Не уверен, что мне бы это понравилось.

— Здесь речь о выживании, а не о том, что нравится или нет. — Калденция обнажила острые зубы. — Я ношу в своем теле генетический набор семи видов, благодаря долговременному планированию моих предков. Они мне хорошо послужили.

— Отбор был сужен до двенадцати кандидатов из трехсот, — продолжила я.

— Значит, у них примерно два-три фаворита. — Глаза Калденции сверкнули.

— Семь, — уточнил Шон.

— Почему бы тогда их сразу не сократить до семи? — спросил Мараис.

— Некоторых стоит оставить в отборе по политическим соображениям и просто ради шоу, — пояснила Калденция. — В конце концов, главное — это зрелище. Выбор пары бывает очень увлекателен. Своевременный выбор пары, за которым следует роскошная свадьба, часто может подавить гражданские беспорядки, прежде чем ситуация обернется абсолютным провалом.

— У правителя есть проблема, — сказала я. — Потенциальные супруги пытаются переубивать друг друга.

Калденция откинулась назад и хихикнула.

— Это же просто прелестно.

— По-видимому, это не было бы проблемой при обычных обстоятельствах, — сказал Шон, — но их религиозный лидер находится в конце своего жизненного пути, а он должен найти подходящего кандидата, которому он мог бы передать святой дар до своей кончины. Периодические убийства мешают этому и наносят урон его здоровью на психологическом уровне, а по закону, он должен присутствовать на всем протяжении выбора пары.

— Мне уже нравится. — Калденция ухмыльнулась.

Через минуту ей уже будет не так весело.

Шон продолжил.

— Они перепробовали все, чтобы обезопасить место проведения, но у каждого кандидата по двадцать человек в свите, и они продолжают бомбить друг друга изощренными способами. Им нужна безопасная территория.

Орро поднял руку и стал что-то считать на своих когтях.

— Мы и есть эта территория, — сказала я. — Если мы поможем ему дойти до алтаря, он даст нам доступ к особому порталу и особому кораблю, чтобы мы смогли отправиться на поиски Уилмоса.

— Но вы уже знаете портал, ведущий на эту планету, — сказал Мараис.

— Мы не знаем, где он открывается, — возразил Шон. — Он может вести на дно океана. Если мы пройдем через него без нужного оснащения, то тут же умрем.

— Портал правителя открывается в заброшенной шахте, — сказала я. — Будь вы хоть

искаженным ад-алом, Каррон не встретит вас с распростертыми объятиями. Вероятнее всего, похититель Уилмоса скрывается в этой шахте.

— Что они добывали? — спросила Калденция.

— Топливо для оружия, — ответил Шон. Мы навели кое-какие справки. — Они добыли его прилично, а затем посчитали, что данное оружие слишком негуманное.

Калденция подняла брови.

— Оно просто ломалось.

— Возможно, — сказала я. — Суть в том, что у нас нет другого способа попасть на эту планету.

— Значит, вы будете организовывать межзвездный сезон «Холостяка»? — спросил Мараис.

— Да.

— Сколько? — спросил Орро. — Сколько всего существ?

Я постаралась звучать оптимистично.

— Три сотни. Свита правителя, кандидаты и их сопровождающие, а также наблюдатели. Многие державы в этом регионе космоса пошлют своих дипломатов посмотреть, что произойдет, поскольку брак повлияет на баланс сил.

Орро моргнул.

— Сколько видов?

— Минимум четырнадцать. Возможно больше.

Он снова моргнул.

— Экран, пожалуйста, — сказала я гостинице.

Гостиница выпустила на усике небольшой экран и вручила его Орро. Он пролистал список гостей.

— Они должны прибыть через два дня, если мы ответим согласием.

— Конечно, вы должны ответить «да». — Калденция хлопнула в ладоши. — Это будет великолепно.

Мне нужно сделать это сейчас.

— Ваша Милость, есть одна маленькая проблемка. Правитель — это...

— Не говори мне! — Она подскочила. — Знать не хочу!

— Летере Оливионе... — начал Шон.

— Ни слова больше! Вы не испортите мне сюрприз.

Она вылетела из кухни, так что полы ее длинного зеленого платья взвились от резкого движения.

— Вот дерьмо, — прокомментировал Шон.

Я сползла по спинке стула.

— Как я понимаю, есть проблема, — сказал Мараис.

— Пока нет, — возразил Шон, — но будет.

Я застонала. Именно этого я и боялась.

— Я могу ее вернуть. Мы можем заставить гостиницу держать ее и все ей расскажем, — предложил он.

— Она будет смертельно оскорблена. — Я вздохнула. — Ты хочешь иметь дело с затаившей обиду Калденцией следующие полгода? Потому что я не хочу.

Орро перестал листать список и уставился на экран рассеянным взглядом.

— Орро, — ласково произнесла я. — Три сотни гостей — это слишком много?

Он поднял голову. Его взгляд сосредоточился.

— На что ты намекаешь? Хочешь сказать, мои навыки недостаточно хороши?

О нет-нет-нет, мы не свернем на эту скользкую дорожку в дремучий лес обид Орро.

— Она спрашивает, нужна ли тебе какая-либо помощь, — пояснил Шон.

Шеф-повар нахмурился, задумавшись на секунду, и его глаза просияли.

— Два!

— Чего? — спросила я.

— Мне нужно два помощника! Может три. Мне нужен список видов. Мне нужно отправиться за покупками. Мне нужно в Баха-чар! Мне нужны кухонные принадлежности и деньги!

Он подскочил и побежал к двери кладовки. Гостиница услужливо ее распахнула до того, как Орро врезался в нее головой, и шеф растворился на просторах склада.

Шон повернулся к Мараису.

— Мы хотели бы нанять вас для охраны. На всякий случай.

— Не стоит этого делать. Я помогу в любом случае.

— Мы просто обязаны вам заплатить, — возразила я. — Придется провести время вдали от семьи.

Мараис задумался.

— Мне нужно проверить штатное расписание. Возможно, что-то может помешать мне взять подработку. Позвольте мне это уточнить.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Он встал и вышел. Остались только мы с Шоном.

— У тебя есть контакты кого-нибудь, кто занимается биооружием? — спросила я.

— У Уилмоса есть кое-какое барахло в магазине. Могу его забрать, уверен, он не будет возражать. А зачем тебе?

— Один из кандидатов охраняется *dushegubs*^[6].

Шон нахмурился.

— Я читал о них. Это разумные деревья. Они проблемные?

— Они разумны, но не способны испытывать эмоции. В нашем языке нет им названия. Эти психопаты испытывают эмоции, но со слабой ответной реакцией и с низкой способностью к сожалению. Люди с алекситимией^[7] испытывают эмоции, но не могут верно идентифицировать, что они чувствуют. Люди с шизоидным расстройством испытывают сложность с выражением эмоций, но опять же, они у них есть. Душегубы не относятся ни к чему вышеперечисленному. Это расчетливые, смертоносные, движущиеся деревья, которые питаются животной жизнью. Они знают, что у других существ есть эмоции, и что это за эмоции, и им все равно. Их первое действие — убийство, их второе действие — убийство, и если оно не удастся, они переходят сразу к убийству.

— По крайней мере, у них четко расставлены приоритеты.

— В гостиницах они запрещены как вид. Мне нужно будет просить об особом разрешении, чтобы принять их, и если мы его получим, нам придется убить одного в качестве примера.

Шон уставился на меня.

— Поверь мне в этом на слово, — сказала я. — Каждый раз, когда душегубы останавливаются в гостинице, кто-то умирает. Если нам повезет, это будет один из них.

— Не вызовет ли это проблем с нашим холостяком?

— Я сразу им об этом сказала. Им плевать, если мы сожжем всю делегацию до тла. По-видимому, их присутствие до того угнетающе кровожадно, что вызывает у Святого Экклезиарха мигрень.

— Повеселимся на славу, — сказал Шон.

Лучше и не скажешь.

Джордж знает, как попасть на негостеприимную планету, на которой держат в ловушке Уилмоса, и он знает, как выторговать услугу за получение к ней доступа.

Станет ли последняя авантюра, в которую он втягивает «Гертруду Хант», слишком опасной даже для наших любимых хранителей гостиницы?

Наблюдайте за шоу «Межгалактический холостяк»!

В гостинице зазвонил колокольчик, оповещая о посетителях. Я тихо застонала и открыла глаза, оставив душегубский изолятор в середине преобразования. Сплетение ветвей «Гертруды Хант», укачивающих мое тело, гудело от энергии. Я заключила себя в кокон, чтобы ускорить процесс.

Нам удалось убедить Доминион Семи Звезд, что 48 часов — это нереалистичный срок. Я прикрылась Ассамблеей как щитом и сказала им, что нам нужно получить необходимые разрешения, что было лишь наполовину ложью. Будучи Республиканской империей с развитой бюрократией, Доминион согласился с необходимостью соблюдения надлежащей процедуры. Это дало нам пять дней на подготовку. Сегодня был третий день. Завтра канцлер Суверена придет осмотреть помещения, чтобы мы могли внести коррективы.

Я провела последние три дня за работой с того момента, как открыла глаза, и до того момента, как потеряла сознание в нашей постели. Я мало ела, меньше спала, и этим вечером я достигла своего рода странного, обезличенного состояния, в котором я все еще была отчасти собой, но в основном я была «Гертрудой Хант», отчаянно формирующей комнаты из ничего.

Попытка вызвать экран, чтобы увидеть, кто находится снаружи, была выше моих сил. Мне нужно было пару секунд.

Стена раздвинулась, и появился Шон. Он выглядел изможденным. Линии его шрамов стали более заметны, а глаза покраснели. Даже гены оборотня не смогли компенсировать тот огромный объем работы, который мы проделали за последние 72 часа.

— Это Брайан, — сказал он.

Брайан Родригес управлял крупнейшей гостиницей в регионе, расположенной в Далласе. Он знал моих родителей до того, как они вместе со своей гостиницей исчезли без следа, и мы помогали друг другу в прошлом. Как и мои родители, он заседал в Ассамблее Хранителей. Хранители упорно отказывались покидать свои гостиницы без крайней необходимости. Почему он лично приехал к нам?

Шон взмахом руки вызвал экран. На нем мистер Родригес вышел из синей «Тойоты ФоРаннер». Мужчине было за пятьдесят, среднего роста с бронзовой кожей, темными волосами с проседью и короткой бородкой.

Мой мозг очень медленно установил связь. Мистер Родригес <- Ассамблея <- Запросы.

— Они отклоняют наш запрос на разрешение приема душегубов. — Я толкнула оплетавшие меня ветви, и те, разделившись, мягко опустили меня на пол. — Он приехал сказать нам об этом лично.

Пассажирская дверь распахнулась, и из машины вышел Тони. Тони был мистером Родригесом 2.0, но примерно на двадцать с лишним лет моложе, на три дюйма выше и без бороды. Он был милейшим парнем. Он также был ад-алом, тайным стражем Ассамблеи,

следящим за порядком.

В своем обычном человеческом обличье Тони выглядел совершенно безобидно. У него была открытая улыбка и уравновешенный характер, и если бы вы вошли в комнату, полную людей, и попытались выбрать того, кто способен заковать вас в цепи и доставить на планету с умирающим солнцем, где вас ждет столетие одиноких мучений, он стал бы абсолютным последним выбором.

Хранители гостиниц обладали почти абсолютной властью в своих гостиницах, но за их пределами наши возможности были сильно ограничены. У ад-алов таких проблем не было. Их сила исходила изнутри них самих. Они не были привязаны ни к одной гостинице и появлялись только тогда, когда проблема превращалась в полномасштабную катастрофу. Некоторые хранители гостиниц десятилетиями не сталкивались с ад-алами. Мы же знали нашего регионального ад-ала по имени и регулярно кормили его обедом. Только на этот раз он не собирался подшучивать над стряпней Орро.

— Если Ассамблея откажется предоставить нам разрешение, я собираюсь подать апелляцию, — сказала я. И я буду очень настойчива. Они выдадут мне это чертово разрешение.

Шон глухо зарычал. Он был невысокого мнения об Ассамблее.

Каждый хранитель был островом сам по себе. У нас была большая автономия, и поскольку все члены Ассамблеи сами были известными хранителями, они ревниво охраняли эту независимость. Это также означало, что помощь была в дефиците. От нас ожидали, что мы сами решим свои проблемы. Тем не менее, Ассамблея действительно обладала властью блокировать посещение Земли определенным гостям и целым видам. Технически, они могли наложить вето на все наше мероприятие, и мы мало что могли с этим поделать.

— Он привел ад-ала, чтобы подавить нас на случай, если мы откажемся, — сказал Шон. Его тон говорил о том, что он не склонен к подавлению.

Ад-алу, даже такому могущественному, как Тони, было бы нелегко сражаться с двумя хранителями на территории их гостиницы.

— Это заранее проигранная битва, и они оба это знают.

— Давай выслушаем, что они нам скажут, — предложила я.

Мы встретили их на пороге.

Мистер Родригес обнял меня и пожал руку Шону.

— Простите, что заскочили к вам без предупреждения.

— Всегда вам рады, — сказал Шон.

Тони стеснительно помахал рукой.

— Привет.

Ни один из Родригесов не выглядел напряженным. Может быть, это был просто визит, или, возможно, они были абсолютно уверены, что мы согласимся с тем, что решила Ассамблея.

— Пожалуйста, следуйте за мной, — сказала я. — Извините, у нас идет перепланировка.

Я провела их через гостиную, мимо тихой, пустой кухни, в коридор, прямо под портретом моих родителей. Дверь в коридор скользнула в сторону, и мы шагнули в другой мир.

Перед нами лежал похожий на пещеру зал, длиной 100 ярдов и шириной 60 ярдов. Я расширила главный бальный зал до такой степени, что у меня заныли кости. Сейчас он выглядел несколько голым, так как мы не остановились на подходящей отделке.

Мистер Родригес поднял брови.

Мы продолжили идти. Справа от нас, широкий арочный проход вел в новую кухню. Статистика гласила, что кухня среднего ресторана в США занимала порядка тысячи квадратных футов, но тем ресторанам не приходилось соответствовать пищевым потребностям более дюжины видов. Новая кухня Орро была монстром в четыре тысячи квадратных футов. Половину из них занимало кулинарное оборудование, печи, плиты и стальные разделочные столы, а другую половину — ещё восемь длинных столов для сервировки. Каждый из этих столов был оборудован уникальной системой хранения, спускавшейся с потолка, и содержавшей столовые приборы, соусники, шприцы и целую кучу загадочных кулинарных приспособлений.

Новые помощники Орро метались между столами, что-то яростно нарезая и смешивая. Орро пытался закончить составление меню.

— Ничего себе улучшение, — присвистнул Тони.

— Нам пришлось, — сказала я.

Два су-шефа не обратили на нас внимания. Один был юным острошипом, походившим на уменьшенную версию Орро, а вторая — туром, существом ростом в полтора метра, с золотисто-коричневым мехом, изящными конечностями, отдаленно напоминающим антилопу лицом и четырьмя рожками, венчающими ее голову. Как и острошипы, туры обладали умопомрачительным количеством вкусовых сосочков. Они эволюционировали как травоядные, которым приходилось определять ядовитые растения от неядовитых на вкус.

— Где вы их нашли? — поинтересовался Тони.

— Орро ходил повидаться со своим наставником, — сказал Шон. — По-видимому, он позвонил в какую-то модную кулинарную академию, которая быстро согласилась принять участие.

— Держу пари, — сказал мистер Родригес. — Тут чертовски большой список гостей. Любой начинающий шеф-повар хотел бы включить это в свое резюме. Я удивлен, что они не подрались.

— О, они подрались, — сказал Шон. — Как только они поняли, что есть только две вакансии, произошла захватывающая драка. Эти двое — победители.

Тура выглядела так, словно и мухи не обидит. Внешний вид может быть очень обманчив.

Шеф Адри также прислал специалиста по сервировке из своего личного ресторана, васкебьёрна, которая, в отличие от прозвища своего вида среди хранителей, совсем не походила на енота, за исключением рук. Она выглядела как диковинная, но совершенно очаровательная помесь лисицы, белки и обезьяны с коротким золотистым мехом, и ее сноровке не было равных. Ее звали Капелька, и они с Орро уже успели дважды повздорить. Он попытался запугать ее, раздувая свои иглы, а она врезала ему по носу кондитерским мешком.

Мы прошли на кухню и вышли в одну из столовых зон. Всего мы с Шоном построили их три: одну, достаточно большую, чтобы вместить всех гостей, и две пространством поменьше. Это место мы называли Океанским обеденным залом. Это была большая прямоугольная комната. Три ее стены были из бледно-кремового камня, со вкусом украшенные резным рельефом вдоль потолка. Четвертая стена выходила на террасу, с которой открывался вид на чужеземные воды, бесконечный мелководный океан с водой цвета темно-оранжевого меда под пурпурным небом.

— Колинда? — Мистер Родригес разглядывал зазубренные серо-голубые горы на горизонте, торчащие из воды, словно плавники какого-то огромного чудовища. — Интересный выбор.

— Это напоминание, — сказал Шон. — Мы можем вышвырнуть их в это море в любой момент.

Тони заулыбался.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Я выбрала ближайший столик, и мы заняли места. Стул подогнулся под мое тело, приняв его вес. Так хотелось вздремнуть.

Ближайшая стена раздвинулась, и гостиница поставила на стол блюдо с маленькими разноцветными закусками, четыре стакана и кувшин чая со льдом. Орро никогда не позволил бы посетителю остаться голодным.

Тони положил себе крошечный изумрудно-зеленый пончик и принялся жевать с явным удовольствием.

— Вы здесь для того, чтобы сказать нам прекратить? — спросила я.

Мистер Родригес испустил глубокий родительский вздох.

— Нет.

Ох, хорошо.

— Если бы жизнь Уилмоса не стояла на кону, вы бы все равно провели это мероприятие? — спросил мистер Родригес.

— Нет, — выпалили мы с Шоном одновременно.

— Хорошо, — кивнул мистер Родригес.

Нам пришлось рассказать им об Уилмосе и искаженном ад-але. Я показала мистеру Родригесу запись с камер, когда запрашивала разрешения.

— Мы не пытаемся сделать себе имя, — сказала я. — Ни один здравомыслящий хранитель не захотел бы принимать у себя такое.

— Ты себе даже не представляешь, насколько ты права, — сказал мистер Родригес. — Ассамблее очень неуютно из-за всего этого.

— Это не амбиции, — сказал Шон. — Это необходимость. — Он посмотрел на Тони. — Ты сможешь выжить на Карроне?

Тони прекратил жевать и задумался.

— Возможно.

— Вот вам и ответ, — сказал Шон. — Если им так неуютно, они могут послать какого-нибудь ад-ала в Каррон, чтобы выяснить, почему их искаженные версии бегают повсюду и похищают людей.

— Ты же знаешь, что мы не можем этого сделать, — заметил мистер Родригес. — Наша сфера влияния ограничена Землёй.

Договор, гарантировавший особый статус Земли, был очень специфичным. Юрисдикция ад-ала прекращалась сразу за пределами Солнечной системы. В очень редких случаях они выслеживали преступника, но в большинстве случаев, даже если те устраивали резню в гостинице и бежали после в большую галактику, ад-алы не преследовали их. Однако, если бы преступники осмелились вернуться, спасения не было бы.

— На всем этом чувствуются отпечатки пальцев Арбитров, — сказал мистер Родригес. — Арбитр имеет к этому какое-то отношение?

— Да, — сказала я.

— Это Джордж Камарин?

— Да, — снова кивнула я.

— Этот человек представляет угрозу. — Мистер Родригес покачал головой. — Вы двое уверены, что должны это делать? Ни одна другая гостиница на Земле не захотела бы принимать у себя такой бардак. Особенно учитывая вашу постоянную гостью.

— Мы уверены, — сказал Шон.

— Доминион знает о Калдении, — добавила я. — Они не видят в этом проблемы.

— Ваши разрешения утверждены в полном объеме, — сказал мистер Родригес.

— Никто не хочет оскорблять Доминион, — сказал Шон.

Тони кивнул.

— Ты понял.

— Мы повышаем ваш рейтинг до 3.5 звёзд, — продолжил мистер Родригес.

Я рассмеялась. Просто не смогла сдержаться. Это все от нервов.

Шон глянул на меня.

— Им слишком стыдно позволить Суверену поселиться в гостинице с 2.5 звёздами, — пояснил ему Тони.

— Мы принимали у себя дрифанского льежа во время пребывания по Договору, и они не подняли наш рейтинг, — выдавила я между смешками.

— Да, но вы двое также позволили гостю и сотруднику устроить грандиозную сцену на записи телешоу и чуть не раскрыли тот факт, что ваш шеф-повар — инопланетянин ростом семь футов, покрытый шипами, — сказал мистер Родригес. — Ассамблея все принимает во внимание.

Я засмеялась громче.

— У Ассамблеи есть два условия, — продолжил мистер Родригес. — Если ты на мгновение перестанешь хихикать, я тебе их озвучу. Во-первых, Тони останется здесь в своем официальном качестве, чтобы поддерживать вас.

Тони ухмыльнулся, поднял руку и согнул ее.

— И, во-вторых, если Суверен пострадает во время этого мероприятия, ваша гостиница будет конфискована.

Весь смех сразу вышел из меня.

Мистер Родригес наклонился вперед.

— Подумайте об этом основательно. Здесь нет места для переговоров. Каждый хранитель время от времени теряет гостя, независимо от того, насколько он хорош и сколько мер предосторожности предпринимает. Вы не можете потерять этого. Вы двое даже не знаете, жив ли еще Уилмос.

Я выпрямилась на стуле. Гостиница вокруг меня заскрипела, реагируя на перемену в моем настроении. Комната слегка наклонилась, поскольку вся «Гертруда Хант» ждала, как собака, заметившая незваного гостя и ожидающая команды.

Тони прекратил жевать.

— Дело не в Уилмосе, — каждое мое слово вибрировало магией. — Гостиница — наше владение. Если мы не можем обезопасить своих гостей, мы её не заслуживаем.

Мистер Родригес улыбнулся.

— Именно такой ответ я и ожидал.

Глава 8

Когда мы в последний раз покидали гостиницу, в ней шел масштабный ремонт, были получены разрешения на принятие запрещенных видов, Ассамблея (наконец-то!) соизволила повысить рейтинг «Гертруды Хант», и наши любезные хранители готовились к инспекции. Давайте заглянем внутрь.

Доминион Семи Звезд распространялся на девять звездных систем, в пяти из которых было более одной пригодной для жизни планеты. Доминион был могущественной силой. Их экономика была крепкой, научные исследования и разработки хорошо финансировались, а вооруженные силы были дисциплинированными, обученными и оснащенными. Если бы они когда-нибудь захватили нашу Солнечную систему, в течение трехсот лет Марс был бы терраформирован, Меркурий и Венера стояли бы в очереди за ним, а Луна стала бы огромной колонией.

Доминион включал в себя четыре основных вида существ, причем человекоподобный сислаф обладал большинством в 67 %. Сислафы были выше людей и стройнее, с квадратными лицами с широкими скулами, впалыми щеками и четко очерченными линиями подбородка. Человеческая кожа начинала терять эластичность после того, как нам исполнялось 20 лет, но эта потеря была незначительной. У нас появлялись морщины и изменение цвета кожи из — за разных факторов — воздействия солнца, загрязнения окружающей среды, употребления табака. Сислафы давным-давно преодолели этот внешний урон. Они старели медленнее и вообще не выглядели такими изношенными, как мы.

Мужчине, вышедшему из портала, вероятно, было за восемьдесят, что являлось средним возрастом для сислафа, но он мог бы также сойти и за сорокалетнего, который хорошо заботится о себе. Его полуприкрытые глаза были слишком зелеными, линия подбородка — слишком острой, а черты лица — слишком симметричными, но в целом различия между нашими двумя видами были незначительными. Если бы вы встретили его мимоходом, то подумали бы, что он знаменитость, которая немного переборщила с пластической хирургией. За исключением его кожи, которая была ровного темно-коричневого цвета со слишком большим количеством серого оттенка, чтобы позволить ему сойти за местного жителя.

Он ступил на полированный пол зала прибытия и остановился. Он был семи футов ростом и казался еще выше из-за асимметричного серого головного убора, который выступал на полфута над его левым ухом. Серо-белая мантия облегла его худощавую фигуру, стянутая на талии широким черным поясом. Его волосы были черными и коротко подстриженными.

Канцлер Ресвен, правая рука Суверена по «всем делам, связанным с местом жительства и семьей».

Портал засверкал золотом, и через него прошла женщина. Также семи футов ростом, она была шире в плечах, с мощным телосложением и особенно ровной кожей. Цвет ее кожи компания «Бер Пэйнт»^[8] назвала бы «серый цвет костра». Прошлой ночью я подкрасила колонны в павильоне Суверена именно в этот оттенок. Ее платиново-белые волосы были короткими и густыми, а кобальтово-голубая высокотехнологичная броня сидела на ней как влитая. Никакого оружия, высокие сапоги и многослойный темно-синий с белым плащ, явно скорее церемониальный, чем функциональный, ниспадал с ее левого плеча изящными

складками.

Это была бы отличная складка для штор. Мне нужно было позже не забыть пометить кадры, которые записала гостиница.

Посетители направились ко мне. Ресвен шел с присущей сислафу плавностью, но дама-боевик практически маршировала. В ней текла какая-то другая кровь, кроме сислафа. Подозрительно повеяло Святой Анократией. Сислафы относились к своему генотипу как к шаблону, который нужно было переделывать и модифицировать в течение нескольких поколений.

Шон поднялся с пола рядом со мной. На нем была темно-синяя мантия и его «деловое» лицо. Ничто в выражении его лица не выглядело особенно угрожающим. Вы просто каким-то шестым чувством знали, что раздражать его — ужасная и потенциально болезненная идея.

Ресвен моргнул. Дама-боевик, казалось, не была обеспокоена. Должно быть, она и раньше останавливалась в гостиницах.

— Приветствую вас, — сказала я им.

— Приветствую вас, хранители. Я столичный префект Миралитт, — представилась женщина. — Это канцлер Ресвен.

Суверен послал как своего канцлера, так и главу своей личной охраны.

— Мы встречались, — сухо сказал Ресвен.

Технически, мы взаимодействовали через экран связи, так что на самом деле мы не встречались, но я не стала его поправлять.

— Добро пожаловать в «Гертруду Хант», — сказал Шон.

Ресвен оглядел зал прибытия. Большая куполообразная комната, инкрустированная выветрившимся коричневым камнем, вмещала порталное кольцо, выращенное «Гертрудой Хант» из полосчатого дерева и ничего больше. Восемь арочных дверных проемов вели в отдельные коридоры, ответвляющиеся в глубь гостиницы.

Обычно размещение портала внутри гостиницы не было возможным из-за соображений безопасности. Ни один достойный хранитель гостиницы не позволил бы случайным гостям телепортироваться в гостиницу. Но в данном случае нам пришлось сделать исключение. О том, чтобы три сотни существ, некоторые из которых явно не были людьми, толпились на нашем заднем дворе, не могло быть и речи. Это заняло бы слишком много времени, привлекло бы слишком много внимания, и ни Шон, ни я не хотели добавлять к нашему списку еще проблем. Мы бы затащили всех в гостиницу единой огромной процессией и закрыли портал.

— Это выглядит... основательно, — сказал Ресвен.

Миралитт на долю секунды подняла глаза.

— Это выглядит стратегически обоснованным. Негде спрятаться. По одной группе за раз?

Шон кивнул. Это был простой план — мы приветствуем каждую делегацию и провожаем их по соответствующему коридору в их покои, запечатав их за ними.

— Сколько времени вам нужно между группами? — спросила она.

— Пятнадцать минут было бы идеально, — ответила я ей.

— Мы можем предложить более лучшие условия, — сказала она. — Я могу дать вам час между каждой вечеринкой.

— Это было бы очень ценно. Пожалуйста, следуйте за мной, — сказала я им.

Мы двинулись через зал к главной двери.

— Почему камень? — спросил Ресвен. — Почему именно этот оттенок?

— Потому что это радикально отличается от всего, что можно найти в столице, — объяснила я. — Это сразу же убедит гостей в том, что переход произошел, в то время как его предполагаемый возраст вызовет определенное уважение.

— Сколько ему лет? — спросил Ресвен.

— Я создал его вчера, — ответил ему Шон.

Мы вошли в каменный коридор. Крошечные созвездия огней вспыхивали при нашем приближении, освещая нам путь.

— Суверен очень разборчив, когда дело доходит до его размещения, — сказал Ресвен. — Утонченность. Изысканность. Величие. Таковы ключевые концепции дизайна столицы. Вы уже познакомились с леди Вексин Дион-Диан?

— Да, — сказала я. Леди Вексин была одной из кандидаток в супруги.

Ресвен повернулся ко мне и сделал паузу, чтобы я поняла всю серьезность того, что он собирался сказать.

— Так вот не так!

— Леди Вексин — свободный дух, — сказала Миралитт.

— Она — агент хаоса и энтропии, — сказал Ресвен. — У этой женщины нет ни приличий, ни такта, ни сдержанности.

— Насколько я понимаю, леди Вексин спонсируется одним из Храмов кластера Белой Розы, — сказал Шон. — Которого из них?

— Разве этого не было в резюме? — спросил Ресвен.

— Нет.

— Ее спонсирует Храм Желания, — сказала Миралитт.

На лице Шона ничего не изменилось, но я знала его лучше, чем они. Имя храма было важным, и оно явно что-то значило для него.

— Тема должна быть посвящена элегантной роскоши, — сказал Ресвен. — Изящной, сдержанной, со вкусом подобранной, совсем не показной, но и не дешевой. Не ярче варварских украшений отрокаров, не тусклее или не пропитанное кровью, как то, что предпочитает Святая Анократия...

Я бросила быстрый взгляд на Миралитт. Ее верхняя губа слегка приподнялась, обнажив клык. Да, кровь вампира.

— Ничего кричащего. Ничего вульгарного. Ничего...

Мы вошли в главный бальный зал. Пол был нежно-кремового цвета с легким блеском. В тот же оттенок были окрашены стены, и на этом фоне серебряные геометрические узоры поднимались и извивались в фирменной мозаике Доминиона, подчеркнутой каплями золота и аквамарин в углах, будто призрак роскоши проплыл мимо и коснулся их своей призрачной рукой.

Высокие окна прерывали стены, их углы были четкими, проливая солнечный свет в пространство. Между ними, на высоте десяти футов, в квадратных кашпо росли виноградные лозы с листьями, вырезанными из бледно-зеленого хризоберилла. На виноградных лозах росли гроздья нежных золотистых цветов «Гертруды Хант», выполненных из бледного янтаря, и ягоды из золотистого жемчуга.

В дальнем конце зала возвышалась приподнятая прямоугольная платформа, на которую можно было подняться по пяти ступеням. На платформе стоял возвышенный трон,

асимметричное эргономичное кресло, выполненное из того же материала, что и пол и стены. Сквозь него проскальзывали золотые нити, и тут и там мерцали аквамариновые искорки. Трон выглядел так, словно вырос из самого зала, став его неподвижной частью.

Ресвен захлопнул рот.

— Это почти так, как если бы они знали, что делают, — сказала Миралитт.

— Домициль Солнца, — сказала я.

Шон пошевелил рукой. Пол и стены потемнели до более глубокого пурпурно-синего цвета, акцентируя внимание на геометрическом узоре. Астрономические символы Доминиона вспыхнули над тронем бледно-бирюзовым цветом. Светящееся созвездие из девяти звезд — точная копия самого Доминиона — спустилось с потолка, осветив зал мягким белым сиянием. Массивная пурпурная Луна столицы скользнула на потемневшее небо с левой стороны.

— Домициль Луны, — сказал Шон.

Миралитт тихо хлопнула в ладоши.

— Мое почтение.

— Вы слишком добры, — сказала я и повернулась к Ресвену.

Канцлер несколько секунд оглядывался по сторонам. Его взгляд встретился с моим.

— Я полагаю, это подойдет, — сказал он.

ШОН ПОУДОБНЕЕ УСТРОИЛСЯ НА ДИВАНЕ И ВЫТЯНУЛ НОГИ, А ГОСТИНИ предусмотрительно вырастила пуфик под его ногами, прежде чем они успели коснуться пола.

— Ресвен будет занозой в заднице.

Я откинулась на мягкие подушки. Мы были в маленькой комнате отдыха, которую сделали рядом с большим бальным залом, чтобы нам не пришлось ходить слишком далеко. Она была обставлена диванами, которые казались облаками, и я любила их до безумия.

— Он управляет столичным дворцом, всеми его 2 миллионами квадратных футов. Быть занозой в заднице входит в его должностные обязанности.

Мои ноги гудели. Это была даже не боль, а какая-то странная пульсирующая вибрация. Я так устала.

— Я думал, что полувампирша пырнет его ножом, — сказал Шон и улыбнулся. — Это было бы забавно наблюдать.

— Ему даже в голову не приходило, что она может обидеться. — Я откинула голову на спинку дивана. — Сислафы убеждены, что их генетический материал изначально превосходит, не в фанатичном смысле, а в духе «он проявит себя, несмотря ни на что». Пока у вас есть, по крайней мере, 12,5 % крови сислафа, они считают вас сислафом. Оскорбление «полукровка» буквально отсутствует в их языке. Для Ресвена, Миралитт — сислаф. Ее вампирская кровь — это ценность, но с точки зрения ее лояльности и ее места в обществе, это не имеет значения. Если ты попытаешься доказать, что она такой же вампир, как и сислаф, ты просто не сможешь заставить его понять или принять это.

— Бегущая кровь та еще штука?

— Больше похоже на то, что кровь гуще воды, а для них кровь всех других видов — это вода. Ты прав, с Ресвеном будет трудно. Он профессионально педантичен и ненавидит сюрпризы. Пока мы можем уберечь его от шока, с нами все будет в порядке.

— Он был бы отличным 1-м сержантом.

— Поверю тебе на слово. В чем значение Храма Желания? — Я бросила на него косо́й взгляд. — Откуда ты знаешь о нем? Ты посещал Храм Желания? Было ли это то, что ты ожидал, и даже больше?

Он поднял руку, ладонью ко мне.

— Прости, ты хочешь мне предложить поговорить с рукой?

— Я выигрываю время, пока мой измученный мозг продумывает, как объяснить.

— Я подожду.

Кластер Белая роза в Кассиопее, также известный как ЭнДжиСи 7789 или Роза Каролины, украшает северную часть Млечного пути. Если смотреть с Земли, красивое, открытое скопление, примерно из трехсот солнц, напоминает розу — белый цветок с желтой каймой на лепестках. Он блистает разнообразием цивилизаций и знаменит своими Храмами — целыми лунами, которые посвящены поклонению вселенским аспектам. Храм Доброты, Храм Ярости, Храм Скорби... Храм Желания исследует именно это — стремление получить что-то недостижимое любой ценой. В этих стенах и садах, сислафы рассматривают свой генотип как шаблон, подлежащий переделке и модификации в течение нескольких поколений. Другие же размышляют о точной природе желания, было ли оно изначально эгоистичным, было ли оно простым и могло ли оно когда-либо быть чистым и бескорыстным.

Из всех желаний потребность в любви другого существа считается самой сильной и недостижимой. Стремление к власти, богатству и просветлению зависит в первую очередь от тех, кто за них берется. Их успех или неудача почти полностью зависят от них самих. Но никакая сила не может заставить другое существо полюбить вас по собственной воле.

— Это не публичный дом, — сказал Шон.

Я не выдержала и рассмеялась.

Он вздохнул.

— Прозвучало как-то неправильно.

— Я его посещала.

Шон сел ровнее и уставился на меня.

— Когда?

— Еще до нашей встречи, когда мы с Клаусом искали родителей. У меня были вопросы. Я была измотана и в отчаянии. Я провела там две недели, пока Клаус проверял соседние Храмы.

Маленький, дьявольский огонек засиял в глазах Шона.

— Было ли это то, что ты ожидала?

— Это было незабываемо.

— Потрудишься пояснить?

Я покачала головой.

— Ты все еще не рассказал мне, почему он так важен для тебя.

— Торговцы являются одними из наиболее щедрых спонсоров Храма, — сказал он.

В этом был смысл. Торговые кланы лис, которые управляли обширными финансовыми синдикатами, сами чего-то хотели и зарабатывали деньги, потакая желаниям других.

— Клан Нуан?

— Второй по величине спонсор.

Он должен был знать. Во время своего пребывания на Нексусе Шон был частью внутреннего круга Нуан Си. Хитрый маленький торговец никогда не планировал отпустить

Шона. Шон знал какие-то секреты клана, и тот был готов убить, чтобы они не вышли на свет.

— Думаешь, за леди Вексин стоит клан Нуан?

— Скажем так, я сильно подозреваю. Я узнаю больше, когда увижу ее. Если Нуан Си замешан в этом, нам нужно знать, на что он ставит.

— У клана Нуан есть деловые интересы в Доминионе?

— Нет. Это территория клана Сай. — Шон поморщился. — Меня это тревожит.

Торговые войны между торговыми кланами велись тайно с шокирующей жестокостью. Если назревала война между кланом Нуан и кланом Сай, мы не хотели в ней участвовать и не могли допустить, чтобы это произошло здесь, на наших глазах.

— Как обстоят дела с Калденией?

Я заткнула уши пальцами и постаралась как можно лучше сымитировать голос Ее Милости:

— Я не слушаю, я не слушаю!

— Что на нее нашло?

— Каким-то образом это стало связано не столько с попыткой мной предупредить ее, сколько с ее независимостью. Независимо от того, насколько комфортно мы стараемся ей все устроить, она никогда не забывает, что гостиница — это тюрьма, в которую она сама себя поместила.

— Она удерживает ее от смерти. Ну, от того, чтобы быть убитой.

— Верно. Но тюрьма — это все равно тюрьма. Я сдалась. Это либо обернется против нас, либо нет.

— Может быть. Все это, — он махнул рукой, указывая на все вокруг нас, — может обернуться против нас. Все это может закончиться гигантским дерьмовым шоу.

— Сожаления?

Он покачал головой.

— Я знаю, почему я это делаю. Я просто хочу сказать тебе, как много для меня значит, что ты, зная все это, все еще это делаешь.

Я встала и села рядом с ним.

— Я знаю.

Он обнял меня, и я положила голову ему на плечо. Из всех мест в галактике это было лучшим для меня.

В гостинице раздался звонок, возвещающий о входящем сообщении. Мы оба застонали в унисон.

Шон взмахом руки вызвал экран. На залитом солнечным светом Баха-чар, перед нами стоял мужчина. Он был невысокого роста, с почти невозможно широкими плечами и таким телосложением, которое обещало ошеломляющую силу. На нем была белая рубашка с широкими рукавами, темные брюки, высокие сапоги и короткий плащ, свисающий под углом с его широкой спины. Он оставил воротник рубашки расстегнутым, обнажив сегментированную белую броню космического десанта. Она облегла его, как вторая кожа, взбираясь вверх по толстой шее. Завершала ансамбль темная мушкетерская шляпа с огромным пером, белым у основания и переходящим то в желтый, то в красный, то в зеленый цвет. Он нес огромное ружье, которое покоилось у него на плече, как зубочистка.

Мужчина приподнял пальцами поля шляпы. Серебряные глаза смотрели на нас с загорелого лица с тяжелой челюстью, которую обычно можно увидеть у седых вампиров

мужского пола. Он пошевелил своими черными, как смоль, бровями и ухмыльнулся, обнажив зазубренные зубы. Эффект был немного устрашающим.

— Гастон!

— Во плоти, — заверил он меня.

У Джорджа было два человека, которые прикрывали ему спину. Его брат Джек был первым, а Гастон — вторым. Все трое были завербованы Арбитрами из карманного измерения, где существовала альтернативная Земля со своими собственными магическими правилами. Я однажды побывала там. Мы с Джорджем пробрались в его родной мир, чтобы пригласить четвертого члена их ударной команды, Софи, присоединиться к ним. Гастон был не совсем человеком. Я так до конца и не поняла, кем именно он был, но он был умен и смертоносен в бою. Он также был самопровозглашенным экспертом по «надувательствам».

— Я пришел помочь всем, чем могу, — сказал Гастон.

— Где Джордж? — спросил Шон.

Мы оба предполагали, что Джордж, по крайней мере, будет присутствовать для наблюдения. Если удалить из этого уравнения Джорджа, он истечет чистой интригой, и вся эта история станет для него неотразимой.

— Джордж не сможет присутствовать, поэтому он шлет свои сожаления и меня. — Гастон подмигнул.

— Я думала, он уладил свои дела с валккинианцами. — Я указала ему верный путь к победе.

— Ага, уладил. Но дело не в валккинианцах, а в его жене.

— В ком? — выпалили мы с Шоном одновременно.

— В его супруге. В его, несомненно, лучшей половине. Можно я приду и расскажу все подробно? За кружкой пива и с чем-нибудь перекусить? Я мчался сюда через всю галактику, не имея ничего, что могло бы поддержать меня в пути. Тем не менее, как бы мне не хотелось попасть внутрь, я должен предупредить вас, что с крыши за мной наблюдает женщина-оборотень. Я вполне уверен, что она набросится на тебя, как только ты откроешь дверь. Предупрежден — значит вооружен. Пожалуйста, придите и заберите меня при первой же возможности.

Когда мы в последний раз покидали гостиницу, ее новый великолепный декор прошел критическую проверку Доминиона. Любезные помощники собираются вокруг наших героев в трудную минуту.

И кое-кто сделал из Джорджа честного человека! Велика вселенная и чудеса в ней!

Наблюдать, как Гастон ест, было все равно, что созерцать религиозную церемонию.

Он отрезал маленький кусочек утиной ножки, орудуя вилкой и ножом с виртуозностью концертного пианиста, опустил его в рот и прожевал, прикрыв глаза. Позади Шона, сидевшего слева от него, весь кухонный персонал замер, затаив дыхание, включая самого Орро.

— Божественно, — наконец, провозгласил Гастон. — Это многослойная симфония. Мясо тает во рту, нежное, но с приятной текстурой, корочка хрустящая, но тончайшая, просто ода всему, что можно назвать аппетитным. Нотки тмина едва ощутимы, привкус чеснока практически масляный в своей гладкости, и я почувствовал что-то еще, нечто взвездное. Возможно, толику травы корран? Весеннего урожая, не осеннего.

Шипы Орро слегка вздрогнули. Если бы он был котом, то замурчал.

— Именно.

— Это не просто блюдо. Это воспоминание. — Гастон улыбнулся, обнажив зазубренные зубы. — Я буду дорожить им, мой друг.

Орро коротко кивнул, и повара разошлись.

Некоторые существа рассматривали пищу как топливо, некоторые наслаждались ею, а другие были похожи на Гастона. Не просто поклонники, а знатоки. Каким-то образом повара могли распознавать их каким-то скрытым шестым чувством и оказывали им особое отношение. Гастон был частью свиты Джорджа во время Мирного саммита, который положил конец войне на Нексусе и контракту Шона с кланом Нуан. Тогда они с Орро и образовали симбиотическую связь. В тот момент, когда я сказала Орро, что Шон пошел за ним, вся кухня переключилась в режим VIP-обслуживания. Гастону просто повезло, что любимая утка Орро, над которой он работал три дня, закончила готовиться.

Гастон отрезал еще кусочек, наколот ломтик картофеля, посыпанный зеленью, и с явным удовольствием принялся жевать.

— Может, нам оставить вас двоих наедине? — спросил Шон.

— Нет необходимости. Просто так трудно найти хорошее утиное конфи за пределами Солнечной системы. У меня было несколько вариаций на эту тему, но ни одна не может сравниться с этим.

Гастон потянулся за бокалом вина и сделал глоток.

— И, конечно же, сочетание с мальбеком идеально. Вам так повезло.

Мы сидели в Океанском обеденном зале с янтарными волнами плескающимися за балконом. После того, как мы закончили разговор, Шон пошел за Гастоном, а я отправилась сказать Орро, что сейчас прибудет его любимый гость. Шону потребовалось больше пятнадцати минут, чтобы вернуться, что дало Орро достаточно времени, чтобы разложить все по тарелкам и подать свой шедевр. Приведение Гастона должно было занять не более пяти минут, так что было очевидно, что произошла стычка с женщиной-оборотнем. Ни Шон,

ни Гастон не стали вдаваться в подробности по этому поводу.

— Полагаю, мне стоит начать, — сказал Гастон, промакивая губы салфеткой. — Видите ли, все это началось в детстве...

В гостинице зазвонил колокольчик. Еще один возвращающийся посетитель из Баха-чар.

— Придержи эту мысль. — Я встала и вышла из столовой.

Я свернула пространство, чтобы сэкономить время, и потянулась к двери, ведущей на галактический базар. Она распахнулась, открывая взору до боли милое существо. Он был чуть меньше четырех футов ростом, с песочного цвета шерстью, пушистым хвостом и с украшенным драгоценными камнями фартуком торговца. Он стоял на задних лапах, держа передние лапы перед собой. Он дернул своими рысьими ушками, отчего два золотых кольца в его левом ухе звякнули, широко раскрыл голубые глаза и протянул лапы.

— Дина!

— Нуан Коуки! — Я наклонилась и обняла его. Это было все равно, что приплюснуть самую пушистую лису в мире.

— Так официально, — сказал он.

— Ну, теперь я не могу называть тебя просто Куки. У тебя в ухе два кольца. — Продвижение Куки по служебной лестнице клана Нуан было не чем иным, как стремительным.

— Ты всегда можешь звать меня Куки, — сказал он. — Мне так нравится.

— Чем я могу быть тебе полезна?

Куки сощурил глаза в узкие щелочки.

— Я так давно вас не видел. Я соскучился по моим дорогим друзьям и пришел провести с вами время.

— Значит, клан Нуан желает расширить свой бизнес до сотрудничества с Доминионом Семи Звезд.

Глаза Куки шокировано расширились. Он прижал лапки к груди.

— Да разве мы могли бы, даже если бы захотели? Это территория клана Сай. Я просто нахожусь здесь в отпуске. Я слишком много работаю. Так тяжело.

Я наклонилась к нему и понизила голос.

— Ты превращаешься в своего дядю.

Он постучал себя по носу когтистым пальцем.

— Ты мне так льстишь. Неудивительно, что я хочу приехать и остаться с тобой.

Я чуть не умерла от умиления. Вот поэтому другие виды и недооценивали торговцев. Те знали, насколько они обворожительны, и пользовались этим с лихвой. Но каким бы милым ни выглядел Куки, внутри его пушистой груди билось безжалостное сердце торговца. Их вид был наемными убийцами и отравителями, и когда это было в их интересах, они убивали с нетривиальной жестокостью.

— Суверену не может быть причинен никакой вред. Если произойдет какой-либо досадный инцидент, даже узы дружбы не спасут виновную сторону. Я серьезно. Если Суверену причинят какой-нибудь вред, я потеряю гостиницу.

Лицо Куки стало серьезным.

— Я клянусь сердцем моей бабушки, что клан Нуан не причинит вреда Суверену.

Это была самая сильная клятва, которую мог дать торговец. Они почитали своих стариков и молились предкам.

Правила гостеприимства диктовали, что я принимаю любого гостя, который не был под

запретом. Более того, клан Нуан и наша семья были связаны не только бизнесом. Моя сестра была помолвлена с Арландом, маршалом Дома Крар.

Она с моей племянницей, Хелен, сейчас находилась на планете, принадлежащей Дому Крар, и несколько месяцев назад, во время попытки вторжения, Хелен, моя племянница, была отравлена. Она выжила благодаря тому, что Нуан Си дал ей противоядие. Наша семья была в долгу у клана Нуана, который мы никогда не могли надеяться погасить. Хотя я была уверена, что рано или поздно клан Нуан выставит за это свою цену.

— «Гертруда Хант» приглашает вас, distinguished торговец.

Я склонила голову и пригласила его взмахом руки.

— Мы приглашены! — воскликнул Куки.

Стая лис выбежала из-за угла. Они были всех форм и размеров, наряженные в вуали, несли вещи и толкали массивную антигравитационную тележку, доверху нагруженную сундуками и свертками. Один, два, три... семь, не считая Куки.

Лисы танцевали вокруг меня, размахивая лапками.

— Приветствуем тебя, distinguished хранительница!

— Ты пахнешь восхитительной уткой, distinguished хозяйка!

— Спасибо, что пригласила нас!

Куки ухмыльнулся мне.

Что ж, полагаю, этого следовало ожидать. Куки продвинулся в мире, а в торговых кланах продвижение по службе сопровождалось большими бюджетами и большим штатом.

Я расширила вход и вытащила из хранилища комнаты торговцев, которые создавала для саммита. Оставалась надежда, что я не пожалею об этом.

— ВИДИТЕ ЛИ, ВСЕ ЭТО НАЧАЛОСЬ В ДЕТСТВЕ. — ГАСТОН ОТХДЕБНУД ВИНА.

Мы снова были в Океанском обеденном зале за тем же столом, на тех же местах, с добавлением Куки, которого угостили порцией «восхитительной утки». Его команда устраивалась в комнатах и собиралась прийти отобедать позже. Как и все торговцы, Куки любил сплетни, а эти сплетни были слишком вкусными, чтобы их игнорировать.

— Все мы вышли из мира, где достаточно большое деление между знатью и простыми людьми. Братья Джордж и Джек родились в простой семье. Они потеряли своих родителей, когда были маленькими, и их воспитывала старшая сестра Роза. Они втроем познали настоящую бедность, когда ты знаешь точный баланс на своем банковском счете с точностью до доллара и можешь сказать, сколько мелочи у тебя в кармане, не проверяя.

У меня все было по-другому. Гостиница моих родителей была процветающей, и хотя мы с «Гертрудой Хант» пережили некоторые скудные времена, по-настоящему бедными мы никогда не были.

— В конце концов, Роза вышла замуж за красивого и богатого мужчину из благородной семьи, и обоим братьям автоматом досталась новая и прославленная фамилия Камарин. Джордж и Джек получили образование, соответствующее их новому статусу. Их личности очень разные, но как братья они похожи, и быть хамелеоном — их общая черта. Они прекрасно приспособились к своим новым ролям. Если бы вы не знали их историю, вы бы никогда не заподозрили, что эти двое — кто угодно, только не благородные принцы, один элегантный и красивый, а другой пресыщенный модой и мятежный. Вот что важно.

Куки моргнул.

— Очаровательно.

Он явно запоминал каждую крупницу информации.

— Софи на самом деле благородная. Ее дед был аристократом из соседней, противоборствующей страны, которого сослали в Трясину — ужасное болото, которое я кстати обожаю.

Шон нахмурился.

— Ты обожаешь болото?

— Это мой дом. Вы бы видели его, когда луна тихой ночью выскальзывает из-за облаков, когда распускаются ночные цветы и начинают светиться, когда ядовитые черви переливаются всеми цветами радуги, а гигантские рептилии, похожие на аллигаторов, поют. Так мирно.

— Станный ты человек, — сказал ему Шон.

— Я человек всего лишь на $\frac{3}{4}$, - поправил Гастон, — но я отвлекся. Софи на самом деле моя двоюродная сестра. Ее тетя — моя бабушка, что кажется неправильным, поскольку я старше Софи, но это правда.

— Это ерунда, — сказал Куки. — Я седьмой сын троюродного брата моего дяди.

Гастон одобритительно кивнул.

— Семейные узы важны. Мы приходим из очень большой семьи, богатой землей, бедной деньгами. Трясина — не самое приятное место. Когда Софи была маленькой, ее похитили работорговцы и неделю держали в яме. В голове Софи в яму попала маленькая девочка, а вышло оттуда чудовище.

А я и не догадывалась. Когда мы встретились, я почувствовала, что там что-то есть, что-то темное и болезненное, но такого не ожидала.

— Дело в том, что дедушка Софи сделал все возможное, чтобы воспитать ее и ее сестру как аристократок. Они получили образование, и они знали наследие своей семьи, но они также понимали, что навсегда останутся гнить в Трясине. В этом были все задатки одной из мощных трагедий. Но!

Гастон размашисто взмахнул своим бокалом.

— Они оказались вовлечены в международную политическую интригу. Люди были убиты, происходили несчастья, но праведные наказания были понесены благодаря подвигам личного героизма. Конечным результатом всей этой сложной неразберихи стало то, что вся наша семья переехала из Трясины. Сестра Софи вышла замуж за лучшего друга Деклана, а Софи и Джордж были представлены друг другу.

— Болотное чудовище и элегантный принц, — сказал Куки.

Гастон ухмыльнулся.

— Действительно. Не влюбиться означало бы нарушить фундаментальный закон существования. Намек на десятилетия тоски.

Он поднес руку ко лбу, явно изображая женщину.

— О нет, я сломленная убийца с проблемой доверия. Я не заслуживаю счастья.

Он хлопнул рукой по левому глазу, выражение его лица было мрачным и измученным.

— О нет, я некромант, который должен манипулировать всеми, оберегая их из-за детской травмы, а женщина, которую я люблю, которую я больше всего хочу оберегать, не позволяет мне заботиться о ней.

Куки хихикнул.

— Невероятное разочарование для всех участников, — сказал Гастон. — Джордж отказался сделать первый шаг и, принимая во внимание чувства Софи, он хотел, чтобы это

было ее решение. А она, в свою очередь, хотела, чтобы он бросился к ее ногам и отказался от своих профессиональных обязанностей играть в шахматы настоящими правителями и империями в качестве пешек. Так они никуда не продвинулись.

Это было похоже на какой-то дрянной любовный роман, за исключением того, что я знала всех вовлеченных.

— Я разочаровался в них, — признался Гастон. — А потом Джордж стал Арбитром и потащил всех нас за собой. Я прочитал ту замечательную книгу, которая называется «Три мушкетера». Все так и было, за исключением того, что нам не хватало нашего Д'Артаньяна. Я верю, что ты была там, когда Джордж соблазнял ее вернуться в команду.

— Была, — подтвердила я. — Это было что-то. Он произнес такую страстную речь.

Гастон улыбнулся.

— Он превосходен в этом. Я не знаю, что он сказал, но это сработало. Однако, как только Софи присоединилась к нам, она поняла, что ничего не изменилось. Джордж по-прежнему брал на себя ответственность за всех и вся, по-прежнему работал до изнеможения и по-прежнему манипулировал людьми и существами, за исключением того, что теперь он делал это в галактическом масштабе. Наша маленькая группа неудачников перешла в высшую лигу. Софи ушла от нас. Снова.

— Неужели? — Я и понятия не имела.

Гастон кивнул.

— Разбила сердце Джорджа. Я не думал, что он отойдет от этого, но каким-то образом он с этим справился и как всегда с головой ушел в работу. История там бы и закончилась, если бы не Рук Миноуди.

— Я думал, кто-то убил его, — сказал Шон.

— Не порти рассказ. — Гастон снова наполнил свой бокал. — Рук Миноуди правил процветающей планетой в центральной части галактики. Граждане планеты придают большое значение воинскому мастерству, особенно когда речь заходит об урегулировании личных конфликтов.

— Планета воинов! — воскликнул Куки. — Я слышал о них. Дядя когда-то вел с ними дела.

Я тоже слышала о них. Их планета называлась Харриблекс, и не все они были фехтовальщиками, хотя все они были мастерами боевых искусств той или иной дисциплины. Они были мучительно вежливы, когда останавливались в гостиницах, пока кто-нибудь смертельно не оскорблял их, наступая на их тень или еще какую-нибудь подобную ерунду, и тогда ничто не мешало им требовать удовлетворения.

— Управление Арбитров оскорбило Рука Миноуди, — сказал Гастон.

— Дай угадаю, он потребовал сатисфакции? — спросила я.

— Вот именно. Они пытались урезонить его и потерпели неудачу. Он отправил отряды наемных убийц отслеживать отдельных Арбитров и сумел убить парочку. Управление объявило, что тот, кто удовлетворит Рука Миноуди, получит право на единственную просьбу.

— О-о-о. — Куки широко раскрыл глаза и прижал уши назад.

— Вот именно, — сказал Гастон. — Очередь, чтобы ответить на вызов Рука Миноуди, была достаточно длинной, чтобы можно было обернуть ее вокруг планеты, фигурально выражаясь, конечно. Ему это нравилось, пока он продолжал убивать их одного за другим, Софи проникла в ряды его рыцарей, получила повышение до его личной охраны и бросила ему вызов в борьбе за трон перед всем его двором.

Гастон сделал паузу и медленно потягивал вино, наслаждаясь моментом во всей его драматичности.

Куки заерзал на сиденье.

— И что потом?

— Она победила. Они сделали ее своей королевой.

У меня было чувство, что я знала, к чему это приведет, и, судя по ухмылке на лице Шона, он тоже знал.

— Управление было у нее в долгу, и она потребовала свою награду. Они спросили ее, чего она хочет, и она сказала, что хочет Джорджа.

Шон рассмеялся.

Глаза Гастона сверкнули.

— Софи, наконец, решила перестать пытаться соответствовать ожиданиям других людей. Она знала, где находится ее счастье, поэтому протянула руку и схватила его. Она спросила согласия Джорджа, прежде чем требовать этого соглашения.

— И он согласился? — спросил Шон.

— С энтузиазмом. Управление не хотело отдавать Джорджа. Он гениален и прирожденный трудоголик. Они торговались в течение месяца. Были высказаны угрозы. Были сказаны такие вещи, как «Вы заказали Рука Миноуди, вот его голова, соблюдайте условия сделки, или я обижусь». Наконец, они пришли к соглашению. Джорджу разрешено работать четыре месяца в году.

— Подряд? — спросил Куки.

— Не обязательно. Он может делать ее по частям, но общая продолжительность не может превышать четырех месяцев. В остальное время он должен выполнять свои обязанности королевского супруга. Софи должна одобрить каждую работу, за которую он берется в качестве Арбитра, иначе он не сможет за нее взяться.

— О, милый космос, — пробормотала я. — И он не против этого?

— Ему это нравится, — сказал Гастон. — Она завоевала планету, чтобы выйти за него замуж. Это было доказательством, на которое он всегда надеялся, и теперь он может быть с ней все время. Джордж — сам себе злейший враг. Этот человек не знает, что такое баланс между работой и личной жизнью. Теперь он посвящает всю свою энергию человеку, которого любит больше всего, и он серьезно относится к своим супружеским обязанностям, как он относится ко всему. Перед моим отъездом Софи председательствовала на судебном процессе. Джордж рядом с ней читал книгу о воспитании детей. Обвиняемый, один из их лучших бойцов, бросил ему вызов. Джордж отложил книгу, за две секунды убил этого ветерана и сразу же вернулся к чтению. Ты же знаешь, он превосходный дуэлянт.

Шон покачал головой. Я знала, о чем он подумал. Такого рода договоренность никогда бы у нас не сработала, но мы не были Джорджем и Софи.

— Они поженились на смехотворно пышной церемонии около шести месяцев назад, — продолжил Гастон. — Они справились с первоначальными беспорядками, и теперь пытаются подтолкнуть планету к демократии, которой планета яростно сопротивляется. Это должно быть медленное, постепенное изменение, и они будут заняты в течение многих лет. Самое главное, что они счастливы. Они любят друг друга, но для них одной любви недостаточно. Должны быть четко определенные границы и взаимное уважение к ним. Джордж — умный человек. Он знает, что это его единственный шанс на счастье, и он не сделает ничего, чтобы поставить его под угрозу. И теперь вы понимаете, почему Джордж не

может быть здесь. Последняя работа, которую он выполнял, закончилась несколько дней назад, и он едва уложился в установленный Софи срок.

Теперь понятно, почему он не спал столько дней. Джордж пытался закончить дела до того, как закончится его время и ему придется вернуться к жене.

— И куда это приведет вас с Джеком? — спросил Шон.

— Джек где-то на Харриблексе, — ответил Гастон. — Он сказал мне, что впервые за много лет ему не нужно беспокоиться о Джордже или Софи. Я спросил его, чем он хочет заняться в свободное время, и он ответил, что купит дом в лесу, и ни с кем не будет видеться пару лет. Он утверждает, что это лучший отпуск, который у него может быть, и что он более чем заслужил его.

— А ты? — спросила я.

— Как говорится, кто-то же должен печь пончики. Я был шпионом, джентльменом удачи и время от времени наемным убийцей, а теперь я свободный агент. Джордж платит мне кругленькую сумму, чтобы я помог вам с этим делом. Как только с ним будет покончено, кто знает? Возможно, я открою магазин на Баха-чар рядом с тем старым оборотнем, которого мы все пытаемся спасти.

— Так ты здесь не в официальном качестве? — спросила я.

Гастон положил ладонь на стол.

— Дина, я здесь, чтобы помочь всем, чем смогу. Ваши цели — это мои цели. Ваши враги — мои враги. Скажите мне, как я могу помочь, и я сделаю все, что в моих силах.

Он встал и элегантно поклонился, взмахнув рукой в воздухе.

— Мои дорогие друзья, я к вашим услугам.

В предыдущей главе в гостинице вновь остановился преступно пушистый Нуан Куки, и мы получили представление о вкусностях, которые Орро готовит на своей новой кухне.

Но сегодня день прибытия нашего высокопоставленного холостяка, его свиты, кандидатов, претендующих на то, чтобы стать его парой, и наблюдателей со всех уголков вселенной.

«Гертруда Хант» — это то место, где нужно быть, так давайте еще раз зайдем внутрь.

Портал закружился бледно-зеленым.

— Поехали, — пробормотала я.

Это был день прибытия делегаций, и мы вчетвером вышли на встречу, выстроившись вокруг портала: мы с Шоном стояли спереди, Гастон слева, а Тони справа. Мы с Шоном надели наши мантии, Тони тоже выбрал простую коричневую мантию, а Гастон надел черные ботинки, черные брюки и черную пиратскую рубашку с черным высокотехнологичным баллистическим жилетом поверх нее. Жилет, который, должно быть, был сшит на заказ, чтобы соответствовать его мощному телосложению, сидел на нем как влитой и хорошо маскировался под модный аксессуар, будто не был ударопрочной броней. Тони спросил его, как называется его наряд, а Гастон ответил, что если ему нужно выглядеть угрожающим, то нет причин, по которым он не мог бы выглядеть таким вот лихим.

Из портала появился гигантский снежный шар. Умболы, как и ожидалось, согласно списку Миралитт.

Пузырь шириной в восемь футов скользнул вперед. Он располагался на богато украшенном основании высотой в два фута, снабженном экраном связи. Основание скрывало движущийся механизм и систему фильтрации, в то время как шар представлял собой гибкую сверхпрочную мембрану, содержащую точно откалиброванную воду, характерную для умбольских океанов.

За первым последовали остальные шары, в каждом из которых была неподвижная рыба длиной в четыре фута. Шары были темными и полупрозрачными, а существа внутри были просто очертаниями.

Мы ждали.

Умболы плохо справлялись с порталами. Они всегда впадали в кратковременную спячку во время транспортировки, и их шары нападали на любого, кто приближался.

Вся делегация из двадцати одного шара завершила переход.

Прошла минута.

Одновременно во всех шарах зажглись огни, что сделало мембраны прозрачными, осветив пассажиров. Умболы были всех цветов радуги. Они были покрыты блестящей чешуей, а их круглые головы с небольшим неправильным прикусом, большими глазами и ярко окрашенными усиками, похожими на усики улиток, придавали им уморительно комичное выражение. Бахрома щупалец, которые росли у них под подбородком и позволяли им орудовать инструментами, была втянута в их тела. Их невероятные спинные плавники, непропорционально большие, с ярко выраженными шипами, были прижаты.

Умболы открыли глаза, и наши взгляды встретились.

У всех новоприбывших приподнялись спинные плавники. Они переливались множеством цветов и вспыхивали биолюминесцентными искрами, пробегающими по шипам. Плавники прижались, со щелчком поднялись, прижались, поднялись, прижались, поднялись. Поднялись, затрепетали, сложились, со щелчком затрепетали, со щелчком...

Чем более возбужденными были умболы, тем быстрее они разговаривали своими плавниками, а прохождение через портал, должно быть, привело умбол в замешательство сверх их возможностей. Это было все равно, что попасть на психоделическую демонстрацию джазовых рук, просмотренную с десятикратной скоростью. Блоки перевода, встроенные в базы, изо всех сил пытались преобразовать стремительный хаос цветов и движений в слова, выплевывая тарабарщину на свои экраны. Экран, принадлежащий шару в крайнем левом углу, затрещал и потемнел. Небольшое облачко дыма выскочило с его края.

Я подняла руку. Широкая полоса тщательно окрашенной ткани, разделенная пластиковыми шипами, раскрылась надо мной, удерживаемая усиками «Гертруды Хант». Я прошла через последовательность сворачиваний и щелканий, уверяя всех, что течения были спокойными и свободными от хищников. Нам придется полагаться на экраны связи для чего-то более сложного, но приветствие видов в их собственной манере, как правило, успокаивало их. Этот маленький жест, имел большое значение.

Умболы затрепетали, замедляясь до несколько более спокойного бешенства.

Я отвела их в их апартаменты, которые состояли из множества неглубоких бассейнов, соединенных с более просторной средой обитания. Они немедленно образовали стаю вокруг своего кандидата, впечатляющего оранжевого экземпляра, и перестали мельтешить плавниками.

Следующими были донкамины. Я собралась с духом.

Для визуально развитых видов, зрение имеет решающее значение. Мы оцениваем все на глаз, начиная с пригодности потенциального партнера и заканчивая здоровьем нашего потомства. Мы отмечаем тон кожи, состояние глаз, редкость или густоту волос просто для того, чтобы не пропустить, если кто-то смертельно болен, и вовремя избежать его. Мы бессознательно проводим миллионы оценок, изучая друг друга, наших питомцев и других животных, потому что страх перед бешеной собакой с пеной у рта спасет нам жизнь.

К сожалению, наше восприятие ошибочно. Нашим глазам трудно различать незначительные кожные заболевания, такие как стригущий лишай и чума. Каждый год десяткам людей кажется, что они видят монстра вместо паршивого койота. То, что для глаз непривычно, часто пугает нас, потому что, когда у нашего рудиментарного биологического мозга не было системы координат, он интерпретировал все как опасность, просто чтобы держать нас в безопасности.

Донкамины отключили все существующие датчики визуальной сигнализации человека. Относительные новички на межзвездной сцене, они настойчиво пытались расширяться и отхватить свой собственный кусочек галактической недвижимости. Первые представители их вида посетили Землю примерно 200 лет назад. Городская легенда хранителей гласит, что первый хранитель, который открыл им дверь, бросил на них один взгляд и выпалил: «Не входить!»^[9] — так они и получили свое прозвище.

Портал закружился. Упорядоченная процессия из двадцати одного донкамина вошла в зал прибытия. Они были восьми футов ростом, безволосые, покрытые бледной перламутровой кожей, и безошибочно напоминали гуманоидов, хотя они даже не были млекопитающими. Их высокие, худые тела стояли вертикально на двух придатках,

напоминавших ноги. Их плечи очень резко были опущены вниз, словно их ключицы были сломаны и просто болтались. У них были две верхние конечности, длинные и довольно похожие на руки, и две кисти с семью очень костлявыми длинными пальцами без ногтей. Их круглые головы сидели на, казалось бы, человеческих шеях.

Я взглянула на Шона. Он застыл, как статуя.

Начнем с того, что донкамины были скудно одеты. Их одежда состояла из отрезков прозрачной ткани, стратегически завязанных в каком-то странном месте, которое они считали эстетически привлекательным. Затем бросались в глаза соски. Они были розовыми, невероятно человеческими и располагались в два ряда, спускаясь по груди донкамина до того места, где должен был находиться человеческий пах. Технически это не были соски, но они определенно выглядели соответствующим образом.

Сами грудные клетки казались деформированными, будто кто-то взял раковину гигантского трилобита и засунул ее внутрь тела донкамина, так что очертания выступали под кожей. Затем взгляд обращался к их лицам. У них были большие глаза, которыми могла бы гордиться любая сипуха. Их носовые отверстия были защищены уменьшенной версией панциря трилобита, а рты были очень широкими и безгубыми. Эффект был одновременно отвратительным и ужасающим, и это было даже не самое худшее.

Я сделала шаг вперед.

— Приветствую вас, Дети Серебряной Звезды. «Гертруда Хант» приветствует вас.

Ведущий донкамин открыл рот, выставляя на обозрение ярко-красную влажную полость, усеянную коническими зубами. Выступы на его груди скользнули, удлиняясь, и его шея вытянулась вперед дугой, покрывая восемь футов между нами, пока мы не оказались глаза в глаза. Его совиные глаза, не мигая, смотрели на меня.

Вот, это была худшая часть.

— Приветствуем тебя, хранительница, — сказал донкамин. — Мы довольны.

Я повела их в их комнаты. Технически, это была очередь Шона, но застыл, как статуя, и я взяла инициативу на себя.

Каи были следующими. Низкорослые существа из мира с высокой гравитацией, они были покрыты естественной броней из костных пластин. У них было шесть конечностей и странные, змееподобные морды с тремя выступающими нижними клыками и красивыми розовыми глазами. Они были первыми из нелюдей, кто привел кандидата, похожего на человека, худощавого красивого мужчину с шелковистыми голубыми волосами, золотистой кожей и розовыми радужками. Очевидно, произошла какая-то генетическая манипуляция. Кандидата звали Прайсен, и он безупречно говорил на всех трех языках Доминиона.

Строго говоря, человекоподобный кандидат не требовался для отбора пары. Значение имела только потенциальная генетическая совместимость, а также экономические и дипломатические выгоды, которые принесет союз. Тем не менее, наличие кандидата, похожего на человека, определенно помогало, что умболам и донкаминам еще предстояло выяснить.

Каи были очень формальным видом. Они поинтересовались моим здоровьем, здоровьем Шона, здоровьем наших родителей, братьев и сестер и сообщили нам об их здоровье и медицинских проблемах их родственников. Шон едва успел расселить их по номерам и вовремя вернуться.

Следующими были душегубы.

Портал наполнился светом. Из него выскользнула масса темных древесных корней.

Я постучала метлой.

Перед порталом разверзлась зияющая дыра. Две толстые ветви гостиницы вырвались из потолка, схватили извивающийся корневой клубок и дернули его из кружащегося света вниз, в дыру. Ветви деревьев, стволы и листва провалились в дыру, и пол восстановился сам собой. Душегубы благополучно оказались в своей подземной яме.

Одинокая девушка вышла из портала. Она была статной и очень бледной, с длинными золотистыми волосами, которые локонами спадали на плечи, и большими фиалковыми глазами. Элегантное платье облегалo ее фигуру, демонстрируя все стратегически нужные места.

Краем глаза я заметила, как Гастон поднял брови.

— Добро пожаловать, кандидатка Сибейт, — сказал Шон. — Ваша делегация уже находится в своих покоях. Я покажу вам вашу комнату.

Она мягко улыбнулась ему, и они вдвоем ушли, ее высокие каблуки мягко цокали по полу.

— Доверие — замечательная вещь, — сказал Тони, когда они оказались вне пределов слышимости.

Я кивнула.

— Верно. Поскольку она кандидат от душегубов, она, в конце концов, что-нибудь предпримет, а он сможет нейтрализовать ее быстрее, чем я.

Портал снова вспыхнул. Так скоро?

Свет закружился, и из него вышли два существа. Тот, что слева, был отрокарром, и к тому же знакомым. Высокий и худощавый, он держался с легкостью хищника на знакомой территории. Его кожа была темно-бронзовой, волосы темными, жесткими и короткими, и когда на них падал свет, они отливали ярко-красным. Он осмотрел зал острыми глазами, поразительно светло-зелеными на фоне его обожженной солнцем кожи.

В последний раз, когда я видела его, он носил полную броню Орды Сокращающей Надежду, комбинацию плетеной кожи и хитиновых костяных пластин, встроенных в сложную схему. Сегодня он поменял ее на более легкую космическую броню, сотканную из баллистического материала, которая выглядела как кожа, но защищала как усиленная сталь. Пояс с карманами охватывал его талию, поддерживая множество деревянных и костяных амулетов, свисающих с него. Золотой медальон в виде солнца с острыми лучами, усыпанного драгоценными камнями висел на кожаном шнурке у него на шее, идентифицируя его как эмиссара хана.

Теперь стало понятно, что стали прибывать наблюдатели. Миралитт на самом деле говорила, что они будут прибывать партиями между официальными делегациями. Одна из делегаций была из южного клана отрокар. Хан и ханум были северянами, а в Орде всегда существовала напряженность между севером и югом. Они послали своего сына посмотреть за процессом.

Посланник он или нет, но его нож все еще был с ним, длинное тонкое лезвие висело в ножнах на бедре. Он был смертельно опасен. Шону бы это просто понравилось.

Вторая явно была вампиром. Рыцари-вампиры жили в син-доспехах, снимая их только для самых интимных моментов в безопасности своих комнат, и она носила свои как вызов. Платье было в отличном состоянии, настолько черное, что поглощало свет, а длинный красный плащ придавал ему драматический вид. Она носила кровавый меч в ножнах на бедре. Грива каштановых волос ниспадала ей на плечи, неудобно скрывая герб дома на

груди. Ее лицо было красивым и каким-то знакомым, хотя я была уверена, что никогда не видела ее раньше.

Отрокар и вампирша уставились друг на друга, и я увидела точный момент, когда они оба поняли, что тот, кто первым заговорит, получит приветствие первым. Орда и Святая Анократия жили в мире, и их соперничество сидело в них занозой. Они одновременно открыли рты.

— Приветствую вас, почетные гости! — сказала я до того, как они решат оскорбиться и затеять драку.

Отрокар сориентировался на полсекунды раньше.

— Зимнего солнца Вам. Дина, так приятно снова видеть тебя.

Рыцарь-вампирша сжала рот, когда он бросил на нее торжествующий взгляд.

Да, мы раньше встречались и знаем друг друга. Не нужно было так указывать на это.

— Зимнего солнца и тебе, заместитель хана, Дагоркун. Как поживают твои отец и мать?

— С ханом и ханум все в порядке, — ответил мне Дагоркун. — Мама вспоминает о тебе с нежностью, и поручила мне доставить тебе этот чай. — Он достал маленькую богато украшенную коробочку.

— Для меня это большая честь. — Я склонила голову и позволила усику гостиницы подняться из пола и выхватить коробку из его рук.

Рыцарь-вампирша закатила глаза.

Я повернулась к ней.

— Приветствую...

— Не нужно формальностей, — сказала рыцарь-вампирша. — Меня зовут Альвина, леди Ренадра, командир авангарда Краара, Дочь Сорена и Аламид.

Лорда Сорена? Ой. Ох!

— Ты можешь называть меня Карат, — сказала она, вбивая каждое слово так, словно это был гвоздь в крышку гроба Дагоркуна. — Я двоюродная сестра Арланда и его любимая кузина, а также лучшая подруга твоей сестры.

Она вытащила маленький пакет из внутреннего кармана плаща.

— Леди Хелен прислала угощения для кошачьего создания. Она также послала тебе объятия и поцелуй, но тебе придется это представить. Я не собираюсь целоваться со случайными людьми.

Карат откинула волосы назад и торжествующе зашагала ко мне, оставив Дагоркуна позади.

ТРОННЫЙ ЗАЛ БЫЛ ПОЛОН. ГОСТИ ПЕРЕШЕПТЫВАЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ дюжине языков и обменивались неприязненными взглядами. «Гертруда Хант» была в состоянии повышенной готовности, готовая схватить любого, кто переступит черту.

Если бы я нарисовала тронный зал, он выглядел бы как узкий прямоугольник. В верхней части прямоугольника находилась массивная дверь, через которую все входили. Шон стоял рядом с ней, одетый в мантию хранителя и держащий копьё. В нижней части прямоугольника находилась тронная платформа, где расположилась я.

Большие экраны тянулись по периметру комнаты, расположенные там, где стены соприкасались с потолком, будучи наклоненными к зрителям. Рой маленьких мобильных камер, размером от грецкого ореха до сливы, носились над толпой. Мероприятие будет транслироваться по всему Доминиону. Шеф по связям с общественностью Суверена

установил передатчик с узким лучом, который фактически передавал данные из гостиницы через портал в Доминион, чтобы избежать какой-либо задержки. Я понятия не имела, что такая технология вообще существует. Стоимость, должно быть, была ошеломляющей.

Этикет Доминиона диктовал, что никто не мог сидеть выше Суверена. Мы решили эту проблему, подняв тронную платформу на высоту шести футов и сделав две галереи для сидения, по одной с каждой стороны от нее. Я наполнила галереи удобными богато украшенными сиденьями, расположенными в три ряда, разместила наблюдателей на галерее справа от меня и поставила там Гастона, чтобы все было спокойно.

Я бросила взгляд на галерею наблюдателей. Карат и Дагоркун сидели в первом ряду, между ними был Куки. Они оставили свободным место для Калденин слева от Карат. Ее Милость не торопилась. Я же хотела, чтобы она поторопилась.

Галерея слева от меня оставалась пустой. Она была зарезервирована для Святого Экклезиарха, его свиты и приближенных Суверена, за исключением Ресвена и Миралитт, у которых были свои собственные отведенные места.

Я оглядела комнату в поисках Шоно. Он все так же стоял на своем посту у дальней стены. Между нами находились 12 делегаций. Мы разделили их на два ряда, по 6 делегаций в ряду, каждая группа была отделена от других небольшой декоративной перегородкой. Мы поместили четыре наиболее взрывоопасные делегации первыми и последними в ряду, чтобы мы с Шоном могли внимательно следить за ними, а менее беспокойных делегатов распределили между ними.

В ряду прямо передо мной находились отрокары и Дом Меер.

Делегация отрокаров была справа от меня, одетая в традиционные отрокарские зеленые и южно-красные цвета. И северяне, и южане носили эти два цвета, и хотя зеленый был одного оттенка, южный красный был немного темнее и немного более фиолетовым. Моя мама называла северный оттенок мараскиновой вишней, а южный — красной вишней. Отрокарский подхан однажды величественно объяснил мне, что северный красный — это артериальная кровь, а южный — венозная кровь, что в принципе все, что нужно знать о них как о виде.

Отрокары биологически приспособляли свои тела к выбранной роли, начиная с полового созревания. Например, Дагоркун был генералом и стратегом. Он стремился к универсальности и балансу между скоростью, силой, размером и долговечностью. Большинство отрокарских дипломатов также были стратегами. Можно было бы ожидать, что большинство членов делегации отрокара будут выглядеть как Дагоркун, но только двое из них были в чем-то на него похожи.

Из 20 делегатов отрокара, исключая кандидата, шестеро были выше 7 футов ростом, с огромными плечами и массивной грудью, громилами, которые первыми бросались в бой, прорываясь сквозь авангард противника. Еще шестеро были худощавыми и быстрыми, вероятно, фехтовальщиками или другими бойцами ближнего боя, готовыми превратиться в слаженный стальной вихрь, способный на точную и быструю резню. Из оставшихся восьми, трое, вероятно, были стрелками, двое медиками, отмеченными длинными зелеными поясами, двое выглядели как Дагоркун, а последний отрокар был шаманом в церемониальном килте, с открытым торсом, гривой рубиновых волос, таких темных, что казались почти черными, и дюжиной тонких кожаных шнуров и цепей, обернутых вокруг его пояса, увешенных амулетами и мешочками.

Это была не дипломатическая делегация — это был военный отряд южных отрокар.

Даже два стратега выглядели готовыми к бою. Их кандидату, высокому, мощно сложенному воину, возможно, и не хватало массы громаилы, но он мог переломить, как пруттик, любого взрослого мужчину-человека. Он двигался как леопард, каждая мышца была идеальной, и то, как он смотрел на Дагоркуна, не предвещало ничего хорошего.

Делегация Святой Анократии слева от меня выглядела не менее угрожающе. Общество вампиров состояло из Домов, некоторые были большими, некоторые маленькими, каждый со своей собственной военной силой и территорией. Эта делегация прибыла из Дома Меер, агрессивного, грозного Дома с далеко идущими амбициями.

Дом Меер и Дом Крар, в котором моя сестра собиралась замуж, были на грани того, чтобы стать заклятыми врагами. За последние несколько лет Дом Крар набрал силу, а Дом Меер пытался удержать их в узде. Во время мирного саммита по Нексусу Дом Меер послал трех рыцарей сорвать мирные переговоры, и Шон, в своей роли Туран Адина, убил их примерно за две секунды, напугав всех до чертиков. Очень немногие люди знали об альтер-эго Шона, поэтому я не беспокоилась о том, что его узнают, но такая возможность все-таки приходила мне в голову.

Дом Меер не был фанатом людей, гостиниц или меня. Двадцать из них выглядели в своих син-доспехах как сплошная глыба тьмы. Их кандидатка, статная девушка-рыцарь с платиново-светлыми волосами и удивительно ровным оттенком кожи, характерным для вампиров, так много ухмылялась, что ее лицо рисковало вот так застыть.

Чем меньше возможностей мы давали Дому Меер и отрокам, тем лучше, именно поэтому мы поместили каев и умбол вторыми в ряду в качестве барьера между ними и всеми остальными.

Третьими в ряду были представлены две делегации с противоположных концов Доминиона Семи Звезд. У них также было давнее соперничество, и, по словам Миралитт они когда-то пытались атаковать друг друга. Нам нужно было немного ослабить их внимание, и Шон предложил поместить служителей Храма Желания в вуалях и донкаминов четвертым рядом. Гастон назвал эту стратегию «леденец для глаз и пугающий взор», и, похоже, она сработала.

Храму Желания не хватало здесь своей кандидатки. По словам их представителя, леди Вексин Дион-Диан почувствовала недомогание после перехода и вскоре присоединится к ним. Я видела ее лишь мельком. Она приехала в антигравитационном паланкине, скрытом за полупрозрачными занавесками, на целых пятнадцать минут раньше запланированного времени, и я прошла мимо ее процессии в коридоре, когда Шон вел их в комнаты. Ее слуги, как мужчины, так и женщины, также были окутаны мерцающей прозрачной тканью, которая колыхалась при малейшем дуновении ветерка, деликатно намекая на то, что под всеми этими тонкими, как паутина, слоями скрывались сексуальные тела и удивительная красота. Храм возвел навык внушения в ранг изящного искусства.

Пятыми в ряду, за Храмом и донкаминами, сидели отдаленно напоминающие кошек, хиггры, и элегантные гахеи, гуманоиды с кожей цвета янтаря и очень длинными темно-фиолетовыми волосами, доходившими им до колен. Из всех делегаций гахеи были самыми яркими. Они выглядели потрясающе красиво, двигались, как текущая вода, и говорили мелодичными голосами. Они также усовершенствовали псионическую войну и могли растопить разум сосредоточенной мыслью. Украшенные драгоценными камнями диадемы на их головах были не для украшения.

Последними в ряду были нарушителями спокойствия. Клювы-убийцы были справа,

ближе к Шону. Похожие на птиц, нелетающие, вооруженные огромными клювами и мощными когтистыми лапами, этот вид дал бы фору доисторическим ужасающим птицам Земли. У них была сильная тяга к добыче, и они убивали ради развлечения. Их название переводилось как клювы-убийцы, и они настояли на буквальном переводе, чтобы вся галактика узнала об их хищнической натуре. К счастью, они попытались вторгнуться к гахеям, которые были их непосредственными соседями в космосе. Клювы-убийцы осознали, что сфокусированная мысленная волна может сделать с их мозгами. Теперь они заботились о своих клювах и когтях.

Наконец, напротив клюв-убийц, находились душегубы, которые представляли собой темный клубок корней и ветвей, окутанных листвой, будто какой-то кошмарный лес волшебным образом вырос в углу комнаты. У них были большие листья, похожие на бегонию, пурпурные по краям и ярко-синие посередине, испещренные случайными узорами ярчайшего пепто-бисмоллово-розового цвета. Шон стоял напротив них, а Тони расположился сбоку, на случай, если они захотят что-нибудь вытворить. Прекрасная девушка, их кандидатка, восседала на большом корне душегуба, как какая-нибудь дриада.

Всего этого было чересчур. Разнообразие было ослепительным и сбивающим с толку, но в основном очень опасным и вызывающим тревогу.

Стена позади Шона раздвинулась, образовав туннель. Что он задумал?

Ох.

Огромная фигура волка появилась из туннеля и приземлилась рядом с Шоном. Шон опустил руку. Горвар понюхал его пальцы и потерся лохматой щекой о его руку.

У моих ног Чудовище издала тихое рычание, на случай, если огромный волк решит пробежаться через тронный зал и напасть на меня.

Прозвучал низкий звук трубы. Гастон прочистил горло, его голос, усиленный микрофоном, полился из скрытых динамиков. Нам нужен был церемониймейстер, и он с энтузиазмом вызвался добровольцем.

— Ее Милость, Калденция ка рет Магрэн, — объявил Гастон глубоким звучным голосом. Его галактический был превосходен и не нуждался в переводчике. — Летере Оливионе, Дистим Адроло, Та, кто управляет Судьбой, Свет полуночного Солнца.

Калденция вошла в комнату. На ней было великолепное вечернее платье темно-зеленого цвета, украшенное серебром и бледно-золотым. Изумрудная тиара венчала ее эффектную прическу. Ее макияж был безупречен.

В бальном зале воцарилась гробовая тишина.

Ее Милость сделала три шага вперед, когда ее глаза, наконец, заметили светящиеся символы Доминиона на сводчатом потолке над тронном. На долю секунды Калденция застыла. Это длилось всего мгновение, и я запечатлела этот момент в памяти, потому что, скорее всего, такое было первый и последний раз, когда я видела, как Ее Милость потеряла самообладание.

Наши взгляды встретились. *Я пыталась предупредить вас.*

Краткий миг шока закончился. Она скользнула вперед со спокойной улыбкой на лице.

Гастон пошел на перехват, приблизился к Калденции и отвесил ей изящный поклон. Она улыбнулась ему и положила пальцы на его предплечье. Гастон что-то пробормотал ей. Ее глаза сверкнули, и она съязвила что-то в ответ.

Что ты творишь? Быстро отведи ее на место. Мы же говорили об этом.

Разговоры возобновились, но с заметно меньшей громкостью. Никто понятия не имел,

что будет дальше, включая нас. Мне с Шоном были даны заверения, но никаких гарантий. Я защищу Калдению любой ценой.

Трубы издали торжествующее приветствие. У входа появился мужчина. Его элегантное белое одеяние облегло его высокую, мускулистую фигуру. Замысловатая вышивка слабо отсвечивала бледным золотом. Его кожа была самого темного оттенка черного, с шокирующим синим отливом, словно кто-то вырезал его из оникса и посыпал скулы сапфировой пудрой. Его волосы, подстриженные почти до щетины, были уложены с почти микроскопической точностью и сияли белизной, как завитки первого инея на окне. Его лицо было умным и вытянутым, темные глаза бездонными, и когда он вошел в комнату, не было никаких сомнений в том, что она и все, кто в ней находились, принадлежали ему.

Калдения снова застыла, ее глаза расширились.

— Его Превосходительство Косандион ка рет Маггран, — объявил Гастон рядом с ней. — Летеро Коливион, Дистим Арбиенто, Повелитель Доминиона Семи Звезд, Тот, кто неуязвим для Судьбы, Свет утреннего Солнца.

Пальцы Калдении на предплечье Гастона задрожали. Я так хотела избавить ее от этого, но она сделала это невозможным.

Косандион добрался до Калдении. Тишина была такая, что можно было услышать, как падает булавка.

— Моя дорогая тетя, — нараспев произнес Суверен, его голос был чистым баритоном, который без посторонней помощи разносился по всему залу. — Я не видел тебя с тех пор, как ты убила моего отца. Это было слишком давно.

Лицо Калдении превратилось в маску.

— Приветствую тебя, дорогой племянник. Ты хорошо выглядишь. Трон ждет тебя.

Косандион кивнул и поднялся по двенадцати ступеням к своему трону. Ресвен занял свое место у трона, а Миралитт расположилась справа от лестницы.

Гастон мягко подвел Калдению к ее месту.

Суверен воссел на своем троне. Светящиеся символы Доминиона над ним запульсировали золотым светом и снова стали светло-голубыми.

— Я надеюсь, что все отдохнули, — сказал Косандион, его тон свидетельствовал о том, что он не требует ответа. — Хорошо. Давайте начнем.

Косандион, Суверен Доминиона Семи Звезд, прибыл в гостиницу, чтобы начать выбор своей будущей пары. Ему помогают Ресвен, его канцлер, и Миралитт, глава службы безопасности. 12 кандидатов пришли к этому окончательному отбору. Теперь они должны представиться, чтобы напомнить всем, кто они такие и за что выступают.

Косандион был превосходным оратором. Его дикция была идеальной, его голос был модулирован так, чтобы разноситься по пространству, не звуча резко, но передавая нужное количество серьезности, чтобы подчеркнуть важность каждого слова.

— Мы все знаем, почему мы оказались здесь, но я повторю для протокола.

Для политиков Земли популярность была главным фактором, но это было еще не все. Многие люди занимали посты, основываясь на силе своей личности или жесткой позиции по определенному вопросу. Некоторых политиков иногда повсеместно не любили, но продолжали переизбирать по разным причинам. Для Доминиона привлекательность правителя была жизненно важна. Косандион знал этот факт лучше, чем кто-либо другой. Он поманил меня к себе, как только сел на трон, так что я стояла всего в паре футов от него. С такого расстояния сила его притягательной личности была слишком велика.

— Сегодня мы собрались в этом зале, чтобы выбрать мою будущую пару. После долгого и тщательного рассмотрения двенадцати кандидатов будет сделан окончательный выбор. Родитель моего будущего отпрыска находится среди вас.

На соседней галерее Святой Экклезиарх глубокомысленно закивал. Пожилой, с кожей цвета старого пергамента и замысловатым головным убором на лысой голове, духовный лидер Доминиона казался слишком хрупким для своего роскошного облачения. На нем была шелковая белая мантия и верхняя одежда, расшитая нитями цвета металлической латуни. Короткая, тщательно задрапированная накидка покрывала его плечи, доходя до середины груди, а глубокий вырез открывал высокий асимметричный воротник. На его шее висел прямоугольный медальон, украшенный драгоценными камнями, что указывало на его статус священнослужителя.

Он выглядел готовым упасть в обморок, и я наблюдала за ним в поисках каких-либо признаков обморока. Его помощники привели его вскоре после прибытия Косандиона, и ему потребовалось много времени, чтобы пересечь бальный зал к трону. В какой-то момент Косандион забеспокоился и спустился по лестнице, чтобы сопроводить его. Я предложила устроить Экклезиарха поудобнее в обычном помещении, откуда он мог наблюдать за происходящим, но он похлопал меня по руке и сказал, что это последний долг, который он может выполнить для Суверена, а он не из тех, кто отказывается от своих обязанностей.

— Появление ребенка в этой вселенной — серьезная и священная задача. Родительские обязательства гораздо глубже, чем простой вклад генетического материала. Родитель должен направлять, воспитывать и любить своих отпрысков, ставя их потребности выше своих собственных. Вот почему кандидат, который станет моей парой, должен будет прожить в Доминионе не менее двадцати пяти лет. В знак признания такого важного обязательства Доминион выполнит одну просьбу будущей пары или его спонсоров.

В этих словах и была суть сделки. Прежде чем участвовать в отборе пары, каждая делегация должна была обозначить свою второстепенную и главную просьбу. Доминион

обещал удовлетворить все второстепенные просьбы тех делегаций, что доберутся до финала, но только одна делегация получит положительный ответ на главную просьбу. Это и был главный приз. Весь этот процесс предоставил Доминиону возможность договориться о некоторых сделках, которые при других обстоятельствах они не смогли бы заключить. Некоторые делегации прошли в финал по чисто политическим причинам, которые не имели ничего общего с качествами их кандидата.

Мое внимание привлекло движение в дальнем конце комнаты. Душегубы становились все более взволнованными. Шон неприкрыто наблюдал за ними. И он, и Горвар устали на темный лес с почти одинаковыми выражениями, будто хотели кого-то укусить.

Оглядев зал, стало ясно, какие кандидаты считали, что у них есть шансы на победу. Большинство гуманоидов позаботились о том, чтобы соответствовать эстетике Доминиона, нарядившись в структурированную одежду со вкусом подобранных оттенков, где было много белого и изящной вышивки. Исключением были отрокары и кандидатка от вампиров в синдоспехах, но она все же потратила время, чтобы добавить кремовый плащ и украсить волосы большими белыми цветами.

— Давайте напомним тем, кто смотрит, о происхождении и преданности каждого существа. Мы начнем наше знакомство в случайном порядке, выбранном нашей хранительницей.

Это был намек на меня. Я постучала метлой. Участки пола под делегациями загорелись, бледное свечение переходило от группы к группе, пока не остановилось под гахеями. На самом деле это произошло не случайно, но никому не нужно было этого знать.

Грациозный гахей скользнул вперед, в открытое пространство между двумя рядами участников. Он не был худощавым, он был гибким, с длинными конечностями, идеальной янтарной кожей и лицом, которое было андрогинным в своей нежной красоте. На нем была стилизованная чешуйчатая кольчуга, темно-бордового цвета с белым акцентом, больше похожая на церемониальную одежду, чем на готовые к бою доспехи.

— Меня зовут Никати из Гахеи. Если меня выберут, я научу наших отпрысков красоте искусств, чтобы их душа могла достичь гармонии со вселенной.

Я снова включила свет и остановила его под каями. Прайсен двинулся вперед. На целый фут ниже Никати, он был одет в бледно-голубую мантию, стянутую на талии белым обручем. Его длинные голубые волосы струились по спине, а широкие рукава мантии были похожи на изящные крылья. Подражать гахею было непросто, но Прайсен держался со спокойным достоинством.

— Меня зовут Прайсен Ол. Если меня выберут, я буду любить нашего ребенка и делиться с ним учениями древних мастеров, логиков и философов, чтобы наши отпрыски стремились к пониманию и гармонии во всем.

Очевидно, что темой была гармония. Должно быть, им дали темы для представления.

Я перевела свет по кругу и позволила ему остановиться под душегубами. Их кандидатка спрыгнула с корня, на котором сидела, и вышла на открытое пространство, покачивая бедрами. Ее легкое и струящееся платье, казалось, держалось исключительно на полноте ее груди.

Душегубы были утонченными, как бульдозеры. Гуманоиды любят секс. Вот тебе секс, а теперь дай нам то, что мы хотим.

Девушка откинула волосы назад. Корни душегубов перестали колыхаться. Деревья-убийцы стояли совершенно неподвижно, ожидая, заглохнет ли добыча красивую приманку.

— Я Унесса Сибейт из... *Бууух шиии шиии буууух бум.*

И именно поэтому мы назвали их просто душегубами.

— Если меня выберут, я полностью посвящу себя обеспечению того, чтобы наши дети были зачаты в любви и заботе...

Ну-и-ну, и?

— ... и я взращу их, чтобы они задушили своих врагов прежде, чем у них появится шанс пустить корни.

Ну вот.

— В гармонии, — торжествующе заключила Унесса.

— Гармоничное удушение, — пробормотал Косандион себе под нос. — Конечно.

Кандидатка от вампиров изобразила на лице более мягкую версию усмешки.

— Я Бестата из Дома Меер.

Все придерживались краткого изложения и старались, чтобы представления были простыми. В другом случае она бы выдала список титулов и боевых почестей длиной в милю.

— Если меня выберут, я буду воспитывать нашего ребенка в лучших традициях моего Дома. Я сделаю нашего ребенка сильным, властным, решительным, искусным в боевых искусствах...

Двери распахнулись, и в огромном дверном проеме появилась леди Вексин. Она была ростом всего пять футов, и вся была завернута в блестящее золотое платье и украшена драгоценностями, словно кто-то взял 5-галлонное ведро с драгоценностями, бросил их в нее, и большая часть прилипла.

Она была не просто пухленькой, она была соблазнительной пышкой, с большой полной грудью, круглой упругой попкой и мягким животиком. Ее естественно бледная кожа была загорелой до сияющего загара. Ее длинные темно-каштановые волосы были собраны на макушке в замысловатый хвост, который ниспадал завитыми прядями на плечи. Спереди на ее голове красовался массивный головной убор, стратегически продетый в конский хвост. Он был похож на дерево из чистого золота, с ветвей которого свисали рубиновые цветы, а на них сидели крошечные, украшенные драгоценными камнями птички. Вся эта конструкция добавляла почти три фута к росту.

Она открыла большие темные глаза так широко, как только могла, и громко заявила:

— Ваше Величество!!!

Ресвен позеленел.

Косандион остался невозмутимым.

— Леди Вексин, как приятно видеть вас с нами.

— Вы не дождалась меня, Ваше Величество. Я опоздала? — Она прижала руку к своей пышной груди. На ее запястье звякнула дюжина тонких браслетов из всех драгоценных металлов, найденных в галактике.

— Совсем чуть. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам.

— Благодарю вас, Ваше Величество!

Она влетела в зал, каким-то образом удерживая золотой дуб на голове. Выход с подкатом Унессы был любительским, а это был мастер-класс. Это было гипнотически. Я ни за что не смогла бы такое повторить. Мне не только не хватало в бедрах, но и не было таких суставов и уверенности в себе.

Рядом сомной Косандион оперся локтем на подлокотник трона, подпер подбородок

рукой и очень старался казаться незаинтересованным. В галерее наблюдателей Гастон часто моргал. Тони немного наклонился, чтобы посмотреть, как она проходит, а Шон пристально смотрел ей в спину. Хе-хе.

— Шон, подними челюсть с пола, — пробормотала я с легкой улыбкой.

— Она очень хорошо движется.

— Я заметила.

— Нет, не в этом смысле. Эта штука у нее на голове из настоящего золота. Просканируй ее.

Я толкнула гостиницу. Леди Вексин несла пятьдесят два фунта на голове и тридцать пять на теле. А двигалась она, как невесомая бабочка. Она подошла к своей делегации с ослепительной улыбкой, и они окружили ее с явной радостью. Кто-то захлопал в ладоши. Кто-то взвизгнул высоким голосом.

Косандион дал им еще двадцать секунд, чтобы успокоиться, и повернулся к Бесате.

— Пожалуйста, продолжайте.

Она свирепо посмотрела на леди Вексин и выдавила:

— И гармоничным. В бою.

Косандион кивнул, и рыцарь-вампириша развернулась и потопала обратно к своему Дому.

Я стала двигать свет по кругу.

К галерее наблюдателей. Калдения сидела очень тихо, наблюдая за леди Вексин почти хищным взглядом, как орел, заметивший добычу. Карат притворялась, что ей скучно. Куки рядом с ней улыбался.

Я остановила белое пятно под отрокарами. Их кандидат вышел на открытое пространство. Он действительно был потрясающим примером хороших генов и целенаправленной физической подготовки. Идеальные, твердые мышцы обтягивали его крупное тело. Его широкие плечи натягивали хитиновую боевую броню.

— Я Суркар, сын Граста и Ульде, чемпион своего племени, Гутриппер, Проливающий кровь...

Вампиры закатили глаза. Дагоркун тоже. Очевидно, понимание настроения зала не входило в набор навыков Суркара.

— ... Крушитель костей. Я небезропотный. Когда меня выберут, я превращу нашего ребенка в боевую машину. Он будет пожирать кровавую жатву своих врагов, пока все, кто противостоит ему, не съедатся и не задрожат, боясь слишком громко закричать.

— Великолепно, — сказал Косандион с абсолютно невозмутимым лицом. — Спасибо тебе, сын Граста и Ульде. Давайте продолжим.

Я переключила свет на правую делегацию Доминиона. Нам еще предстояло пройти шесть групп.

ХИГГРЫ НЕ СТАЛИ ВЫСТАВЛЯТЬ ЧЕЛОВЕКА, КАК И ДОНКАМИНЫ, И УМБС
Их кандидатка была 3 фута ростом в холке, стояла на четырех лапах и была покрыта блестящим белым мехом с золотыми и серыми вкраплениями. Хотя ее рост соответствовал росту земного леопарда, ее телосложение было легче, а ноги длиннее. У нее была кошачья мордочка с большими золотистыми глазами, а ее кажущиеся нежными лапы с ловкими пальцами скрывали острые как бритва когти. Ее десны и язык были ярко-синего цвета, ее имя означало «цианид», и, как обычно, хиггры настаивали на буквальном переводе своих

имен. Цианид пообещала научить своих детей наблюдать за миром и выносить здравые суждения. В полной гармонии, конечно.

Следующими были донкамины, и я подтвердила свои подозрения. Донкамины пугали не только рожденных на Земле людей. Они *всех* пугали. Когда их кандидат вышел на открытое место, чтобы донести свое послание о научных исследованиях и гармонии, каждый гуманоид в комнате предпринял отважные усилия, чтобы не отвернуться.

Потом шла одна из делегаций Доминиона. Я начала называть их «Командой Улыбок» и «Командой Хмурых», основываясь на их выражениях, и эта была из «Улыбок». Их кандидатка была энергичной молодой женщиной, типичной гражданкой Доминиона с темно-серой кожей, большими серыми глазами и мягкими темно-серыми волосами, которые она уложила асимметричной волной. Судя по ее внешности, она могла бы быть племянницей Ресвена. Она смотрела на Косандиона с благоговейным обожанием, дважды упомянула единство и гармонию в четырех предложениях.

Далее шли клювы-убийцы. Их кандидатом был удивительно красивый коренастый мужчина с темно-бронзовой кожей и поразительными бледно-серебристыми глазами. Его темные волосы с проседью, были зачесаны назад асимметричной стрижкой, которая вызвала бы у художников манги приступы ревности. Его звали Пивор. Он много улыбался, произнеся речь о сотрудничестве между видами и гармонии, и вернулся на свое место, явно довольный хорошо проделанной работой.

Гуманоидная кожа представлялась во множестве различных вариаций, но обычно существовал предел яркости пигмента. Пивор выделялся, как одуванчик на зеленой лужайке. Это должно было быть результатом окрашивания, хотя зачем ему понадобилось краситься, можно было только догадываться.

Делегация Доминиона «Хмурых» представила необычную кандидатку. Она была высокой и мускулистой, как гимнастка, и двигалась с естественной грацией. Ее кожа была цвета глубочайшего индиго, глаза — черными, а блестящие темные волосы, заплетенные в сложную косу, венчали ее голову, как корона. Она была ума, как и мать Косандиона.

Крайне редко можно было встретить уму за пределами их мира.

Умы были открыты тысячу лет назад по земному времени одной из самых гнусных галактических наций. Пришельцы прибыли с подарками и сладкими речами, и прошло почти двадцать лет, прежде чем умы поняли, что им не помогают, а колонизируют. Захватчики сильно недооценили дух ум. Менее чем за столетие они были изгнаны с планеты, и умы закрыли свои двери для большинства галактических визитеров. Те немногие счастливики, которые были приглашены, рассказывали истории о прекрасном мире, населенном свирепыми людьми.

Кандидатка, которую звали Элленда, свирепо посмотрела на собравшихся. Ее речь попала в тему разговора, но ее тон казался почти вызывающим. Она упомянула прогресс и гармонию и с гордо поднятой головой направилась обратно к «Команде Хмурых».

Теперь настала очередь умбол. Их кандидат, рыба, выглядел так, словно кто-то нарисовал его огне. Он угостил нас бешеной демонстрацией джазовых плавников, что у их программного обеспечения для перевода явно начались проблемы.

— ... воспитать отпрысков, чтобы они стремились к безопасности и плавали так, чтобы не обливать биологическими жидкостями тех, кто находится за ними.

Верно. *Не мочиться на своих сограждан.*

— Спасибо вам, кандидат Оунд, за это освежающее определение гармонии, — сказал

Косандион. — Я полагаю, что у нас остался только один кандидат.

Леди Вексин выскользнула на открытое пространство и улыбнулась. В этой улыбке было что-то заразительное. Она заставляла хотеть улыбнуться в ответ.

Она слегка наклонилась вперед, отчего изящные птицы на золотых ветвях ее головного убора наклонились.

— Я должна сказать это сейчас, Ваше Величество?

— Да, — сказал Косандион.

Ресвен скрепил руки вместе, сжав, вероятно, чтобы удержаться от того, чтобы не ударить одной из них себя по лицу.

— Я леди Вексин из Храма Желания! — объявила она.

Мы ждали. Секунды тикали.

— Леди Вексин, не хотите ли вы рассказать нам, как бы вы воспитали наших детей? — подсказал Косандион.

Она улыбнулась шире, ее глаза были невинными и ясными, как ночное небо, освещенное звездным светом.

— Конечно. Я буду любить их больше всех на свете, Ваше Величество. Они будут в приоритете.

Косандиону потребовалось еще пять секунд, чтобы понять, что это все, что она собиралась сказать.

— Спасибо, леди Вексин.

Она неторопливо вернулась к своим людям, которые окружили ее шепотом поздравлениями.

— На этой ноте мы завершаем представление, — объявил Косандион. — Завтра мы соберемся для первого из заключительных испытаний. Хорошо отдохните.

Я взглянула на Гастона.

Он шагнул вперед.

— Мы смиренно просим вас присоединиться к нам за вечерней трапезой.

Я взмахнула рукой. Душегубы провалились сквозь пол в свою яму, где они нашли шесть свиных туш, плавающих в футе темной воды. Мы заранее спросили делегации, предпочитают ли они обедать публично или в частном порядке. У душегубов не было выбора.

Около половины делегаций предпочли ужинать в частном порядке. Остальных мы разделили между тремя столовыми залами. Я оказалась в Океанском обеденном зале, главным образом потому, что Косандион бросил взгляд на балкон, выходящий на море, и решил, что этот вид будет предпочтительным. Из двух других обеденных залов в одном открывался вид на наш фруктовый сад, где Шон в настоящее время был занят отрокарами и Храмом. Из третьего обеденного зала открывался прекрасный вид на Сатурн, и он был под присмотром Тони.

После того, как все это закончится, мне нужно будет подумать о том, как отблагодарить Тони. Без него все это было бы намного сложнее.

Суверен хотел поужинать в уединении, но при этом быть на виду, поэтому я отгородила часть балкона прозрачным звуконепроницаемым барьером и подключила его к Ресвену, чтобы по его просьбе настроить прозрачность барьера. Кроме него, в обеденном зале находились еще пять групп: Святой Экклезиарх со своей свитой, Дом Меер, «Команда Улыбок», гахеи и наблюдатели.

Все, казалось, были сосредоточены на еде, что было вполне ожидаемо, учитывая, кто ее

готовил. Я пару раз прошлась между столиками, чтобы убедиться, что все идет гладко, и встала у стены.

В «Команде Улыбок» все были расслабленными и смеющимися. Их кандидатка, та, что с благоговением смотрела на Косандиона во время церемонии, продолжала украдкой поглядывать на перегородку, вероятно, надеясь, что он посмотрит в ее сторону. Дом Меер ел так, словно находился на вражеской территории, наблюдая за всеми вокруг. В какой-то момент они достаточно расслабились, чтобы поговорить, что я сочла прогрессом. Гахеи демонстрировали невероятную ловкость за своим столом. Они ели с помощью четырех столовых приборов, держа их по два в каждой руке, и отрезали от еды крошечные кусочки, как команда хирургов-суперзвезд.

Святой Экклезиарх едва притронулся к своей тарелке. Вид у него был немного печальным.

Я подошла к его столу и тихо прошептала:

— Вам не нравится еда, Ваше святейшество?

— Ваше гостеприимство безупречно, — ответил он.

— Но?

Он посмотрел на свою тарелку с нежирной рыбой и овощами, разложенными с таким изяществом, что ее следовало бы сфотографировать для потомков.

— Это прекрасно, но, увы, я постарел.

Представители самых многочисленных видов Доминиона испытали снижение вкуса в последнее десятилетие жизни. Вкус никогда не исчезал полностью, но для них ароматы приглушались. Профили их блюд становились все острее и смелее, чтобы стимулировать их уставшие вкусовые рецепторы. Это знал любой галактический шеф-повар, не говоря уже о «Красном тесаке».

— Не беспокойтесь, — сказала я ему. — Я сейчас вернусь.

Я отошла к стене, создала вокруг себя прозрачный звуконепроницаемый барьер и установила экран на кухню.

— Орро?

Он появился на экране — надвигающаяся темная масса игл. Должно быть, там было неспокойно.

— Что происходит с едой Святого Экклезиарха?

Его шипы задрожали.

— Мне были даны особые диетические требования из-за ограничений по состоянию здоровья. — Его голос точно сказал мне, что он об этом думает.

— Его время подходит к концу, и мягкая пища ничего не изменит. У него осталось всего несколько приемов пищи. Я беру на себя всю ответственность.

Орро хлопнул своими когтистыми руками.

— Тогда я буду поражать!

— Дерзай.

Я опустила барьер. Пять минут спустя тарелка Святого Экклезиарха провалилась сквозь стол, и появилась новая тарелка, на которой была рыба, очищенная от чешуи, нарезанная на куски, собранная так, чтобы куски напоминали чешую, и вымоченная в густом темном бульоне. Легкий ветерок донес аромат специй. Пожилой мужчина откусил один кусочек и улыбнулся мне.

Кризис предотвращен.

Я снова прошла по залу. Дом Меер был примерно в середине трапезы. «Команда Улыбок» покончила с основным блюдом и перешла к своему обычному чаю и десерту, что означало, что они останутся на месте еще на полчаса. Половина наблюдателей уже ушла. За столом остались только Дагоркун, Куки, Карат и Томато. Томато был родом из республики, соседствующей с Доминионом. Он был покрыт зеленым мехом и немного походил на медведя. Его программное обеспечение для перевода сообщило ему, что его имя фонетически соответствует помидору, и по прибытии он заверил меня, что он не фрукт, не овощ или ягода.

Я проверила Калдению. Она была в одной из комнат терминала, получая доступ к базе данных новостей «Гертруды Хант». С ней был Гастон. Его миссия на сегодня состояла в том, чтобы стать ее хвостиком. Мне не нужны были сюрпризы.

Карат заметила, что я смотрю, и помахала мне рукой. Я подошла к их столику.

— Твоя сестра сказала, что ты предоставишь мне всю необходимую информацию.

Спасибо, Мод.

— Что я могу прояснить тебе?

Она посмотрела в сторону полупрозрачной перегородки, скрывавшей Косандиона и его компанию.

— Этот мужчина не кажется мне неразумным. Он знает, на ком собирается жениться. Зачем тогда нужен весь этот фарс?

Остальные трое наблюдателей уставились на меня с напряженным вниманием.

Объяснить происходящее потребует немного времени. Я оглядела обеденный зал. Вроде бы все спокойно. Я вызвала из-под пола стул и села.

— Для рейтингов.

Карат моргнула.

— Для рейтингов? Он их ранжирует?

— Не он. Весь Доминион. Все, что происходит, записывается и транслируется по всей их территории. Граждане наблюдают за происходящим и голосуют в знак одобрения или неодобрения.

— Они голосуют за симпатичную пару? — Карат подняла брови. — Зачем? Это не должно быть соревнованием в популярности. Он их Суверен. Это его выбор.

Попытка понять, как объяснить концепцию, чуждую большинству видов, оказалась на удивление трудной.

— Ты знакома с коллективным разумом блубаг? — спросила я.

Карат поморщилась.

— Они причиняют огромную боль.

— Это. — Томато взял несколько вишен со своей тарелки своими пугающе длинными когтями.

— Это, они — не имеет значения. — Карат пожала плечами.

— Нет, — сказал Дагоркун, — в этом суть.

— Доминион — это не коллективный разум, — сказала Карат. — Если бы это было так, не было бы необходимости в трансляции.

— Ты права, — сказала я. — Они не являются коллективным разумом, но они связаны. Это не телепатическая связь через интеллект. Это скорее *коллективное сопереживание*.

— Не улавливаю, — сказала Карат.

В этом я бы положила на Шона.

— Ты сражалась на Нексусе? — спросила я.

Она кивнула.

— Должно быть, в битве были времена, когда ваши силы сплачивались. Когда казалось, что все потеряно, но ты видела, как один-единственный рыцарь принимал вызов. Происходил акт храбрости, самопожертвования, демонстрация мужества, и внезапно настроение менялось, и те, кто раньше был подавлен, воодушевлялись. А потом вы бросались в атаку одной волной и чувствовали...

— Неудержимость, — закончила Карат.

— Возрождение, — добавил Дагоркун. — У нас есть для этого слово. Каусур. Коллективное мужество.

— Для граждан Доминиона это чувство распространяется за пределы поля боя. Это слабая связь, но она всегда активна. Несмотря на то, что в Доминионе проживают разные виды, каким-то образом все они чувствуют меру этого коллективного сопереживания. Через несколько лет его развивают и те, кто эмигрирует в Доминион. Существует даже праздник, отмечающий способность человека чувствовать коллективное настроение.

— Это ужасно. — Карат осушила свой бокал. — Я не хочу быть вовлеченной в чьи-либо чувства, кроме своих собственных. Мне не нравятся люди. Я не хочу любить то, что нравится им. Я делаю исключения для семьи, но бывают моменты, когда я едва могу терпеть даже их.

— Согласен, — сказал Дагоркун. — Когда я отдаю приказ, я не хочу знать, нравится ли он или согласны ли со мной. Мне просто нужно, чтобы он был выполнен.

Карат закивала головой.

— Как их армия не распадается под тяжестью всех этих чувств? Как они вообще сражаются?

— Очень хорошо, — сказал Томато. — Они дисциплинированная, сплоченная машина. Их моральный дух невозможно сломить.

— Когда они решают прибегнуть к насилию, это происходит потому, что подавляющее большинство из них считает это оправданным. Они едины в своей праведности, — сказала я.

— Но они остаются индивидуумами, — сказал Дагоркун. — Будет несогласие.

— Такое есть, и если инакомыслие станет слишком большим, те, кого оно объединяет, откажутся от дела, — сказала я. — Гражданские войны Доминиона — самые кровопролитные в галактике. Это не вопрос политики или интересов. Все они подпитываются эмоциями. Косандион — монарх, исполнительная власть государства. Их политика и законы принимаются им, но они диктуются законодательной, судебной и религиозной ветвями власти.

— Так что же произойдет, если Суверен станет непопулярным? — спросил Дагоркун.

— Сначала это вызовет коллективную тревогу, — сказала я. — Люди станут более раздражительными. Будет заметен рост общей грубости, недостатка терпения и непропорционально суровых реакций на мелкие неприятности. Жители Доминиона почувствуют недовольство среди своих сверстников и захотят отключиться от этих чувств, но выхода нет. Если позволить ситуации ухудшиться, количество срывов, связанных со стрессом, увеличится. Частота зачатий снизится, а выкидыши будут происходить чаще, потому что коллективное несчастье указывает на то, что сейчас неподходящее время для рождения ребенка, что активирует определенные биологические механизмы, снижающие рождаемость. Их коллективный иммунитет ослабнет, что сделает население уязвимым перед эпидемиями. На улицах вспыхнут драки, и число загулявших убийц резко возрастет.

Вампирша и отрок ар уставились на меня. Куки улыбнулся в усы. За все это время он не произнес ни слова. Он просто слушал.

— В конце концов, часть населения прибегнет к самообороне, и кто-то убьет Суверена, — закончила я.

Томато кивнул.

— Мы наблюдали, как такое происходит. То же самое относится и к Гегемонии Шести Звезд, сестринской империи Доминиона.

Впервые я увидела коллективную эмпатию Доминиона в действии, когда мне было шестнадцать. Я решила, что хочу поступить в колледж, и в то утро отправилась сдавать экзамены. Я заранее предупредила семью. Я запланировала это, и я заплатила за это. Все согласилось меня не трогать. Утро должно было быть тихим. В гостинице было около сотни гостей. Клаус и Майк отправились с папой на рыбалку. Мод и мама остались дома, держа оборону, и они совсем не нуждались в моей помощи.

Когда я закончила и снова включила телефон, у меня было три сообщения от мамы, в которых она просила меня вернуться домой как можно скорее. Я почувствовала некое раздражение. Моя семья относилась ко всем моим школьным увлечениям, как к хобби или причуде. То, чем я занималась, на их взгляд, не имело особого значения. Тем временем в школе каждый учитель и тренер безостановочно проповедовал колледж. Или ты идешь в колледж, или ты неудачник.

Я готовилась к этим экзаменам изо всех сил.

Когда я вернулась домой, то почувствовала маму в нашем саду, пошла туда, и когда я вышла на улицу, в мою тщательно ухоженную ботаническую страну чудес, я почувствовала ужасный горький запах гари. Мы принимали у себя большую группу из Доминиона и Гегемонии Шести Звезд. Они были большой семьей, отправившейся на экскурсию, чтобы отпраздновать свое воссоединение. В то утро, когда я сдавала экзамены, они подожгли свои волосы и одежду.

Я шла по саду среди стонущих и рыдающих людей, измазанных пеплом. Некоторые из них впали в кататонию, раскачивались взад-вперед, пока не нашла маму. Мама могла справиться с любой чрезвычайной ситуацией, которую вселенная выбирала для нее, но в то утро она стояла там с остекленевшими глазами, не в силах прекратить их страдания.

Это был тот день, когда Калдения убила отца Косандиона.

— Косандион не просто пытается набрать очки, — сказала я, — вовлекая всю нацию в свой выбор пары, он позволяет им почувствовать, что они имеют значение. Даже если предпочитаемый ими кандидат не доберется до алтаря, их мнение все равно учитывается. Им был дан голос, и они были частью этого.

— Все гораздо глубже, — сказала Калдения позади меня.

Она уже некоторое время направлялась в нашу сторону. Я не была уверена, искала ли она меня или просто была голодна. Очевидно, она искала меня.

Наблюдатели повернулись к ней.

— Косандион выберет себе пару, и он позаботится о том, чтобы Доминион почувствовал, что это и их выбор тоже. Они будут верны этому существу, потому что они выбрали его, и когда родится ребенок, они передадут эту верность наследнику Косандиона. Этого ребенка будут любить и лелеять, и весь Доминион будет вложен в его будущее. Именно так династии сохраняются и процветают.

Ух, ты!

Калдения посмотрела на меня.

— Можно тебя на пару слов?

Я встала.

— Конечно, Ваша Милость.

Когда мы в последний раз расставались с Диной и Шоном, церемония представления закончилась, и все наслаждались одним из роскошных ужинов Орро. Дина вспоминала о полном эмоциональном срыве, который испытали гости Доминиона в гостинице ее родителей, когда узнали, что Калденция убила своего брата, отца Косандиона. Ужин закончился тем, что Ее Милость захотела «перекинуться парой слов» с Диной. О-о-о...

— Я хочу посетить леди Вексин.

Не этого я ожидала. Я отделила нас звуконепроницаемой перегородкой, так чтобы я могла продолжать следить за посетителями. К тому же я должна была сохранять спокойное выражение лица, в то время как Ее Милость повернулась к ним спиной, вероятно, чтобы они не могли читать по ее губам.

— Могу я спросить зачем?

— Я хочу поболтать.

Ее лицо говорило мне, что единственный способ получить больше — это выполнить ее просьбу и последовать за ней. К сожалению, мне все еще нужно было присматривать за переполненным обеденным залом.

— Один момент.

Я проверила два других обеденных зала. Бокал Шоона был все еще наполовину полон, но Тони уже закончил и направлялся в мою сторону. Мгновение, и он появился из-за угла. Я опустила перегородку и подошла к нему.

— Не мог бы ты присмотреть за этой толпой, пока я выполню небольшое поручение?

Он одарил меня улыбкой.

— Это то, для чего я здесь.

— Спасибо. — Я повернулась к Калденции. — Я отведу вас к леди Вексин, Ваша Милость. Она может предпочесть не встречаться с вами, и, как вы знаете, мы охраняем частную жизнь наших гостей.

— Она захочет меня видеть, — сказала Калденция.

И это не звучало зловеще. Нисколько.

Мы вышли из обеденного зала и вернулись в большой бальный зал. Солнце садилось, и пока мы шли, комната переходила от дня к ночи, имитируя закат в столице. Пол и стены начали темнеть, постепенно приобретая голубой оттенок. Астрономические символы Доминиона окрасились в закатно-оранжевые цвета. С левой стороны, где небо потускнело, показался слабый край пурпурной луны, нежный и бледный, словно вырезанный из тюля. К тому времени, когда мы вернемся, она поднимется.

Пересечение большого бального зала заняло некоторое время. Мы прошли в длинный коридор, прерываемый арочными окнами от пола до потолка, из которых открывался вид на техасский закат над бескрайними полями.

— Ты не могла просто сделать то, что делаешь. — Калденция пренебрежительно махнула рукой. — Вместо того, чтобы заставлять нас идти всю дорогу пешком.

— Но как бы мы тогда прояснили ситуацию, Ваша Милость?

Калденция закатила глаза.

— Декорирование вам по вкусу?

— Оно едва ли адекватное.

Мы продолжали идти. Если бы мне пришлось совершить эту прогулку дольше, чтобы завершить этот разговор, я бы «сделала то, что делала». Мы продолжим идти, пока обе не скажем то, что должны были сказать.

— Ты должна была сказать мне, — произнесла Калдения.

— Я пыталась.

— Ты должна была сильнее пытаться.

Иногда лучшая защита — это вообще отсутствие защиты.

— Вы абсолютно правы, Ваша Милость. Это моя вина. Я приношу Вам свои извинения.

Калдения взглянула на меня. Если бы взгляды могли резать, у меня была бы большая рана прямо между глаз.

— Твоя неискренняя демонстрация кротости не успокоит меня.

— Конечно, нет.

Калдения остановилась.

— Вы устали, Ваша Милость? Не хотите ли присесть в кресло, чтобы немного отдохнуть?

— Какая наглость!

Я просто ждала.

— Я понятия не имела, что в тебе это есть.

— Нет, нету. Не всегда, но у меня был очень хороший учитель.

Калдения впиалась в меня взглядом.

— Да, есть. И не забывай об этом.

Мы продолжили прогулку. Она прекрасно знала, что для того, чтобы рассказать ей о Суверене, мне пришлось бы пересечь личные границы, которые она установила. Она простила бы меня за то, что я уважаю ее желания, но она никогда бы не простила меня за то, что я попраля *ее* свободу.

Какая-то часть ее, должно быть, знала. Описание выбора пары должно было показаться знакомым, поэтому она, скорее всего, заподозрила это и предприняла сознательные или подсознательные усилия, чтобы избежать этого. Она никогда бы в этом не признается, но Калдения была одновременно проницательной и склонной к самоанализу. Ее ум был таким же острым, как и ее зубы.

— Ты хоть представляешь, сколько неприятностей принесет все это?

— Да.

— Я очень в этом сомневаюсь. Ты прыгнула в водоворот, и тебе грозит опасность утонуть.

— Если я действительно начну тонуть, не могли бы вы бросить мне веревку, чтобы я могла вытащить себя, Ваша Милость?

Она выгнула брови.

— Неужели у нас такие отношения?

— Это зависит от вас, Ваша Милость.

Я остановилась. Дальняя дверь в конце коридора устремилась к нам и остановилась в двух футах от меня.

— Если Суверену будет причинен какой-либо вред, Ассамблея заберет у меня гостиницу. Если что-нибудь случится с одним из постояльцев в мое дежурство, мне придется отдать гостиницу, поскольку я ее не заслуживаю.

— Ты угрожаешь мне потерей моего безопасного убежища? — Глаза Калдении вспыхнули.

— Нет. Вы гостя, Ваша Милость. Моя самая первая. Ваше благополучие и безопасности — мой главный приоритет. Я просто сообщаю вам факты. Я надеюсь, что, когда ситуация станет ужасной, вы дадите мне свое руководство, как делали это в прошлом. Вы все еще хотите видеть леди Вексин?

Она вздернула подбородок.

— Да.

Я постучала в дверь.

— Ее Милость Калдения как рет Магрэн хочет видеть леди Вексин Дион-Диан.

Дверь распахнулась, и мужчина-служитель в вуали с подведенными темным карандашом глазами, широкими плечами и загорелыми мускулистыми руками с поклоном пригласил нас войти. Мы последовали за ним внутрь.

Дверь вела во внутренний двор, вымощенный светло-коричневым камнем. Вокруг него вился ручей, впадая в широкий пруд. Красивые деревья с Фортуны склонились над голубым прудом, как стройные женщины, роняя в воду свои длинные ветви с лимонно-желтыми листьями. Богато украшенный деревянный павильон, примостившийся на берегу, утопал в пышных деревьях и декоративных кустарниках, усыпанных кроваво-красными цветами размером с большой пион. В павильоне леди Вексин полулежала в шезлонге, потягивая чай из чашки в форме цветка.

Она променяла свое великолепное золотое дерево на маленькую корону из сверкающих зеленых драгоценных камней, которая, вероятно, стоила миллионы, но казалась скромной по сравнению с ним. Шоколадно-коричневая прозрачная юбка скрывала ее ноги, закрепленная широким поясом светло-коричневого цвета, расшитым золотом. Пояс обвивался вокруг ее бедер, застегнутый на месте искусной золотой брошью, демонстрирующей зеленый драгоценный камень размером с грецкий орех. Бледно-розово-золотой топ обтягивал ее пышную грудь, оставляя обнаженным мягкий живот. Еще один широкий полупрозрачный пояс, на этот раз зеленого цвета, завершал наряд, стратегически ниспадая на плечи и талию. Она была босиком, и дюжина тонких браслетов украшала ее запястья и лодыжки.

Она увидела Калдению и поднялась одним плавным движением, склонив голову. Ее темные глаза сверкнули.

— Летере Оливионе! Вы оказываете мне честь.

— Приветствую, — сказала Калдения, ее лицо излучало угрозу. Ее Милость — воплощение радости.

Леди Вексин опустилась на кушетку. Все, что она делала, было прекрасно. Она была похожа на одаренного художника, который рисовал своим телом, а не кистью.

Появились слуги, поставили чай и закуски на боковой столик и бесшумно удалились, как ярко раскрашенные призраки.

Калдения внимательно посмотрела на леди Вексин, которая потягивала чай и хлопала ресницами.

— Ты похожа на свою мать. Она рассказывала обо мне?

— Да, Летере Оливионе. Довольно часто. — Леди Вексин кивнула, выражение ее лица стало серьезным и лишенным какой-либо хитрости.

— Тогда это будет быстрее и проще. Если ты помешаешь моим планам, я убью каждое существо в твоём маленьком Храме и взорву планету, на которой они находятся.

Тогда ладно.

— О, боже мой! — Леди Вексин открыла глаза так широко, как только могла.

Калденция прищурилась. Леди Вексин смотрела на нее в ответ с воплощенной невинностью.

Прошло несколько мгновений.

— Дина, — сказала Калденция. — Пожалуйста, оставь нас.

Я посмотрела на нее.

— Я не причиню ей вреда, — сказала Калденция.

Здорово. Теперь, если я откажусь, она воспримет это как оскорбление. Калденция никогда не нарушала данных мне обещаний, но всегда все могло произойти в первый раз.

— Вы хотите позволить Ее Милости остаться в ваших покоях? — уточнила я.

— Да, — сказала леди Вексин. — Это благословение — находиться в ее присутствии.

Благословение — это один из способов выразить это.

— Если у вас возникнут какие-либо трудности, назовите мое имя.

— Я так и сделаю, — пообещала она с серьезным выражением лица.

Почему у меня возникло ощущение, что надо мной потешаются?

Они обе смотрели на меня. Обе гостьи попросили уединения для своей беседы. Я мало, что могла сделать.

— Очень хорошо.

Я пошла прочь от павильона. Нравилось ей это или нет, «Гертруда Хант» была избранным убежищем Калденции. Мне просто оставалось надеяться, что она это помнит.

ЯМА ДУШЕГУБОВ БЫЛА 50 ЯРДОВ В ПОПЕРЕЧНИКЕ И 200 ЯРДОВ В ГЛУБИ. Даже если бы они встали друг на друга, они не смогли бы выбраться из нее. Три фута мутной воды, обогащенной питательными веществами, затопили края дна ямы. В центре небольшой островок предлагал немного сухой земли. Вверху мощный источник света имитировал лавандовое солнце планеты душегубов, меняя цвет между красным утренним, фиолетово-синим дневным и темно-фиолетовым вечерним.

Сейчас была ночь, и свет потускнел до цвета индиго, имитируя местные флуоресцентные облака. В этом рассеянном свете душегубы казались тенями, переплетением корней и ветвей, скользящих друг по другу, как черные змеи. К счастью для меня, у «Гертруды Хант» были отличные сенсоры, и изображение на моем огромном экране было кристально четким.

Я откинулась на спинку кресла, пытаюсь расслабиться. Все остальные были в безопасности в своих апартаментах. Я заперла их всех, чтобы никто не мог бродить ночью. У меня болели ноги, а в голове немного гудело, будто рой пчел пытался поселиться внутри моей головы после напряженного дня полетов и сбора меда. Чудовище дремала на своей собачьей подстилке у стены. Она перевернулась на спину, и ее четыре лапы безвольно торчали вверх.

Даже моя собака была измотана.

Шон проскользнул в комнату и обнял меня. Я прислонила голову к его теплому мускулистому предплечью.

— Проблемы? — спросил он.

— Они должны были образовать рошу на ночь.

Шон взглянул на экран. Душегубы бродили по воде небольшими группами, по три-

четыре дерева в каждой.

— Они что-то замышляют, — сказала я ему.

Он отпустил меня и отступил в сторону. Мое кресло стало шире, перетекая в кушетку. Мне действительно нравилась дополнительная энергетика, которую гости привнесли в гостиницу. Изменение формы мебели «на лету» практически не требовало усилий.

Он сел рядом со мной и обнял меня за плечи. Я положила голову на его мускулистое предплечье. Мы наблюдали за бродячими душегубами. Они ползли несколько футов, прижимались своими ветвями и корнями к укрепленным стенкам ямы, затем ползли еще немного.

— Они проверяют, — сказал Шон.

— Да, но зачем? Это бетон, покрытый слоем гибкой стали космического класса. Им понадобится мощная дрель, чтобы пройти через него. Что они могут замышлять?

— Заговор, — сказал Шон мрачным голосом.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Что?

— Шалость, веселуху. Они не замышляют ничего хорошего.

Я тихо рассмеялась.

— Как дела у Калденин? — спросил он.

— Она посетила леди Вексин и пообещала ей, что если леди Вексин вмешается в ее планы, она взорвет ее планету.

Шон поднял брови.

— Планы? Что за планы?

— Она не поделилась со мной этим.

— Это вызывает беспокойство.

Две группы душегубов собрались у дальней стены. Я отрегулировала угол наклона, чтобы мы могли видеть их сбоку.

— Почему эта стена? — пробормотал Шон.

— Я установила фиктивную камеру на противоположной стороне. Они увидели ее и теперь пытаются скрыть свой заговор от посторонних глаз.

— А ты, хитрюшка.

— Благодарствую.

Я прижалась к нему еще теснее. Я не видела его с самого ужина. Оставив Калденин и леди Вексин, я направилась обратно в обеденный зал, но делегация каев сообщила мне, что у одного из их членов началось подергивание средней левой конечности, что вызвало серьезную озабоченность у всей делегации. После часа медицинского сканирования было утверждено, что подергивание было реакцией на стресс, поэтому я создала в их номерах зону сенсорной передышки, где они могли снять стресс.

После этого Ресвен захотел затеять ссору со мной из-за трапезы Святого Экклезиарха, которую я решительно пресекла, представив ему медицинские записи Святого Экклезиарха, присланные мне самим Ресвеном. Это заставило его замолчать, но ни в малейшей степени не расположило меня к нему.

После этого я получила уведомление от умбол, которые объяснили мне, что водные растения в их среде обитания не обеспечивают достаточной приватности. Я удвоила количество растений, но им не понравился их цвет, и они почувствовали, что разнообразия недостаточно, поэтому я отправила Гастона в Баха-чар за разными растениями. Сейчас они

плескаются в карантинном резервуаре и завтра будут добавлены в среду обитания при условии, что они не заражены болезнями и загрязняющими веществами.

— Как все прошло с отрокарами? — спросила я

— Ты помнишь тот мультфильм, который мы смотрели, где Тор — защитник окружающей среды?

— Тот, где он продолжал мирно протестовать, пока его не спровоцировали?

— Тот самый. Беда в том, что отрокары хотят, чтобы их спровоцировали.

— Тьфу ты.

Пару минут мы сидели в тишине.

— Насколько вероятно, что она отправится за Косандионом? — спросил он.

— Калдения?

Он кивнул.

— Я не знаю. Я напомнила ей, что на карту поставлено выживание гостиницы. Раньше, когда возникали конфликты, связанные с гостиницей, она всегда была нейтральной третьей стороной. Это не нейтральный вопрос. Это семья и болезненные воспоминания. Косандион — это напоминание о том, почему она потеряла все и теперь живет в изгнании.

Он нахмурился.

— Что? — спросила я.

— Интересно, рассматривает ли она возможность уйти в сиянии славы. Она уже пользуется дурной славой. Убийство Косандиона сделало бы ее легендой.

Один из душегубов раскололся. Его толстый ствол раскрылся. Другой душегуб запустил в него корни и вытащил буровую установку, такую, какую используют при добыче полезных ископаемых на астероидах.

— Ха, — сказал Шон.

— Вероятно, это старая травма. Они засунули туда сверло и снова склеили ствол с помощью сока.

— И оно не было обнаружено при сканировании на оружие.

— По-видимому, нет.

Душегубы боролись с управлением дрелью. Она явно была сделана для кого-то с тонкими пальцами, а не толстыми корнями.

— Если бы Калдения хотела уйти в «сиянии славы», у нее было много возможностей для этого.

Шон покачал головой.

— Но ничего подобного этой. Убийство ее племянника, Суверена, на Земле, в гостинице, в прямом эфире или почти в прямом эфире по галактическому телевидению. Это было бы даже серьезнее, чем убийство ее брата.

— Я не думаю, что она это сделает.

— Хотя она могла бы.

— Но она этого не сделает.

Сверло вспыхнуло огнем. Душегубы замахали своими корнями.

— Ты настолько ей доверяешь?

— Я ей не доверяю. Я доверяю ее инстинкту самосохранения. Шон, эта женщина правила девятью звездными системами. Она бросила все это, чтобы переехать жить в эту гостиницу, где она пьет «Мелло-Йелло» и пытается убить помидоры в своем саду из-за отсутствия навыков ухода. Она выбрала этот путь, потому что он был единственным

способом выжить. Настолько сильна ее воля к жизни.

— Почему она убила своего брата?

— Никто не знает.

Шон вздохнул.

— И в этом вся проблема. Может, она сделала это, потому что могла. Если она ради устранения своего брата отказалась от девяти звездных систем, то, что ей мешает отказаться от изгнания в гостинице, чтобы устранить своего племянника?

Душегубы приставили дрель к стене и включили ее. Полетели искры.

— Я думаю, мы это выясним, — сказала я.

— Верно. Не похоже, что у нас есть выбор.

Единственным выходом было бы полностью исключить Калдению, заперев ее в ее апартаментах, но никто из нас не стал бы этого делать.

Шон смотрел на мир немного иначе, чем я. Я отслеживала различные возможности, но я была достаточно хороша в прогнозировании того, что произойдет. Шон сосредотачивался на том, что может произойти, но между нами была огромная разница. Это превращало нас в хорошую команду.

В душегуба, ближайшего к яме, ударил сноп искр, и он с шипением свалился, подняв бурю.

— Есть одна вещь, которая меня озадачивает, — сказал Шон. — Вот ты Косандион. Твоя тетя убила твоего отца и развязала межзвездную войну. Наконец, ты встречаешь ее после стольких лет, и ты вежлив с ней. Тебя совершенно не беспокоит ее присутствие. Твой пульс не учащается, зрачки не расширяются, дыхание остается ровным. Он не притворялся. Он был спокоен как танк. Почему?

Я развела руками.

Душегубы вытащили дрель и осмотрели отверстие глубиной в четверть дюйма, которое им удалось проделать. Ветви затряслись, корни заскользили, и они вставили дрель обратно.

— Достаточно далеко? — задалась я вопросом.

— Ага, — согласился Шон.

Ведущий душегуб включил дрель. Электрическая дуга вырвалась из отверстия, попав в мертвую точку сверла. Дрель взорвалась. Шахтер-душегуб, дымясь, отлетел назад и приземлился на острове. Остальные деревья-убийцы погнались за ним и попытались скатить его в воду.

Шон улыбнулся.

— Люди — сложная штука, — сказала я.

Он наклонился и поцеловал меня.

— По крайней мере, с этими идиотами легко. Иди в постель. Завтра у нас важный день.

Я улыбнулась ему, и мы отправились в нашу спальню.

Глава 13

Какой насыщенный событиями первый день отбора! Давно потерянная семья, первые впечатления о кандидатах и наплыв гостей держат хранителей гостиницы в напряжении. Давайте поближе взглянем на человека, находящегося в центре всего этого.

Я стояла на балконе в личных покоях Косандиона и наблюдала, как Ресвен с трудом сдерживает раздражение из-за моего присутствия. Быть вовлеченным в приватное обсуждение государственных секретов Доминиона не входило в мои планы, но Косандион попросил меня присутствовать во время завтрака, и вот мы здесь.

Я создала апартаменты Доминиона, как напоминание Косандиону о дворце. Хитрость заключалась не в том, чтобы воспроизвести его дом, а в том, чтобы тонко намекнуть на него с помощью правильных оттенков и знакомых контуров. Новые впечатления были неотъемлемой частью путешествия. Я использовала более теплые цвета, смягчила геометрическую резкость и придала несколько неожиданных форм, таких как асимметричные арки. Асимметрия проявлялась в их прическах и одежде, но большая часть архитектуры Доминиона была старой, и включение нового тренда придало бы люксу некоторую свежесть.

В моем первоначальном проекте не было балкона, но понаблюдав за тем, как Косандион во время ужина созерцает оранжевый океан, я открыла еще одну дверь на Колиндру с другим видом.

Как только ветвь гостиницы достигала новой планеты, и гостиница открывала дверь, ведущую туда, она начинала пускать корни в этом пространстве, претендуя на часть мира. Некоторые углубления были крошечными, их едва хватало для двери размером с человека. Другие были огромны. Укоренение Колиндры охватывало более одной квадратной мили. Дверь «Гертруды Хант» открывалась на маленький остров, кусок зазубренной скалы, торчащий из глубин океана, и весь остров принадлежал нам.

Я ориентировала Океанский обеденный зал на юго-запад, чтобы насладиться закатами. Апартаменты Косандиона теперь выходили окнами прямо на юг, что открывало ему прекрасный вид. Я предоставила ему длинный балкон, возвышающийся высоко над водой, и оборудовала его множеством мебели для патио. Он находился всего в сотне ярдов от Океанского обеденного зала, но выступ скалы скрывал ее от его взгляда, гарантируя уединение.

Я установила тщательно выверенный барьер, который воздвиг непроницаемую невидимую стену между океаном и покоем Суверена. Он переключался в чуть менее защитный режим, когда кто-то входил на балкон, так что Косандион получал морской бриз и звуки, но не монстров, охотящихся в прохладных оранжевых глубинах. «Гертруда Хант» практически купалась в энергии инопланетных существ, как обжора на конкурсе тортов, и поддержание барьера отнимало у нее немного энергии.

Косандион уже был на балконе, сидя в удобном кресле. Перед ним на столике был накрыт завтрак. На горизонте, над зубчатыми темными вершинами поднялось солнце. Суверен наблюдал за океаном, выслеживая огромного морского змея, который скользил под поверхностью, и его шипы были единственным предупреждением для потенциальной добычи.

Его окружал его внутренний круг. Ресвен расположился в большом мягком кресле справа от меня. Миралитт сидела слева от меня, закинув ногу на ногу, как можно ближе к прозрачным перилам. Между ними, в таком же кресле, сидела Ората, глава отдела по связям с общественностью Косандиона, хотя это, вероятно, было неадекватным названием, учитывая ее обязанности и их важность. Сегодня утром она прошла через портал, чтобы сообщить результаты голосования и вернуться до официального начала дня. Ората была соблазнительной, молодой и модной, с фиолетовым оттенком кожи и серебристо-голубыми волосами, и каждый раз, когда я смотрела на нее, я думала о принце Лоторе из аниме «Вольтрон».

В свою защиту скажу, что прошлой ночью я просыпалась дважды: один раз из-за того, что душегубы вставали друг на друга, пытаясь выбраться из ямы, а второй — из-за того, что клювы-убийцы подрались, и мне пришлось лечить пострадавших, пока Шон держал их всех в отдельных клетках на арене их стаи. Мне бы не помешала еще пара часов.

— Рейтинги таковы, — объявила Ората, едва взглянув на голографический экран перед ней. — Бехун лидирует, опережая своего ближайшего конкурента на десять очков.

«Команда Улыбок», те, что с восторженной девушкой-кандидаткой, чье имя я все время забывала. Они представляли Бехун — четвертую планету, присоединенную к Доминиону.

— Народу нравится Амфи, — сказал Ресвен. — Им нравится ее образованность и родословная.

Ората кивнула.

— Действительно. Им особенно нравится ее энтузиазм. Ключевые слова, которые упоминаются чаще всего, это: серьезность, общительность и привлекательность. Она будет хорошим родителем.

— Милая девушка. Такая, которую ты приводишь домой, чтобы познакомить с семьей, — пробормотал Косандион. — Безопасный выбор.

Он отвел взгляд от морского змея и задумался над своей тарелкой. Я была не единственной, кто заметил его любовь к океану. Орро превзошел самого себя. Я и не знала, что можно даже испечь блинчики в форме устричных раковин и превратить яйцо в жемчужину внутри них.

— Летеро, ваш завтрак стынет, — пробормотала Миралитт.

Косандион бросил на свою тарелку скорбный взгляд.

— Это слишком красиво, чтобы есть.

— Вам нужно поддерживать силы. — Миралитт выдержала его взгляд, ясно давая понять, что не отвяжется от него, пока он не начнет есть.

Косандион взял изящную вилку с двумя зубцами и попробовал маленький кусочек блинчика.

— Восхитительно. Продолжайте.

— На втором месте Прайсен Ол от каев, — сказал Ората. — Люди считают его интеллигентным, достойным и мудрым. Он тоже будет хорошим родителем. Они чувствуют, что он был бы терпеливым и внимательным отцом. У него самый низкий рейтинг среди людей моложе двадцати пяти лет. Они находят его скучным.

Косандион улыбнулся.

— Великолепно. Мы должны просто поженить этих двоих друг с другом, устроив великолепную зрелищную свадьбу. Почти каждая душа в Доминионе была бы в восторге.

Ресвен вздохнул.

— Летеро, я умоляю вас отнестись к этому серьезно.

— Чем и занят. Но только подумай о радости, которую это принесло бы моему народу.

Не говоря уже, как рейтинги подскочат.

Темные глаза Ораты сверкнули.

— Нет, — сказал ей Ресвен.

— С вами неинтересно, — пробормотала Ората.

— Мы здесь не для развлечения, — сказал Ресвен. — Мы здесь для того, чтобы выбрать родителя наследника и пару Суверену. Это существо будет оказывать влияние на наше общество на десятилетия вперед. Пожалуйста, сосредоточьтесь на текущей задаче.

Ората бросила на него многозначительный взгляд.

— На третьем месте, леди Вексин. — Она сделала упор на «леди Вексин», чтобы это дошло до каждого.

Ресвен вздрогнул от неожиданности.

— Как? Почему?

— Народ находит ее милой. Она непредсказуема, и за ней интересно наблюдать. Это прямые цитаты.

— Эта женщина — воплощенный хаос. «Ваше Величество?» «Ваше Величество!» Сколько раз я указывал на правильные формы обращения? Летеро Коливион или Ваше превосходство. Так трудно запомнить?

— Я уверена, что она делает это просто назло тебе, — сказала Миралитт.

— У нее нет присутствия духа. Ты смотрела ей в глаза? Они такие же ясные, как летнее небо. Ни облачка мыслей в поле зрения.

— Люди думают, что она «милая», «забавная» и «глоток свежего воздуха», — объявила Ората.

— Глоток свежего воздуха? Да она пердит, как дышит. — Ресвен понял, что сорвалось с его губ, и одернул себя. — Приношу свои извинения.

Косандион махнул им рукой.

— На четвертом месте отрокар, — сказала Ората.

— Суркар, сын Граста и Ульде, — сказал Косандион.

— Да, — подтвердила Ората.

Миралитт нахмурилась.

— Ключевые слова? — спросил Косандион.

— Сильный, решительный и могущественный.

— Ну, по факту, — согласился Косандион.

— Его поддержка среди людей в возрасте до 30 лет составляет 46 %, - продолжила Ората. — 62 % среди людей в возрасте до 20 лет, заинтересованных в гражданской и военной службе.

Ресвен поднял брови.

Косандион снова улыбнулся.

— Они видят во мне мягкотелость.

Ората прочистила горло.

— Да, Летеро. Преобладающая болтовня на форумах заключается в том, что вы слишком цивилизованы, и что Доминион выиграет от «крови воина». Фракция Завоевателей поднимает свой обычный шум о возвращении к нашим корням.

— Неужели они забыли Убийственную войну? — зарычал Ресвен.

Убийственная война была кровавым конфликтом, разгоревшимся, когда Калдения убила своего брата. Мне было шестнадцать, я училась в младшем классе старшей школы. По земным биологическим меркам Косандион был всего на пять лет старше меня. Ему было тогда около двадцати одного года. Будучи физически взрослым, в социальном плане он считался «юношей», эквивалентом пятнадцатилетнего подростка. Многие фракции в Доминионе считали его непригодным для руководства.

— Большинство молодых горячих голов были детьми, когда разразилась та война, — сказала Миралитт. — Наш народ знает, что вы талантливый командир. Однако...

— Эпоха мира и процветания, которой наслаждается наше население благодаря вашему мудрому правлению, не предоставила вам много возможностей продемонстрировать свою воинственную сторону, — закончила Ората.

Гладко стелет.

— На тех, кто не участвовал в боевых действиях, легко произвести впечатление поверхностной демонстрацией физической силы, — добавила Миралитт.

— Суркар впечатляет. — Косандион взглянул на Орату. — Сделайте для меня копию рейтингов.

— Да, Летеро.

Я кое-что раскопала. Орда Сокрушающая Надежду заселила множество планет, и Суркар со своей делегацией прибыли с одного из пограничных миров. Разница во власти между Суркаром и Сувереном была огромной. Если бы Косандион захотел, он мог бы выпустить армаду кораблей, которые закрыли бы солнце родной планеты Суркара. Никакое количество мышц, изгибов или рева не спасло бы племя Суркара от ада, который обрушился бы на них дождем. И все же в рамках этого соревнования Суркар считался более сильным из них двоих.

Ората встала, с поклоном положила перед Косандионом небольшой куб данных и вернулась на свое место.

Он махнул ей, чтобы она продолжала.

— Затем у нас есть гахеи, за которыми следуют умболы.

— На самом деле? — спросил Косандион.

Ората улыбнулась.

— Они яркие и колоритные, и определенная часть населения считает, что было бы забавно, если бы вы женились на рыбе.

Косандион усмехнулся.

— Дом Меер седьмые, хиггры восьмые, делегация из Кипоро девятая.

«Команда Хмурых» была с Кипоро, шестой планеты, присоединенной к Доминиону. Мне казалось, что вторая из домашних команд Доминиона должна была занять более высокое место.

— Плохое выступление для Кипоро, — сказала Миралитт.

— Их кандидат производит неприятное впечатление и кажется высокомерным. Клювы-убийцы — десятые, душегубы — одиннадцатые, а Дети Серебряной звезды — на последнем месте, — заключила Ората.

Клювы-убийцы, душегубы и донкамины. По-видимому, никто в Доминионе тоже не мог произнести настоящее имя душегубов.

— Мне думалось, что Детей оценят выше, — сказал Ресвен.

Ората вздохнула.

— На них... неприятно смотреть.

Можно и так сказать.

— Доминион не хочет, чтобы мой ребенок выгибал шею назад и обращался к ним лицом вверх? — спросил Косандион с притворной невинностью.

— Нет, — сказала Ората очень твердым голосом.

Косандион улыбнулся и отхлебнул апельсинового сока. Он не выглядел удивленным ничему из вышеперечисленного.

В океане из воды выпрыгнула красивая черная рыба. Она, должно быть, была размером с кита, но сложена как осетр со щучьими челюстями. За ней следовала огромная чешуйчатая пасть, с глоткой, похожей на пещеру. Рыба изогнулась в последней тщетной попытке вырваться и упала в нее. Чешуйчатый титан скользнул обратно под поверхность. Море снова стало спокойным.

— Хорошая работа, — сказал Суверен. — На этом все.

Три советника в унисон поклонились и удалились. Ресвен успел бросить последний предупреждающий взгляд в мою сторону, прежде чем дверь за ним закрылась.

Косандион указал на кресло напротив стола.

— Присаживайтесь.

Я села.

— У вас есть какие-нибудь вопросы? — спросил он.

— Я не хочу навязываться, Летеро.

— Пожалуйста, никаких титулов. У меня так мало возможностей для неформальных бесед. Давайте притворимся, что мы друзья.

К чему он клонит?

— В таком случае, каково реальное значение рейтингов?

— Как вы знаете, кандидаты сталкиваются с тремя испытаниями. Три наименее популярные делегации выбывают после каждого испытания, пока на финальной церемонии не останется всего три кандидата.

— Я понимаю это. — Это было на их брифинге. — Насколько важны для вас рейтинги?

— Это сложный вопрос. — Он, казалось, не был склонен вдаваться в подробности.

— Можно ли манипулировать рейтингами?

Он кивнул.

— Это цифры, порожденные эмоциями. И тем, и другим можно манипулировать. Это может быть как простое редактирование нескольких секунд отснятого материала, так и что-то сложное, как заставить нужного человека сказать именно то, что нужно, на совершенно несвязанном с этим мероприятии. Как показывает ваш мир, можно прийти на похороны друга, заявить о своей цели не восхвалять покойного, похоронить его, а затем спровоцировать бунт мести.

Неожиданно. Как, черт возьми, он узнал про эту историю?^[10]

Косандион сделал еще один глоток из своего хрустального бокала.

— Общественному мнению никогда нельзя позволять свободно высказываться. Его нужно лелеять, направлять и осаживать. Вот как династии остаются у власти.

Дежавю.

— А как насчет ваших личных предпочтений? Разве они не учитывают их? — спросила я.

— Учитывают. Но личные предпочтения изменчивы. За эти годы у меня было много

партнеров, мужчин, женщин, гуманоидов и нет, но ни один из них не остался рядом со мной.

Я понятия не имела, был ли он опечален этим фактом, гордился ли или просто смирился. Я хотела бы, чтобы Калденция была здесь, чтобы я могла получить от нее подсказки.

— Я должен быть *убит* до окончания финальной церемонии, — сказал Косандион.

Я чуть не рухнула.

— Вы точно это знаете?

— Так же точно, как я знаю много других вещей.

— Это настоящая причина, по которой вы хотели перенести место проведения в гостиницу?

Он кивнул.

Было бы здорово получить эту информацию до того, как я поставила на кон «Гертруду Хант».

— Учитывая историю моей семьи, это не совсем неожиданно. Вы должны были, по крайней мере, рассмотреть такую возможность, и если вы этого не сделали, то ваша высококвалифицированная вторая половинка определенно сделала.

Шону бы это не понравилось. Он бы не удивился, но ему все равно бы это не понравилось.

— Вы знаете личность вашего потенциального убийцы?

Он покачал головой.

— Пока нет.

— Один из кандидатов? — Всем кандидатам было гарантировано свидание с Сувереном один на один. Любому другому члену делегаций было бы гораздо труднее подобраться к Косандиону.

— Скорее всего.

Двенадцать существ, половина из которых не люди. Один из них потенциальный убийца. Кто? Или это была Калденция?

— Я верю, что вы защитите меня. — Косандион одарил меня ослепительной улыбкой.

Конечно, он доверял мне, но не настолько, чтобы поделиться со мной этим планом убийства до того, как мы провели метафорическую пунктирную линию.

О том, чтобы ударить Суверена Доминиона Семи Звезд, не могло быть и речи. Неважно, насколько сильно он меня расстроил.

— Летеро, мы сделаем все, что в наших силах.

Косандион изучал меня. Смотреть прямо ему в глаза было трудно. Он притягивал, как магнит.

— Сожаления? — тихо спросил он.

— Слишком поздно для них. — Теперь мы были преданы делу. — Вы знаете причины, по которым мы проводим это мероприятие.

— Вы что-нибудь слышали от похитителя?

— Нет.

Прошло шесть дней с тех пор, как мы узнали, что Уилмос был доставлен через врата портала Баха-чар в Каррон. Мы понятия не имели, жив ли он еще.

— У меня есть кое-что для вас. — Косандион щелкнул пальцами по столешнице, и «Гертруда Хант» ответила голографическим экраном. Я проинструктировала гостиницу создавать для него удобства по команде. Экран вспыхнул и повернулся ко мне. Считываемая

энергия, волны синего и белого цветов.

— Что это?

— Информация с наших сенсоров на Карроне. На объекте есть стазисные капсулы, предназначенные для использования в случае катастрофы. Каждый модуль излучает сигнал, когда он используется. Один пришел 8 дней назад.

— Спасибо, — сказала я.

Я должна была показать это Шону. Это не было доказательством жизни, которого мы оба хотели, но это было что-то.

— Демонстрация доброй воли между друзьями. Могу ли я попросить вас о небольшом одолжении?

Я собралась с духом.

— Это не будет одолжением. Ваши потребности — мой главный приоритет.

Косандион подтолкнул ко мне через стол куб с данными рейтингов.

— Убедитесь, что моя тетушка увидит это.

Первое испытание вот-вот начнется. Справится ли «Гертруда Хант» с организацией? Переживем ли мы остроумие кандидатов? Давайте послушаем.

— Как думаешь, эти данные реальны? — спросил Шон.

Мы шли бок о бок по короткому тусклому коридору. Чудовище следовало за мной, а Горвар трусил рядом с Шоном. Два зверя решили игнорировать существование друг друга, сосредоточившись вместо этого на охране нас.

— Косандион — племянник Калдени, и он достаточно хитер, чтобы изготовить это энергетическое считывание и использовать его для манипулирования нами. Но зачем так напрягаться? Он мог бы просто попросить меня передать рейтинги Калдени. Я бы сделала это, потому что он гость. Вместо этого он дал прочувствовать как ценно это поручение, и вознаградил меня за мои усилия.

Шон нахмурился еще сильнее.

Я передала данные Калдени сразу после моего разговора с Косандионом. Я нашла Ес Милость наслаждающейся прекрасным завтраком на нашем заднем дворе. Я положила куб на стол и сказала ей, что Косандион хочет, чтобы он был у нее. Она подняла брови и спросила: «Он создал его, не так ли?». Она просканировала куб с помощью своего считывающего устройства, а затем улыбнулась во все зубы, и с тех пор эта сдержанная улыбка преследовала меня.

Мы остановились перед темной стеной, преграждавшей нам путь. Глаза Шона все еще были мрачными. Я потянулась и сжала его руку.

— Мне жаль.

Он моргнул.

— На самом деле мы ничего не знаем, и это гложет тебя. — Меня тоже это гложет. — Мы не знаем, кто стоит за искаженным ад-алом, который похитил Уилмоса; почему его похитили; жив ли он еще, и незнание ужасает. Я знаю, что ты очень хочешь отправиться на его поиски, а вместо этого мы должны заниматься этим.

— Не в этом дело.

— Тогда в чем же?

— Я не люблю сюрпризов. И мне не нравится, когда мне лгут. Предполагалось, что задача одна: не дать кандидатам переубивать друг друга. Нам сказали, что Косандион проигнорирует присутствие Калдени. Вместо этого кандидаты пытаются убить его, а Косандион и Калдения плетут интриги либо вместе, либо друг против друга.

— На самом деле ничего не изменилось, — сказала я. — Когда мы взялись за эту работу, мы знали, что должны обеспечить безопасность Косандиона. Этот заговор с целью убийства ничего не меняет. Мы знали, что у Калдени с Косандионом сложная история. Как и следовало ожидать, их нынешние отношения непросты.

Он издал низкий рычащий звук. Уши Горвара дернулись.

— И это именно то, что я нахожу удивительным. Какова природа их отношений? Она замышляет убить его?

— Я так не думаю? — Прозвучало не очень убедительно.

Неужели из всех мест во вселенной он выбрал нашу гостиницу. Он планирует наказать

ее за убийство отца? Если бы я был на его месте, я бы специально провоцировал ее, пока она не сорвется и не сделает что-либо опрометчивое. Не имеет значения, добьется ли она успеха. Как только она начнет действовать против него, нам с тобой придется выгнать ее из гостиницы. С ней будет покончено. Награда за ее голову по-прежнему заоблачная, я проверял.

Я знала, что он чувствует. Одна маленькая ошибка, и все, что мы построили, может рухнуть. Мы не могли потерять «Гертруду Хант». Просто не могли.

— Все могло бы быть намного проще, если бы мы просто заперли Калдению до тех пор, пока все не закончится, — сказал Шон.

— Иногда ты говоришь вещи, которые заставляют меня задуматься о тебе.

— Не нужно удивляться. Я обыкновенный мужчина, я люблю тебя, и я буду защищать тебя, даже если мне придется убить всех в этой гостинице.

Я встала на цыпочки и поцеловала его.

— Что, если мы никого не будем убивать?

Уголки его рта изогнулись.

— Ничего не обещаю.

— Мы готовы?

— Настолько готовы, насколько можем быть.

Я коснулась стены перед нами своей метлой. Светящиеся точки запульсировали от метлы, рисуя контур огромной двойной двери в стене. Некогда твердая поверхность раскололась посередине, и две половинки двери распахнулись, позволяя потоку солнечного света омыть нас.

Перед нами раскинулась большая круглая арена, окаймленная приподнятым амфитеатром, который был разделен на четырнадцать секций, по одной для каждой делегации, одна для Косандиона и его свиты и последняя для наблюдателей. Каждая секция была отдельно стоящей, приподнятой на тридцать футов над полом арены и отделена от соседних секций тридцатифутовым промежутком. Секции были обособлены небольшой защитной стеной. Мы бесстыдно украли идею у Старой Арены Баха-чар.

В идеале я бы окружила каждую секцию непроницаемым барьером, точно так же, как я защитила балкон Косандиона. К сожалению, поддерживать такое количество барьеров одновременно было выше возможностей «Гертруды Хант». Они также вызывали искажения в датчиках, и поскольку все это должно было быть записано, я удовлетворилась большими промежутками и привела «Гертруду Хант» в состояние повышенной готовности. Если бы делегаты хотя бы дернулись друг к другу, гостиница подняла бы их прямо со своих мест и отправила обратно в их соответствующие секции.

В центре арены я воздвигла сцену. Идеально круглую и ровно 25 ярдов в поперечнике, она возвышалась примерно на десять футов над полом арены. Когда кандидатам нужно будет сойти на нее, я сделаю пандус из их секции прямо на сцену.

— А как насчет платформы модератора? — спросила я.

Нам нужен был модератор для дебатов, и Шон вызвался создать для него специальную платформу.

— Работаю над этим, — ответил Шон.

Он поднял голову к сверкающему голубому небу и прищурился от солнечного света. На самом деле арена находилась глубоко внутри гостиницы. Я нанесла серьезный ущерб физике измерений. Небо над нами было настоящим, но если бы кто-нибудь запустил квадрокоптер

над гостиницей, то обнаружил бы только потертую крышу обычного богато украшенного викторианского дома.

Даже год назад потратить столько энергии было бы для меня невозможно. Каждая гостиница имела ограниченную емкость для хранения энергии. Вот почему постоянный поток гостей был лучше, чем случайные большие группы. Постоянный поток был гораздо предпочтительнее сценария «пира или голода», который «Гертруде Хант» пришлось пережить за последнюю пару лет. Наша репутация распространялась, и за последние несколько месяцев у нас было больше посетителей, чем когда-либо, каждый из них доставлял больше хлопот, чем обычный постоялец гостиницы, но был очень желанным гостем. Эти гости дали нашей гостинице шанс вырасти, но ее энергетических запасов все еще было недостаточно, чтобы сдержать массовый приток этого события. Это была ситуация «используй или проиграй», поэтому я использовала ее, чтобы придать испытаниям вау-фактор.

Тони покачал головой, увидев арену, и сказал мне, что я слишком много работаю. По его словам, аудитория колледжа была бы «подходящей и прекрасной» для этого мероприятия. Однако выбор пары транслировался по нескольким звездным системам. На кону стояла репутация земных гостиниц, и я не сомневалась, что Ассамблея хранителей наблюдала за происходящим у нас и оценивала нашу работу. Как однажды сказала мне Калденция, жизнь давала нам мало возможностей проявить себя наилучшим образом, поэтому, когда представился шанс блеснуть, лучше всего было им воспользоваться. Немного зрелищности не повредит.

По арене разнесся звон колокольчика. Время пришло.

Шон постучал копьём по полу. Огромные экраны, казалось бы, спустились с чистого неба, предлагая каждому участку возможность увидеть происходящее вблизи.

Я воткнула метлу в каменные плиты, образовав туннель между ближайшей секцией и апартаментами Дома Меер, и открыла их двери.

— ПРИВЕСТВУЮ ВАС, МОИ СОБРАТЬЯ!

Гастон потрясающе выглядел посередине арены. Он сменил свою фирменную черно-белую одежду на ошеломляющий бело-серый наряд, расшитый серебристо-голубой нитью, которая подчеркивала его серебристые глаза. Он сидел на нем как влитой, но при этом излучал то, что Гастон называл «джентльменской угрозой». Раньше он был похож на космического пирата, теперь же он выглядел как принц космических пиратов, который очень хорошо себя зарекомендовывал.

Его голос соответствовал его новому образу для телевидения, будучи звучным и плавным, когда он раздавался из скрытых динамиков. Ему потребовалось ровно четыре слова, чтобы привлечь всеобщее внимание. Шон, находившийся в нескольких ярдах от него, с таким же успехом мог быть невидимым, несмотря на его мантию, довольно очевидное копьё и склонность нависать.

— Добро пожаловать на первое испытание! — объявил Гастон.

12 делегаций приветствовали, топали и издавали соответствующие видам звуки. Даже Косандион, сидевший в кресле справа от меня, вежливо похлопал. Гастон явно упускал свое истинное призвание.

Голос Шона прошептал мне на ухо через коммуникатор.

— Если слова «Вы готовы к битве?!»^[11] слетят с его губ, я вытаскиваю его.

Я спрятала улыбку.

— **Я знаю, что все вы ждали, чтобы посмотреть, как наши конкурсанты продемонстрируют свои таланты сегодня. Вы готовы?**

Я напряглась, но он не добавил «к битве». Хорошо, что он остановился.

Делегации взревели, давая понять, что они определенно готовы.

— Он превращает это в спектакль, — пробормотал Ресвен.

— А так и должно быть, — сказал ему Косандион. — Люди любят хорошее шоу.

— **Сегодняшнее испытание это... ДЕБАТЫ!**

Инопланетный эквивалент «ууу!» был довольно громким.

Гастон замахал руками, приглашая пошуметь, затем сделал широкий жест, который каким-то образом мгновенно привел к тишине.

— **Наши кандидаты сразятся в случайно выбранных парах. Обоим кандидатам из одной пары будет задан один и тот же вопрос. Вначале отвечает один, потом другой. Победитель будет определен путем сочетания народного голосования, мнения Суверена и обратной связи от нашего уважаемого модератора дебатов.**

Он дал им время переварить услышанное и продолжил.

— **Наш модератор дебатов ученый с большой буквы. Он посвятил себя созерцанию тайн вселенной. Существа со всех уголков Галактики преодолевают тысячи световых лет, чтобы обратиться к нему за советом.**

Пол позади Гастона раскололся, и каменное яйцо размером с внедорожник, расположенное на боку узким концом к центру арены, поднялось из-под пола на металлической ножке.

Он не смел.

Металлическая ножка подняла яйцо вверх и остановилась примерно в пятнадцати футах над сценой.

Да, да, он это сделал. Как только эти дебаты закончатся, я найду его и заставлю заплатить. Пощады не будет.

— Получатель «Звездного пера», Мудрец Великого Древа, Победитель Сфинкса, Первый Ученый Тек!

Каменное яйцо раскололось вдоль пополам. Верхняя половина откинулась, открывая Первого Ученого во всей его красе, держащего свою преподавательскую указку, его шляпа плотно сидела на голове с прикрепленным к ней сверкающим белым пером. Два его помощника покорно стояли позади него, глядя в пол и играя роль скромных учеников.

— Яйцо? — прошипела я в микрофон.

— Забавно же.

Агрх.

Арена встретила Первого Ученого оглушительными аплодисментами. Он кивнул им, благожелательно помахав когтистой рукой.

Первоначальный модератор столкнулся с неожиданными задержками в поездке, потому что его вторая жена похитила его, и теперь другие четыре его жены вели свои собственные дебаты о достоинствах его спасения. Нам срочно нужна была замена, и о Первом Ученом Теке заговорила вся Галактика после проделки Сфинкса. Ората практически пустила слюни, когда Шон предложил его.

Им не нужно было выкручивать крылья Теку. Сначала он возражал, но я поговорила с Оратой до того, как она посетила его, и как только она сказала ему, что это шанс просветить

миллионы умов мудростью науки, он был беспрекословно согласен.

— Я все жду, когда соскользнет его шляпа, — пробормотал Шон.

Он был прав, головной убор уже должен был соскользнуть с его перьев.

— Что бы ни сделали его ученики, похоже, это работает.

— Может быть, они ее приклеили.

— Вселенная, я надеюсь, что нет.

Первый Ученый прихорашивался в знак поддержки и размахивал преподавательской указкой. Его голос донесся из динамиков.

— Давайте начнем.

Линия нежных стеклянных цветов проросла из пола сцены под яйцом. Они были похожи на трехфутовые одуванчики, где каждый был увенчан белой сферой размером с баскетбольный мяч, переливающейся белым и золотым. По одной сфере на каждого кандидата. Когда называлось имя кандидата, его сфера опускалась под пол, чтобы они не могли случайно выбрать себя для участия в дебатах.

Я направила белый огонек между секциями, подсвечивая их подпорные стенки, и остановилась на «Команде Хмурых». Небольшая секция передней стены скользнула в сторону, и из щели открылся пандус, ведущий к нижней части арены.

Элленда встала. На ней была черная мантия с глубоким капюшоном, украшенным искусными складками. Странный выбор. Я заметила это, когда их делегация заняла свои места. Ткань ее одежды была очень простой, почти грубой, что выглядело неуместно по сравнению с официальной одеждой всех остальных.

Женщина-ума спустилась по лестнице, подошла к сферам и опустила капюшон. Косандион притих. Ее лицо и шея были забрызганы золотой краской.

Я сталкивалась только с тремя умами, считая Элленду, один из них останавливался в гостинице моих родителей. На нем тоже была золотая краска. Мне тогда было шесть лет, и я сказала ему, что он выглядит очень красиво. Мой отец извинился за меня и позже все мне объяснил. Умы наносили золотую краску, когда были в трауре. Кто-то либо умер, либо был при смерти.

Можно было с уверенностью сказать, что никто на арене был не в курсе этого. Умы очень тщательно оберегали свою культуру. Но Косандион должен был знать, они были народом его матери. Почему так случилось, что именно она была в трауре?

— Выберите своего оппонента, — подсказал Первый Ученый Тек, указывая на сферы взмахом крыла. Они выглядели одинаково.

Я заглушила ветер. «Гертруда Хант» прокачивала воздух через скрытые вентиляционные отверстия, чтобы имитировать легкий ветерок, но воздушный поток помешал бы тому, что должно было произойти дальше.

Элленда положила руку на ближайшую сферу. Ее прозрачная оболочка лопнула, как мыльный пузырь, выпустив в воздух рой светящихся золотистых насекомых. Они поднялись, развернулись, пронеслись к секции клюв-убийц, зависнув над Пивором.

Пивор с широкой улыбкой поднялся, поклонился влево, поклонился вправо, снова ухмыльнулся, показав ровные белые зубы, и направился вниз по пандусу, который образовался из его секции. Он пересек арену и встал напротив Элленды. Они стояли лицом друг к другу, разделенные десятью футами. Крошечные голубые искры у их ушей объявили о том, что их микрофоны активированы.

Я возобновила воздухопоток. Многие виды, включая людей, чувствовали себя более

комфортно при легком ветерке по сравнению с абсолютно неподвижным воздухом.

— Вопрос, который вы двое должны обдумать сегодня, заключается в том... — Первый Ученый сделал драматическую паузу. — Что важнее, счастье или долг? У вас есть сто мгновений, чтобы обдумать свой ответ.

На арене воцарилась тишина. Секунды тикали.

Когда яйцо Первого Ученого побелело, время истекло.

— Дщерь ума, — сказал Тек, — слово за тобой.

— Долг, — сказала Элленда.

Первый Ученый повернулся к Пивору.

— Счастье, — сказал кандидат клюв-убийц.

Стояла тишина.

Первый Ученый подождал еще пару вдохов и повернулся к Элленде.

— Вам придется объяснить свой ответ.

— Счастье мимолетно, субъективно и эгоистично. Подчинение своему долгу и успешное выполнение его обеспечивает дальнейшее выживание общества.

— Долг в равной степени субъективен, — ответил Пивор. — Если я вижу, что за ребенком гонится хищник, мой долг вмешаться?

— Да.

— Но, вмешиваясь, я ставлю под угрозу свое собственное выживание. Я взрослый мужчина, который пережил болезни и опасности в своем детстве. Если я буду убит хищником, не станет ли моя смерть большей потерей для общества, чем ребенок, которому еще предстоит повзрослеть? Может ли этот ребенок занять мое место и взять на себя мои обязательства? Как насчет моего долга перед моим кланом и семьей, которая зависят от меня?

Элленда не ответила.

Пивор продолжил.

— Ты говоришь, что долг существует для того, чтобы обеспечить выживание общества. Я говорю, что цель общества — создать индивидуальное счастье. Каждый закон успешного общества призван помочь его членам достичь этой цели. Мы стремимся гарантировать безопасность, доступ к ресурсам, индивидуальные права и даже охраняем обязательный досуг. Поэтому стремление к счастью важнее выполнения долга.

— Я бы спасла ребенка. Мне больше нечего сказать. — Элленда накинула капюшон.

Первый Ученый подождал несколько секунд, но капюшон остался поднятым.

— Очень хорошо, — объявил он. — Спасибо вам обоим. Вы можете вернуться на свои места.

Оба кандидата присоединились к своим делегациям. Огонек снова забегал.

Один из двенадцати претендентов был наемным убийцей. Я надеялась понять, что они за люди во время этих дебатов, зацепиться за что-то, что могло бы идентифицировать их как убийц. До сих пор Элленда вела себя вызывающе, а Пивор вел себя как эгоист. Не особенно помогало.

Огонек остановился на доме Меер. Бестата поднялась, ее черная син-броня поглощала свет. Она прикрепила к ней белый плащ, сшитый из легкой ткани. Я усилила сквозняк, и плащ стал развеиваться за ее спиной, пока та спускалась по пандусу. Это был такой красивый плащ. Было бы обидно потратить такое мгновение впустую.

— Драматично, — пробормотал Косандион.

— Вампиры часто такие. Однажды они тайно посетили эту гостиницу, но им все равно пришлось представиться, поэтому они настойчиво прошептали мне свое кредо Дома.

Косандион улыбнулся.

Бестата добралась до сфер и без колебаний положила руку на одну из них. Она лопнула, и сверкающий рой устремился к душегубам и уселся на волосах Унессы, как корона.

— Хороший штрих, — одобрил Косандион.

— Спасибо.

Унесса плавной походкой направилась на арену. На ней было ярко-зеленое платье, которое колыхалось при каждом шаге, подчеркивая бледность кожи.

— Я ставлю следующий вопрос на ваше рассмотрение, — объявил Первый Ученый. — Какова цель вашего существования и почему ваша цель превосходит цель вашего оппонента? У вас есть сто мгновений, чтобы обдумать свой...

— Продолжение рода! — без промедления ответила Унесса. Она повернулась, чтобы посмотреть на Косандиона, и улыбнулась.

Бестата ошеломленно уставилась на нее, а затем перевела взгляд на Первого Ученого.

— Теперь предполагается мой ответ?

— Делайте все, что в ваших силах, — сказал ей Первый Ученый.

— Есть и другие вещи, помимо продолжения рода. Преданность, стремление к личному совершенству, обучение, накопление опыта, передача его следующему поколению.

Зная Тека, она только что заработала высший балл. Она говорила о воинском мастерстве, а он думал в терминах академической мудрости, ведь знание — есть знание.

— Честь, — продолжила Бестата. — Гордость за достижения. Слава своего Дома. Смерть, которую будут помнить. Все это более важно, чем простое совокупление и размножение.

Унесса улыбнулась. Скорее всего, она хотела улыбнуться сладко, но в этом был какой-то гнилой привкус. Она немного походила на рептилию, на ящерицу, собирающуюся схватить личинку.

— А если бы ваш народ перестал размножаться, кто бы все это делал?

— Мой народ не прекращает свой род на протяжении тысячи лет. Это инстинкт. Я понимаю, что ты была воспитана бревнами, но постарайся меньше думать как пень.

Упс.

Из большого душегуба в первом ряду их секции выскользнул длинный побег.

Бестата продолжала.

— К сожалению, тебя воспитали с единственной целью — завлечь мужчину своей внешностью, но ты не обязательно должна быть просто красивым плодом на лозе.

Она давила на больное.

Побег сам по себе свернулся тугой спиралью.

— По крайней мере, я хорошенькая, — сказала Унесса.

— Слава богам за это, — прорычала Бестата. — Природа должна была дать тебе что-то, чтобы компенсировать твой мозг размером с куриное яйцо.

Раздался щелчок выстрела, запустив снаряд в воздух. Мы с Шоном двинулись одновременно.

Посреди пола арены появилась яма, засасывающая в себя снаряд. Из нее вырвались длинные, гибкие усики, схватили душегуба, завернули его, как мумию, и втянули внутрь.

На арене воцарилась тишина. Она длилась один-единственный вдох, а затем трибуны

взорвались.

Донкамины издали странный воющий звук. Отрокары топали ногами. Дом Меер встал и с ревом захлопал в ладоши. Секция умбол превратилась в шоу фейерверков на 4 июля с цветами и плавниками, сверкающими в головокружительном зрелище.

Душегубы зашипели и заскрипели в унисон. Унесса открыла рот и зашипела на Бестату. Рыцарь-вампириша усмехнулась и обнажила свои впечатляющие клыки.

Шон подтолкнул яму к деревьям-убийцам, подвесив над ними усики, в ожидании схватить следующего нарушителя спокойствия.

Я разнесла свой голос по арене. Я не кричала, не повышала голос, но это прозвучало громко и отовсюду.

— *Мы не допустим никакого вмешательства в процесс.*

Душегубы замолчали.

Первый Ученый расправил крылья, призывая к тишине. Когда арена подчинилась, он наклонился вперед и заговорил с Унессой.

— У вас есть чем парировать?

Ее глаза сузились.

— Мне не сказали, что я должна говорить что-то еще.

Бестата развела руками и оглядела аудиторию.

— Очень хорошо, — сказал Первый Ученый. — Эти дебаты завершены.

Унесса вздернула подбородок и бросила торжествующий взгляд на душегубов.

— Ты не выиграла, идиотка! — крикнул кто-то из секции отрокаров.

Косандион сложил руки вместе, прикрыл нос и рот, и слегка затрясся, издавая сдавленные звуки. Это было подозрительно похоже на смех. Унесса повернулась к Первому Ученому.

— Несмотря на то, что оценка озвучена грубо, она, несомненно, точна, — сказал он ей. — Ни одна из вас не выйдет победителем в этих дебатах.

Она развернулась на каблуках и прошествовала обратно в свою секцию, ее руки сжались в кулаки.

Ни Унесса, ни Бестата, казалось, не собирались убивать Косандиона. Унесса могла бы попытаться, но она была бы слишком очевидна. Бестата тоже не казалась утонченным типажом. Если бы кто-то из этих двоих нацелился на Суверена, это было бы прямым нападением. То, как он говорил о нем, наводило на мысль о хитром, скрытом враге.

— Вместо того, чтобы ответить на вопрос, рыцарша атаковала свою оппонентку, — сказал Ресвен.

— Она обвиняла ее в неуважении, — сказала Миралитт.

Ресвен поднял брови, но Миралитт не стала вдаваться в подробности.

Косандион взглянул на меня. Он был племянником Калдени, поэтому прекрасно знал, почему Бестата так отреагировала, но хотел публичного объяснения. Возможно, это было для зрителей, смотревших дома.

— Святая Анократия ценит личное превосходство, — сказала я им. — Они стремятся к жизни, полной индивидуальных достижений. Бестате приходилось тренироваться и драться с тех пор, как она научилась ходить. Она знает, что может убить Унессу в индивидуальном бою, даже не повышая частоту сердечных ритмов. Теперь она также знает, что мышление Унессы недостаточно развито. С ее точки зрения, кандидатка от душегубов — бесполезная хорошенькая штучка, недостойная усилий. Она отказалась удостоить ее настоящей

дискуссии.

— Каково ваше мнение об Унессе? — спросил меня Косандион.

Поставь меня в затруднительное положение, почему бы и нет?

— То, как она говорит, и то, как она общается, указывает на то, что она была воспитана душегубами с раннего возраста. Любого, кто смог пережить это, не стоит недооценивать.

Бестата путала образование и сообразительность. Унесса, возможно, имела ограниченное представление об обществе гуманоидов и его сложностях, но она опровергла аргумент Бестаты, даже если она не смогла подобрать подходящих слов, в то время как Бестате нечем было возразить, и она прибегла к оскорблениям.

Где душегубы нашли гуманоидного ребенка? Они купили ее? Украли? Были ли еще такие, как она?

Пришло время снова включить свет. Я остановила его на каях. Прайсен Ол встал, элегантно жестом откинул назад свою многослойную мантию и спустился по пандусу. Он всегда держался с достоинством. Даже сейчас, когда он шел, его жесты были кроткими, правая рука была согнута в локте и держалась поперек тела. Он не размахивал руками при движении, не делал больших шагов. Все это было очень обдуманно и сдержанно.

Самоконтроль был отличным качеством для наемного убийцы.

Прайсен коснулся сферы. Насекомые вылетели по спирали, подлетели к гахеям и заплясали вокруг пурпурных волос Никати, подстать золотой диадеме на его голове. Кандидат из Гахеи встал безупречным грациозным движением и спустился на арену.

Одобрительный ропот пронесся по зрителям и затих.

— Интересно, — заметил Ресвен. — Эти двое кажутся хорошо подобранными.

Я просмотрела видеозапись со вчерашнего ужина, и кое-что привлекло мое внимание. На бумаге Никати происходил из ученой семьи, аристократической, но среднего ранга, и все внешне указывало на то, что он был выбран за свои заслуги и достижения. Глава делегации, Наеома Тасте, был эквивалентом герцога, на шаг ниже королевской семьи. Он обгонял Никати по рангу на милю.

Вчера за ужином Наеома сделал пренебрежительное замечание о донкаминах. Никати мгновение смотрел на него, и герцог опустил глаза. Гахеи были псиониками. Они сражались ментально, пристально глядя друг на друга. Отвести взгляд означало отступить, но опустить взгляд в пол было все равно, что встать на колени со склоненной головой. Полное подчинение.

Только принц мог смотреть на герцога свысока. Никати был членом королевской семьи Гахеи. Я была уверена в этом.

Принц Гахеи, даже если он воспитывался тайно, пережил десятки покушений на свою жизнь. Большинство из них, если не умирали, были опытными убийцами к зрелому возрасту. Его делегация лгала о том, кем он был на самом деле. Они могли сделать это потому, что хотели втайне связать свою родословную с руководством Доминиона, или потому, что нацелились на Косандиона. В любом случае, шансы Никати оказаться убийцей только что взлетели до стратосферы.

Первый Ученый оглядел двух мужчин.

— Перед вами стоит следующий вопрос: почему вы здесь?

— Прежде чем я смогу ответить, — сказал Прайсен, — не будет ли уважаемый Ученый так любезен, чтобы дать определение слову «здесь»?

— Действительно, — согласился Никати. — Справедливая просьба. Означает ли

«здесь» физическое местоположение или фиксированный момент времени? Относится ли это к нашему присутствию или к нашей цели?

— Как мы можем быть уверены, что мы вообще «здесь»? — добавил Прайсен.

Первый Ученый надулся вдвое больше себя, выглядя положительно легкомысленным. Его глаза заблестели.

— Интерпретация полностью зависит от вас. У вас есть сотня мгновений, чтобы собраться с мыслями.

Когда мы в последний раз покидали арену испытаний, Никати, псионику, и Прайсену, ученому, представителю каев-ипохондриков, был задан простой вопрос: почему вы здесь? Сейчас они пытаются ответить на этот вопрос. Выпейте кофе и устраивайтесь поудобнее. Это может занять у них некоторое время.

— ...однако прикладное значение работает в тандеме с прикладной этикой, поэтому значение и определение концепции, воспринимаемые через призму этого набора взглядов, должны рассматриваться в ситуационном контексте.

Прайсен слегка покачал головой.

— Твоя ошибка заключается в стремлении применить множество определений к единственному понятию. Не следует ли нам вместо этого сосредоточить наш поиск на едином, хотя и широком, принципе, который охватывает различные варианты концепции в попытке выделить ее основное значение?

Они занимались этим уже полчаса. Они не только не договорились о том, что означает «здесь», но даже не придумали, по каким параметрам его определять. Большая часть аудитории уже не следила за происходящим. Отрокары играли в кости. Ветви душегубов свесились, сплетая навес, под которым прекрасно, свернувшись калачиком, дремала Унесса. Каи образовали своими телами стену щитов, что обычно случалось, когда им требовалась защита от хищников во время отдыха в предпринятом путешествии. Ресвен поставил локоть на подлокотник, оперся подбородком на руку и задремал. Косандион сдался и просматривал какие-то сложные на вид документы на своем личном планшете.

— Помогите... — прошептал мне Тони на ухо. — Глаза закрываются... Не могу стоять...

Я вывела маленький экран. Тони находился в скрытой башне над трибунами, откуда открывался вид на арену с высоты птичьего полета. Он выглядел так, словно был на полпути к коме.

— Ты же ад-ал! Вспомни свои крутейшие тренировки.

— На все есть пределы.

Я переключила экран на кухню. На нем появилась Капелька, ее милый беличий хвостик приподнялся позади нее.

— Чем могу помочь?

— Можно кофе, пожалуйста, в дорожных кружках-термосах?

— Сколько?

— Четыре.

Косандион взглянул на меня. Умы, которых я знала, любили напитки с кофеином, а граждане Доминиона часто пили чай.

— Сделай пять, — попросила я.

Подбородок Ресвена соскользнул, и он резко проснулся, моргая глазами.

— Шесть, со сливками и небольшим количеством сахара. — Нам нужны были калории.

— Сейчас будет готов.

Никати задумчиво посмотрел на небо.

— Согласен. Давай, для целей этого обсуждения, сузим наш кругозор до конкретного

обстоятельства, регулируемого общим принципом. Как мы определим это обстоятельство?

— Я предлагаю нам начать с самого фундаментального базового уровня. Давай, определим «здесь» как заданную точку в пространственно-временном континууме.

— Это может показаться заманчивым, однако время субъективно и неизмеримо. Оно течет то медленнее, то быстрее, в зависимости от восприятия...

— Кажется, сейчас все идет чертовски медленно! — объявил глава Дома Меер, его глубокий голос разнесся, как сигнал тревоги.

— Мы торчим уже здесь целую вечность! — крикнул кто-то из секции отрокаров.

В моей голове зазвенела «Гертруда Хант», объявляя о том, что Ората выходит из ворот. Я вывела на экран камеру, показывающую прибытие. Она вышла за ворота и сделала всеобщее межвидовое движение рукой «заканчивайте». В отличие от церемонии открытия, дебаты транслировались почти в прямом эфире с задержкой всего на минуту или две. Рейтинги, должно быть, падали.

Из пола появился маленький столик с шестью кофе в металлических кружках-термосах разных цветов. Я взяла одну и предложила Косандиону.

— Спасибо. — Он открыл кружку и сделал глоток. — Восхитительно.

Было интересно, что Косандион никогда просто так не принимал подарок или услугу. Он всегда благодарил, а затем обязательно подчеркивал, что подарок был оценен по достоинству.

Я протянула синюю кружку Ресвену. Он подозрительно посмотрел на нее, открыл крышку и сделал глоток. Его глаза расширились.

Я оставила одну кружку себе, а остальные отправила через пол Шону, Гастону и Тони.

— Святая женщина, — сказал Тони.

Шон отсалютовал мне своей кружкой.

— Нектар богов, — пробормотал Гастон.

— ... так как же мы можем определить «здесь», если время постоянно течет, поскольку единственное мгновение, в котором мы закрепляем наше определение, закончится в этот момент? — поднял вопрос Никати.

Прайсен улыбнулся.

— Эта концепция основана на убеждении, что время действительно проходит, что оно движется все дальше и дальше, что указанное движение поддается измерению. Я ничего подобного не допускаю. На самом деле, я полностью отвергаю идею о том, что время может быть сведено к бесконечным числам. Скорее всего, это лучше всего выразить через конечные числа. Их точности есть предел, поскольку природа по своей сути случайна, хаотична и неточна.

Первый Ученый Тек хлопнул в ладоши.

Ората держала руки перед собой ладонями вверх, растопырив пальцы, словно пыталась поднести к лицу невидимую дыню. Она умоляла меня покончить с этим.

Я подключилась к наушнику Первого Ученого.

— Мы должны покончить с этим.

— Но это так *бодрит*, — прошептал он.

— Мое время ограничено! — крикнул другой рыцарь из Дома Меер. — Каждое мгновение, которое проходит или не проходит, подрывает мою волю к жизни.

— Мы согласны, — хором объявили донкамины.

— Вы знаете, зачем вы здесь? — Суркар вскочил на ноги. — Чтобы победить!

По арене прокатились аплодисменты. Он поднял руки, принимая овацию, и напряг свои отмеченные наградами бицепсы.

— И к дебатам подключается отрокар, — пробормотал Косандион.

Я превратила яйцо Первого Ученого в белый цвет.

— Увы, — объявил Первый Ученый. — У нас не осталось больше времени. Это было бесподобно. Пожалуйста, вернитесь на свои места.

— Кто победил? — крикнул кто-то из «Команды Улыбок».

— Кого это волнует? — крикнула в ответ женщина-отрокар. — Мы все проиграли.

Гастон шагнул вперед.

— **Мы возобновим испытание после короткого перерыва. Пожалуйста, воспользуйтесь прохладительными напитками, чтобы восстановить силы ко второму раунду.**

Из пола выскочили подносы с закусками. Я открыла задние стенки секций, чтобы обеспечить доступ к туалетам отдельных видов.

На моем экране Ората скрестила руки ладонями наружу, что в Доминионе эквивалентно поднятию больших пальцев, и вернулась в портал.

— Кто по расписанию будет следующим после дебатов? — спросил Косандион.

— Оунд от умбол, за которым следует кандидат от донкаминов, — сказал Ресвен.

— Об этом было объявлено?

— Нет, Летеро, — ответил канцлер.

— Поменяйся местами Оунда с Эллендой, — сказал Косандион.

— Да, Летеро.

Шон все еще был внизу, на арене. Я прошептала в микрофон.

— Привет.

— Привет, — сказал он теплым голосом. — Что случилось?

Я замешкалась. Это было немного глупо. Я могла его видеть. Он был рядом. Но мы были так заняты последние несколько дней. Обычно мы проводили время вместе. Мы не были приклеены друг к другу, но обычно вместе кушали. Мы вместе занимались домашними делами. Ночью мы устраивались в удобной комнате, которую я создала для нас, в нашей новой совместной спальне, и играли в видеоигры или смотрели телевизор с Чудовищем и Олазардом.

Сейчас у нас ничего из этого не получалось. Мне казалось, что я почти не вижу его, что было почему-то хуже, чем, если бы его вообще здесь не было, как тогда, когда он ходил в свои вылазки с Уилмосом. Я скучала по нему, но говорить об этом вслух казалось довольно нелепо.

— Ты в порядке?

— Я *скучаю* по тебе.

— Я тоже скучаю по тебе.

— Ах, любовь-любовь, — промурлыкал Гастон.

— Отвратительно, — сказал Тони. — Если бы не миссия, я бы отключил вас обоих.

Звук, похожий на звук трубы, запульсировал по арене, объявляя об окончании перерыва.

СУРКАР ИЗ ОТРОКАРОВ УСТАВИЛСЯ НА ОУНДА В ЕГО АКВАРИУМЕ. Это явно не тот противник, которого он предпочел бы. Тем хуже для него. Сферы были расставлены случайным образом. Даже я не знала, кто где.

— Я должен спорить с рыбой? — спросил он.

— Ксенофобия никого никогда не приводила на путь просветления, — сказал ему Первый Ученый.

Суркар на мгновение поднял глаза к небу, словно приглашая солнце стать свидетелем его невзгод. Он собирался дискутировать с космической рыбой, а их дискуссия будет проходить под председательством космической курицы. Это было испытание, не соответствующее его положению. Его образ героя Орды немного страдал, но закаты и истерики по этому поводу сделали бы его похожим на капризного ребенка, и он это понимал.

— Задавайте свой вопрос, — прорычал он.

— Что самое лучшее в жизни? — провозгласил Первый Ученый. — У вас есть стс мгновений на раздумья.

О, милая Вселенная.

— Шон, я знаю, что это был ты, — прошептала я.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — сказал Шон.

— Мы только недавно пересмотрели этот фильм^[12], около месяца назад.

— Давай посмотрим, что он ответит.

Суркар расправил плечи, будто шел в бой на знакомой земле и только что заметил брешь в линии противника.

— *Сокрушать своих врагов*, — пробормотал Шон, ужасно имитируя австрийский акцент. — *Видеть, как их везут...*

— Он не собирается этого говорить. Ником образом. — Было мало вещей, на которые я была готова поставить свою жизнь, но Суркар из Орды Сокрушающей Надежду, не смотревший «Конана-Варвара», была одна из них.

Яйцо Первого Ученого побелело.

— Победа! — объявил Суркар.

Оунд расправил плавники и позволил им мягко колыхаться в воде, словно прозрачное покрывало, развеваемое ветром. Его переводчик вспыхнул, и из динамиков в основании аквариума раздался мягкий голос.

— Безопасность.

— Победа — это единственный способ достичь безопасности! — прорычал чемпион отрокаров. — Сокрушить своих врагов!

Шон издал сдавленный звук мне в ухо. Тони фыркнул.

— Уничтожить их армии. Отогнать их назад. Заставить их подчиниться. Наполнить их сердца страхом и овладеть их умами, чтобы они трепетали при одном упоминании твоего имени. Вот как надо обеспечивать безопасность.

Плавники Оунда закачались взад-вперед.

— Неправда.

Суркар нахмурился.

— Что может рыба знать о битве или чести?

Плавники Оунда развернулись, изогнулись и щелкнули, и его переводчик последовал за ними.

— Я знаю глубокую воду. Я вкусил тьму, такую густую и холодную, что она ослепляет все чувства, место без течения, где не существует направления. Я стал свидетелем существ, которые живут в ней. Я видел челюсти монстров, которые появляются на свет по всей длине

океана. Я знаю цену безопасности. Независимо от того, насколько ты силен, есть враги, которых ты не можешь сокрушить.

— Говоришь как трус.

— Ты пытаешься принизить меня. Ты плавал в глубокой воде? Ты можешь убить левиафана?

Суркар пожал плечами.

— Хорошо. Как твой народ обеспечивает безопасность? Просвети меня.

— В океане есть огромные кораллы. Коралл растет медленно благодаря усилиям крошечных существ, и все же с годами он разрастается и дает приют другим жизням. Рыбы носятся вокруг него, играя и питаясь; моллюски ползают под ним, очищая дно океана; десятки видов питаются, живут и размножаются в пределах его роста, и если появится хищник, они спрячутся в прочных стенах коралла, и большинство из них выживет. Если надо обеспечить безопасность, то ты должен стать кораллом. Помогать другим. Сделать себя незаменимым для них. Показать им, что порознь вы боретесь, но вместе вы процветаете.

Суркар усмехнулся.

— Вот так получают рабы. Сделай себя незаменимым, и те, кто сильнее, закуют тебя в цепи. Почему они должны уважать тебя или заботиться о твоём благополучии, если они могут просто заставить тебя выполнять их приказы? Без силы возмездия ни один из твоих талантов не имеет значения. Ты станешь низшим из низших, обреченным на жалкое существование. Нет, мой народ так жить не будет. Я дорожу своей свободой. Я не буду отодвигать это в сторону. Я не буду съезживаться.

— Неправда.

— Я не лгу, рыба, мне это не нужно. Я достаточно силен, чтобы заставить других страдать из-за дискомфорта от моих правдивых слов.

— Убивая своих врагов, — сказал переводчик Оунда мягким и печальным голосом. — Убивая родителей. Убивая потомство. Таким образом, безопасность не повысишь. Ты плодишь воспоминания, которые прорастают глубоко в животах выживших, как морские ежи, покрытые шипами. Они причиняют боль до тех пор, пока те, кого ты раздавил, не вернутся, чтобы раздавить тебя и вырвать источник их боли.

Суркар оскалил зубы.

— Они пожалеют об этом.

— И тогда ростки боли будут посеяны снова. В свою очередь, твой народ будет испытывать собственную тоску и будет стремиться отомстить. И так оно и будет продолжаться, цикл боли никогда не закончится.

— Горнило мести делает нас сильными, — сказал Суркар. — У меня было шесть братьев и сестер. Война унесла четверых. Остались только я и мой брат. Мы самые сильные в нашем клане. Одержав победу, мы доказали свое право на жизнь.

Крошечные искорки света вспыхнули вдоль плавников и тела умбола. Оунд повернулся в своем аквариуме, очертив полный круг. Это было захватывающее дух зрелище, желтые и красные огни скользили по его слоистым плавникам, грациозные и красивые. Он поднял плавники, опустил их и снова повернулся, как живое пламя.

Арена наблюдала за происходящим в приглушенной тишине.

Завораживающие плавники пульсировали мягким, красивым светом.

— Что он делает? — спросил Суркар.

— Он танцует для тебя, — сказал ему Шон.

— Зачем?

— Ты — дитя боли, — сказал переводчик Оунда. — Ты страдал. Это небольшой подарок, мгновение, свободное от страданий.

Суркар долго смотрел на него.

— Красивый танец. Жаль, что танцами не выигрывают войны. Я дам тебе совет: когда враг придет за жизнями твоих детей, собери их и убегай в свой коралл. Не трать время на танцы.

Он повернулся к Первому Ученому.

— Этот фарс окончен.

— Очень хорошо, — сказал Первый Ученый.

— Есть ли у умбол профессии в традиционном смысле этого слова? — спросил Косандион.

— Да, — ответила я ему. — Оунд — оокариш, исключительно красивое существо, чья работа состоит в том, чтобы танцевать для тех, кто обижен.

Следующей была Цианид. Красивая и холеная хиггра вышла на арену на нежных пушистых лапах, очень похожая на мифическую двоюродную сестру земного снежного барса.

У большинства видов развились придатки, которые позволяли им манипулировать вещами. У хиггр их не было. Они все еще ходили на четвереньках, сидели на корточках или лежали в специальных креслах, когда им приходилось делать что-то сложное. Их пальцы были ловкими, но именно их когти делали возможным использование вещей. Длинные и изогнутые, они обеспечивали исключительную точность. Хиггра мог вынуть желток из яйца и пронести его через милю по пересеченной местности, не разбив. Предполагалось, что хиггры вообще не эволюционировали, а были усилены какой-то развитой цивилизацией, затерянной во времени. Их происхождение было одной из загадок Галактики.

Цианид разрезала когтями одну из оставшихся трех сфер, когда ее собственная сфера исчезла из поля зрения. Насекомые поместили представителя донкаминов. Он подошел и встал рядом с ней на арене.

— Вы верите в судьбу? — спросил Первый Ученый. — Это ваш вопрос. У вас есть сотня мгновений, чтобы поразмыслить.

Цианид не стала утруждать себя ожиданием в течение 100 мгновений.

— Да. То, что должно быть, то и произойдет.

Донкамин повернул шею в сторону, вытянув ее на два фута. Мой желудок пытался выползти из моего тела.

— Мы — архитекторы нашего будущего. Судьба — это пустое понятие.

Цианид улыбнулась, показав свои синие десны и сверкающие белые клыки.

— Если все предопределено, зачем вообще пытаться что-то делать? — задал вопрос кандидат-донкамин.

— Конечно, нужно пытаться. Будущее непознаваемо, и мы слепы к тому, что должно произойти. Наша жизнь — это испытание, с помощью которого нас оценивают. Чтобы заслужить свою судьбу, нужно доказать, что ты ее достоин.

— Нет никаких доказательств того, что судьба существует.

— Нет никаких доказательств того, что у кого-то есть душа, и все же мы здесь.

— У меня нет души, — заявил кандидат-донкамин.

— Тогда я больше не буду с тобой разговаривать, бездушный. Наш диалог будет

бессмысленным.

Цианид развернулась и вернулась на свое место.

Отлично. Это быстро закончилось.

Первый Ученый подождал, пока все рассядутся, и расправил крылья.

— Последние две кандидатки могут выходить.

Два пандуса развернулись от секций «Команды Улыбок» и Храма. Амфи первой вскочила на ноги. Она практически подпрыгнула. Длинное фиолетовое платье, украшенное геометрической белой и черной вышивкой, облегалo ее фигуру. Цвет был красивым и глубоким, но немного блеклым. Асимметричный вырез опускался под ее левую подмышку, затем широкой складкой поднимался на правое плечо. Это было не столько бальное платье, сколько официальное парадное платье, подобающее супруге Суверена. Ее темные волосы были собраны на макушке в искусную прическу — ни один волосок не выбивался. Ее ноги украшали черные босоножки. Все это выглядело со вкусом и достойно.

Леди Вексин тоже была одета в пурпур, но ее наряд был безудержным торжеством аметиста. Ее полупрозрачное платье развевалось при малейшем дуновении ветерка, будучи радужно-фиолетовым в центре, затем переходящее в огненно-розовое и, наконец, становящееся ярко-желтым. Ее волосы были убраны с лица в замысловатую розу, закрепленную колючим золотым орнаментом, похожим на стилизованные солнечные лучи. Длинный разрез платья раздвигался, когда она шла, давая возможность мельком увидеть ее загорелые округлые бедра. Дюжина ножных браслетов позвякивала крошечными колокольчиками, когда она двигалась, и когда ветерок откинул в сторону подол ее платья, я увидела, что она босиком.

Они стояли бок о бок, элегантная, мрачная обитательница дворца и яркая светлая женщина, которая чувствовала бы себя как дома на цветущем лугу.

— Перед вами ставится следующий вопрос: что такое любовь? — спросил Первый Ученый. — У вас есть 100 мгновений.

Шон стал напевать мне на ухо знакомую мелодию. Я стала подпевать. Она цепляла, а я так устала.

— Не делай мне больно...^[13] — присоединился Тони.

Яйцо стало белым.

— Любовь — это сложное понятие, — сказала Амфи. — Она вроде бы абстрактна, но обладает способностью воздействовать на живые существа. Ее воздействие необратимо, и те, кто испытывает ее, навсегда меняются и часто получают шрамы, и все же, несмотря на пережитую боль, некоторые из них ни о чем не жалеют. Можно сказать, что любовь — это процесс возвышения, преобразующее путешествие от низменного животного побуждения к почти духовной чистоте чувств, от принуждения обладать, к просветлению самопожертвования, трансцендентности, которая больше не требует взаимности, и существует независимо от объекта желания. Она может быть страстным стремлением или признательностью, коренящейся в уважении, она может быть односторонней и беспристрастной, как любовь божества к своим последователям или правителя к своим подданным.

Первый Ученый кивнул.

— Любовь порождает вопросы. Это, правда, что она исцеляет, но в то же время может и навредить. Человек должен любить себя, но слишком большая любовь к себе приводит к тому, что человек идет на компромисс с этикой и становится слепым к собственным

недостаткам. Можно было бы сказать, что любовь — это стремление к самореализации, поиск добродетели и красоты в других, которых нам не хватает в самих себе. Также верно, что любовь существует вопреки разуму, потому что, когда мы любим кого-то, мы игнорируем его недостатки, позволяя его настроению и благополучию влиять на нас. Хотя она корень милосердия, она также своего рода безумие. В заключение, любовь — это многослойный феномен, который необходимо рассматривать в определенном контексте, поскольку она слишком широка для обобщений. Ее сила огромна, ее воздействие длится всю жизнь, и она заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Первый Ученый снова кивнул и посмотрел на леди Вексин.

Она улыбнулась ему в ответ. Легкий румянец коснулся ее щек. Она взглянула на Косандиона.

— Любовь — это то, что я *чувствую* к Его Величеству.

Ресвен хлопнул себя ладонью по лицу. Амфи уставилась на леди Вексин с открытым ртом.

— Он моя любовь, и я больше никого в жизни не буду так любить.

Леди Вексин слегка помахала Косандиону и улыбнулась.

Когда мы в последний раз покидали гостиницу, дебаты были закончены, и жители Доминиона в виде Орды Пожирателей Книг были заняты голосованием за своего фаворита в официальных рейтингах. Тем временем Дина отчаянно пыталась выяснить личность убийцы, нацелившегося на Косандиона. К сожалению, дебаты оказались менее, чем поучительными.

Душегубы уставились на меня. «Уставились» фигурально в их случае, поскольку их глаза были спрятаны в расщелинах коры. Они как бы расселись, стоя прямо и раскинув свои ветви, чтобы занять как можно больше места. Их конечности скользили друг по другу подальше от меня, напоминая темные, кошмарные щупальца, готовые хватать и сжимать. Дерево скрипело и стонало, когда они двигались, наводя на мысль о звуке ломающихся под давлением человеческих костей.

Шон рядом со мной, казалось, не был впечатлен. Меня это тоже не впечатляло.

Все остальные уже были отправлены в свои апартаменты, включая Унессу. Через три часа Косандион должен был пойти на свое первое свидание, которым должна была стать Элленда, а всех остальных пригласили на ранний ужин, но до тех пор делегации оставались взаперти. На сегодня с нас было достаточно общения.

Самый большой душегуб протянул ко мне свои ветви, держа их надо мной, как пальцы огромных рук, готовые сбить меня с ног. Переводчик, прикрепленный к его коре, зашипел и заговорил низким мужским голосом.

— Предложение. Вы прекращаете вмешиваться, или мы убьем вас и сломаем ваше домашнее дерево. Вы хотите это обсудить?

Это было не первое мое душегубское родео.

— Вы следуете правилам, или мы убьем вас, отправимся на вашу планету и уничтожим ваши саженцы огнем.

Вожак заскрипел, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Заблуждение: вы не покинете свое дерево. Вы не можете отправиться на нашу планету. Подчиняйтесь, или мы убьем вас. Вы хотите это обсудить?

— Я убью вас здесь. Он отправится на вашу планету. — Я указала на Шона.

Шон показал им свои зубы. Пол арены раздвинулся, обнажив заросли сорняков на клумбе. Из камня вылетели два сопла. Первый выпустил на растения аэрозоль жесткого взрывчатого средства от сорняков. Сорняки пожухли. Душегубы отступили. Вторая насадка щелкнула и выплюнула струю пламени, превратив увядшие сорняки в миниатюрный факел.

— Мы убьем. Вы умрете. — Я впиалась в них взглядом. — Нет необходимости обсуждать. Возвращайтесь в яму.

Душегубы заскрипели и зашипели.

Я постучала метлой по каменному полу. Низкий звук запульсировал по арене, сотрясая мои кости. Душегубы были чувствительны к вибрации и звукам. Именно так они опознавали свою добычу.

Деревья отпрянули назад.

— Подчиняйтесь!

Душегубы сбились в кучу, сложив ветви. Я вскрыла пол под ними и направила их по

скользкому отростку в яму.

Шон засмеялся.

— К сожалению, это еще не конец. Они целеустремленные придурки. На этот раз я удивила их, но они вернутся с чем-нибудь еще.

— Что случилось с их подругой?

Я обернулась. Первый Ученый стоял прямо за мной, в то время как двое его учеников-помощников держались на почтительном расстоянии. Предполагалось, что Гастон проводит его домой, но его нигде не было видно.

— Ей причинили вред? — спросил Первый Ученый.

— Нет, — сказал Шон. — Я отправил ее обратно в яму.

Душегубы были раздельнополыми, с мужскими и женскими деревьями. Отличить их друг от друга было практически невозможно, но только самки производили споровые капсулы.

— Их споровые капсулы не смертельны, — объяснила я. — Они вызывают временный ступор. Они бросают их в отдаленную добычу, чтобы вырубить ее, чтобы потом они могли подобраться поближе и съесть.

Если бы снаряд-капсула попал в Бестату, она, возможно, заснула бы. Но с метаболизмом вампира, снаряд мог просто замедлить ее, и тогда мы увидели бы потрясающее воплощение Пола Баньяна^[14] в рыцарских доспехах с вампирским оружием. Заряженный кровавый меч мог пронзить взрослого душегуба за два или три взмаха, и я даже не могла объяснить словами, как я была счастлива, что мы вообще избежали этой неразберихи.

— Мы заботимся о безопасности всех наших гостей. Даже самых надоедливых, — сказал Шон.

— Кстати, о гостях, — сказал Первый Ученый. — Может ли гостиница вместить еще троих? Я хочу посмотреть, как закончится этот отбор.

— Мы были бы рады видеть вас с нами, — сказала я ему. — Но как насчет ваших лекций?

Первый Ученый вздохнул.

— Управление развитием молодых умов — трудная и изматывающая задача. Нужно отдыхать, чтобы быть максимально эффективным, и несколько дней самообучения и личного созерцания были бы полезны для моих студентов.

Курятник ку-ко все еще хранился у меня на складе, но он был слишком большим. Я вырезала новый набор комнат в крыле наблюдателей и начала превращать их в небольшую среду обитания. Что ему нравилось в прошлый раз? Просо. Вот и все. Мне нужно было бы сообщить Орро.

Зазвонил сотовый Шона. Он достал его из кармана мантии и посмотрел на него.

— Мараис.

Офицер Мараис подрабатывал нашим охранником. У него накопилась куча отпусков, поэтому он взял недельный отпуск, чтобы охранять «Гертруду Хант». Он, к сожалению, не поделился этим фактом с женой. У меня было предчувствие, что за это ему придется чертовски дорого заплатить.

Шон несколько мгновений прислушивался.

— Я сейчас буду. — Он повесил трубку и повернулся ко мне. — У нас появились протестующие.

— Что?

— Какая-то религиозная группа Доминиона протестует перед гостиницей. У них проблема с выбором пары.

— Средь бела дня?

Я вывела трансляцию с уличных камер на ближайший большой экран. Три человека стояли перед гостиницей, сразу за границей. Должно быть, они использовали оттенок для кожи, потому что их кожа выглядела по-земному. Их высокотехнологичные плакаты, выполненные из маленьких металлических стержней и светящиеся неоном, так не выглядели.

— Я разберусь с этим, — сказал мне Шон.

Он бросился к стене. Гостиница открыла для него вход.

Я отмахнулась от экрана.

— Что-то срочное?

— Не волнуйтесь, Шон справится с этим. — Я закончила комнату и открыла проход в крыло наблюдателей. — Позвольте мне показать вам ваши комнаты.

Мы пошли по коридору. Это был мой шанс поковыряться в его мозгах. Нам все еще предстояло разобраться со скрытым убийцей.

— Каково ваше мнение о Никати?

— Умный, красноречивый и хорошо образованный, — сказал Первый Ученый. — Но, увы, ненастоящий философ.

— Почему?

— Никати разделяет те же недостатки, что и Амфи, хотя у нее они более очевидны.

— Я думала, она хорошо справилась.

Первый Ученый покачал головой.

— У нее были хорошие учителя. Они научили ее, как находить знания и как ими пользоваться, но им не удалось зажечь искру оригинальной мысли. Правда в том, что знакомство с мыслями тех, кто был до нас, является основой философии, но это только первый шаг. Следующий шаг — выработать свой собственный взгляд. Гораздо более ужасающее начинание.

— Получается, Амфи проиграла?

— Без сомнения. Какой вопрос я задал?

— Что такое любовь?

Первый Ученый кивнул.

— Вот именно. Я спросил их об их определении любви. Амфи просто объявила, что любовь сложна, пересказала то, чему ее учили, и повела нас по кругу к своему тезису. Она так и не ответила на этот вопрос.

— А леди Вексин?

Глаза Первого Ученого загорелись.

— Такая прекрасная лаконичная демонстрация принципа Тессидекта. Он был одним из основополагающих философов, вышедших из скопления Омега Центавра около тысячи лет назад. Тессидект предположил, что любовь, по сути, обязывает. Независимо от того, взаимна она или нет, она создает отношения между существом и объектом его желания, формируя свой собственный микрокосм. Миниатюрную вселенную нашего собственного создания, разрушающую все аспекты пространственно-временного континуума. Когда вы влюблены, ваше восприятие, ваше внутреннее равновесие, даже ваше чувство времени и места меняются.

Интересно. Я никогда не думала об этом *с такой* точки зрения.

Первый Ученый продолжал, размахивая на ходу своей указкой.

— Поскольку каждое существо уникально и не похоже ни на одно другое, уникальна и их любовь, и микрокосм, который она создает. Ее нельзя определить, ее можно только пережить.

Правда. Я была влюблена до того, как встретила Шона, но мои отношения с ним были непохожи ни на какие другие. Это было... это было по-другому, и я не могла до конца выразить это словами.

— В двух коротких предложениях леди Вексин передала саму суть этой концепции: ее любовь нельзя объяснить, ее можно только почувствовать, она не похожа ни на какую другую, и она предпочитает ее всем предыдущим любовям, которые испытывала. Я не должен был ожидать ничего меньшего от ученицы Храма Желания. В конце концов, у них прекрасное образование.

В леди Вексин было гораздо больше, чем она показывала миру, хотя некий многострадальный канцлер, скорее всего, сказал бы Первому Ученому, что он слишком высоко оценивает ее.

— Но Прайсен Ол — настоящая находка в этой компании. Вы заметили, что он процитировал Секвиста? Я знаю многих ученых, которые воздержались бы даже от упоминания этого имени. Планетофаг, суперорганизм, путешествующий с планеты на планету, пожирающий жизнь, чтобы поддерживать свою собственную, но все же осознающий и мучимый своим существованием, проклятый, оскорбляемый и, наконец, уничтоженный. И вот этот молодой человек, у которого не только хватило смелости процитировать его исследование своей цели, но и расширить его, добавив свои собственные наблюдения. Я почти уверен, что он родом из монастыря Са. Его аргументы отличаются особым непринужденным, но утонченным подходом.

— Может ли он быть самозванцем?

— Невозможно. Должно быть, он посвятил себя учебе с самого раннего возраста. Я видел множество молодых аспирантов, но этот человек приложил немало усилий.

Если Прайсен Ол был настоящим ученым, это делало его менее вероятным убийцей. Не исключено, но и не так вероятно. Прямо сейчас мои деньги были поставлены на Никати. Но была еще леди Вексин, которая обладала уникальным пониманием древней философии, «хорошо двигалась» и заслужила визит Калдени. И Элленда, которая теперь была раскрашена траурной краской, возможно, потому, что знала, что собирается убить Косандиона, и не переживет последствий. Кандидатам было обещано свидание с Сувереном один на один, но это не было гарантией. Кандидат может быть исключен до того, как наступит его очередь на свидание. Элленда отставала в рейтинге, поэтому она нанесла траурную краску, зная, что Косандион поймет к чему это и отреагирует. Теперь у нее будет свидание и прекрасная возможность нацелиться на него...

Мы добрались до новых покоев, которые я только что создала. Я открыла дверь. Нас ожидала уютная комната, не слишком большая и не слишком маленькая, ее стены были увиты ветвями деревьев, предлагающими удобный насест. Три домика-гнезда выступали из стен треугольником вокруг центрального неглубокого бассейна. Среднее гнездо было больше остальных и украшено разноцветными камешками. Три окна, каждое с отдельным выступом, заливали комнату солнечным светом. Две другие, поменьше, комнаты разветвлялись в стороны, одна служила ванной, а другая — кабинетом.

— Прекрасно, — пробормотал Первый Ученый. Он махнул крыльями своим помощникам.

Они приблизились. Один из них осторожно вытащил несколько больших булавок из перьев Первого Ученого, другой схватил головной убор и сорвал его с головы Первого Ученого.

Старший ку-ко вздохнул с облегчением, сел на край бассейна и опустил свои когтистые лапы в воду. Его перья распушились, раздув его вдвое по сравнению с обычным обхватом.

Я открыла рот, чтобы пожелать ему приятного пребывания.

Гостиница зазвенела у меня в голове. Кто-то пытался открыть канал связи с Баха-чар.

Гостиница вывела для меня экран, и я ответила на звонок. Появилась женщина, закутанная в шаль, так что была видна лишь небольшая часть ее лица. Ее кожа была пестрой, цветовой узор, который обычно можно увидеть у пестрой собаки или черепаховой кошки, и усеяна крошечными ромбовидными выступами. Нет, не выступами, а тонкими чешуйками. Она явно принадлежала к человеческому типу, но я никогда не видела ничего подобного.

— Вы хранительница гостиницы? — прошептала она настойчивым голосом.

— Да.

— Суверен в опасности. Один из кандидатов не тот, за кого себя выдает. Встретимся у стеклянного ларька на Кривой улице. Я буду ждать полчаса. Никаких мужчин.

Экран потемнел.

Я ШЕСТВОВАЛА ПО ГОСТИНИЦЕ В ДОРОЖНОЙ МАНТИИ: невзрачной, се- поношенной и слегка изодранной. Шон шагал рядом со мной, выглядя, как грозовая туча, готовая разразиться молнией.

— Это небезопасно.

— Я возьму с собой энергетический хлыст и метлу.

Метла, переделанная в посох для удобства переноски, была в чехле на липучке у меня за спиной. Энергетический хлыст был у меня на поясе под мантией. Сжатие его высвобождало нить длиной в семь футов, которая могла бы отделить человеческую голову от тела, мгновенно прижигая рану. Я практиковалась с ним, и я стала достаточно хороша, чтобы не нуждаться в перчатке, которую я обычно надевала для него. Перчатка была единственной вещью, которую хлыст не резал, но она также причиняла боль моей руке, когда я ее надевала.

Лицо Шона превратилось в суровую маску.

— Этого недостаточно. Я пойду вместо тебя.

— Ты придешь, и ничего не случится. Она сказала: «никаких мужчин».

— Меня не волнует, что она сказала.

— Я уже поняла.

— Ты здесь единственная женщина-хранительница. Если они хотят изолировать тебя, это идеальный способ сделать это. Пошлите женщину, которая притворяется испуганной, так чтобы ты никак не могла привести подкрепление.

— Я приведу подкрепление.

Дверь передо мной распахнулась, и я вышла на террасу, где Карат, Гастон и Дагоркун пили чай и смотрели, как Куки гоняется за желтой бабочкой в саду. Это было похоже на начало шутки. *Рыцарь, воин и шпион заходят в бар...*

— А вот и наши милые хозяева, — сказал Гастон. — О-о-о. Мне не нравятся эти

выражения.

Два бойца насторожились, как акулы, почуявшие кровь в воде.

— Какие-то проблемы? — спросил Дагоркун. — Пожалуйста, пусть будут неприятности. Мне нужно выпустить наружу много накопившегося разочарования.

— Леди Карат, — сказала я. — Не хотели бы вы совершить короткую прогулку?

Глаза Карат сузились.

— Какого рода прогулка? Потребуется ли для этого заряженное оружие?

— Возможно.

Она вскочила.

— Поехали! Я возьму свой меч.

Карат нырнула внутрь, в общую комнату, и побежала в свои покои.

— Видишь? — спросила я Шона. — Подкрепление.

Он зарычал.

— Хорошо.

— Я буду протестовать! — прогрехотал Дагоркун.

— Прогулка для девочек, — сказала я ему. — Никаких мужчин.

— Я должен пойти, — крикнул Куки из сада.

Как, черт возьми, он вообще нас услышал?

— Куки, ты мужчина.

Куки улыбнулся в усы.

— Очень тихий, очень хитрый мужчина, которого никто не заметит.

В глазах Шона появился задумчивый огонек.

— Нет, — сказала я ему.

Карат вышла на террасу. На ней был длинный темный плащ, распахнутый спереди, вследствие чего виднелся массивный меч, пристегнутый к бедру. Она поплотнее запахнула плащ и подняла капюшон.

— Готова.

МЫ С КАРАТ СПЕШИЛИ ПО МНОГОЛЮДНЫМ УЛИЦАМ БАХА-ЧАРА. У НЕЙ оставалось около пятнадцати минут.

— Почему Кривая улица? — проворчала Карат. — А она не могла выбрать что-нибудь поближе?

— Поймешь, когда мы туда доберемся.

Мы миновали еще один переулок, свернули в следующий и вышли на Кривую улицу. Это был не столько изгиб, сколько подкова с ответвляющимися с обеих сторон узкими переулками. Повсюду возвышались высокие здания с террасами, соединенные переходами, мостами и разноцветными парусиновыми тенями. Покупатели заполнили переулки.

— Поняла, — сказал Карат. — Это лабиринт.

— Да. Легко убежать и исчезнуть.

— Если она убежит, должна ли я преследовать ее?

— Нет. Мы пришли сюда с добрыми намерениями. Она скажет то, что должна сказать, или не скажет.

Стеклянный киоск находился посередине улицы, видимый издали из-за высокой мачты, которая выступала из входа, возвышаясь над улицей под углом, как огромная удочка. С нее свисали стеклянные безделушки всех цветов и форм, украшения, колокольчики,

призмы, подвесные вазы, сверкающие и переливающиеся на свету.

Мы остановились прямо под мачтой. Покупатели двигались мимо нас непрерывным потоком. На другой стороне улицы группа низкорослых волосатых существ, похожих на гибрид обезьяны и осла, с энтузиазмом торговалась с владельцем оружейного магазина, тачи, взбираясь друг на друга, чтобы удобнее визжать ему в лицо. Насекомоподобный тачи был удивительно терпелив к их глупости.

— За нами наблюдают, — сказала Карат.

Я тоже это почувствовала — сосредоточенный взгляд, изучающий нас с отчаянной интенсивностью.

Мгновения тянулись незаметно.

Пятно света упало на плащ Карат и скользнуло ко мне. Я подняла голову.

Здание, в котором размещался оружейный магазин, имело форму перевернутой буквы L. Его нижний этаж был самым широким. С правой стороны здание возвышалось на три этажа. Слева большая терраса на крыше простиралась от второго этажа до верха оставшегося первого этажа. Узкая каменная лестница, втиснутая между левым концом террасы и соседним зданием, являлась единственным выходом на террасу с улицы.

На этой террасе одинокая фигура, закутанная в шаль, стояла у каменных перил, держа в руке маленькое зеркальце.

— Мы приглашены, — сказала Карат. — Мы прошли проверку.

— Похоже на то.

Мы перешли улицу и подошли к узкой каменной лестнице. Терраса находилась в сорока футах над улицей, слишком далеко, чтобы перепрыгнуть. Если мы поднимемся туда, лестница будет единственным путем вниз.

Карат посмотрела на лестницу.

— Твоя сестра сообщила мне, что ты не боец. Если возникнут проблемы, прячься за мной.

— Спасибо тебе за это щедрое предложение.

— Это было не предложение.

Она действительно была лучшей подругой Мод. Они были совершенно одинаковыми.

Терраса была пуста, если не считать женщины с зеркальцем. Как и ожидалось, там было только два выхода: лестница, по которой мы поднялись, и дверь, ведущая на второй этаж оружейного магазина. Дверь была открыта, и что-то стояло прямо внутри, скрытое во мраке.

— Боевой дроид, — пробормотала Карат.

— Откуда знаешь? Слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

— Я слышу запах смазки и охлаждающей жидкости.

Одним словом — вампиры.

Карат остановилась. Я тоже остановилась. Женщина некоторое время наблюдала за нами, затем подошла. Она двигалась очень тихо. Она подошла к нам на расстояние трех футов и протянула маленький планшет. На нем ухмылялось знакомое лицо. Стрижка была другой, одежда не соответствовала его нынешнему имиджу, а его улыбка была порочной, но сомнений не было.

— Его имя, его настоящее имя — Кумбр Аджи. Его отец правит бродячим флотом метеоритного пояса Мутерзен.

— Пират, — выплюнула Карат. — Ненавижу пиратов.

— Он вырос в роскоши, созданной за счет страданий многих других. Он безжалостный

садист.

Женщина опустила капюшон. Крошечные чешуйки покрывали ее лицо. С ее большими темными глазами и тонкими чертами лица она слыла бы красавицей по любым стандартам. Большой шрам пересекал левую сторону ее лица, протянувшись по диагонали от носа к челюсти. Края шрама были красными и рваными. Еще один шрам охватывал ее шею, старый и толстый от многократных ран. Это был такой шрам, который могла бы получить собака, если бы натянула ошейник с шипами внутри.

— Я была изменена для него. Чтобы доставлять ему удовольствие. Весы — его фетиш. Он сделал это. — Она указала на шрам на своем лице. — И это. — Она указала на свою шею.

Ее глаза сказали мне, что она не лжет. Они были полны боли и холодного гнева, своего рода ярости, которая горела как огонь, но подавлялась так долго, что превратилась в лед. Эта женщина страдала так, как я, вероятно, даже не могла себе представить. Люди говорили, что глаза — это окно в душу. Если это было правдой, то ее душа была изранена.

Карат застыла, как статуя.

— За голову Суверена назначена награда. Ее достаточно, чтобы купить целый автопарк. Его уверенная улыбка вспыхнула воспоминанием передо мной.

— Но дело не в деньгах, не так ли? — спросила я.

— Нет. Он хочет превзойти своего отца. Этот поступок принесет ему большой престиж и почести среди тех, кем он стремится однажды править.

— Он нацелен на пиратский трон, — сказала Карат.

Женщина кивнула и вернула капюшон на место.

— Теперь вы знаете, где искать. Вы можете подтвердить все, что я сказала. Я прошу только, чтобы вы не убивали его. Он и его отец в долгу передо мной за смерть моих родителей.

— Как вы думаете, вы сможете получить то, что вам причитается? — спросила я.

— Все, что мне нужно, — это небольшое окно возможностей. Выстрел. — Женщина обнажила клыки. Они были длинными и тонкими, как зубы кобры.

— Вы знаете, где дверь в мою гостиницу, — сказала я. — Если то, что вы говорите, правда, завтра будет подходящее время быть поблизости.

— У меня нет причин доверять вам, — сказала она.

— Я знаю ее и ее сестру. Они не лгут. Вы получите свой шанс. Не тратьте его впустую, — сказала Карат.

Женщина повернулась и пошла прочь, исчезая в здании. Дверь за ней закрылась.

Мы направились к лестнице.

— Ты ей веришь? — спросила рыцарша-вампира.

— Доверяй, но проверяй, — пробормотала я. И я знала как раз того человека, который мог бы за короткое время раздобыть мне необходимую информацию.

Неприятное ощущение холода разлилось по моему позвоночнику, словно ледяная гниющая слизь капнула мне на затылок. Отвращение пронзило меня. Я узнала эту магию.

— Стой!

Карат замерла, ее нога застыла в дюйме от земли.

Какое-то существо поднималось по лестнице. Его длинное, изодранное одеяние, так похожее на мое, скользило по камням, будто оно плыло, а не шло. Широкие рукава скрывали его руки, а внутри глубокого капюшона была темнота.

Карат опустила ногу и сняла меч с бедра. Ярко-красный свет вырвался из рукояти,

пробежав по венам внутри лезвия. Кровавое оружие взвыло, заряжаясь.

Искаженный ад-ал вышел на террасу и встал перед нами, блокируя наш побег. Свет упал на нижнюю половину его лица, и я увидела очертания бледной кожистой челюсти. Нам отрезали путь. Лестница и здание за ней были перед нами, оружейный магазин был позади нас, и я сильно сомневалась, что таинственная женщина впустит нас.

Существо подняло правую руку. Его рукав откинулся, обнажив чудовищную руку, сжатую в кулак. Искаженный ад-ал разжал свои длинные когтистые пальцы. На камни упала прядь длинноватых волос, черных с проседью.

Мурашки поползли вверх по моим рукам. *Уилмос.*

— Кто-то, кого ты знаешь? — спросила Карат, пристально глядя на существо.

— Да. Эта штука стреляет молниями. Не пытайся блокировать их.

Призрачный ветер развевал одежду искаженного ад-ала. Зловонная магия сгустилась вокруг него, как тошнотворное облако.

— Он жив? — задала я ему вопрос.

Ад-ал не ответил.

— Чего ты хочешь? Что я могу обменять у тебя на его жизнь?

Магия пульсировала так сильно, что меня чуть не стошнило.

Что-то прыгнуло с крыши здания перед нами. Оно пролетело по воздуху и врезалось в ад-ала.

Женщина-оборотень. О нет!

Она разорвала его, в бешенстве вонзив в мантию два кроваво-красных ножа. Ад-ал схватил ее и отшвырнул прочь. Она отлетела, с хрустом врезалась в здание за лестницей и соскользнула вниз.

Магия существа вспыхнула, породив оранжевую молнию между пальцами обеих рук. Он направил один шар в нас, а другой — в женщину-оборотня.

— Держись позади меня! — рявкнула Карат и бросилась в атаку.

Женщина-оборотень перекадилась на ступеньки и прыгнула на ад-ала.

Существо метнуло два шара-молнии. Я метнулась влево, Карат вправо, и ослепляющая сфера разорвалась между нами. Второй шар настиг женщину-оборотня в середине прыжка. Она попыталась увернуться, но он задел ее бок и спину со вспышкой белого пламени. Она закричала, издав звук чистой агонии, и рухнула на террасу, корчась от боли.

Мое тело помнило, как в него попала та молния. Это было похоже на то, как если бы тебя воткнули в центр звезды, утопив в невообразимой, жгучей, невыносимой боли, от которой горел костный мозг. Это чуть не убило меня. Эхо этой боли прокатилось по моему телу. Страх наполнил меня, вытесняя все остальное.

Только не снова. Нет, больше никогда.

Шар молнии, нацеленный на нас, изогнулся и устремился ко мне, как ракета с тепловым наведением.

Подгоняемая паникой, я метнулась в сторону, сорвала с пояса энергетический хлыст и сжала его. Нить накала вспыхнула дождем желтых искр. Я щелкнула кнутом. Кончик его поймал шар молнии. Удар отдался эхом в моей руке, и я бросилась на землю.

Оранжевая сфера взорвалась белым огнем. Магическая взрывная волна ударила меня, отбросив дальше по камню. Перегрузка отвратительной магии пнула меня по ребрам, и мое сердце закричало в груди. Боль захлестнула меня. Я выплыла из нее, подавилась, всхлипнула, выплюнула кровь изо рта и перекадилась, встав вертикально.

Карат безумно быстро рубанула искаженного ад-ала, ее меч казался продолжением ее руки. Существо царапнуло ее броню когтями. Она взревела и продолжала размахивать, быстро, точно, не оставляя ему возможности собрать заново магию.

Женщина-оборотень, пошатываясь, поднялась на ноги, схватила свои ножи и бросилась на ад-ала, ища лазейку. Они набросились на существо с противоположных сторон. Он метался между ними, как тряпка на бельевой веревке, танцующая на сильном ветру.

Я была недостаточно быстра, чтобы угнаться за кем-либо из них. Если бы я попыталась напасть, я бы задела одну из них хлыстом.

Длинная полоска крови текла по лицу Карат, намочив ее волосы. Правый бок оборотня представлял собой месиво из дыр и тлеющей одежды. Черный жесткий костюм, который она носила под ним, просвечивал сквозь прорехи.

Карат сделала выпад. Ад-ал развернулся, повернувшись к ней спиной, и ее клинок промахнулся на дюйм. Оборотень увидела прореху, нырнула в нее и полоснула обоими ножами. Ад-ал дернулся в сторону, избегая удара, и приблизился в ту долю секунды, когда ее руки были разведены в стороны. Его когтистая рука вцепилась в женщину-оборотня прямо под грудь. Существо рвануло руку вверх, разрезая когтями плоть и одежду в брызгах крови. Оборотень закричала.

Карат рубанула по ад-алу. Существо скользнуло в сторону, но кровавый клинок зацепил край его одежды. Кусок ткани отлетел, вырвавшись на свободу. Карат ухмыльнулась, ее лицо исказила ужасающая гримаса, и начала бешеную атаку. Влево, вправо, замах, рубящий удар, я едва могла уследить.

Оборотень бросилась вперед, нанося удар.

Магия закружилась внутри одеяния ад-ала.

— Бегите! — Я вскинула руку, выставляя свою магию перед собой, как щит.

Карат проигнорировала меня и ткнула ножом в ад-ала.

Магия вырвалась из существа, как ударная волна от коллапсирующей звезды. Отвратительный поток магии ударил в Карат и оборотня, отбросив их за мою спину, словно они ничего не весили, и врезался в мой щит. Воздух передо мной вспыхнул бирюзой. Оранжевая молния ударила в экран моей магии. Мне показалось, что тысяча раскаленных игл пронзила меня в одно мгновение. Моя рука онемела.

Зловонная магия умерла.

Краем глаза я увидела, как Карат бьется в конвульсиях на земле. Оборотень растянулась на спине, издавая тихие хрипящие звуки.

Ад-ал завис передо мной. Черное пятно расплзлось по его одеянию, от капюшона до подола, будто он сбросил кожу, обнажив свою истинную природу под ней.

Я почувствовала это. Вот он какой. Искаженный. Ужасное, неправильное, космическое существо, которое хотело заразить, поглотить и удушить.

Полоски оранжевых молний змеились над бывшим ад-алом, поднимаясь вверх, будто существо было поймано невидимым пылевым дьяволом. Это существо с когтистыми руками и чудовищной челюстью когда-то было человеком. Таким же человеком, как я. Теперь это была оболочка, вместилище внутренней порчи, и эта порча убьет меня, а затем убьет Карат и оборотня. Никто из нас не выберется отсюда живым.

Воспоминания нахлынули на меня. Сражение с существом, подобному этому; как я, почти умирая, принесла его тело в гостиницу, и узнала в нем лучшего друга своего брата, а затем наблюдала, как разложение внутри него просачивается наружу и сбегает. Он заполз в

мою гостиницу, как какой-то отвратительный паразит. Он пытался заразить «Гертруду Хант» и Тони, в то время как я ничего не могла поделать, беспомощная и оторванная от собственного тела смертью крошечной гостиницы, которую я так старалась спасти.

Я убила того незваного гостя. Я вычистила от него свою гостиницу. Я была хранительницей, и сделаю это еще раз. Это был мой долг.

Я сняла метлу со спины и поставила ее перед собой. Магия струилась вокруг меня, спиралью выходя из моего тела и дергая за волосы.

Искаженный ад-ал вскинул руки вверх.

Я направила свою магию в здание подо мной. Она струилась сквозь камень террасы на первый этаж, вырастая из подошв моих ног, как корни дерева.

Двойные шары молний, подпитываемые его магией вспыхнули в руках ад-ала. Она скрепляла их вместе. Светящиеся сгустки соединились, слившись в ослепительную сферу, бурлящую энергией. Еще одна молния охватила его, соскользнув с одежды существа.

— Дина! — крикнула Карат позади меня. — Отойди от него!

Я обернула свою магию вокруг себя и метлы, создавая некий кокон, связывая нас.

Сверкающая сфера разбилась. Луч оранжевой молнии устремился ко мне, испещренный темной магией.

Я схватила метлу, пропуская через нее свою силу.

Луч ворвался в мой магический экран, пытаясь просверлить его насквозь, обжигая, кусая... Напряжение сковало мой позвоночник, ломая позвонки, такое сильное, что казалось, я вот-вот съезжусь и рухну. Магия прорывалась ко мне, пытаясь оттолкнуть назад, но я стойко держалась. Мои корни были глубокими. Меня она не тронет.

Луч вспыхнул чистым белым светом.

Агония вибрировала во мне, распространяясь от груди до кончиков пальцев. Я почувствовала вкус крови, но крепко держалась.

Луч зашипел.

Я ждала, переполненная болью.

Молния погасла.

— Моя очередь.

Я передала все, что у меня было, своей метле. Древко расколосось в моей руке, выпустив щупальца сверкающей бирюзы. Они бросились к существу и зажали его в тисках, обернувшись поверх его одежды.

Искаженный ад-ал завизжал. Его сила вспыхнула, покрывая мои щупальца, борясь против меня. Я стиснула зубы и сжала. Убийства было недостаточно. Я должна была сдерживать его, чтобы он не заразил ничего другого.

Молния метнулась вверх по щупальцам к метле и укусила меня за руку. Было такое чувство, будто кто-то содрал с меня кожу лезвием электробритвы.

Я не закричала. Я не была в ярости. Я просто сжимала, все сильнее и сильнее, пытаясь уничтожить эту мерзость. Ничто из того, что оно могло бы сделать со мной, не заставило бы меня остановиться. Если бы небо треснуло и упало на меня, я бы продолжала сжимать.

Существо закричало, размахивая руками. Его магия обрушилась на меня, и я почувствовала, и я ощутила бушующую внутри него скверну. Она горела от ярости и разочарования, как факел на собственных похоронах. Ей помешали, и она понимала это, возмущенная тем, что ее связали.

Бывший ад-ал дернулся, отчаянно пытаясь освободиться. Моя магия давила на него,

распространяясь от щупалец, обволакивающих его все туже и туже. Он съежился под давлением. Его одеяние свернулось в комок.

Я сжала еще сильнее.

Тело бывшего ад-ала исчезло. Теперь это был просто сгусток чистой скверны, вязкий, жидкий, но все еще связанный моей силой.

Разъяренный и беспомощный он продолжал вопить в моем сознании.

Я потянулась глубоко внутрь ко дну своей души, и послала последний ужасный импульс через свою метлу. Моя магия раздавила мерзкую кляксу в кулаке. Она лопнула и дождем хлынула на террасу, забрызгав камень и нас троих дурно пахнущей слизью. Магия скверны исчезла. Теперь это была просто гниющая жидкость.

Я втянула щупальца в метлу и вытерла отвратительную грязь со своего лица. Позади меня Карат, пошатываясь, поднялась на ноги.

Когда мы в последний раз покидали нашу команду в гостинице, Дина, Карат и женщина-оборотень сражались с искаженным ад-алом. Грядет свидание Суверена с Эллендой. Вернется ли наше трио вовремя, чтобы Дина успела приступить к своим обязанностям хранительницы гостиницы, переживут ли они это путешествие? Следите за обновлениями в следующей захватывающей части... Итак, я замолкаю.

Дверь, ведущая из Баха-чар к «Гертруде Хант», распахнулась, и мы с Карат, пошатываясь, вошли в нее, измазанные кровью и зловонными жидкостями. На наши плечи были закинута руки потерявшей сознание женщины-оборотня, которую мы несли между собой. Мы сделали шаг и наткнулись прямо на Шона.

— Черт возьми, — прорычал он, выхватывая женщину-оборотня из наших рук.

— У нас нет на это времени. Она в критическом состоянии, а Карат ранена.

— Я в полном порядке. — Карат одарила меня фирменной ухмылкой рыцарши-вампира.

Конечно, это было не так. Левая сторона ее лица была цвета граната, дыхание было рваным, а ее доспехи требовали многочасового ремонта. Вампиров не так-то легко ранить. Она либо получила сильный удар, либо приземлилась на лицо.

Я открыла в полу туннель в лазарет. Шон поднял оборотня, как ребенка, и начал спускаться.

— Как только с этим разберемся, мы найдем время.

Прозвучало как угроза.

Оборотень была на грани смерти, а травмы Карат нельзя было откладывать в долгий ящик. Если бы у нас был только один медицинский блок, у нас были бы проблемы, но, к счастью, мы демонтировали его три месяца назад и заменили тремя совершенно новыми, ультрасовременными роботизированными станциями, поэтому наш маленький лазарет теперь квалифицировался как медицинский пункт, а не как медотсек. Они ждали нас — три современные больничные кровати с замысловатыми каркасами.

В тот момент, когда Шон опустил оборотня в ближайший медицинский блок, тот развернулся, как одна из тех трехмерных поздравительных открыток. Сканеры выскользнули из-под кровати, скользя диагностическими лампами по ее телу, а роботизированные конечности выскочили из рамы, снимая с нее одежду. Результаты сканирования высветились над устройством. Три сломанных ребра, разорванное легкое, внутреннее кровотечение... *Ох, кошмар какой!* Искаженный ад-ал прорезал ее скафандр и ребра, словно они были из папиросной бумаги.

По иронии судьбы, скафандры считались мягкой броней, причем термин «мягкая» был относительным. Существовало много вариаций мягкой брони, но требования диктовали, что она должна быть гибкой, плотно прилегающей и способной остановить обычный клинок. Я могла рубить женщину-оборотня весь день обычным ножом и не оставить ни следа. Один взгляд на ее рубль сказал мне, что ее костюм не подлежит ремонту.

Карат коснулась герба Дома Крап, вделанного в ее нагрудник. Син-броня разошлась по швам, и она опустила ее на пол. Ой. Все было хуже, чем я думала.

Обычно снять с вампира доспехи было невыполнимой задачей. Они снимали их только в уединении своих покоев, для отдыха и интимной близости. Для них броня была второй

кожей, которая защищала их, и когда они были серьезно ранены, они боролись за то, чтобы сохранить ее, даже если это было нелогично.

Мой будущий зять стал прекрасным примером. В последний раз, когда он был в гостинице, на нас напал всемирный убийца, ужасный организм, который поглотил бы всю планету, если бы Арланд не отравил его своей кровью. Токсины всемирного убийцы вызвали катастрофическую реакцию в Арланде, и по всему его телу образовались огромные кровавые волдыри. Он умирал, он знал, что умирает, и нам всем пришлось умолять его снять доспехи, чтобы мы могли попытаться залечить его раны.

Карат сбросила свою броню без малейших колебаний. Это была беспрецедентная демонстрация доверия. Безусловно. Она была лучшей подругой Мод, а я была ее сестрой. Карат доверила мне свою безопасность.

Темно-серый костюм, который Карат носила к телу, к счастью, был без крови, но ее кости должны были быть сломаны.

— Если я засну, разбудите меня, — сказала она. — Я не могу пропустить свидание Суверена.

— Разбудим, — пообещала я.

Она забралась в устройство, и оно пришло в действие. Изображение высветилось на голографическом экране над кроватью. У нее было сломано ребро, и были ранние признаки сепсиса.

Шон встал передо мной, его лицо было суровым.

— Дина. Обеззараживающий душ.

Я дотронулась до противной слизи, высыхающей на моей коже, секунду посмотрела на свои испачканные пальцы и пошла мыться.

Десять минут спустя я вышла чистенькая, как младенец, одетая в другую мантию поверх шорт и футболки. Стоки из душа стекали в резервуар под полом. Зловонная слизь, которую я смыла со своего тела, казалась инертной, но я нагрела резервуар до тех пор, пока вся грязная вода не испарилась, а затем на всякий случай промыла резервуар кислотой.

Карат дремала в своем медицинском блоке с мечтательной улыбкой на лице. Шон устался на женщину-оборотня, Горвар сидел рядом с ним.

Я подошла, чтобы встать рядом с ними.

— Как она?

— Будет жить.

— Карат будет счастлива. Она настояла на том, чтобы бежать с ней почти всю дорогу домой.

— Рассказывай, — сказал он, — от начала и до конца.

Что я и сделала.

Он с непроницаемым лицом посмотрел в потолок.

— Прости, — сказала я ему.

— За что?

— Я понятия не имела, что она спрыгнет с крыши и затеет драку.

Это была бесценная возможность пообщаться с похитителем Уилмоса. Я даже не знала, может ли искаженный ад-ал говорить или понимать меня, но я хотела все выяснить. Каждая крупинка информации была драгоценна. Меня убивало то, что я больше ничего не получила от искаженного ад-ала.

Шон выдохнул.

— Ничто из того, что он мог бы нам сказать, не стоило того, чтобы ты пострадала.

— Я не пострадала.

— Я учуял запах твоей крови, когда ты вошла, и я чувствую, как гостиница витает вокруг тебя. Сколько магии тебе это стоило?

— Больше, чем я думала, что у меня есть, — тихо ответила я.

И я не должна была быть в состоянии этого сделать. В последний раз, когда я пыталась использовать свою магию таким образом за пределами гостиницы, я была на грани смерти, задыхаясь в своей машине на парковке «Костко». Если бы Шон не пришел за мной, я могла бы там умереть. Я вложила гораздо больше, чем тогда, в убийство искаженного ад-ала, но я продолжала ходить и разговаривать. Неужели моя сила росла без моего ведома?

Шон покачал головой.

— Магии было достаточно, чтобы спасти тебя, и Карат, и ее. Кем бы она ни была. Она не должна была начинать ту драку.

— Ты встречался с ней раньше? Я имею в виду, до того, как она появилась в гостинице? Может быть, во время одной из вылазок с Уилмосом?

— Если и было такое, то я не помню.

Меня не удивил ответ. Когда оборотни сталкивались с Шоном, они либо смотрели на него с обожанием, приставали к нему, либо пытались бороться с ним. Он взял за правило как можно меньше взаимодействовать со своим народом.

— Она действительно заботится о Уилмосе. Она рисковала своей жизнью ради него, — сказала я.

— Это не делает ее особенной. Каждый оборотень, которого я знаю, заботится о Уилмосе, — сказал Шон. — Если ты оборотень и у тебя есть проблема, ты идешь к Уилмосу. Он либо помогает тебе с ней, либо знает кого-то, кто может это сделать.

— Так же, как он помог тебе, отправив тебя на Нексус? — Мне не следовало этого говорить.

Шон повернулся ко мне.

— Тогда я хотел трех вещей: узнать об оборотнях, узнать о галактике и познать себя. Я хотел понять, как далеко могу зайти, поэтому попросил его дать мне самую опасную работу, которая у него была. Он считал, что это плохая идея. Из всех сил старался отговорить меня. Сказал мне, что не для того он воспитывал моих родителей с младенчества, чтобы я покончил с собой, потому что думал, что мой отец видел большую луну.

Я не слышала эту идиому оборотней, но смысл было нетрудно понять. Ничто из того, что Земля могла бросить в Шона, не могло сравниться с той битвой, которую пережили его родители. Он хотел знать, может ли он соответствовать. Я должна буду извиниться перед Уилмосом.

— Так вот в чем суть его проектов? Помогать случайным оборотням?

— Это либо устранение угрозы, либо получение денег. Он никогда их не хранит. Они исчезают, как только появляются.

— Я понятия не имела, что Уилмос крестный отец феи-оборотня, — пробормотала я.

Шон прыснул.

— Ты должна будешь его так назвать, когда мы спасем его.

— И ты уверен, что она не из семьи Уилмоса?

Он покачал головой.

— У него нет близких. Если не считать альфа-штамма. Частичка его ДНК есть в каждом

из нас.

Шон взглянул на женщину-оборотня.

— Она тебе, похоже, совсем не нравится, — сказала я ему.

— Она ворвалась в гостиницу, а затем подвергла тебя опасности.

— Мы уже обсуждали это раньше. Будут времена, когда я буду в опасности.

— Я бы хотел, чтобы такие случаи были реже. Их можно избежать. Женщина обращается к тебе. Ты принимаешь ее условия. Ты не сопротивляешься.

— Ты видел запись, выбора не было. Я встретила с ней, и я остаюсь при своем решении. Она ни за что не переступила бы порог гостиницы и не позволила бы мне изменить место встречи. Шон, ты бы видел ее глаза.

— Меня не волнуют ее глаза.

Линия его челюсти напряглась. Он приблизился и поцеловал меня. Я попробовала Шона на вкус, и лес внутри него поглотил меня целиком. Деревья сомкнулись, укрывая меня, и ужасающий волк со шрамами, живущий там, обернулся вокруг меня, чтобы уберечь.

Поцелуй закончился, и я посмотрела на него снизу вверх. Он прижал меня к себе, его сильные руки были теплыми. Не было места безопаснее.

— Ты волновался? — тихо спросила я.

— Немного.

Я положила голову ему на грудь.

— Я тоже волновалась.

В идеальном мире Шона мы живем долго и счастливо в полной безопасности, и ничто не причиняет нам вреда. Но даже он понимает, что подобное будущее не просто нереалистично, оно будет еще и скучным. Мы сами по себе не такие. Еще до того, как мы стали жить вместе, он был солдатом-оборотнем, искателем приключений, а я была хранительницей гостиницы, которая взяла на себя обязанность патрулировать окрестности. У нас было множество шансов выбраться и устроиться в более мирной жизни, но мы их упустили. Дело было не в том, что мы искали неприятностей, а в том, что мы не отступали, когда они нас находили.

— Я в порядке, — сказала я ему.

Он прижал меня к себе.

— Я вернулась целой и невредимой. Я встретила с женщиной, я сражалась с искаженным ад-алом, и я все еще здесь.

Он снова поцеловал меня.

— Если ты продолжишь это делать, мы пропустим свидание Суверена, — пробормотала я.

— Это того стоит.

— Мы не можем. Его могут убить.

Он вздохнул.

— Ты веришь этой чешуйчатой женщине?

— Да. И я знаю, как мы можем быстро проверить ее информацию.

Он нахмурился.

— Куки?

Я кивнула. Информационная сеть клана Нуан была одной из лучших в галактике. Куки хотел, чтобы победила леди Вексин. Если в результате этого кандидат пиратов будет исключен, леди Вексин столкнется с меньшей конкуренцией.

— Если он сможет подтвердить это, то я хоть что-то сделаю правильно.

Я притворилась, что вздыхаю.

Шон оскалил зубы.

— Ты надрала задницу. Ты победила его за пределами гостиницы. Это чертовски потрясающе.

Он гордился мной, что делало все лучше.

Ведь это было своего рода удивительно, я не должна была быть в состоянии сделать это.

— Расскажи мне еще, какая я удивительная.

— Такая удивительная.

Я улыбнулась.

— Эта штука проделала номер с Карат, и она хороша, — сказал Шон.

— Она очень хороша.

— Он убил бы ее. — Он кивнул на женщину-оборотня. — А ты сломала его, как веточку. Если бы я был тем, кто похитил Уилмоса, я бы сейчас волновался. Все пошло не так, как они рассчитывали.

Совсем не так.

— Хотела бы я знать, что означает этот пучок волос. Это «поторопись и забери его» или «делай, как мы говорим, или он будет мертв?»

— Невозможно сказать. Что бы ни оживляло этих существ, оно думает не так, как мы. Единственное, что мы можем сделать, это действовать так, будто он жив и его все еще можно спасти.

Единственный способ выяснить это — закончить отбор пары и добраться до Каррона.

В гостинице зазвонил колокольчик. Настало время для первого свидания Суверена. Я вздохнула и пошла будить Карат.

РАСПИСАНИЕ ВЕЩАНИЯ ДОМИНИОНА ИМЕЛО ОПОРЕДЕЛЕНН закономерность. Официальные мероприятия, не представляющие особого интереса, такие как повторное представление кандидатов, были наиболее отредактированы и представлены аудитории со значительной задержкой. Испытания же проходили почти в режиме реального времени, с задержкой всего в несколько минут для внесения экстренных корректировок. Свидания с отдельными кандидатами проходили практически в режиме реального времени.

Ничто не могло пойти не так.

Когда Ората поняла, какую власть хранители гостиницы имеют над своим окружением, она буквально запрыгала от возбуждения. Благодаря руководителю отдела по связям с общественностью Косандиона, каждого кандидата попросили указать предпочтительное место для свидания. Элленда выбрала деревья. Никаких других указаний. Только одно слово: деревья.

Я отвела для них фруктовый сад.

Раньше, когда я росла в гостинице родителей, я отвечала за сады. Они были моей любимой частью работы в гостинице. Они были моей любимой частью работы в гостинице, а массивная магнолия, которая доминировала над другими деревьями и клумбами, была моим главным достижением.

Я была хранительницей гостиницы уже около четырех лет, и мой фруктовый сад был прекрасен. С улицы это выглядело как любой типичный сад на заднем дворе, который можно найти в доме с небольшой площадью. Декоративные кустарники, несколько яблонь,

несколько дубов. Если бы вы пробирались сквозь кусты, то наткнулись бы на мою камуфляжную стену, высокий барьер, спроектированный так, чтобы идеально имитировать окружающие его кусты. Очень тонкий и незаметный с улицы, он менялся вместе с окружающей средой и тянулся вдоль всего участка, скрывая настоящий фруктовый сад от посторонних глаз.

Косандион теперь ждал во внутреннем саду, который никто, кроме гостей и нас, никогда не видел. Высокие яблони окаймляли широкую каменную дорожку. Они закончили цвести, и на их ветвях появились крошечные плоды. Солнце просвечивало сквозь зеленые листья. Между деревьями и по краям дорожки росли цветы: малиновые коры, портулак всех оттенков от розового до лимонно-желтого, циннии, переливающиеся пурпурным, розовым и малиновым, и, наконец, в ярко освещенных местах — красная юкка. Колибри с рубиновыми горлышками парили возле крошечных цветков юкки. В воздухе пахло цветами и летней травой.

— Не могли бы вы установить экран, пожалуйста? — прошептала Ората в мой наушник.

У меня были свои сомнения по поводу экрана. Свидание, казалось, должно было быть личным делом, но Косандион попросил меня прислушаться к пожеланиям Ораты.

Я пошевелила рукой, и массивная ветвь проскользнула сквозь полог и вырастила на нем экран. На нем шла трансляция из Океанского обеденного зала. Мы поместили в него всех делегатов с закусками и прохладительными напитками. Прямая трансляция свидания выводилась на нескольких огромных экранах, так что они могли видеть каждый момент в режиме реального времени.

Шон придерживался задней стены. Он был одет в серую мантию и по такому случаю превратил свое обычное копьё в посох. Первоначально он собирался сопровождать свидание, но я была слишком измотана, чтобы прямо сейчас справиться со столовой, заполненной таким количеством существ.

И прямо сейчас у него не было Тони в качестве прикрытия. За несколько минут до свидания я рассказала Тони о подставном кандидате и о встрече с искаженным ад-алом. Он вышел из гостиницы, чтобы посмотреть на место боя. Очень немногие вещи могли сбить улыбку с лица Тони, но это случилось. Майкл был его хорошим другом. Тони хотел отомстить. Он не говорил об этом, но его глаза говорили о многом.

В Океанском обеденном зале среди делегатов пробежало волнение. Люди и существа обернулись.

В зал вошла Карат.

Ремонт син-брони был тонким искусством, требующим многолетней практики. У Карат не было времени починить ее, поэтому она не стала утруждать себя. Ее некогда безупречно черные доспехи были поцарапаны. Большая рана пересекала ее грудь, а две поменьше отмечали ребра. Рана на левой стороне ее лица из ярко-красной превратилась в несколько менее свежий, но очевидный синяк, и она несла его как знак почета.

Дагоркун побагровел, и я не могла сказать, от ревности или любопытства. Карат вздернула подбородок и направилась к столу наблюдателей. Дом Меер практически вывихнул шею, пытаясь разглядеть получше.

— Неплохой выход, — пробормотал Косандион рядом со мной.

— Посмотрите на лицо Бестаты, — сказала я.

Глаза Бестаты сузились. Она сосредоточилась на Карат, как тигр, который только что увидел другого тигра, истекающего кровью, и отчаянно пытался выяснить, что за хищник их

нанес.

Шесть крошечных шаров, размером примерно с грецкий орех, поднялись в воздух, кружа вокруг нас и над нами. Камеры Ораты.

— Вы в прямом эфире, — сказала Ората в мой наушник.

Точно. Больше никаких частных бесед. Я приглушила звук на экране, показывающем обеденный зал, чтобы он не мешал.

Задняя дверь гостиницы открылась, и появился Тони, выводя Элленду на свет. На ней все еще была золотая краска и ее грубая тканая темная одежда. Выражение ее лица было бесстрастным.

Тони отошел и растворился в темном проходе. Он собирался отправиться в обеденный зал, чтобы помочь Шону.

Элленда подошла к Косандиону. Он наклонил голову на пару дюймов.

— Добро пожаловать, каленти.

Элленда медленно склонила голову. Приветствия не последовало. Начинаем с потрясающего старта.

— Пойдемте, прогуляемся? — спросил он.

— Да.

Они вдвоем зашагали по тропинке, оставляя между собой примерно фут пространства. Я шла на пару шагов позади. Шары Ораты последовали за ним. Мой экран тоже двигался, скользя с ветки на ветку вдоль тропинки.

— Из какой ветви вы родом, каленти? — спросил Косандион. Его голос был спокойным и легким, успокаивающим своим теплом.

— Мой народ родом из Сахавы.

— Страна скал и темных лесов, где в глубине цветут светящиеся цветы авы.

В голос Элленды вернулась частичка жизни.

— Да. Вы когда-нибудь были там?

— Мама возила меня туда, когда я был маленьким. Мы провели четыре дня в Доме на утесе. Я помню, как спал в гамаках из паучьего кокона, подвешенных над бушующим морем. Я думал, что это лучшая кровать, которую когда-либо изобретали. Косандион тихо усмехнулся.

— Я удивлена. Гамаки-коканы пугают чужаков.

— Я не чужак. Я дитя Доминиона и дитя умы. Одно не исключает другого.

— Я не хотела вас обидеть. — Осторожность застыла в ее голосе.

Косандион одарил ее еще одной улыбкой.

— Я не принял на свой счет.

Они добрались до пруда, где каменная дорожка огибала воду. Пруд занимал целый акр, мелкий, кристально чистый водоем с большим плоским камнем, выступающим в нескольких футах от его левого берега. Маленькие рыбки шныряли в прохладных глубинах, а на поверхности цвели сверкающие водяные лилии. Каменные скамейки вдоль дорожки служили местом для отдыха. Это было любимое место Шона. Когда в гостинице было затишье от посетителей, мы приходили сюда, купались в пруду, лежали на горячем камне и пили пиво.

Косандион и Элленда продолжили идти по тропинке.

— Вы действительно это имели в виду? — тихо спросила Элленда. — Вы дитя умы?

Косандион закатал левый рукав и поднял руку. Ряд замысловатых белых татуировок,

пронизанных золотом, отмечал его темную кожу.

Элленда остановилась и повернулась к нему с решительным лицом. Он повернулся к ней. Они стояли на тропинке совершенно неподвижно, в одной и той же прямой позе. В тот момент они оба выглядели так, словно принадлежат одному народу.

Элленда глубоко вздохнула.

Я приготовилась к нападению.

— Скажите мне, что вас беспокоит, каленти. Вы можете рассказать мне все, что угодно.

— Все, что угодно? — спросила она.

— Вообще, что угодно. Это наш момент. Мое время и мое внимание принадлежат вам.

Элленда выдохнула и закрыла глаза.

Если бы она пошевелила хоть одним мускулом в его сторону, я бы уронила ее сквозь пол. Я потратила много магии, но это не заняло бы много времени.

Женщина ума открыла глаза.

— Не выбирайте меня.

На экране позади них замер Океанский обеденный зал. Никто не шевелился.

— Что вы имеете в виду? — спросил Косандион.

— Не выбирайте меня. Я не хочу быть вашей женой.

О, ничего себе. Такого поворота я не ожидала.

— Моя ветвь в долгу перед внешними силами, — сказала она. — Я здесь, чтобы отплатить за это.

Долг превышает счастья. Конечно.

— Требовалось мое присутствие. Я не хочу выходить за вас замуж. Я не хочу оставаться жить в Доминионе. Не пытайтесь отнять у меня свободу, потому что я буду защищать ее ценой своей жизни. Поэтому, пожалуйста, не выбирайте меня.

Воцарилось молчание. Птицы щебетали на деревьях, рыба выскочила на поверхность воды и плескалась, но два человека передо мной были совершенно неподвижны и молчаливы.

На экране лица «Команды Хмурых» сморщились, у одних от тревоги, у других от возмущения. Их лидер сжал кулаки.

В Косандионе произошла неуловимая перемена. Он казался каким-то большим, грозным, величественным, больше не человеком, а воплощением силы.

— Чего вы на самом деле хотите, дочь умы? — спросил он.

Элленда открыла рот, а затем заговорила, словно прыгая со скалы.

— Я хочу вернуться домой на свою планету и к мужчине, которого люблю.

— Да будет так, — произнес Суверен.

В его голосе звучала решительность. Мурашки побежали по моим рукам.

— Хранительница, отведите Элленду из ум к порталу. Как только она пройдет через него, Доминион отправит корабль, который доставит ее обратно в родной мир. Ни один гражданин Доминиона никогда больше не побеспокоит ее или ее ветвь.

На экране один из «Команды Хмурых», мужчина в бело-зеленом, встал и направился по проходу к двери.

Куда, черт возьми, он собрался?

Мужчина подошел к столу, за которым сидел Святой Экклезиарх со свитой.

Прозрачная колонна вырвалась из-под пола, запечатав Святого и его свиту внутри нее. Ветер трепал их волосы, когда Шон пустил им внутрь свежего воздуха. В то же время вторая

колонна окружила мужчину из «Команды Хмурых», отрезав его от обеденного зала. Он дернулся и рухнул.

Я дала звук.

Звук с ревом ворвался внутрь, существа вскочили на ноги.

Шон перепрыгнул через столы и приземлился посреди зала, его серая мантия развевалась вокруг него. Посох в его руке раскололся, выпустив блестящий зеленый наконечник копья. Его рот открылся, и он взревел глубоким рычанием оборотня альфа-штамма. Это был тот же самый рык, который гремел над полями сражений Нексуса.

— Не двигаться!

Триста существ в обеденном зале замерли на месте.

Когда мы в последний раз покидали гостиницу, свидание Косандиона с кандидаткой умой, Эллендой, пошло не по плану, и ее делегация выступила против Святого Экклезиарха Доминиона. Удастся ли Дине и Шону устранить опасности, собирающиеся вокруг Суверена? В следующей главе «От всего сердца» уже на этой неделе...

Заклоченный свисал с потолка тронного зала, его тело было заковано в путы гостиницы. Делегация Кипоро стояла под ним с мрачными лицами, готовая к каким-то действиям, если только они смогут понять, что нужно предпринять. Называть их «Хмурыми» в своей голове не казалось больше уместным.

Остальных делегатов попросили вернуться в свои апартаменты. Остались только приближенные Суверена и наблюдатели. Каждый момент будет транслироваться в прямом эфире. Косандион подчеркнул: ему нечего скрывать ни от Доминиона, ни от остальной Галактики.

Теперь он сидел на троне с суровым и холодным выражением лица, наблюдая за массивным экраном позади заключенного. На нем Тони вел Элленду к порталу. Они остановились перед круглыми воротами. Ее голова была высоко поднята. Она повернулась, посмотрела в камеру и одарила нас ослепительной улыбкой.

Огни по краю портала вспыхнули, зеленое свечение закружилось, женщина-ума вошла в него и покинула гостиницу.

Косандион посмотрел на Шона.

— Что случилось?

— Этот человек пытался убить Святого Экклезиарха, — ответил Шон.

— Как?

— С помощью яда, — сказал Шон. — Микрокапсулой, запечатанной внутри его зуба. Он прикусил ее и выдохнул отравленный пар.

И Шон учуял его, несмотря на то, что находился на расстоянии сорока футов. Сотни хранителей гостиниц наблюдали, как он подавил попытку убийства. Никто не стал бы спорить с простым фактом: Шон Эванс был потрясающим.

— Противоядие уже в его организме, — продолжил Шон.

— Прискорбно, — сказал Косандион. Слово упало, как кирпич.

Лидер делегации Кипоро, худощавый мужчина аскетического вида, уставился на Косандиона с открытой враждебностью.

Святой Экклезиарха улыбнулся. Каждый раз, когда я смотрела на него, его доброе лицо светилось благожелательностью, но в этот момент выражение его лица поменялось, будто другой человек поднялся из глубины на поверхность. Проницательный. Умный. Мощный. Он мелькнул на какую-то долю секунды и снова исчез, лицо опять превратилось в мягкую заботливую улыбку, но я была приучена обращать внимание на мельчайшие детали моих гостей. Что-то в этом было не так.

— Что ж, — вздохнул святоша. — По крайней мере, я все еще достаточно важен, раз меня хотят убить.

— Очевидно, Сар Рамин допустил ошибку в суждениях, — заявил глава делегации. — Мы понятия не имели, что он придерживается таких экстремистских взглядов.

— Как быстро ты бросаешь своих людей в огонь, Одикас, — сказал Косандион.

— Он молод и впечатлителен, — сказал Одикас. — Делегация не должна быть наказана за действия одного человека, и она не должна нести ответственность...

— Я думал, ты дальновидный человек, — резко сказал Косандион.

Его поза была расслабленной, почти вялой, но напряженность в глазах пугала. Его тело сигнализировало о том, что он не снисходит до того, чтобы рассматривать Одикаса как какую-либо угрозу, а его лицо уверяло, что возмездие грядет, и оно будет быстрым и жестоким.

— Увы, я был неправ, а ты слеп. Что ты там говорил о моем отце? Слабак, управляемый женщиной, не так ли?

— Именно так, — сказал Ресвен таким маслянистым голосом, что его можно было намазать на хлеб.

— Ты привез сюда женщину-уму, потому что думал, что я так сильно скучаю по своей матери, что забуду о своем долге, сойду с ума и пожертвую интересами нации ради шанса переспать с кем-то, кто похож на моего родителя?

Делегация Кипоро коллективно поморщилась. Согласна. Фу.

В похожей на пещеру комнате было так тихо, что можно было услышать, как падает пресловутая булава.

— Ты планировал использовать ее, чтобы влиять на мои политические решения, или я должен был умереть, как только родится наследник, чтобы ты мог дергать ее за ниточки и играть в регента?

Одикас стиснул зубы.

— Как долго я должен был оставаться в живых? Не мог бы ты оказать мне любезность и дать посмотреть, как рождается мое потомство?

Ответа не последовало.

Косандион слегка покачал головой.

— Умы ценят свою свободу превыше всего остального. Ты заставил Элленду приехать сюда против ее воли. Если бы я выбрал ее, она бы либо убила тебя, либо покончила с собой. Все эти годы ты обвинял мою мать в реформах, проведенных моим отцом, и все же ты не потратил ни капли времени, чтобы что-нибудь узнать о ее народе.

Серая кожа на щеках пожилого мужчины потемнела. Одикас, казалось, был присмерти.

Косандион взглянул на Ресвена.

— Объясните ему.

— Ты понимал, что Элленде грозит исключение, когда увидел предварительный рейтинг, — сказал Ресвен. — Она проиграла дебаты, так что ты рассчитывал на то, что свидание спасет тебя. В тот момент, когда она вернула себе свободу, твои планы рухнули, поэтому ты послал своего любимчика убить Святого Экклезиарха в надежде, чтобы его смерть заставит нас отменить отбор и начать все сначала. Это же до боли очевидно, и все же ты оправдываешься, будто весь мир потерял способность рассуждать, а ты единственный, кто все еще мыслит.

Лицо Одикаса исказила гримаса. Он оскалился.

Ресвен уставился на него с явной насмешкой на лице.

— Дело не в заговоре. Меня раздражает вся эта отвратительная глупость. Человек с большими амбициями, но скудным талантом должен, по крайней мере, стремиться нанять способного советника.

Ничего себе. Я и понятия не имела, что Ресвен на такое способен. Тут точно есть какая-то подоплека.

— Ты! — Одикас задохнулся.

— Одикас, посмотри на датчики, — сказал Ресвен. — Мы здесь для того, чтобы стать свидетелями похорон твоей карьеры. Наконец-то Доминион посмотрит на это с той стороны, с которой ты всегда хотел. Все взгляды устремлены на тебя. Ты не доволен? Это то, на что ты надеялся?

Одикас сжал кулаки, задыхаясь от собственного гнева.

— Делегация Кипоро дисквалифицирована, — сказал Косандион. — Все их просьбы и почести аннулированы.

— Вы не можете этого сделать! — крикнул один из делегатов.

Косандион посмотрел на него. Это было все равно, что оказаться на темном утесе и внезапно увидеть, как на тебя падает яркий луч маяка.

— Ради граждан дома, скажите мне, канцлер, могу ли я это сделать?

— Абсолютно, — сказал Ресвен. — Закон дает вам эту власть, Летеро. Делегация Кипоро знает, что это так. Они ознакомились с контрактами и подписали их до своего прибытия.

Косандион взглянул на меня.

— Эти люди больше не являются частью отбора. Доминион благодарит хранителей за великодушное терпение и отсрочку их изгнания по моей просьбе. Я больше не смею злоупотреблять вашим гостеприимством.

Я должна найти способ отблагодарить Косандиона. Другие хранители гостиниц, вероятно, удивлялись, почему мы не предприняли никаких действий. Он произнес это самым почтительным тоном.

Метла раскололась в моей руке, открыв ярко-синий внутренний свет. Делегаты из Кипоро сосредоточили свое внимание на мне.

— Вы пытались убить гостя на территории гостиницы. Ваш статус гостей аннулирован. Ваши вещи ждут у портала.

Стена в задней части тронного зала раскололась, открывая зал с порталом. На экране были показаны апартаменты делегации Кипоро. Я свернула их. Стены складывались, будто раздавленные алюминиевые банки. Каменные колонны распадались, текли, как расплавленный воск, впитываясь обратно в гостиницу. Деревянная мебель треснула, разлетелась вдребезги и была поглощена полом. Это была пустая трата времени, так как «Гертруда Хант» потратила на создание этого больше энергии, чем могла бы получить обратно, но оно того стоило. Репутация гостиниц была на кону, и галактика нуждалась в напоминании. В пределах наших владений мы были главными. Мы не потерпим никакого нарушения правил.

Гостиница раскрыла дыру в потолке у портала, и оттуда выскочили вещи делегатов, упакованные в прозрачные пластиковые пакеты. Если бы они все участвовали в попытке убить Экклезиарха, я бы драматически изгнала их, вышвырнув в портал, но только один из них действительно совершил попытку убийства. Кроме того, у меня было чувство, что Косандиону есть, что еще сказать.

Делегаты Кипоро уставились на растущую кучу мешков совиными глазами. Все происходило слишком быстро.

Последний мешок упал. Гостиница вычистила все.

Миралитт шагнула вперед.

— Премьер-советник Таир Одикас, вы обвиняетесь в заговоре с целью убийства гражданина Доминиона, намерении причинить тяжкий вред члену религиозного ордена с целью вмешательства в его обязанности, покупке невесты, торговле разумными существами и нарушении Второго пакта.

Десять стражников в светлых доспехах вышли из портала и направились к нам.

В Первом пакте Доминиона были прописаны права личности. Второй пакт определял федеральное правительство, его полномочия, ограничения и жизненно важные функции. Нарушение Второго пакта было всеобъемлющим обвинением, которое охватывало широкий спектр правонарушений. Это также было главным обвинением против Калдени.

Миралитт только что заклеила Одикаса как предателя, и столичная охрана Доминиона явилась, чтобы взять его под стражу во всей своей угрожающей красе.

Плотина, сдерживавшая ярость Одикаса, наконец-то прорвалась.

— Ты не годишься для правления! — прорычал он. — Твой отец *был* слабаком, и ты такой же слабак, как и он. Мерзость, которая его убила, тоже здесь. — Он ткнул пальцем в сторону Калдени. — И ты сидишь в этом кресле, будто все мы забыли о ее колоссальных грехах.

Калденция встала и направилась к Одикасу. О-о-о.

— Ты думаешь, что победил? Ха! — Слюна вылетела у него изо рта, когда он произнес эти слова. — Кто ты такой, чтобы судить меня? Чего ты достиг? Каковы твои достижения? Слабый отпрыск слабого отца, мягкий, нерешительный и бесхребетный. Само твое существование наносит ущерб нашей великой нации. Не следовало позволять тебе занимать трон. Будь моя воля, я бы задушил...

Калденция остановилась перед Одикасом. Ее рука взметнулась вверх, и она вонзила свои острые как бритва ногти в мягкие ткани прямо под его челюстью. Изо рта у него хлынула кровь.

Вот черт.

Одикас вцепился руками в запястье Калдени, пытаясь высвободиться. Она подняла руку.

Ноги Одикаса оторвались от земли. Ничего себе.

Калденция даже не напрягалась. Одикас свисал с ее когтей, изо рта у него текла кровь. Я видела, как она разрезала алюминиевые банки своими ногтями.

Женщина из делегации бросилась на помощь.

Калденция взглянула на нее. Ее голос резанул, как удар хлыста.

— Ты что, забыла, кто я такая?

Делегация Кипоро съежилась. Женщина сторбилась и попятилась. Ее Милости осмотрела Одикаса, словно он был каким-то отвратительным насекомым.

— Таир, ты всегда был отвратительной жабой. Тупым, как пробка, если позаимствовать местное выражение. Я предупреждала тебя когда-то, чтобы ты следил за своим языком.

Одикас булькнул. Вытекло еще больше крови.

— Ваша Милость... — начала было я.

— Я еще не убила его, Дина. Я всего лишь вырвала его язык. День только начался.

Одикас издал мучительный звук. Мне нужно было остановить это

— Тетя, — тихо сказал Косандион. — Может, эта единственная надлежащая проведенная процедура может стать путем вперед? Из уважения к терпению наших

любезных хозяев?

Калденция вздохнула и бросила Одикаса. Он приземлился на пол. Она почувствовала запах его крови на своих пальцах, слегка, изысканно усмехнулась и стряхнула ее.

— Спасибо, — сказал Косандион.

Он сделал знак охранникам, и они схватили Одикаса, поставив на ноги.

Шон взглянул на заключенного, все еще подвешенного к потолку. Щупальца гостиницы развернулись, опуская заключенного на пол. Он глубоко вздохнул и моргнул, явно дезориентированный. Охранники приблизились, и двое зажали потенциального убийцу между собой.

— Постройтесь в колонну, — приказал один из охранников.

Делегаты повиновались без единого слова. Охранники повели их к куче вещей. Каждый из делегатов брал по одной сумке. Мы наблюдали, как они входили в портал.

Я понятия не имела, что подумают об этом хранители гостиниц, наблюдающие за происходящим.

— Мы соберемся завтра, — объявил Косандион.

Я открыла двери в покои. Косандион зашагал прочь, его люди последовали за ним. Гастон предложил Калденции руку. Они тоже ушли. Он что-то сказал, и Калденция тихо рассмеялась.

Ко мне подошел Шон, и я взяла его за руку. Он сжал мои пальцы.

— Ты потрясающий, — прошептала я.

— Нет, просто быстрый.

Наблюдатели прошли мимо меня в свои апартаменты. Карат сделала большие глаза, глядя на меня. Дагоркун ухмыльнулся. Следующим был Куки.

Я потянула пол под ногами Куки к нам. К его чести, он не подпрыгнул от неожиданности. Пол привел его к нам и остановился.

— На пару слов? — спросила я.

— Конечно. — Куки кивнул.

— Нам нужна кое-какая информация, — сказал Шон.

Куки распушил хвост и прищурил глаза. Я видела точно такое же выражение на лице Нуан Си. Это означало неприятности.

— Расскажите мне больше, — промурлыкал Куки.

ДО ПОЛУНОЧИ ОСТАВАЛОСЬ ДВА ЧАСА. Я СИДЕЛА НА ТЕРРАСЕ Океанск обеденного зала, наслаждаясь чашкой чая улун и мягко покачиваясь в кресле-качалке, которую я притащила из патио. Шон сидел на другом кресле, попивая кофе без кофеина. Чудовище дремала у перил, в то время как Горвар каким-то образом забрался на соседний стол и лежал там, высунув язык. Ему нравилось быть на высоте.

Глубокий янтарный океан Колинды мерцал биолюминесцентными искрами, будто заходящее солнце влило свою светящуюся жизненную силу в воды, и теперь она мерцала в глубинах. Воздух был теплым и нес запах соли и моря.

Слева от нас и немного позади интерьер Океанского обеденного зала светился медовым светом люстр, как гигантский садовый фонарь. Было тихо и в основном пустынно. Стеклопанная стена от пола до потолка, отделявшая его от террасы, была почти незаметна.

Прямо в обеденном зале Орро упал в большое кресло за круглым столом, измученной кучей темных шипов. Более высокая из его помощников свернулся калачиком на полу,

другой заполз в кресло и отключился. Капелька сдвинула два стула вместе, забралась на них и обернула вокруг себя свой пушистый хвост, как одеялом. Никто из них не заметил, как я незаметно переделала стулья и пол под ними в удобные шезлонги, чтобы они могли растянуться. Еда на их столе оставалась в основном нетронутой.

Это был долгий день. Все остальные делегации решили обсудить изгнание Кипоро, и все они хотели сделать это за ужином в своих отдельных апартаментах в разное время. Кухонный персонал был измотан.

Я тоже была измучена. После того, как мы разобрались с Одикасом и делегацией Кипоро, Косандион отправился на свидание с кандидатом от донкаминов. Кандидат попросил «простую комнату, в которой ничего нет», и это было именно то, что я ему предоставила. Косандион и донкамин целый час стояли в пустой комнате, обсуждая научные достижения. Это было интеллектуально скучно и визуально тревожно.

На обратном пути кандидат-донкамин чуть не упал в обморок в коридоре. Я поймала его прежде, чем он упал на пол. По-видимому, донкамины не преуспевали, когда их отделяли от группы, и они также находили нас гротескными и невероятно отвратительными. Как только я доставила кандидата в его комнаты, они попросили у меня очистительный бассейн, чтобы они могли смыть мои молекулы с тела кандидата. Очищающая жидкость была сложной, и на ее приготовление уходила целая вечность.

Итак, впереди нас мерцал янтарными огнями океан, позади теплым желтым свечением обеденный зал. Мы с Шоном сидели в узкой полоске тени и смотрели на воды под бесконечным небом, усеянным чужими звездами. Океан был таким глубоким, что, глядя на него слишком долго, начинаешь испытывать смутное беспокойство.

Мой наушник мерно чирикал, передавая мне в ухо последовательный набор новостных передач Доминиона. О падении Таира Одикаса говорили все девять звездных систем.

Из зала на своих пушистых лапах вышел Олазард и запрыгнул мне на колени. Я поставила чай на маленький приставной столик между нашими с Шоном креслами и погладила кота по спине.

Согласно выпускам новостей, сага с Таиром Одикасом тянулась много лет, задолго до рождения Косандиона. Четыре столетия назад Кипоро столкнулся с кризисом. Рост населения планеты опережал ее природные ресурсы, в то время как ее космические технологии находились в зачаточном состоянии. Кипоро присоединился к Доминиону, чтобы спасти себя.

До объединения у Кипоро было жесткое, разграниченное общество с четко определенными социальными кастами, в то время как Доминион придерживался убеждения, что каждый гражданин имеет одинаковые права. Интеграция Кипоро была медленной, трудной и заняла столетия. Официально касты были отменены, но у жителей Кипоро осталась хорошая память о них.

Одикас происходил из длинной родословной патрициев, высшей касты Кипоро. Его прадед был первым почитаемым советником, и в тех редких случаях, когда он снисходил до того, чтобы покинуть священные залы Большого Совета и выйти на улицу, при его появлении простолюдины, люди из низших каст становились на колени и прикасались лбом к земле.

Несмотря на образование и культурный опыт, некоторые люди жаждали, чтобы им кланялись.

Одикас пошел по стопам своих предков, поднявшись до поста высшего выборного должностного лица, сопротивляясь переменам и делая все возможное, чтобы заблокировать

попытки Доминиона интегрировать планету. Его высшим стремлением в жизни было возродить старые обычаи. Он хотел выйти за пределы своего дворца и увидеть океан согнутых спин, где ни один человек не осмелится встретиться с ним взглядом. Он бы восстал, если бы мог, но Доминион мудро управлял Кипоро, оставляя им небольшую военную автономию, да и общественное мнение среди молодого поколения было не на стороне Одикаса. Как только джин свободы вышел из бутылки, было трудно загнать его обратно.

В течение сорока лет, которые он был у власти, Одикас заигрывал с сепаратизмом, делал громкие заявления о национальной идентичности и независимости и ненавидел отца Косандиона, который уничтожил последние остатки старой социальной системы. Когда Калденция убила своего брата, Доминион столкнулся с внешней угрозой со стороны инопланетного вида и внутренними беспорядками на нескольких фронтах. Его смерть поразила Семь звездных систем, как метеор, вызвав многочисленные переломы. Одикас в полной мере воспользовался этим. Кипоро был последней планетой, которая приняла Косандиона в качестве Суверена, а Одикас с его фракцией продолжали оставаться огромной занозой в заднице во время его правления. До сегодняшнего дня.

Шон вытащил наушник и положил его на столик между нами. Я тоже вытащила свой.

— Я просканировал Святого Экклезиарха, когда он отправился в свои покои. — Шон взглянул на меня.

— Он в полном здравии, — сказала я. — Я имею в виду, что он пожилой, но у него не так все плохо. Он мог бы прожить еще десятилетие или два. Ты, кажется, не удивлен.

— От него не пахнет, как от больного на смертном одре.

— Действительно ли больные люди пахнут по-другому?

— Обычно.

— Я думаю, Косандион знает. Я думаю, что вся эта история со смертельно больным Экклезиархом — обман.

— Он использует нас, чтобы навести порядок в доме, — сказал Шон. — Болезнь Экклезиарха — это предлог, чтобы собрать всех здесь и изолировать их от союзников в Доминионе. Теперь он может справиться с ними один за другим.

— Ты думаешь таких, как Одикас, будет больше? — Шон кивнул. Он что-то обдумывал. — Пенни за твои мысли?

— Косандион опасный человек. Для Одикаса это была не просто политика. Это было личное. Косандион узнал в чем дело, поэтому он загнал Одикаса в угол и дал ему ровно столько веревки, сколько надо, чтобы повеситься.

— Он племянник Калденции.

— И это меня беспокоит. Я хотел бы заранее знать, планирует ли он свести еще какие-нибудь счета.

Олазард растянулся у меня на коленях и перевернулся. Мы были так заняты, что я пренебрегла нашими обычными обнимашками, и он был полон решимости получить все ласки, которые ему причитаются. Я почесала его подбородок.

— Я могу спросить Ее Милость. Если кто-нибудь и знает, так это она.

— А она скажет тебе?

— Не знаю, но худшее, что она может сделать, это сказать «нет».

Шон размышлял, уставившись на океан.

— Каждый раз, когда Джордж вмешивается, все усложняется.

— Если бы все было не так сложно, в Джордже не было бы необходимости. В этом весь его смысл. — Я вздохнула.

— Косандион должен просто жениться на нем и покончить с этим.

— Галактика не выживет. Кроме того, Джордж уже женат, а Косандион не настолько глуп, чтобы драться за него с Софи.

Гостиница ткнула меня. Делегация хиггр хотела поговорить. Я вывела на экран их среду обитания. С душегубами я не заморачивалась, я просто проецировала бестелесный голос, но хиггры захотят общаться визуально.

На экране появилась их среда обитания — плотное пространство настоящих и искусственных деревьев, прерываемое выступающими скалами с гладкими вершинами и удобно расположенными мягкими настилами. Цианид растянулась на ближайшем настиле, ее огромные белые лапы свешивались с края. Ее золотистые глаза сфокусировались ниже моего лица и расширились.

— Зачем вы его взяли? — Я взглянула вниз на Олазарда.

— Я этого не делала. Он сам прыгнул ко мне на колени.

— Почему?

— Он хотел внимания.

Олазард наклонил моську, чтобы мне было удобнее чесать его под подбородком, и сверкнул изумрудно-зелеными глазами на Цианид.

Две кошки уставились друг на друга. Прошла минута.

Другая.

— Вы что-то хотели? — спросила я.

— Да. — Цианид нахмурилась странным кошачьим образом, ее мордочка отвисла, лоб сморщился.

Олазард нежно провел когтями по моему колену и посмотрел на меня. Я вытянула руку. «Гертруда Хант» опустила в нее щетку, и я начала осторожно расчесывать его мягкий серый мех.

Цианид приподнялась на передних лапах и полностью наклонилась к экрану.

Олазард заурчал.

— Вы чего-то же хотели? — подсказала я.

— Уже не важно.

Связь оборвалась. Ну ладно.

Шон прищурился, глядя в небо над океаном Колинды.

— В чем дело? — спросила я.

— Что-то приближается.

Я посмотрела в направлении его взгляда. Белая звезда отделилась от небес над горизонтом и неслась к гостинице, рассекая воздух с ужасающей скоростью.

Шон оскалился.

— Пиратский крейсер Мутерзена.

Я спустила Олазарда с колен, встала и воткнула метлу в пол. Ее стержень раскололся, обнажив светящуюся внутреннюю сердцевину. Ветка гостинцы проскользнула сквозь пол и обвилась вокруг посоха, связывая нас в одно целое.

Теперь крейсер стал отчетливо виден, большой, странной формы, как будто шесть гигантских стволов были соединены вместе в космический котел, ошестинившийся оружием.

Позади меня Капелька издала встревоженный визг.

Два обращенных вперед ствола загорелись ярко-красным.

Я погрузила свое сознание в гостиницу, слившись с «Гертрудой Хант», и возвела поле пустоты.

Стволы вспыхнули. Сдвоенные боеголовки с визгом понеслись по воздуху в нашу сторону. Время замедлилось, и я наблюдала, как они кружатся, мчась прямо к гостинице.

Призрачный ветерок шевельнул подол моей мантии.

Боеголовки встретились с моим невидимым полем пустоты и взорвались. Стена ослепительно белого огня залила пространство перед нами. Вода от взрыва метнулась вверх, как цунами, обтекая невидимый купол над нами, и все это происходило беззвучно.

Гостиница не содрогнулась. Поток воздуха не изменился. Огни не замерцали. Ни звука не проникло. Терраса и холл позади нас оставались такими же безмятежными, как и всегда. Я распространила поле пустоты по всей площади.

Краем глаза я увидела Капельку, стоящую на столе. Каждый волосок на ее теле встал дыбом. Она была похожа на мультяшную белку, которую ударило током. Двое помощников съежились позади нее.

Орро открыл один глаз, взглянул на приближающийся крейсер, зевнул, махнул Капельке вялой рукой и снова заснул.

Шон встал и снял мантию. Под ней он носил боевой костюм. Подкожная броня, которая маскировалась под его татуировки, расширилась, скользнув черной волной по его шее. Он держал нож с зеленым лезвием. Его глаза были ясными и яркими.

Вода стекала вниз. Инопланетные рыбы и длинные змеевидные существа скользили по куполу поля пустоты, падая обратно в оранжевые глубины.

Шон вытащил из пола толстую ветку гостиницы. Она обвилась вокруг него.

— Мне нужен проход, — сказал Шон.

Влюбленность в оборотня: наслаждение непоколебимой поддержкой, прерываемое моментами сильного ужаса. Это был ужасный момент. Он доверял мне, и я должна была доверять ему.

Крейсер завис прямо перед нами. Они не могли в это поверить. Они подошли, чтобы рассмотреть поближе.

Я разделила поле пустоты, как страницы книги.

Ветка, обхватившая Шона, подбросила его в воздух. Горвар вскочил на столе и издал жуткий, душераздирающий вой. Шон приземлился на крышу крейсера и проткнул ее.

Да, это именно то, что я думала, что он сделает.

Нож прошел сквозь сталь корпуса, как сквозь масло. Тело Шона распалось, в мгновение ока, превратившись в крупную фигуру с темным мехом. Он схватился за край баллистической пластины своей когтистой рукой и оторвал ее. Та упала в воду, а он нырнул в отверстие, которое сделал.

Я восстановила поле пустоты и откинулась на спинку кресла. Горвар продолжал выть.

Крейсер завис на месте. Они должны были видеть, как он прорубил себе путь. Они думали, что смогут либо убить его, либо нейтрализовать.

— Уууу!

— Иди сюда, — позвала я.

Большой волк спрыгнул со стола и подбежал ко мне.

— С ним все будет в порядке, — сказала я ему, поглаживая его пушистое плечо. — Это то, что он делает.

Волк сидел рядом и смотрел со мной на крейсер. Судя по размеру, экипаж был где-то между 50-100 существ, и все они были вооружены и привыкли к ближнему бою. У Шона были когти и нож. Я медленно выдыхала, пытаюсь так разгладить свое беспокойство.

«Гертруда Хант» придвинула ко мне экран, который появился для звонка Цианид. Я посмотрела на него. Звонок из апартаментов Куки. Я приняла сообщение, и на экране появились маленький лис.

— Хорошие новости, — сказал он. — Все, что сказал тебе твой контакт, подтвердилось. У меня есть независимая проверенная инфо из нескольких источников. Он принц пиратов.

Крейсер содрогнулся. Поле пустоты поглотило звук, но это выглядело так, будто что-то взорвалось.

— Это здорово, — сказала я.

— Имеет ли он доступ к каким-либо внешним коммуникациям? — спросил Куки.

— Нет. Он полностью изолирован.

Куки кивнул.

— Это хорошо. Это очень хорошо. Они не могут предупредить его. — Крейсер накренился вправо и начал медленно вращаться, удаляясь от гостиницы.

— С чего им предупреждать его? — спросила я.

— Были осложнения.

Теперь крейсер перевернулся, его стволы беспорядочно вращались.

— Ты обещал быть осторожным.

Куки выглядел озадаченным.

— Я всегда осторожен, но они были очень бдительны. Я думаю, они знают, что мы подозреваем, или они подозревают, что мы знаем.

— И не говори.

Крейсер разломился пополам. В разрыве вспыхнули взрывы. Кормовая часть скользнула и погрузилась в океан, послав в нашу сторону еще одну массивную волну. Смотреть на все это без звука казалось нереальным.

— Я хотел предупредить тебя на случай, если они попытаются напасть. Предупрежден — значит вооружен.

— Спасибо, конечно, но поздно.

Я повернула экран так, чтобы он мог видеть, как оставшийся кусок крейсера медленно скользит к волнам.

— Оооооооо, — произнес Куки.

Тони широкими шагами вошел в столовую и сказал, отлично имитируя английский акцент.

— Я почувствовал сильное беспокойство... О, черт.

Оставшаяся половина крейсера упала в воду и развалилась на части.

— Ты выстрела в него? — спросил Тони.

Я покачала головой.

Тони огляделся.

— Где Шон?

— Попробуй угадать.

Он ткнул пальцем в разламывающийся корпус тонущего крейсера.

— Шон там?

Я кивнула.

— Как...?

— Он использовал гостиницу, чтобы перебраться на него.

— Он знает, что у вас есть зенитное оружие?

— Еще б. Он установил половину из них. Он делает заявление.

Тони приземлился в кресло Шона. Я отключила экран с Куки и наблюдала за вспышками подводных взрывов.

— Он часто делает такие вещи? — спросил Тони.

— Определи слово «часто».

— Мне жаль, — сказал Тони. — Это, должно быть, очень напряженно.

— Это не так напряженно, как для пиратов внутри. Он убивает их там.

— Я не это имел в виду, — сказал Тони.

— Я знаю. Спасибо за заботу. Это стресс, но я выбрала его, и я ни о чем не жалею.

Несколько мгновений мы сидели тихо. Крейсер был почти полностью погружен под воду. Только угол корпуса выступал над волнами. Море вокруг места крушения вспенилось, поскольку местная дикая природа поняла, что внутри были вкусные мясные кусочки.

Шон был хорошим пловцом. Я держалась за эту мысль, как за спасательный круг.

— Я говорил со своим отцом, — сказал Тони. — Мы более популярны, чем Суперкубок.

Все смотрят.

Завтра будет еще больше волнений.

— Он дал какой-нибудь совет?

— Он говорит, что все отлично. Он удивлен, что мы еще не убили душегуба.

— Моей личной целью является пройти через этот беспорядок, не потеряв ни единого гостя, пока они на территории гостиницы, включая душегубов.

— Осталось еще два испытания, — сказал Тони.

— Да. — Следующим будет конкурс талантов. — Как думаешь, он будет раздавать розы завтра на церемонии исключения?

Тони выдавил улыбку.

— Мы можем только надеяться.

Ярко-красная вспышка возвестила о новом взрыве. Я вздохнула.

— Ты хочешь, чтобы я пошел и помог ему? — спросил Тони.

Я покачала головой.

— Это вопрос доверия. Я должна верить, что Шон не стал бы браться за то, с чем не мог бы справиться.

Тони кивнул, встал, похлопал меня по плечу и ушел.

Пять минут спустя я сбросила поле пустоты и наблюдала, как Шон-мужчина взбирается на балкон. Он был мокрый с головы до ног, но в остальном не пострадал. Он выпрямился и усмехнулся. Я обняла мокрое тело и поцеловала его. Его лицо было холодным, но губы теплыми, и на вкус он был таким, каким я помнила. Он прижал меня к себе. Горвар заскулил, кружа вокруг нас.

— Прости, — выдохнул Шон мне в ухо.

— Это было не круто.

— Это было довольно круто.

— Нет.

— Признайся, ты впечатлена.

Я покачала головой.

Он рассмеялся, и это был лучший звук на свете.

Когда мы в последний раз покидали наш грозный дуэт хранителей, Шон уничтожил пиратское судно, которое атаковало филиал гостиницы, выходящий на планету Колинда. Но остались загадки: как они узнали, что у «Гертруды Хант» есть дверь, ведущая на планету, и где она находится? Каковы были их мотивы? Кто такой пиратский принц, выдающий себя за одного из кандидатов? Оставайтесь с нами, чтобы найти ответы на вопросы. Возможно, найти.

Я открыла глаза. Наклонный потолок надо мной был окутан мраком, за исключением узкого прямоугольника лунного света, проникающего через верхнюю часть окна. Часы на стене сказали мне, что уже перевалило за час. Мы легли спать тридцать минут назад, после того, как всех заперли.

— Что такое? — спросил Шон.

— Калденция.

Последовала крошечная пауза, пока он проверял, где она.

— Как, черт возьми...?

— Гастон или Тони.

Я ставила на Гастона. Я дала им обоим временные привилегии открывать двери в гостевые покои, потому что нам нужны были помощники, и в итоге они сопровождали различные группы гостей туда и обратно. Как самый первый, самый долгопроживающий и самый особенный гость гостиницы, Калденция, имела доступ ко всем местам общего пользования и могла свободно перемещаться, но требовался либо Гастон, либо Тони, чтобы открыть двери в апартаменты делегации отрокаров и впустить ее туда.

Я встала.

— Она там уже двадцать минут. Я собираюсь пойти за ней.

— Я схожу.

— Я уже встала. — Я наклонилась и поцеловала Шона. — Отдыхай. Ты много чего сделал. Мне все равно нужно с ней поговорить.

— Мы должны запереть ее, — проворчал он.

— Она будет смертельно оскорблена.

Я сняла мантию с крючка и надела ее. Никому не нужно было знать, что под ней у меня только нижнее белье и майка. Найти свои ботинки показалось мне слишком сложно, поэтому я сунула ноги в цветастые «Крокс», над которыми Шон постоянно посмеивался, взяла метлу и направилась в секцию отрокаров. Отрокарские покои были созданы мною для мирного саммита, который освободил Шона от роли Турана Адина. В то время в них размещалась ханум, которая была матерью Дагоркуна, и ее делегация. У всех племен отрокар были схожие требования: отдельные спальни для вождей и шамана, общие спальни для воинов, большая общая зона с углублением для костра и дополнительная зона для встреч с другим местом для костра, где лидеры могли проводить частные встречи. Переоборудование комнат для нынешней делегации отрокаров заняло десять минут. Я изменила цвета, чтобы отразить южную чувствительность, добавила еще одну спальню и назвала ее дневной.

В это время ночи большинство отрокаров должно было находиться в общей зоне. Там

они, вероятно, играют в кости или рассказывают истории перед сном. У Орды Сокрушающей Надежду были надежные устные традиции, зародившиеся в то время, когда их кочевые племена пересекали свой родной мир после сезонных дождей. Они целый день ездили верхом на своих злобных скакунах, а затем разбивали лагерь, готовили еду на костре и рассказывали истории о героях давно минувших эпох.

Современные воины Орды редко жарили свои блюда на открытом огне, хотя и старались делать это при каждом удобном случае, и небо над ними обычно сияло незнакомыми звездами, но некоторые традиции оставались священными. Те же истории, которые когда-то эхом разносились над равнинами планеты предков, теперь рассказывались в корпусах массивных космических кораблей на пути к их следующему межзвездному завоеванию.

Я прочесала все помещения своими чувствами. Как и ожидалось, большая часть группы была в общей зоне, но два существа выбрали более уединенную обстановку, на балконе с видом на фруктовый сад. Одной из них была Калденция. Другой был... Суркар, кандидат от отрокаров.

Я подошла со стороны сада и установила барьер, чтобы отрокары могли видеть сад, но не могли спрыгнуть в него. Для меня не было таких ограничений. Барьер скользнул по мне, словно его вообще не было, и я остановилась в тени, прямо под каменным балконом. На этом балконе я чуть не умерла, и потом Шон продал себя в вечное рабство торговцам, чтобы спасти меня. Веселые были времена.

В яме надо мной горел огонь. У гостиницы были натянутые отношения с огнем, и она остро ощущала небольшой сгусток тепла и пламени. Ночной ветерок принес слабый аромат красного чая. Ханум предпочитала ванла, более крепкий и грубый вариант, который она называла «чай для бедных», но этот пах как более изысканный и дорогой сорт.

Калденция говорила тихим голосом. В последний раз, когда она использовала этот тон, воин дразири предал своего командира и попытался убить его в середине битвы.

«Гертруда Хант» предложила мне ветку. Я наступила на нее, и гостиница подняла меня, растворив кажущийся твердым камень над моей головой. Я появилась на балконе, как призрак.

На балконе не было ламп. Освещение исходило от очага и мягкого света общей комнаты за ним. Ее Милость сидела наполовину в тени, а языки пламени плясали на ее лице. Она и потягивала чай из богато украшенной глиняной чашки. Калденция отказалась от изысканных вечерних платьев в пользу земной одежды: серых джинсов, белой футболки и черной кожаной куртки, которая была слишком теплой, учитывая затяжную жару.

Она почти никогда не носила ничего подобного. На самом деле, я была уверена, что это были ее единственные джинсы, потому что я купила их для нее много лет назад, когда она приехала в гостиницу, и с тех пор я их никогда не видела. Даже когда она навещала своих друзей из соседнего квартала, она обычно выбирала платье. Она, должно быть, чувствовала, что грубый характер джинсов сделает правильное заявление Суркару.

Слева от нее Суркар был одет в килт, мягкие сапоги и больше ничего, позволяя свету костра осветить то, что он считал лучшим торсом галактики. У Шона было лучше.

Тон Калденции был насмешливым с ноткой горечи.

— ... его отец был таким же. Давайте просто скажем, что их дедуктивные способности оставляют желать лучшего. Некоторым людям просто необходимо столкнуться с очевидным.

Суркар кивнул, его лицо было задумчивым. Они оба чувствовали себя совершенно

непринужденно, как два заговорщика, бормочущих у огня.

Задерживаться здесь дольше означало бы подслушивать.

— Ваша Милость, — сказала я.

Суркар дернулся. *Верно, бойся моих тайных путей.*

— Увы, моя няня прибыла. — Калдения поставила чашку. — Я полагаю, ты пришла, чтобы отвести меня в мои комнаты?

— Ваша Милость, вы в любое время можете свободно посещать все места общего пользования гостиницы. Однако эта привилегия не распространяется на отдельные комнаты других гостей.

— Ее пригласили, — жестко сказал Суркар.

— Как бы то ни было, часы посещения закончились ради всеобщей безопасности.

— Она может оставаться столько, сколько пожелает, — сказал отрок.

— Не волнуйся, дорогая. Я иду. — Калдения поднялась. — В конце концов, правила есть правила. Я оставлю вас с этой прощальной мыслью: сила порождает силу. Если вы чего-то желаете, дайте об этом знать. Протяните руку и схватите это.

Суркар кивнул, будто услышал что-то важное. Калдения — Тони Роббинс^[15] галактики.

Ее Милость пристально посмотрела на меня и вздохнула.

— Показывай дорогу.

Я толкнула своей магией. С балкона опускалась лестница, ведущая в сад. Калдения встала на нее. Я последовала за ней, растворяя ступени позади нас.

Мы шли по мощеной дорожке через фруктовые сады. Луна спряталась за облаком, и темнота высасывала краски из растений, окрашивая цветочные клумбы в дюжину оттенков черного, древесного угля и зеленого цвета. Я послала импульс по дорожке и рядом с ней зажглись шары кремового цвета, освещая камень ровно настолько, чтобы его можно было разглядеть.

— Мой племянник проснулся? — спросила Калдения.

Я проверила.

— Да.

Она вздохнула.

— Возможно, мне придется переговорить с нашим прекрасным шеф-поваром. В течение следующих нескольких недель Косандиону будет не до сна. Ему понадобится усиленное питание.

— Почему?

— Из-за Одикаса, конечно.

— Я думала, все улажено. — Косандион уже победил.

Она коротко рассмеялась над моим суждением.

— О нет, моя дорогая. Удаление Одикаса было лишь первым залпом. Теперь начинается настоящая битва.

— Я что-то не понимаю.

— Власть не терпит вакуума. С уходом Одикаса члены его Консервативного альянса будут бороться за то, чтобы взобраться на его ныне пустой трон, толкая и пиная друг друга по дороге. Этот гамбит готовился годами. Мальчик прекрасно все спланировал и хорошо выполнил, но теперь он должен маневрировать фигурами на игровом поле, чтобы выдвинуть подходящего кандидата на вершину так, чтобы никто не понял, что им манипулировали.

Ох.

— Я ставлю на сенатора Дульвию из Тара. Она агрессивна и властолюбива. Из всех них она хочет этого больше всего, но она достаточно проницательна, чтобы понять, что она наименее подготовлена для этого. Это чувство скрытой неполноценности бесценно. Если она поднимется, она потратит годы на подавление любых противостоящих фракций в консервативном блоке. Она пойдет за любым, кто умнее ее, чтобы уничтожить конкуренцию, прежде чем у нее появится шанс перерасти в угрозу. К тому времени, когда она укрепит свою базу власти, у Косандиона будет все, чтобы направить ее в выбранном им направлении, и Консервативный альянс в целом станет слабее, менее креативным и более простым в управлении. Дина, у тебя какое-то странное выражение лица.

— Я рада, что я та, кто я есть.

— И не моя племянница? — Калдения улыбнулась.

— Да.

— Ты дитя хранителей. Ты родилась в этой жизни, и каждый твой опыт способствовал твоему образованию. К тому времени, когда ты достигла совершеннолетия, ты уже была опытной хранительницей. Мы с Косандионом были рождены, чтобы умело править. Я не имею в виду в помпезном смысле слова. Я имею в виду это как констатацию факта. Мы были генетически усовершенствованы с помощью тщательного отбора черт, которые сделали нас способными администраторами и тонкими лидерами. Нас обучали способу управления с того момента, как мы открыли глаза. Мы высокоспециализированные, квалифицированные работники, выведенные с целью руководства межзвездными нациями, и у нас есть дополнительный стимул в виде мучительной смерти в случае неудачи, который побуждает нас преуспевать.

— Ответственность, должно быть, сокрушительная.

Калдения вздохнула.

— Временами именно так, но это то, что мы делаем. И давай посмотрим правде в глаза — уничтожать своих врагов это очень весело. Ты воплощение сдержанности, но часть тебя любит проявлять свою силу, когда того требует случай. Косандион во многом такой же: воплощение самодисциплины и приличия, пока не придет время нанести удар и вырвать все еще бьющееся сердце из груди врага. Просто его удары требуют большой работы и большой подготовки.

Мальчик прекрасно все спланировал... В ее голосе было не просто восхищение, веяло семейной гордостью.

— У меня плохие новости для Косандиона, — сказала я.

Калдения остановилась.

— Насколько плохие?

Я остановилась. Мы подошли к пересечению нескольких дорожек, где они соединялись в круглом внутреннем дворике.

— Политически сложные.

— Скажи мне.

Я послушалась.

На середине моего рассказа Калдения начала ходить кругами. Она вышагивала, подпитываемая яростью. Пока Калдения ходила взад и вперед, она где-то подобрала маленькую веточку, шириной примерно с мой палец, и водила по ней ногтем большого пальца, срезая идеальные маленькие кусочки с каждым движением большого пальца. Она была похожа на пресловутого тигра в клетке, дергая хвостом и ища лазейку.

В конце концов, я закончила.

— Ты должна рассказать ему немедленно.

— Я планировала сказать ему утром.

Она остановилась и уставилась на меня.

— Нет. Сейчас. Чем скорее он узнает, тем лучше. Я понимаю, что ты не обязана делиться этой информацией, и долг хранителя — дать ему отдохнуть, но это вопрос политического выживания. Сделай это для меня, пожалуйста.

— Хорошо, — сказала я ей.

— Прямо сейчас.

— Прямо сейчас, — пообещала я.

— Вы хотите пойти со мной?

— Нет. Будет лучше, если я как можно меньше буду взаимодействовать с ним. Но скажи ему вот что: *Оливио, тесерес плевелит*. Он поймет, что это значит.

Я ПОСТУЧАЛА В ДВЕРЬ, ВЕДУЩУЮ В ПОКОИ СУВЕРЕНА. ШОН РЯДОМ со мной выглядел бодрым и свежим, будто он спал всю ночь, а не 30 минут.

— Войдите, — позвал Косандион.

Дверь скользнула в сторону, и мы вошли. Суверен оторвал взгляд от прозрачного экрана перед собой. Ничего не изменилось ни в его лице, ни в позе, но каким-то образом сразу стало ясно, что он знал, что произошла чрезвычайная ситуация, и был готов к ней.

Шон положил куб данных перед собой. Я вытащила два кресла из пола. Мы сели. Мгновение спустя пол раздвинулся, и как гриб, вырос маленький столик с графином кофе, тремя кружками и ассортиментом из сливок и сахара.

— Кофе? — спросила я.

Косандион, казалось, не услышал меня.

Шон налил две кружки, одну для себя, вторую для меня. Иногда кофе действительно спасал жизнь.

На экране появились результаты сбора фактов Куки. Отчеты, видеоматериалы, свидетельства... Спустя десять минут Косандион встал, подошел к нашему столику, налил себе чашку кофе, положил в нее сахар и вернулся к экрану. Его лицо не выражало никаких эмоций, но внутри, должно быть, назревала буря. Пират Мутерзен едва успел замести следы. Все в его досье указывало на то, что долгосрочное планирование и внимание к деталям никогда не входили в его арсенал. Он был импульсивным и беспечным. Его предполагаемая личность, возможно, и прошла поверхностную проверку, но топ-кандидаты были проверены тщательно. В тот момент, когда люди Косандиона начали бы копать, зазвонили бы предупреждающие звоночки.

Если это была просто халатность или некомпетентность, удар стал бы достаточно сильным. Косандион выглядел бы дураком, который не смог нанять нужных сотрудников и должным образом руководить ими. Неумелый лидер, который позволил печально известному преступнику, обвиняемому в чудовищных злодеяниях, оказаться в шаге от того, чтобы стать отцом следующего правителя Доминиона.

К сожалению, это была не просто некомпетентность. Все было гораздо хуже.

Информация от Куки шла своим чередом, и на экране появилась запись «Шон против пиратского крейсера». Косандион смотрел на эту грандиозную эпопею с тем же бесстрастным выражением лица. Его приватный вид на Колинду был направлен на другую

часть океана. Если бы он был на балконе во время атаки, он мог бы увидеть несколько вспышек далеко справа от себя, но поле пустоты гарантировало, что он ничего не услышал бы.

На экране Шон ворвался на пиратское судно. Брови Косандиона поднялись на миллиметр.

Крейсер разломился пополам.

— Как только клан Нуан начал копать, пираты поняли, что прикрытие их принца вот-вот будет раскрыто, — сказал Шон. — Поскольку мы прервали все коммуникации между кандидатами и остальной галактикой, они не смогли предупредить его и решили напасть на гостиницу. Войти в нашу солнечную систему было не вариантом, поэтому они выбрали Колинду. Если бы гостиница функционировала как обычный отель, полный VIP-персон, и была оборудована порталом, как только началась атака, постояльцы были бы немедленно эвакуированы. Принц пиратов — подонок, но он не глуп. Команда Мутерзена рассчитывала, что он сложит два плюс два и ускользнет в создавшейся неразберихе.

— Кто бы не скормил им информацию о «Гертруде Хант», он не понимает, как работают гостиницы, — добавила я.

Косандион откинулся назад, изучая нас обоих.

— Есть еще что-то?

— Да, есть.

Шон положил перед Косандионом маленький темный кристалл на стол.

— Их журнал.

Каким-то образом, посреди всего этого убийства, Шон задержался достаточно надолго, чтобы забрать журнал крейсера. Он нес информацию обо всей полноте их общения, о каждом входящем и исходящем сообщении и обо всех их маневрах. Я раздумывала об этом и была почти уверена, что получение этого журнала было причиной, по которой Шон в первую очередь бросился на космический корабль.

— Они вышли на орбиту Колинды три земных дня назад и сразу же начали сканировать поверхность в поисках энергетических аномалий, — сказал Шон. — Мы поддерживаем защитный экран над террасой и балконом. Он оставляет небольшой энергетический след. Поскольку Колинда не населена разумными существами и не имеет промышленности, мы выделялись.

— Они знали, что на этой планете у гостиницы есть дверь, — сказал Косандион. — Не только это, но и их судну было приказано прибыть в Колинду за девять часов перед тем, как первый кандидат вошел в гостиницу, — сказала я. — Рот Косандиона превратился в жесткую линию.

Кандидаты и их делегации понятия не имели, в какую гостиницу они направлялись, пока не прибыли в «Гертруду Хант». Доминион настаивал на секретности.

— Когда был отдан этот приказ, только три человека из Доминиона знали, что у «Гертруды Хант» была дверь на Колинду, — сказал Шон.

Сам Косандион, Миралитт и Ресвен. Миралитт и Ресвен приехали на экскурсию по гостинице, и мы отвели их в Океанский обеденный зал. Они увидели Колинду. Миралитт расспрашивала меня о ней. Она хотела понять, было ли это слабым местом в нашей безопасности. Я дала ей подробное объяснение.

Волк смотрел на Косандиона глазами Шона.

— Насколько вы доверяете своим людям?

Выражение лица Суверена потемнело. Перемена была настолько внезапной, что мне пришлось побороться с желанием встать с кресла и отступить.

— Больше, чем двое из моих людей знали, — сказал он. Косандион коснулся экрана. Он запульсировал кроваво-красным.

— Кто остальные? — спросила я.

— Ората, — сказал он. — Ресвен вкратце рассказал ей о возможностях вашей гостиницы и своих впечатлениях от нее, которыми она поделилась бы со своим персоналом.

Да уж.

На экране появилось лицо Ораты. Ее серебристо-голубые волосы были взъерошены, а на щеке виднелась складка от подушки.

Косандион вывел на экран лицо пирата.

— Кто проверял этого человека?

Ората моргнула, и в ее глазах вспыхнула тревога.

— Версия Денома.

Это имя упало, как коктейль Молотова, обдав нас троих своим взрывным огнем.

Шон и я мало, что знали о внутренней работе Доминиона, но это имя упоминалось практически в каждой передаче. Версия Денома, отпрыск известной семьи Доминиона, известной своим политическим и гуманитарным вкладом, потрясающая, образованная и элегантная. Год назад у нее начались отношения с Косандионом, а семь месяцев назад они закончились. Было дикое предположение, что она войдет в супружеский отбор, и столь же громкое разочарование, когда она этого не сделала. СМИ Доминиона дали ей прозвище, призванное описать ее уникальную красоту и шарм. Они назвали ее *Аалинда Воун*. Так я вспомнила ее имя. Аалинда Воун переводится как «Особенная снежинка».

Голос Косандиона мог заморозить сверхновую.

— Приведи ее ко мне.

ВЕРСИЯ ДЕНОМА БЫЛА ПОИСТИНЕ ПОТЯСАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНОЙ. ЕЕ КОЖА была светло-серого цвета, а волосы более темного цвета с оттенком корицы, необычного для Доминиона. Бледно-оранжевое платье, облегающее ее высокую, стройную фигуру, оттеняло и то, и другое. Черты ее лица были резко очерчены, скорее сильные, чем утонченные, отголосок агрессивной красоты, характерной для высшего класса Доминиона. Тот же самый генетический пул произвел Калдению десятилетия назад, но там, где Ее Милость была *tour de force*^[16], Версия была ледяной принцессой. Она держалась так, словно ее позвоночник не знал, что может согнуться.

Она вошла в тронный зал позади Ораты в сопровождении четырех гвардейцев столицы при полном вооружении. В то время как Ората отправилась в дом Версии и задержала ее, Ресвен и Миралитт осознали кризис. Они смотрели, как она вошла. Миралитт выглядела холодной и бесчувственной, как мраморная глыба, а Ресвен пылал со жгучей враждебностью.

Мы с Шоном стояли в стороне в мантиях с поднятыми капюшонами. Для стороннего наблюдателя мы двое выглядели безликими, молчаливыми и неподвижными. Эта драма должна разыграться без помех. Строго говоря, мы не должны были быть здесь, но я стала параноиком по поводу безопасности Косандиона. Шон всегда был параноиком, так что это сработало.

Версия подняла голову и ударила Косандиона наказывающим взглядом. Даже сидя,

Косандион был высоким, а приподнятая платформа его трона возвышала его на шесть футов над головой Версии. И все же ей удавалось смотреть на него свысока.

Грядет что-то нехорошее.

— Я вижу, ты наконец-то понял, — сказала она. Ее голос был глубоким, речь уверенной. Она, казалось, ни капельки не нервничала. Нет, она с нетерпением ждала этого противостояния, и теперь она наслаждалась им. Все, что она делала, было преднамеренным.

Косандион превратился в статую. Он сидел неподвижно, словно он и его трон слились в единое целое, которое было Сувереном. Когда он заговорил, его голос был ровным и размеренным.

— Почему?

— Пять месяцев, Косандион. И вот я здесь, в точно таком же положении, в каком была до нашей связи. — Она взглянула на Орату. — Я должна была получить ее работу. Это было наименьшее, что ты мог бы сделать в качестве компенсации.

Ората оцетинилась.

Голос Суверена стал холодным.

— Я не знал, что отношения со мной требуют компенсации.

— О, пожалуйста. Отношения с Сувереном, мужчиной, который будет уделять вам целых пять процентов своего внимания. Мужчиной, который никогда не бывает доступен, который поглощен работой, который при первой встрече дает понять, что он ограничивает чувства. Мужчиной, который объясняет, что ты достаточно хороша для секса и случайных разговоров, но никогда не подойдешь для большего. Какие бы крохи внимания он ни уделял, это будет происходить на его условиях и по его графику. Что это была за фраза, которую ты использовал? «Управлять ожиданиями, чтобы избежать недоразумений» и «неспособен к серьезным отношениям». Какая женщина не была бы в восторге?

Ресвен открыл было рот. Косандион постучал указательным пальцем по подлокотнику, и челюсти канцлера защелкнулись.

— Ты преследовала меня, — сказал Косандион. — Я согласился встретиться с тобой, чтобы обсудить это. Я был честен с тобой, и ты заверила меня, что того, что я предложил, достаточно. Тебя никто не заставлял. Насколько я помню, ты была полна *энтузиазма*.

На лице Версии дернулся мускул. Ее самообладание ослабло. Калдения никогда бы не позволила себе подобной оплошности.

— До того, как мы переспали, я была восходящей звездой, — выдавила она. — После этого я стала некомпетентной дурочкой, которая имела доступ к Суверену в течение 5 месяцев и не смогла извлечь из этого никакой политической выгоды. Ты превратил меня в посмешище. Когда вы с Парсеоном расстались, он стал министром третьего ранга.

— Повышение было до того, как начались их отношения, — сказал Ресвен. — Министр Парсеон ходатайствовал об отсрочке его утверждения, поскольку его обязанности не позволяли ему посещать столицу в течение первых двух лет. Вы можете найти запись об этом в правительственных архивах, в разделе...

— О, заткнись. — Версия поморщилась. — Ресвен, слишком поздно играть роль няньки при сироте. Твой маленький мальчик уже совсем взрослый. Он способен говорить сам за себя.

— Вы некультурная женщина. Вы позорите свою семью, — выплюнул канцлер.

— Это ненадолго. Скоро моя семья и все в Доминионе узнают, что за то, чтобы отмахнуться от меня, придется заплатить.

За эти годы у меня было много партнеров, мужчин, женщин, гуманоидов и нет, но ни один из них не остался рядом со мной. Бедный Косандион.

Версия нетерпеливым движением головы откинула волосы назад.

— Давай перейдем к делу. Ты ничего не можешь мне сделать. Я замела следы, и у тебя нет доказательств. Только обвинение в некомпетентности может остаться, и как только этот прекрасный беспорядок станет достоянием общественности, все увидят мои действия в правильном свете: глубокий, рассчитанный удар в сердце. Моя карьера взлетит, пока ты будешь залечивать свою рану и пытаться вернуть хоть какое-то подобие уважения в глазах общественности.

— Пирату, — сказал Косандион. — Презренному преступнику. Ты позволила ему пройти отбор, а затем передала конфиденциальную информацию его сообщникам, подвергнув опасности всех здесь присутствующих. Ты хотя бы знаешь, что он сделал?

Она улыбнулась.

— Каждую частичку. Массовые убийства, изнасилования, рабство. Он сделал все, что может сделать человек, когда ему дают оружие, ремесло и деньги без каких-либо моральных указаний. Его поносят даже его соратники. Вот почему я выбрала его. Это должно было быть отвратительно, Косандион, иначе оно не оказало бы необходимого воздействия. Я дала достаточно подсказок нужным людям. Продолжай. Попытайся скрыть это. Это станет абсолютным провалом. Каждая кровавая деталь его злодеяний будет показана на экранах Доминиона. Башня твоего жалкого высокомерия рухнет от одного быстрого удара. Я буду дорожить этим.

Ората сделала шаг вперед.

— Я могу все исправить. — Косандион взглянул на нее.

— Пожалуйста, *Летеро*. Она моя подчиненная. Позвольте мне это исправить. —

Косандион задумался.

— У вас есть время до завтрашней церемонии выбытия кандидатов.

Ората кивнула с серьезным выражением лица и постучала пальцем по наушнику.

— Селериан, разбуди всех. Да, *всех*.

Косандион слегка повернул голову. Миралитт кивнула охранникам.

— Посадить под стражу государственную служащую Деному.

— На каком основании? — взвилась Версия.

— Нарушение протокола. Неспособность поприветствовать Суверена, неспособность назвать Суверена по титулу и вмешательство в деятельность государственного служащего с намерением нарушить его обязанности.

— Что? — Версия отступила назад.

— Канцелярия отвечает за ведение записей о жизни Суверена и должна предоставлять эти записи по требованию общественности, — сказала Миралитт. — Вы обвинили государственного чиновника в неподобающем поведении перед Сувереном, что представляет собой затребование информации. Канцлер Ресвен обязан немедленно сообщить, где можно найти эту информацию. Сказав ему заткнуться, вы помешали ему выполнить свой долг, что представляет собой подавление.

— Это абсурд!

— Заберите ее, — сказала Миралитт.

Стражники повели Версию обратно к portalу. Я наблюдала, как они исчезают в сиянии.

— Свободны, — сказал Косандион.

Ората и Миралитт вышли из комнаты, глава пиар кампании почти побежала к portalу, а шеф службы безопасности направилась в свои покои. Остались только Косандион, Ресвен, Шон и я.

Выражение лица Косандиона дрогнуло. Эмоция исказила его лицо, смесь смирения, тупой боли и глубокого одиночества. Горькое фаталистическое принятие.

Пожилой мужчина опустился на колени перед Косандионом и взял его руки в свои.

— Мне так жаль, Летеро. Так жаль.

Шон взял меня за руку. Мы тихо удалились и поднялись наверх в нашу спальню. Мы сняли мантии, а затем я забралась в кровать рядом с Шоном и обняла его. Я не хотела чувствовать себя одинокой.

Шон обнял меня одной рукой. Некоторое время я лежала без сна, уверенная, благодаря теплу его тела, что с нами все в порядке, а затем я погрузилась в сон.

Когда мы в последний раз покидали гостиницу, мы узнали, что бывшая возлюбленная Косандиона предала его. О, Косандион! Такой внимательный, такой красивый, такой одинокий. Если бы только у него был кто-то, чтобы утешить его беспокойное сердце. Теперь его пиар-директор, Ората, пытается потушить этот огонь. Но завтраки остывают, и даже хранителям гостиниц нужно есть...

Душегубы снова разбудили меня около 4:00 утра, пытаясь сделать подкоп на дне ямы. Обычно я позволяю им утомлять себя, но я была измотана, поэтому я сделала для них очень большой экран, а затем поместила на него документальный фильм «Предоставьте это Биверу». Это была постановка «ПиБиЭс» с большим количеством отснятого материала с вырубке деревьев и строительстве плотины. Ужасные гости пошли против политики хранителей, к тому же душегубы действительно испытывали мое терпение.

Шон, встав с кровати, разбудил меня в 5:00 утра, и когда я спросила его, что происходит, он поцеловал меня и сказал мне продолжать спать. Когда я, наконец, два часа спустя выползла из кровати, спальня была пуста. Я нашла его снаружи, разговаривающим с Мараисом. Мараис обнаружил пару папарацци из Доминиона, пытавшихся заснять гостиницу в темное время суток, задержал их и передал Шону, который перебросил их в Баха-чар, пока я спала. Теперь они обсуждали, что делать, если появятся новые папарацци. Я оставила их наедине и отправилась завтракать.

Большинство делегаций в очередной раз предпочли уединенный завтрак, поэтому я направилась прямо в помещение для наблюдателей. Они уговорили Тони позволить им поесть на нашем заднем дворике, и когда я вышла, то обнаружила Дагоркуна, Карат, Томато, Тони и Гастона, которые расположились вокруг большого стола на улице. Они наслаждались версией традиционного американского завтрака от Орро, если, правда, традиционный завтрак включал в себя приготовление яиц желтком вверх в маленьких корзиночках из картофеля, обжаренного по-французски, украшенных бусинками кристаллизованного, но восхитительного кетчупа и кленового сиропа.

Как только я села, из кухни появилась Капелька, поставив передо мной тарелку с яйцом в корзинке и чашку кофе, и исчезла обратно на кухню. Стол был так завален едой, что было чудом, что он еще не разбился. Я долго смотрела на блюдо, борясь с параличом принятия решений, затем положила на тарелку пару сосисок, добавила немного фруктов и сделала глоток кофе.

Ммм, восхитительно.

— Я думал, ты предпочитаешь чай, — сказал Тони. Его тарелка была размером с блюдо на День благодарения, и он поглощал еду так, словно у него никогда больше не будет возможности поесть. Была причина, по которой он был любимым посетителем Орро. Ну, если не считать Гастона, конечно.

— Верно, но чай мне сейчас не помощник.

— Душегубы? — спросил он.

— Ммм. И папарацци. И пираты. Кто из вас впустил Калдению в покои отрокаров прошлой ночью?

Гастон поднял руку.

— C'est moi, je suis coupable.^[17]

Тони закатил глаза.

И почему я не удивлена?

— Ты должен следить за ней, а не потакать ее прихотям.

— У меня двойная миссия: помогать вам и помогать Суверену. Джордж и Арбитражное управление хотят, чтобы выбор пары прошел гладко.

Конечно, Джордж не позволит, чтобы было иначе.

— Наблюдать за Ее Милостью — это действительно честь и привилегия, — сказал Гастон. — Ее замысел великолепен. Когда я вырасту, я хочу быть таким же, как она. Если бы она брала учеников, я бы немедленно принес клятву ей, преклонив колена. К сожалению, на данный момент она не заинтересована. Я спрашивал.

Нам только Гастона преклоненного не хватало.

— Поразительно ужасная идея, — сказал Тони. — Эта женщина может препарировать тебя двумя предложениями. Ты никогда не поправишься.

— И именно поэтому я хотел бы стать ее учеником, — сказал Гастон.

— На каком языке ты только что говорил? — спросила Карат.

— На французском. На одном из диалектов, миледи, — сказал Гастон.

У-ля-ля, «миледи». Кто-то уловил вампирский этикет. Дагоркун нахмурился.

— А другие языки есть на твоей планете? — спросила Карат.

— Есть несколько. Я научился говорить по-французски и по-английски одновременно. Они оба мои родные языки. Есть ли на твоей планете другие языки?

Она покачала головой.

— Нет, у нас только разные диалекты, но все они являются распространителями одной и той же лингвистической ветви. Твой второй язык звучит интересно.

— Хочешь еще послушать? — он спросил. Дагоркун нахмурился еще сильнее.

— Да. Думаю, да.

Гастон наклонился вперед.

- Âme sentinelle,
Murmurons l'aveu
De la nuit si nulle

Et du jour en feu.
Des humains suffrages,
Des communs élans
Là tu te dégages
Et voles selon.^[18]

У него был действительно хороший голос, глубокий и звучный, и каким-то образом

казалось, что французский подходит ему.

Тони снова закатил глаза.

— Как переводится? — спросила Карат.

Гастон сделал небольшой, элегантный жест рукой.

— Это стихотворение Артюра Рембо. Оно говорит о вечности, которую обретаешь в тот момент, когда заходящее солнце касается океана или двое влюбленных дают прошептанное обещание. Это стремление открыть бесконечность в одно мгновение и навсегда сохранить его в своей памяти в качестве защиты от неизбежности мучений.

Я перестала есть и посмотрела на него.

— Это правда, — сказал он.

— Очаровательно, — сказала Карат. Она поставила локоть на стол и оперлась подбородком на тыльную сторону ладони. — Еще что-нибудь скажи.

Мышцы челюсти Дагоркуна напряглись.

Карат повернулась ко мне, чтобы взять маленькую баночку с джемом, и подмигнула. Ох. Вот те на! Она делала это нарочно.

— Что бы ты хотела услышать? — спросил Гастон.

— О, я не знаю. — Карат намазала немного джема на крошечный рогалик в форме герба дома Крар. Орро действительно превзошел самого себя. — Есть ли у Орды какая-нибудь увлекательная поэзия, младший хан?

Дагоркун разжал челюсти.

— Да.

— Не мог бы ты прочитать что-нибудь для нас?

— Нет.

Я отпила кофе, чтобы не засмеяться.

— Ох, какое разочарование. — Карат захлопала длинными ресницами.

Гостиница обратила на себя мое внимание. Сообщение от Дома Меер. Я махнула рукой, чтобы никто не испугался, и «Гертруда Хант» передала мне экран с изображением Бестаты. Кандидатка вампиров была одета в урезанную версию доспехов, которые рыцари носили во время тренировок. Я достала тренировочное оружие из хранилища.

— Я хочу поговорить с леди Ренадрой.

Ну, поскольку мы используем официальные титулы вместо имен...

Я посмотрела на Карат.

— Ты хочешь пообщаться с леди Эминдрой?

— Да.

Я подвинула экран к ней.

Стойки с учебным оружием поднимались сквозь дерн лужайки. Оружие было точного размера и веса стандартного оружия вампиров, но сделано из другого материала, и его края были тупыми, хотя быть раненным одним из них все же было больно.

— Не хотите ли вы немного потренироваться сегодня утром? — спросил Бестата.

Глаза Карата вспыхнули.

— Всегда.

— Я полагаю, кто-нибудь придет, чтобы сопроводить меня к вашему местоположению?

— Да, — сказала я.

— Отлично. Я с нетерпением жду этой тренировки.

Экран погас. Карат поднялась.

— Я сейчас вернусь.

Я повернулась к Гастону.

— Не мог бы ты привести Бестату?

Он отвесил мне неглубокий поклон.

— С удовольствием.

— Спасибо.

Гастон вышел из-за стола.

— Как вы узнали, что она скажет «да»? — спросил Томато. — Вы вытащили оружие еще до того, как они согласились сражаться.

Орро подал ему маленькие кубики сырого стейка. Томато проткнул их когтями, окунул в блюдо с пряным медом и осторожно отправил в рот один за другим, долго пережевывая каждый кусочек.

— Я узнала ее тренировочные доспехи. Каждый раз, когда Бестата появляется на публике, она всегда выглядит официально. Была только одна причина, по которой она могла надеть тренировочную броню. Она хотела провести спарринг, и среди нас был только один человек, которому она могла бросить вызов.

— Но как вы поняли, что Карат согласится? — спросил Томато.

— Рыцарь-вампир с положением Карат никогда не отступит перед вызовом конкурирующего Дома. Для Бестаты это шанс ощутить мастерство Карат. Карат понимает это и рада его продемонстрировать, что ее даже не беспокоит сбор разведанных Дома Меер. Кроме того, Карат похожа на мою сестру. Она не может устоять перед мечом. Если поблизости кто-то есть, ее рука сама начинает тянуться к нему.

Дагоркун отпил чай. Он явно о чем-то задумался.

— Почему ты не продекларировал «При свете Луны, по кровавому следу»? — спросил Тони.

Он отмахнулся.

— Мне это не пришло в голову.

— Ты можешь объяснить мне Суркара? — спросила я. — Ты здесь для того, чтобы наблюдать за ним. Почему он здесь?

Дагоркун вздохнул.

— Когда Орда претендует на планету или строит космическую станцию, поселенцы выбираются с помощью сложного алгоритма. При этом учитывается трудовой стаж, достижения, потребности колонии и индивидуальные предпочтения. Это также гарантирует, что население колонии будет разнообразно и одинаково представлено. Ни один клан не может претендовать на численное или специализированное большинство. Выживание колонии требует сотрудничества, каждый должен отложить в сторону свои наследственные разногласия и кровную месть и работать вместе ради процветания. Через несколько десятилетий, когда подрастет новое поколение, они начинают думать о себе как о выходцах из этой колонии, а не из Племени Северного Ветра или Племени Южных Порывов. Если появляются какие-либо нарушители спокойствия, они обычно записываются в армию и отправляются в учебные лагеря Орды, где учатся единству или умирают. Вот как Орда остается сплоченной.

В этом был смысл. Если бы Орда была одеждой, то это был бы разноцветный плащ Джозефа, сшитый из тысяч лоскутков, где каждый цвет был бы племенем. У каждого

племени была долгая и кровавая история. Если бы все этнические группы Земли собрались вместе, мы едва ли составили один рукав.

Удержание этого множества от раскола, должно быть, было монументальной задачей. Тони делал вид, что поглощен едой, но я могла сказать, что он прислушивался к каждому слову. Это был именно тот вид знаний, от которого хранители гостиниц сходили с ума. Его отец хотел бы получить полный отчет.

— До сих пор эта система работала в 11 колониях на восьми планетных системах, — сказал Дагоркун. — А потом мы получаем Гарри, откуда родом Суркар. Каким-то образом, когда эта маленькая планета была заселена так, где 80 % поселенцев прибыли с Юга. 48 % из них происходили из племени Гар, которое, так случилось, является племенем Суркара.

— Кто-то сломал алгоритм, — сказал Шон, появляясь из кухни.

Мараис шел следом за ним. Он выглядел изможденным.

Шон выдвинул для него стул. Мараис сел. Шон налил ему кофе и поставил перед ним тарелку.

— Да, — сказал Дагоркун. — Мы не знаем, как они это сделали, и мы не смогли уловить это в течение пяти лет. Тем немногим северянам, которые оказались на Гарре, совсем не везло. Неожиданно на них сошли грязевые оползни, происходили сбои в электросетях. Случайные метеориты поражали их жизненно важные объекты. Все в таком роде.

— И ничего невозможно доказать, — сказал Шон.

— Точно, — сказал Дагоркун. — Что мы могли доказать, так это увеличение эмиграции. Северные ветераны, которые пролили кровь и заработали свою землю, обналичивают деньги и уходят с планеты. А теперь Суркар и его банда здесь. У каждой делегации есть главные и второстепенные просьбы. Мне нужно узнать, о чем они просят.

Мараис выглядел так, словно засыпал.

— Гектор, идите домой, — пробормотала я.

Он покачал головой.

— Мне просто нужна минутка.

В следующий раз, когда мы найдем его для какой-либо работы, я обозначу в договоре рабочее время и часы его отдыха, и обязательно заставлю подписать его.

Карат вышла на крыльцо в тренировочных доспехах, подошла к тренировочной стойке на траве, выбрала меч и подбросила его на шесть футов вверх. Он закружился, и она схватила его в воздухе.

Дагоркун моргнул.

— Если Суркар будет выбран в качестве пары, и они попросят о военном союзе между Гарри и Доминионом, вступит ли Орда в войну? — спросила я.

— Да, — сказали Дагоркун и Шон одновременно.

Война между Ордой и Доминионом стала бы катастрофической. Арбитражное управление хотело бы предотвратить это любой ценой, так же сильно, как они хотели бы защитить стабильность самого Доминиона.

Я почти видела полупрозрачный призрак Джорджа, нависающий над нами. Должно быть, он очень сильно хотел быть здесь, мягко направляя события в нужное русло, но не мог.

Бестата и Гастон вышли из кухни. Бестата проигнорировала существование нашего столика, убедившись, что все мы осознали, что мы недостойны ее внимания. Это граничило с оскорблением.

Гастон размашистым жестом пригласил Бестату на траву. Высокая светловолосая рыцарша направилась к тренировочной стойке.

— Сколько лет этой штуке? — спросила Карат, рассматривая меч в своей руке. — Таких больше не делают.

— Много, — ответила я ей. — Он был подарен хранителям потомком великого героя Святой Анократии много лет назад.

Изначально я думала, что этому оружию пару столетий, но потом Мод спросила меня о нем после спарринга с Арландом. Она посчитала, что набор оружия был намного старше поэтому, когда все успокоилось, я покопалась в архивах «Гертруды Хант», пока, наконец, не нашла упоминание о нем. Набор был передан «Гертруде Хант» одним из моих предшественников, который унаследовал его от гораздо более старой, ныне разрушенной гостиницы.

Как только я поняла, откуда взялось оружие, я сразу же взяла набор тренировочных кинжалов со стойки и положила их в специальную коробку для моей племянницы. Хелен обомлает.

Бестата снизошла до того, чтобы взглянуть на меня.

— Что за герой?

За свою жизнь я имела дело со многими вампирами, но ни один из них не насмеялся надо мной так сильно, как Бестата. Я не могла сказать, было ли это просто выражение ее лица по умолчанию, но моему терпению был предел.

— Нажмите на черный переключатель в форме кинжала сбоку, — сказала я ей.

Она осмотрела стойку с оружием. Ее пальцы нащупали выключатель.

Голограмма гигантской темнокожей женщины-вампира вырвалась оттуда. На ней были древние доспехи с богато украшенными металлическими наплечниками и кирасой, сидящей поверх син-брони, стиль, пришедший из тех времен, когда вампиры не полностью доверяли новым технологиям и упрямо долго держались за металл. Шрам пересекал ее лицо, рассекая губу. Ее глаза вспыхнули.

Вампирша подняла огромный топор к небу и взревела, демонстрируя устрашающие клыки. Бестата и Карат шарахнулись назад, повинувшись чистому инстинкту. Мараис резко проснулся и вскочил на ноги.

— Я, Силета из Дома Корса, дочь Лорсана и Делендин, внучка Олазарда Потрошителя Душ, дарю оружие этой гостинице, — заявила вампирша. — Пусть потомки нашей великой нации используют его, чтобы стать еще лучше во время своих путешествий. Пусть оружие бьет верно, и пусть их воля никогда не дрогнет. Пусть они принесут смерть всем мухам через звезды и время!

Я отхлебнула кофе.

Запись исчезла. Шон посмотрел на меня.

А ты как думал, что знаешь все мои секреты. Ты даже не приблизился к ним ни на йоту, приятель.

Я улыбнулась и слегка отсалютовала ему кофейной чашкой.

— Это священная реликвия, — прошипела Бестата.

— Нет, это просто тренировочная стойка с оружием с долгой историей, — сказала я. — Чувствует ли себя леди Эминдра неспособной принять вызов?

Бестата впиалась в меня взглядом.

— Мои навыки неоспоримы.

Карат усмехнулась.

— Великолепно, — сказала я. — Все мы с нетерпением ждем возможности увидеть, как вы почитаете своих предков. Дух внучки Олазарда наблюдает. — Никакого давления.

КОСАНДИОН РЕШИЛ ПРОВЕСТИ НА АРЕНЕ ПРОЦЕДУРУ ВЫБЫВАНИЯ.

За пределами гостиницы в самом разгаре был яркий солнечный день. Внутри же поздний вечер окрасил небо над ареной в голубые и пурпурные тона, а на западе всплеск ярко-розового, разбавленного золотом, мягко тлел в ночи. Я записала захватывающий техасский закат и теперь проецировала его на потолок. Воздух был приятно-теплым. Имитированный вечерний бриз обдувал делегатов, сидевших в своих креслах.

На южной стороне арены огромный каменный дверной проем, через короткий проход, вел к portalу, светящемуся бледно-зеленым светом. Я стояла прямо внутри него, вне поля зрения. Гастон ждал рядом со мной. Он выбрал другой костюм космического мушкетера, на этот раз в темно-зеленых цветах, и дополнил его шляпой с широкими полями и нелепо пушистым черным пером.

На северной стороне, прямо напротив дверного проема, из нижней части арены торчала каменная скала. У нее имелись две небольшие зоны для сидения с каждой стороны и каменная лестница, которая вела на самый верх, увенчанный каменным тронном. Позади трона виднелись одиннадцать огромных знамен, каждое из которых принадлежало представленным делегациям. Они висели, казалось бы, в пустом воздухе, слегка колышась на ветру. Между вторым и третьим справа было место для двенадцатого знамени, которого явно не хватало.

Между тронном и дверным проемом, в центре арены, расположилась приподнятая сцена. Я подняла ее немного выше и добавила тумана для атмосферы. Темный туман клубился по дну арены, скользил по каменной сцене, касался стен секций делегаций и приливной волной окатывал тронный выступ и обратно, как бурное море. Время от времени крошечные пылинки золотого света появлялись из тумана и медленно поднимались вверх, пока не таяли в вечернем воздухе.

Выглядело так, словно тронный утес и сцена возвышались над бездонной пропастью, окутанной туманом. Но туман был едва ли в три фута высотой. Я купила его у Куки, и он сделал мне небольшую скидку, что заставило его приверженцев схватиться за свои метафорические жемчужины. Это было недешево, но оно того стоило. Ората просила «максимальной драмы». Ни один хранитель не уклонился бы от такого вызова. Мы жили ради этого.

Арена гудела. Последняя делегация заняла свои места пятнадцать минут назад, и они начали нервничать.

В секции наблюдателей произошла небольшая суматоха. Я подняла экран, чтобы рассмотреть поближе. Двое помощников Куки носились вокруг, делая вид, что сражаются двумя длинными кинжалами. Дагоркун выглядел так, будто кто-то наступил ему на ногу, но ему пришлось это вытерпеть, поэтому он просто позволил боли отразиться на своем лице. Сидевшая рядом с ним Карат улыбнулась и хлопала в ладоши.

Меньший из лис подпрыгнул в воздух, с размахом обрушив кинжал на противника. Ха! Они воспроизводили утренний бой Карат и Бестаты. Они, должно быть, смотрели видеозапись.

Я знала, что у Бестаты будут проблемы, когда Карат попросила меня записать их

спарринг-сессию, потому что она хотела получить «обучающее видео для леди Хелен». Все Дома вампиров гордились своими навыками ближнего боя, но Дом Крар поднял ближний бой на новые высоты.

Как и все вампиры, Дом Крар дорожил своими детьми. Они десятилетиями принимали то, что им придется посылать их в бой на Нексус, где аномалии делали воздушную войну невозможной, и поэтому они превратили поколение Арланда и Карат в опытных наземных бойцов. Моя сестра назвала своего будущего мужа «машиной для убийства» и имела в виду именно это, что Арланд воспринял бы как огромный комплимент.

За этот опыт пришлось заплатить немалую цену. Концентрация на наземных боях означала меньше времени для обучения другим аспектам ведения войны. Например, Шон предупредил меня, что если Арланду когда-нибудь придется сражаться в космосе без адмирала, руководящим им, он проиграет. Но это все привело к удивительным дуэлям.

Я разделила экран и проверила леди Бестату. Красная полоса на ее лице теперь была едва заметна. Я убедил ее провести пару часов в медотсеке, потому что впечатляющий фингал на лице, запечатленный на экранах Доминиона, выглядел бы плохо. Рубец на лице Бестаты можно было залечить, но рана, нанесенная ее гордости, была необратимой. Карат трижды убила ее во время той дуэли.

— Замечательная женщина, — заметил Гастон.

— Которая из них?

— Обе. Хотя леди Карат гораздо более привлекательна. — Точно. Привлекательна.

Гостиница зазвенела у меня в голове. Настало время. Я убрала экраны и захватила арену своей силой. Потребуется тщательный расчет времени.

— Иди, — прошептала я Гастону.

Он коснулся полях своей эффектной шляпы, одарил меня улыбкой с зазубренными зубами и промаршировал через дверной проем.

Я включила свет. Двенадцать групп прожекторов, расположенных на концах 100-футовых шестов по периметру арены, включились и наклонились вниз, освещая Гастона в проходе. Будто у нас понедельничный ночной футбол в программе.

Твердая земля закончилась у порога дверного проема, но Гастон не замедлился. На мгновение его нога в темно-коричневом ботинке зависла над пустотой, а затем первая секция каменного моста поднялась из тумана, чтобы встретить его. Он твердо ступил на камень. Ряд маленьких круглых ламп зажегся вдоль моста, как огни взлетно-посадочной полосы, направляющие самолет на безопасную посадку.

На арену опустилась тишина, Гастон не сбавлял шаг. Свет преследовал его, словно пытаясь догнать, всю дорогу через мост и на центральную платформу. Гастон приветствовал делегатов элегантным поклоном и взмахом руки, который, вероятно, требовал обучения балету в детстве.

Арена взорвалась топотом, криками и аплодисментами. Гастон приветствовал все это еще одним поклоном.

Шум усилился, затем начал стихать. Гастон поднял руки, и суматоха стихла. Он улыбнулся, огромные экраны у каждой секции увеличили его лицо, и крикнул:

— **Давайте начнем!**

По арене прозвенел массивный колокол.

У основания каменной скалы из-под пола появился Косандион. На нем была ослепительно белая мантия, отделанная темно-синим. Длинный плащ цвета индиго свисал с

его левого плеча. Он выглядел величественно.

В каменной дорожке перед Косандионом загорелся свет, и свечение распространилось до самого трона. Косандион начал подниматься по лестнице. Я добавила немного ветра, чтобы его плащ развевался, пока он поднимается.

Пол боковых секций раздвинулся. Никто не обратил на это внимания, потому что Косандион все еще поднимался, и вся арена пропустила появление Миралитт, Ресвена и Ораты, вышедших слева, и Святого Экклезиарха и двух его помощников справа. Ората посмотрела в мою сторону и усмехнулась. Видимо, уровень драмы был достаточным.

Косандион сел на трон. В сотне футов над ним зажглось созвездие звездных систем Доминиона, зависшее в воздухе. Серебряное сияние пролилось на него. Он был похож на сияющего бога, готового предстать перед судом простых смертных.

Наступила тишина.

Шон вышел из-за трона, как тень в темно-серой мантии. Настала его очередь играть роль няньки.

Гастон повернулся к Косандиону и стал ждать. Суверен пошевелил рукой. Гастон поклонился и повернулся обратно к арене. Его голос прогремел.

— Двенадцать кандидатов прибыли сюда для окончательного отбора. Одна из них, доставленная сюда против своей воли, храбро вернула себе свободу. — Он указал на пропавшее знамя. — Осталось одиннадцать кандидатов. Сегодня нам придется попрощаться еще с двумя. Расставаться с ними тяжело, но таково голосование Доминиона. Их голоса направляют нас сегодня вечером.

Гастон сделал серьезную паузу.

— Первая делегация, которая покинет нас, это...

Арена затаила дыхание.

Для человека, который вырос без рекламных пауз, он определенно питал слабость к драматическим паузам.

— Дети Серебряной звезды, — объявил Гастон.

Я выделила секцию донкаминов и продлила пандус от их секции к центру приподнятой сцены вниз. Делегация из двадцати одного донкамина встала и стройной шеренгой двинулась к Гастону.

Вряд ли это стало неожиданностью. Сегодня утром их уведомили, что они набрали наименьшее количество голосов в Доминионе. У них было время собраться и подготовиться. Всегда был шанс, что они сделают что-нибудь опрометчивое в качестве прощального выстрела, однако это шло вразрез с тем, как донкамины вели себя до сих пор.

Донкамины встали перед тронном.

— Дети Серебряной Звезды, — сказал Косандион, его голос был чистым и сильным. — Вы оказали нам честь своим присутствием. Мы благодарны за драгоценный дар вашего времени и усилий, и за возможность познакомиться с вашей цивилизацией. Чего вы просите у Доминиона?

Ах. Второстепенная просьба.

Заговорил один из донкаминов.

— Серебряная Звезда желает обменяться знаниями с Доминионом. Мы просим об учреждении научного посольства на Теплайме.

Теплайм был самой научно развитой планетой Доминиона.

— Да будет так, — сказал Суверен. — Пусть обмен знаниями и идеями принесет пользу

обоим нашим обществам на столетия вперед.

Он встал и поклонился донкаминам. Донкамины извернулись. Их ноги оставались неподвижными, но их головы, шеи и другие части тела были изогнуты в странных направлениях. Это было проявление уважения, на которое ни один рожденный на Земле человек не мог смотреть без содрогания. Меня пробрала дрожь.

— **Аплодисменты нашим уходящим друзьям,** — провозгласил Гастон, и арена подчинилась.

Донкамины повернулись, в последний раз посмотрели на всех и, наконец, направились через мост к portalу.

Как только все закончится, я расширю запись о донкамилах в файлах хранителей. Я много узнала о них, и любая дополнительная информация о гостях пойдет на пользу гостиницам. Я уже начала, но мой вклад до сих пор сводился к одной строке заглавными буквами: «НЕ ЛЮБЛЮ, КОГДА МЕНЯ ТРОГАЮТ».

Делегация донкаминов достигла дверного проема. Шея ведущего донкамина вытянулась спиралью и остановилась в шести дюймах передо мной.

— Спасибо за ваше гостеприимство, хранительница. Будьте здоровы.

— «Гертруда Хант» польщена вашим присутствием. Для меня было честью принять вас у себя.

Донкамины вошли в портал. Когда последний из них вышел, я придержала портал открытым, и прибыла новая группа посетителей — Версия Денома в сопровождении четырех стражей столицы. Она бросила на меня испепеляющий взгляд.

— **Мы подходим к финалу нашего сегодняшнего события.** — Гастон повернулся к каменной скале и протянул руку.

Ората встала и шагнула вперед. Я осветила периметр платформы, и огромные экраны увеличили изображение начальника отдела по связям с общественностью.

— Меня зовут Ората Таван. Я служу Доминиону в качестве посредника Суверена. Моя левая рука касается Суверена, моя правая касается народа Доминиона, и мой священный долг — объединять их.

Красиво сказано.

— Когда мой офис проверял кандидатов для отбора, мы обнаружили ужасное преступление. Один из кандидатов оказался не тем, за кого себя выдавал.

На арене воцарилась полная тишина.

— Каждая делегация привезла лучших из лучших, исключительных, благородных, достойных, но этот кандидат оказался худшим из худших. Доминион, то, что я собираюсь показать вам — ужасно. Но вы должны увидеть это своими глазами, чтобы выполнять свои гражданские обязанности и вынести суждение.

На экранах Пивор из клюв-убийц обезглавил ребенка взмахом меча. Его кожа была темно-лилового цвета, а волосы длинными и прямыми, но это безошибочно был он. Улыбка выдавала его с головой.

— Вы смотрите на Кумбра Аджи ар'Мутерзена, — объявила Ората. — Третьего сына Гара Пор ар'Мутерзена и четвертого в очереди на то, чтобы возглавить пиратский флот бродяг. Мы его знаем как Пивора.

В отделении клюв-убийц попытался подняться Пивор, но пол поглотил его ноги. Я вырастила пол под ним, и его кресло подняло его на пятьдесят футов в воздух, над сиденьями, оставив его в ловушке на вершине каменной колонны. Он вцепился в

подлокотник, пытаясь высвободить ноги, но гостиница крепко держала его.

На экранах вспыхнули стратегически выбранные кадры, галерея зверств Пивора.

Клювы-убийцы заверещали. Я достаточно общалась с ними на протяжении многих лет, чтобы распознать специфический тон их криков. Это был не протест, это было удивление и возмущение. Они не знали.

Мрачная галерея продолжала показ. Ората убрала звук, и, каким-то образом, просмотр ее в тишине создал более ужасающий эффект.

— Когда этот подлый обман был раскрыт, мы столкнулись с вопросом, как действовать дальше. Казалось, надо было просто отклонить его кандидатуру и исключить делегацию, спонсирующую его.

Технически, пока что ничто из того, что она сказала, не было ложью. Она только не уточнила, когда именно был обнаружен обман.

Версия нахмурилась. Да, я тоже понятия не имела, к чему клонит Ората, но, видимо, это был сигнал, потому что охранники начали маршировать по мосту в центральную секцию, Версия шла между ними.

— Однако один смелый член нашей команды, тот, кто отвечал за проверку его кандидатуры, принял решение не останавливать его. Она чувствовала, что обязана воспользоваться этим шансом, и в нужное время разоблачить его злодеяния перед всей галактикой, когда всеобщее внимание будет приковано к этому событию, чтобы все узнали, что он сделал.

Опять же, не ложь.

— Доминион, этот государственный служащий — Версия Денома. Она наш герой.

Я направила ближайший прожектор на платформу. Он окутал Версию своим сиянием. Я увеличила изображение ее лица. Она потрясающее напоминала оленя в свете фар. Стражники вокруг нее вытянулись по стойке смирно. Я видела, как они делали именно это движение в присутствии Косандиона. Они были ее «почетным караулом».

— Именно благодаря ее неустанным усилиям мы сейчас можем стоять здесь, и своими глазами видеть эти преступления, став свидетелями свершения правосудия. Я показала вам это сегодня, чтобы напомнить быть бдительными. Зло коварно. Он может проникнуть в ваш внутренний круг и нанести удар вам в спину.

Ничего себе.

— Если бы не усилия Версии, мы могли бы и не узнать о зле, которое представляет собой Кумбр Аджи. Она — причина, что мы смогли вывести его на чистую воду, и причина, по которой я теперь могу рассказать о нем всем вам. Нам следует поблагодарить ее. Сегодня мы чтим тебя, Версия Денома. Доминион в большом долгу перед тобой.

Ората поклонилась. Позади нее Ресвен и Миралитт тоже поклонились.

Отец Пивора баловал своих детей. Он баловал их и занимался делом, где ужасная репутация была преимуществом. Он не мог позволить себе выглядеть слабым или страдать от неуважения. Если что-нибудь случится с его отпрыском, он отомстит. Это была просто хорошая сделка, и Ората только что показала ему, кто именно несет ответственность за падение его сына. Ората не просто бросила Версию под автобус. Она подняла автобус и уронила его на голову Версии.

Страх в широко открытых глазах Версии сказал мне, что она точно поняла, что произошло.

Голос Косандиона эхом разнесся по арене.

— Кумбр Аджи ар' Мутерзен.

Я развернула каменную колонну, так чтобы Пивор оказался лицом к трону.

— Вы хотите что-нибудь сказать? — спросил Косандион.

Пивор ухмыльнулся, и на этот раз это выглядело безумно.

— Отвали, ты, тупой придурок. Хочешь кусочек меня, будь мужчиной и получи его сам. Лицо Косандиона было ледяным, будто вырезанным из айсберга.

— Кумбр Аджи ар' Мутерзен, настоящим вы исключены из отбора. Ваш спонсор дисквалифицирован. Их просьбы не будут удовлетворены.

— Я имею, что сказать, — взвизгнул ужасный убийца.

Косандион кивнул.

Я переместила свет на секцию клюв-убийц и сдвинула столб Пивора к ней, но достаточно далеко, чтобы тот оставался вне досягаемости. Поднялась самая большая птица. Она была огромной с ржаво-малиновым оперением. Ее огромный клюв мог расколоть бедренную кость коровы пополам. Я видела, как такое происходило, потому что Орро подавал им бычьи кости, когда они хотели перекусить.

Лидер клюв-убийц сделала шаг вперед и ступила на ограждение, граничащее с их секцией. Зловещие шпоры на ее ногах были обшиты острым, как бритва, металлом, и они блестели в свете арены. Ее когти схватили камень и сжали, кроша его. Она уставилась на Пивора немигающим взглядом хищника.

— Пират, возвращайся к своему отцу и передай ему мое послание. Ваши черепа мягкие. Ваши мозги восхитительны. Ждите нас.

Она открыла клюв и издала оглушительный крик. Каждое перышко на ее теле встало торчком. Пивор был в тридцати футах от нее, но и он дернулся назад на своем месте.

— Доминион признает клятву мести, — сказал Косандион. — Мы не питаем к клювам-убийцам никакой злобы и считаем их невиновными в этом деле.

— Сражайся со мной, ты, гребаный урод! — взвыл Пивор, крутясь на своем сиденье. — Сразись со мной!

— К сожалению, у кое-кого есть приоритет в этом деле, — сказал Косандион. — Хранитель, мы закончили.

Шон поднял руку, и его голос, тихий, но услышанный каждым существом, зашептал по арене.

— *Ваше приглашение аннулируется.*

Архитектура гостиницы сложилась над дверным проемом, вращаясь и рушась, и дверь бросилась на нас, широко распахиваясь, открывая солнечный свет Баха-чар. Корни гостиницы высыпались с потолка, сдернули Пивора с кресла и вышвырнули в дверь. Она захлопнулась.

На экране включается трансляция, как на большие каменные плиты переулка приземляется Пивор. Он перекатывается, останавливается, сплевывает грязь и встает, задрав подбородок. Он поправляет одежду...

С верхнего балкона прыгает знакомая женщина, закутанная в шаль. Он косится на нее.

Она откидывает шаль, обнажив еле заметные очертания чешуи на лице.

— Помнишь меня, Кумбр Аджи?

Он смеется.

— Ты обезглавил моего отца. — Длинные оранжевые лезвия скользнули ей в руку из складок шали.

— Ты до смерти заморил мою мать голодом. — Она направляется к нему.

— Ты убил мою сестру.

Он продолжает смеяться.

— Ты надругался над моим телом.

— И наслаждался этим, — говорит он.

— Сегодня день, когда я очищу душу от этого кровавого долга.

— Дерзай!

Она бросается на него. Он невероятно быстро для человека отпрыгивает в сторону, и замахивается на нее. Она уворачивается и кулак Пивора ударяет в стену здания, расколов камень. Это объясняет, почему он хотел сразиться с Косандионом.

Он стряхивает пыль с руки и усмехается.

— Давай! Я жду! Давай, давай...

Она скользит к нему со смертельной грацией и закручивает меч над его левым предплечьем. Пивор ничего не осознает, пока его кулак не соскальзывает с руки и не падает на землю. Он ревет и бросается на нее.

Ему потребовалось почти две минуты, чтобы умереть. Она выкрасила переулок его кровью, отрезая от него кусочек за кусочком, и когда все было сделано, она голыми руками выколола ему глаза, отрезала голову, накинула на свое лицо шаль и ушла, растворившись в потоке покупателей на оживленной улице.

Почетный караул Версии как один развернулся и покинул платформу, направляясь мимо меня по мосту к portalу. Она посмотрела им вслед, посмотрела на Косандиона, затем снова на экран, где останки Пивора усеивали переулок. Отчаяние исказило ее лицо. Она почти бегом направилась к мосту. Никто, кроме меня, не обращал на нее никакого внимания. Не было никакой необходимости арестовывать ее или предъявлять ей какие-либо обвинения. Она была ходячим мертвецом.

Версия увидела меня и сглотнула.

— Я хочу комнату.

— У нас нет свободных мест.

Она развернулась и недоверчиво махнула рукой в сторону арены.

— Мы под завязку, леди Денома. — Я указала на портал. — Пожалуйста, возвращайтесь в Доминион.

Она сжала руки и побежала к portalу. Зеленое свечение поглотило ее.

Скатертью дорога.

Я воспользовалась моментом, чтобы насладиться чистым воздухом, и повернулась к арене. Нам нужно было попрощаться с клювами-убийцами, вернуть всех остальных в их комнаты и подготовиться к свиданию Косандиона сегодня днем. У него будет встреча один на один с Цианид, и я понятия не имела, как все пройдет.

В нашей последней захватывающей главе личность принца пиратов была, наконец-то, раскрыта. Он был разоблачен и изгнан из гостиницы в Баха-чар, где ему отомстила женщина, семью которой он убил. Это было не быстро, но кроваво.

Версия получила по заслугам, когда Ората переложила всю ответственность за принца пиратов, Мутерзена, на ее плечи. Версия поняла, что у нее на спине разместилась мишень размером с космический крейсер, и попыталась попросить комнату в гостинице. Запрос был отклонен. М-м-м, такое удовлетворение.

Теперь, когда гости разошлись по своим покоям, начинается долгожданное свидание Цианид и Суверена. Вы сейчас страдаете от изнуряющей летней жары? Читайте дальше, и будет вам облегчение.

У «Гертруды Хант» была дюжина дверей. Некоторые мы часто использовали, ту, например, что ведет к Баха-чар. Некоторыми, такими как дверь в пустыню, пользовались время от времени. Остальные оставались в основном закрытыми, и в половине случаев я забывала, что они у нас вообще есть. Однако сегодня одна из этих забытых ветвей-дверей получила свой шанс.

Цианид высказала три просьбы относительно своего свидания: она хотела быть высоко, хотела новый вид и хотела что-то мягкое, на чем можно было бы поваляться.

Как и большинство больших кошек, она не любила прогулки, если только это был не единственный способ вкусно перекусить. Нам удалось выполнить все три пункта.

Косандион оглядел деревенский альпийский домик. Честно говоря, деревенский стиль был относительным термином. Он не был деревенским, не таким, как: дедушка построил маленький домик из всего, что нашел под рукой. Он был роскошным в деревенском стиле, современная дань уважения ягдшлосу^[19] эпохи Возрождения.

Дом был высотой шестьдесят футов, с остроконечным потолком, сделанным из досок из искусственного красного дерева насыщенного красивого коричневого цвета. Пол соответствовал потолку. Передо мной в стене, сложенной из грубых квадратных плит из серого камня, располагался массивный камин. Внутри потрескивал огонь, излучая тепло. Толстые бревна, очищенные от коры, но оставленные естественно круглыми, торчали из стены над камином, поддерживая узкий проход второго этажа. Такие же деревянные колонны поднимались к потолку, соединяясь с толстыми балками.

Стена слева от меня была из красного дерева и камня. Стены справа и позади меня были стеклянными от пола до потолка, вставленными в раму из искусственного красного дерева. За окнами лежала чужая планета. Зимняя страна чудес простиралась так далеко, насколько только мог видеть глаз.

Мы были высоко на склоне горы под небом, затянутым белыми облаками. Вдалеке, слева, из леса поднимался белый пик, зазубренный и острый, признак молодого горного хребта. Прямо за окнами земля обрывалась, скатываясь в долину вниз. Чужеродные деревья покрывали крутой склон. Их ветви с длинными пушистыми иглами, покрытыми снегом, отбрасывали голубые тени на девственно белый снег. Это был один из самых совершенных зимних пейзажей, которые я когда-либо видела. Казалось, можно было услышать хруст снега под ногами, просто глядя на него.

— Где мы? — спросил Косандион.

— Я не знаю. С этой планеты не поступает никаких сигналов. Ни радиоволн, ни показаний энергии. В таких случаях единственный способ определить местоположение — это сделать снимок ночного неба и прогнать его через устройство отображения галактик, но я никогда не видела здесь звезд. Так вот всегда — не прекращаемая зима под пасмурным небом.

Теоретически, мы могли бы пронести небольшой коптер через дверь и отправить его за облака, чтобы сделать снимок звезд, но это было бы опасно, да и не было в этом необходимости.

Косандион скрестил руки на груди и уставился в окно. Он сменил свою мантию Суверена на костюм-двойку, который напомнил мне «сенатор-стиль из Нигерии»: узкие брюки охотничье-зеленого цвета и рубашку в тон с асимметричным подолом, заканчивающимся почти на коленях. Рубашки «сенатор-стиля», как правило, были более свободного кроя, в то время как туника Косандиона, украшенная геометрической вышивкой Доминиона, была идеально скроена, чтобы подчеркнуть ширину его плеч и узкую талию.

Косандион выглядел элегантно, но на лице отражалось беспокойство. Это не было обычным выражением его лица, что-то засело в глазах, какая-то усталая отстраненность.

— Сколько неприятностей доставит вам тот хаос, что устроила Версия? — спросила я.

— Больше, чем я предпочел бы, — ответил он. — Флот Мутерzenов представляет непосредственную угрозу, но клювы-убийцы должны отвлечь его внимание. Тем не менее, необходимо принять меры на случай непредвиденных обстоятельств.

— А как насчет ее семьи? Будут ли с ними сложности?

— Политика Доминиона сложна. Последуют тихие расспросы. Те, кто достаточно проницателен, поймет, что это было за зрелище — отличное спасение и быстрое наказание. В ближайшем будущем ее семья будет добиваться федеральной защиты.

— Вы даруете ее?

Он покачал головой.

— Наказание за воспрепятствование деятельности государственного должностного лица является многоуровневым обвинением. Чем больше у человека власти, тем круче наказание. Обычный гражданин, перекрикивающий Ресвена, получил бы предупреждение и небольшой штраф, но Версия была высокопоставленным офицером Корпуса связи. Если Корпус правосудия выдвинет обвинения, ей может грозить тюремный срок. Прошлой ночью она уволилась, надеясь избежать этого. Теперь она больше не слуга народа, поэтому она не имеет права на дополнительную федеральную защиту. Это ни в малейшей степени не расположит ее семью ко мне. Они будут выжидать, чтобы нанести мне удар в спину, и я проведу следующие пару лет, медленно отстраняя их от влиятельных постов.

Он замолчал. Сначала Одикас и его Консервативный альянс ищут лидера, затем пираты, Версия, ее семья с хорошими связями, и все это в довершение выбора пары и других вопросов, связанных с управлением Доминионом, которые не прекратились только потому, что он пытается найти партнера. У него было много забот.

— Ее Милость попросила меня сказать вам кое-что. Я собиралась сделать это прошлой ночью, но было как-то не с руки.

Косандион поднял брови.

— Оливио тесерес тарес, — сказала я ему.

Он улыбнулся.

— Что это значит?

— Судьбе нужен каменщик, — сказал он. — Это старая поговорка.

Она сказала ему, чтобы он стал архитектором своей собственной судьбы. Интересно.

Я почувствовала приближение Цианид. Настало время шоу для зрителей, находящихся за много световых лет отсюда.

— Ваша дама здесь, Летеро.

В дальней стене открылись двери и появились Тони с Цианид, идущие бок о бок. Большая белая кошка увидела зиму на улице, открыла свою синюю пасть и тяжело вздохнула. Я недостаточно знала о хигтрах, чтобы истолковать это.

— Приветствую вас, кандидатка Цианид, — сказал Косандион.

— Приветствую вас, Суверен Доминиона.

Тони отступил и закрыл за собой дверь.

Цианид подошла к огню. Я сделала для нее длинную эргономичную версию шезлонга с подушками, достаточно большую, чтобы она могла вытянуться. Косандион получил удобное мягкое кресло. Я поставила пару простых маленьких столов здесь и там.

Цианид осмотрела гостиную и посмотрела на меня.

— Садитесь сюда. — Я взглянула на Косандиона, тот нахмурился.

Я присела на край шезлонга. Цианид запрыгнула на него и плюхнулась мне на колени всеми своими двумястами пятьюдесятью фунтами.

О-о-о.

Большие золотистые глаза уставились на меня.

— Я требую внимания, — объявила Цианид.

— Вся в нем.

Косандион поднял брови.

— И щетку, — сказала Цианид.

Ладно, все, чтобы свидание прошло гладко.

Я протянула руку, и «Гертруда Хант» достала щетку из конюшни. Она была мягкой с густой щетиной и изначально предназначалась для вьючных животных, которых торговцы иногда привозили с собой. Я стерилизовала щетки после каждого использования. Щетка приземлилась мне в руку, и я начала расчесывать мех Цианид. Ее глаза расширились, вспыхнув опасным золотом, затем наполовину закрылись, и она повернула голову, указывая мне на уголок своей челюсти. Совсем как Олазард. За исключением того, что он едва ли весил семнадцать фунтов. Если это будет продолжаться слишком долго, мои ноги онемеют.

Последовала тишина.

Цианид издала мягкое урчание. Оно было слишком глубоким, чтобы быть мурлыканьем, и недостаточно сильным, чтобы быть ревом, больше похожим на внутренний довольный кашель.

— Вы хотите рассказать мне о своей планете? — спросил Косандион.

— Нет.

Ну, все идет гладко.

Он попытался еще раз.

— О чем бы вы предпочли поговорить вместо этого?

Цианид перевернулась на спину, ее пушистые лапы оказались на уровне моего лица. Я провела щеткой по ее груди. Длинные когти выстрелили из лап и исчезли.

— Если я выйду замуж за вас, могу ли я взять этого человека с собой, чтобы она

служила мне?

— Нет, — сказал Косандион.

— Жаль.

Цианид снова заурчала на свой манер.

Опять тишина. Косандион так нуждался в повышении имиджа, а его кандидатка в супруги полностью игнорировала его. Как спасти это...

Косандион вытащил небольшое устройство, сжал его, и оно спроецировало перед ним планшет. Он начал просматривать документы.

Прошла минута. Еще одна. Что же происходит?

— Вы должны рассказать ей о нашей договоренности, — сказала Цианид, потягиваясь, чтобы предоставить лучший угол для расчесывания. — Или она не будет сосредотачиваться на знаках внимания.

— Разумно ли это? — спросила я.

— Это свидание не транслируется в прямом эфире, — сказал мне Косандион, все еще поглощенный тем, что читал. — Только основные моменты.

— Я думала, все свидания проходят в прямом эфире, как с Эллендой. — Косандион положил планшет на столик сбоку.

— Элленда не преуспела в голосовании, но ее присутствие гарантировало высокие рейтинги, — сказал он. — Моя мать большую часть своего пребывания в Доминионе была загадочной, непостижимой фигурой. Она провела там двадцать два года, и к тому времени, когда она вернулась на свою планету, большинство людей знали о ней так же мало, как и тогда, когда она впервые прибыла. Для граждан Доминиона Элленда была шансом лучше понять уму, мою мать и мое наследие. Хиггры не вызывают такого же интереса.

Я думала, что пара должна была остаться на срок в 25 лет... Ох. Косандиону был двадцать один год, когда умер его отец. Его мать, должно быть, уехала, когда он взошел на трон. Было ли это добровольно? Хотела ли она вернуться домой?

— Меня не волнуют интересы Доминиона, — пророкотала Цианид.

— Что вас волнует? — спросила я.

— Нейросети, — сказала Цианид. — И клан Сай.

Клан Сай, торговцы, объявившие Доминион своей территорией. Все становилось все более запутанным. Официально у торговцев не было территорий, и многие из них конкурировали за лучших торговых партнеров, пытаясь перекупить друг друга. Но они всегда стремились к монополии, и как только торговый клан прибирал регион к своим рукам, было трудно избавиться от них. По словам Куки, столетие назад клану Сай удалось вытеснить три других торговых клана, соперничавших за Доминион, и с тех пор они всячески защищали его.

— Что за нейросеть? — спросила я.

— На нашей планете растет особое растение, — сказала Цианид. — Логово мехового лишайника, образованное длинными усиками колонии растений мехового лишайника. В меховом лишайнике сосуществует множество организмов, некоторые микроскопические, а другие достаточно большие, чтобы быть видимыми даже человеческим глазом. Пушистые черви питаются многими существами логова мехового лишайника и плетут в нем свои сети. Мы собираем паутину и вплетаем ее в нейросети с помощью наших инструментов и когтей.

— Нейросети — лучшее решение для регенерации нервной системы, — сказал Косандион. — Как только они имплантируются, исцеление происходит чудесным образом.

Люди, чей паралич не поддавался никакому другому лечению, восстанавливают способность пользоваться конечностями в течение нескольких дней. Трансплантация, нанотерапия, искусственные нейроны — ничто другое и близко не подходит.

— Мы хотим продавать их Доминиону, — сказала Цианид. — Но у нас на пути встают Сайи.

— Сайи вывели корабль на орбиту планеты Хиггра, — объяснил Косандион. — Они оказывают давление на хиггр, чтобы использовать их в качестве посредников для продажи. Хиггры подали заявку на прямое торговое соглашение с Доминионом, однако клан Сай указал, что они не прочь использовать другие торговые соглашения в качестве рычага воздействия.

— Если вы будете покупать напрямую у хиггр, торговцы устроят истерику и перестанут поставлять вам другие товары? — догадалась я.

— Совершенно верно, — сказал Косандион. — Согласно федеральным руководящим принципам, Министерство торговли должно провести тщательный анализ потенциального воздействия, что может занять годы.

— Итак, вы устраняете посредников и бюрократию, используя второстепенную просьбу хиггр. — Я провела щеткой по горлу Цианид.

— Да. — Косандион улыбнулся. Это была резкая и холодная улыбка. — Я плохо реагирую на шантаж.

Многое теперь внезапно обрело смысл. Я продолжала расчесывать. Цианид загрохотала, ее глаза закрылись. В камине треснуло полено, посылая искры в дымоход.

— Если бы клан Сай внезапно аннулировал свои торговые соглашения, это поставило бы экономику Доминиона в трудное положение, — сказала я. — Если бы только нашелся другой торговый клан, готовый вступить в разрыв. Кто-то с большими ресурсами, способный быстро реагировать на ситуацию. Кто-то, кто мог бы послать представителя, чтобы наблюдать за этим супружеским отбором.

Косандион усмехнулся.

— К концу этого дела мы сделаем из вас настоящего политика Доминиона, Дина. Дайте мне знать, если вы когда-нибудь подумаете о смене карьеры.

— Нет, спасибо, — сказала я ему. — Я счастлива прямо здесь, делая то, что я делаю сейчас.

Цианид заурчала и повернулась на бок. Косандион взял планшет и продолжил чтение.

Снаружи начал падать снег, толстые пушистые снежинки мягко опускались на землю. Следующие полчаса я расчесывала большую кошку и наблюдала за снегом, пока Суверен занимался своими бумагами.

ТОНИ УСТРОИЛ МНЕ ЗАСАДУ, КАК ТОЛЬКО ЗАКОНЧИЛОСЬ СВИДАНИЕ ХИГГРОЙ.

— Папа хочет с тобой поговорить. — Он сунул мне телефон.

Мое сердце сделало пируэт. Большинство хранителей гостиниц избегали личных телефонных звонков. Даже получение номера телефона хозяина гостиницы было знаком доверия, и было понятно, что прямая связь предназначена только для экстренных случаев. Что такого ужасного случилось, чтобы он позвонил мне?

Брайан Родригес глядел на меня с экрана.

— Ты получила что-нибудь от Лахлана Стюарта?

— Нет. Я не знаю его. Я должна его знать?

Брайан тяжело вздохнул.

— Как много ты знаешь о гостинице «Лох-Брум»?

— Эм... Это старый замок в Шотландии. Очень отдаленный. Они специализируются на крупномасштабных мероприятиях.

Озеро Лох-Брум находилось в глуши, а его красивый, но суровый ландшафт означал, что человеческие посетители были редки. Если вы хотели провести свадьбу на Земле, или дипломатический саммит, или конференцию, замок «Лох-Брум» был вашим местом. Это была не единственная гостиница, где проводились масштабные мероприятия, но она была одной из самых известных.

— Лахлан управляет замком «Лох-Брум» в четвертом поколении. Он старый и взбалмошный, упрямый, как баран.

— Ладно.

— Он хочет удочерить тебя.

— Что?

— Ему восемьдесят лет, и он искал преемника. Его старшая дочь — ад-ал, а ее дети живут за пределами планеты. Его младший сын взял небольшую гостиницу в Болгарии, просто чтобы сбежать от него. Его дети тоже не хотят иметь дело со своим дедушкой. Лахлан смотрел репортаж об отборе и решил, что ты достойна.

Стены вокруг меня тревожно закрипели. В мире хранителей усыновление могло произойти в любом возрасте, при условии, что «родитель» был, по крайней мере, на двадцать лет старше «ребенка». После усыновления «ребенок» будет считаться законным наследником «родителя». Но я не была сиротой. Это было смешно.

— У меня есть родители.

— На это ему указали. Он говорит, что, согласно нашим рекомендациям, прошло достаточно времени, чтобы их можно было вскоре объявить мертвыми...

— Они не мертвы! — Они пропали.

Брайан кивнул.

— Я знаю. Мы сказали ему. Он полон решимости переправить вас с Шоном в Шотландию. Он говорит, что у тебя есть «видение».

Стена слева от меня раздвинулась, и из нее вышел Шон, выглядевший готовым с кем-то сразиться.

— Не имеет значения, что он намерен сделать. Я не оставлю «Гертруду Хант». Ассамблея не может разлучить нас, я не буду...

Шон обнял меня и наклонился через мое плечо, чтобы пригвоздить Брайана взглядом.

Брайан поднял руку.

— Дина, если Лахлан свяжется с тобой, он может создать впечатление, что все решено, и ты должна покинуть свою гостиницу и отправиться в «Лох-Брум». Я говорю тебе прямо сейчас, как представитель Ассамблеи, ты не обязана делать то, что он говорит. Если он попытается запугать тебя, позвони мне. Ты хорошо справляешься там, где ты есть. Ты привязалась к своей гостинице. Никто не собирается отстранять тебя, если не произойдет катастрофа. Так что не беспокойся об этом, и если он позвонит, скажи ему «нет». Хорошо?

— Хорошо. Спасибо за предупреждение.

— Дай мне поговорить с Тони, пожалуйста.

Я передала телефон Тони, и он ушел, что-то бормоча. Шон обнял меня.

— Что случилось?

— Пожилой шотландский хранитель хочет удочерить меня. — Я покачала головой. —

Что дальше?

— Дальше, ты пойдешь, посидишь не менее 15 минут и что-нибудь съешь. Пошли.

Он усадил меня за кухонный стол, и Капелька принесла мне еду. Я откусила ровно два кусочка самого вкусного буррито, которое когда-либо пробовала, а потом гостиница притянула меня к себе. Оборотень очнулась.

Я НАШЛА ОБОРОТНЯ В НАШЕМ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМ ЛАЗАР ДОЛЖНО БЫТЬ, ОНА СЛЫШАЛА, КАК я вошла, но не подала виду. Я подошла к кровати. Она посмотрела на меня и ничего не сказала.

Я пододвинула стул и села. Цвет ее лица стал намного лучше, и она казалась бодрой. Стены вокруг нас были туманно-угольного цвета, с завитками более темного и светло-серого. У Карат было отвращение к стерильному белому цвету, поэтому я переделала их к ее предпочтениям.

«Гертруда Хант» привлекла мое внимание, сообщив о входящем звонке от Гастона. Я приняла его.

— У нас небольшая проблема, — в пустом пространстве раздался его бестелесный голос примерно на высоте восьми футов.

Оборотень села и прищурилась на источник голоса.

— В чем дело? — Я возложила, то есть делегировала, ответственность за 2-е испытание, шоу талантов, на Гастона и Тони. Сейчас они должны были быть на репетиции.

— Одна из демонстраций таланта — дурной вкус.

— Что ты имеешь в виду?

— Лично я нахожу это отвратительным, — сказал он.

Что Гастон счел бы отвратительным? Ората предупредила меня, что кандидатам предоставляется большая свобода действий при проявлении своих талантов. Даже если бы один из них поджег себя, мы не могли вмешаться.

— Это опасно для других гостей?

— Нет.

— Тебе придется оставить все как есть. Если мы запретим кому-либо из кандидатов продемонстрировать свой талант, они могут заявить, что мы помешали им стать супругами.

— Понял.

Он разорвал связь. Пару минут мы сидели в тишине.

— Ты победила, — сказала она, наконец.

Я молчала.

— Я видела, как ты убила ту тварь, прежде чем я потеряла сознание. Ты сильнее меня, так что ты победила.

— Я вовсе не соревновалась с тобой. — Она отвела взгляд.

— Что не так с твоим оссаи? — спросила я. Она бросила на меня мрачный взгляд.

— Ты не переходила в другую форму во время боя, — сказала я ей. — И твоя скорость регенерации ниже, чем у обычного оборотня.

Оссаи были чудом биоинженерии. Программируемый синтетический вирус был причиной, по которой оборотни могли прыгать по высоким деревьям, убивать своих противников с безумной скоростью и точностью и менять форму. У оборотней было три

формы: человеческая форма — РАФ (рабочая форма), НБ (на бегу) — форма четвероногого животного, которую они использовали для разведки и скрытых действий, и мокрушная — огромный волкоподобный гуманоид, которую они использовали в бою.

Оборотни меняли форму, не задумываясь. Это было инстинктивно, как дыхание. Шон перешел в мокрушную форму, когда атаковал крейсер, а затем перешел обратно, вероятно, без сознательных усилий.

Она этого не сделала. Искаженный ад-ал чуть не убил ее, но она осталась человеческой форме.

— Что не так? — повторила я.

Оборотень втянула в себя воздух и медленно выпустила его.

— Сбой активации. У твоего парня оссаи связан с бионет, и они взаимодействуют друг с другом. Мой оссаи этого не делает. Иногда что-то соединяется, и я получаю толчок, но в большинстве случаев терплю неудачу.

Да уж, это как неисправная лампа дневного света. Когда Шон щелкает выключателем, мгновенно зажигается ослепительно яркий свет. Когда щелкает она, свет пульсирует и мерцает.

— Можно ли починить твой оссаи?

Она покачала головой.

— Я надеялась на это, но Уилмос сказал «нет».

Шон был прав. У нее была проблема, и она пошла к Уилмосу. Только на этот раз он не смог помочь.

Оборотень пожала плечами.

— Мне потребовалось три года, чтобы пробиться к нему, и, в конце концов, это было напрасно. У моих родителей все нормально. По-видимому, просто иногда случается сбой во время внутриутробного развития.

— Ты хорошо сражаешься.

Она одарила меня горькой улыбкой.

— Мне нравится, что ты не произнесла вторую часть вслух. Я хорошо сражаюсь... для дефективного оборотня.

— Дефектными могут быть только вещи, а не люди.

— Пощади.

В ней было так много ненависти к себе. Спор с ней только спровоцирует враждебность.

— Уилмос сказал, что если я найду сильного оборотня, дети будут нормальными. Если хотя бы один родитель полностью активен, а плод находится под наблюдением и лечится в утробе матери, сбой активации обычно не повторяется, — сказала она.

— Так вот почему ты зациклилась на Шоне?

— Я спросила Уилмоса, кто самый сильный оборотень. Он сказал: «Шон, но его забрали». Я никогда не убегаю от драки.

— Нет, ты просто нарываешься на нее, не подумав.

Она пристально посмотрела на меня.

— Я разговаривала с существом, которое забрало Уилмоса, а ты напала на него, прежде чем я успела что-либо сделать.

Потребовалось несколько секунд, чтобы до нее дошло. Она откинулась на подушку.

— Ты же знаешь, где Уилмос, — наконец сказала она. — О чем тут говорить?

— Почему они забрали его? Жив ли он? Чего они хотят?

Она посмотрела на потолок. Я могла видеть по ее лицу, что она поняла, что облажалась. Похоже, такое происходило не в первый раз, и я поняла, что это становилось для нее нормой.

— Ты когда-нибудь видела, как сражается Шон? — спросила я ее.

— Сражается? Нет. Мне едва удалось поговорить с ним. В первый раз он вышвырнул меня из вашей гостиницы. Во второй раз он вышел, чтобы забрать парня со странными зубами, и сказал мне держаться от него подальше.

Я щелкнула пальцами. На стене появился экран. На нем, на пустынном адском ландшафте бушевала битва. Столкнулись армии: вампиры в черных доспехах, отрокары в боевых костюмах и наемники-торговцы в тактических серых.

— Нексус, — сказала я ей.

Группа бойцов ворвалась справа, и одинокая мужская фигура вырвалась на открытое пространство. Он был семи футов ростом и одет в обсидианово-черную броню, которая покрывала его как вторая кожа, полностью облекая мускулистое тело. Она перетекала в когтистые перчатки на его огромных руках, в сапоги на ногах и с капюшоном на голове. Внутри капюшона стояла тьма. Чернильно-черная тьма, которая смотрела на тебя.

Истребитель врезался в солдат, двигаясь с безумной скоростью. Два лезвия с зелеными краями в его руках резали, кололи с безжалостной, контролируемой яростью.

Женщина-оборотень смотрела, открыв рот.

— Нексус убил всех предшественников Шона. Каждый Туран Адин до него умер, — сказала я.

Нуан Си дал мне эту запись после Мирного саммита. Я так и не поняла, зачем. Однажды у двери в Баха-чар оказался маленький куб данных внутри маленькой коробки с печатью клана Нуан на нем. Я смотрела это уже дважды, и каждый раз плакала. Знакомое тепло согрело мои глаза. Мне надо было сдерживаться, пока я не донесу свою точку зрения.

— Подумай, какая сила воли требуется, чтобы просыпаться каждое утро и сражаться в аду, затем лечить раны и делать это снова. И снова. И еще раз.

Воины-вампиры и отрокары надвигались на него как единое целое, забыв о собственной битве. Их клинки создавали смертоносный вихрь с Шоном в центре. Клинки блеснули, а затем кольцо оружия и бойцов разорвалось, и вышел он, забрызганный кровью. Он не чувствовал себя Шоном. Он чувствовал себя силой, словно ярость и жажда крови, исходившие от бойцов, объединились в гуманоидную форму и пронеслись через поле боя.

Я вытерла слезы со щек.

— Почему ты плачешь? — спросила она меня тихим голосом.

— Потому что он внутри этого.

— Я не понимаю.

— Когда Шон решил защищать торговый форт, он не до конца понимал, что от него потребуется, пока не прибыл туда. Он обнаружил беженцев, семьи, детей, стариков. Существ, которым некуда было идти. Их жизни зависели от него. Он не мог уйти. Спасения не было, поэтому он убил часть себя, ту, которая была доброй и забавной и не хотела причинять боль другим, и стал вот этим. Я плачу, потому что знаю, чего ему это стоило.

Она оглянулась на бойню.

— Ему потребовалось много времени, чтобы вернуться, — сказала я ей. — Теперь ты понимаешь? Я не поймала его здесь в ловушку. Я не пытаюсь заставить его остаться или помешать стать ему более крутым оборотнем. Никакая сила в этой галактике не могла

заставить Шона сделать что-то против его воли. Я знала его до того, как он стал Туран Адином, я видела его в доспехах, и я была рядом, когда он их снимал. Он остается здесь, потому что любит меня, а я люблю его.

Она посмотрела на битву.

— Пожалуйста, выключи это.

Я выключила экран. Несколько мгновений мы сидели в тишине.

— Твои раны должны зажить через пару дней. Тебе есть куда пойти? Где твой дом?

Она издала короткий, горький смешок.

— Небольшая комната в квартале от магазина Уилмоса. Я живу там последние шесть месяцев. Когда у него не было гостей-оборотней, я ходила тусоваться в его магазин и слушать его военные байки. Цепляюсь за обрывки славы других людей, потому что у меня нет ничего своего.

Шон просмотрел запись нашего боя с искаженным ад-алом, и, по его словам, она была хорошо обучена и знала, как сражаться. Несмотря на ее проблемы с активацией оссаи, она была быстрее и сильнее обычного человека. Многие силовые структуры были бы счастливы заполучить ее. В противном случае она могла бы хорошо зарабатывать на жизнь в качестве наемника.

Все это не имело значения. У нее была очень низкая самооценка. Казалось, она решала каждую проблему в лоб, без стратегии или планирования, пытаясь справиться с ней на одной воле и физической силе. Должно быть, это срабатывало у нее в детстве. Она, вероятно, поняла, что даже если ее оссаи дает осечку, ей просто нужно пробежать достаточно быстро, нанести сильный удар и не сдаться, тогда она сможет постоять за себя. Но чем старше она становилась, тем шире становилась пропасть между ней и другими оборотнями. Вероятно, в раннем детстве она была почти такой же сильной, как все, но к середине подросткового возраста она начала отставать, а к тому времени, когда она стала взрослой, она, вероятно, поняла, что, как бы она ни старалась, ей за всеми не угнаться.

Если она продолжит идти тем же путем, что и сейчас, она умрет, сражаясь. Героически, но, вероятно, напрасно. Ей нужно было почувствовать себя компетентной, быть в месте, где оценят ее навыки, чтобы она могла перестать считать себя оборотнем-неудачницей. Мне нужно было побольше пообщаться с ней, но сейчас было почти 10 вечера, и мне нужно было быть в другом месте.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Деррил из Ис.

Я махнула рукой. Стена перед нами открылась в новую комнату с окном от пола до потолка, из которого открывался успокаивающий вид на наш пруд. Я перенесла в нее кровать из лазарета, осветлила стены до комфортного, успокаивающего сине-серого цвета и добавила ширму, немного мебели и плюшевый коврик.

— Все не так мрачно, как кажется, Деррил, — сказала я ей. — У тебя есть еще пара дней, чтобы восстановиться. Отдыхай. Мы еще поговорим.

Я ПОСТУЧАЛА В ДВЕРЬ ПОКОЕВ ГАХЕЕВ. ДВЕРЬ СЛЕГКА ПРИОТКРЫЛ давая мне узкий обзор женщины-гахей. Как и большинство ее соплеменников, она была высокой и гибкой, с янтарной кожей и длинными темными волосами, собранными в сложную прическу на макушке. Когда гaxeи чувствовали себя непринужденно, они в буквальном смысле распускали волосы. За исключением их кандидата, ни один из них не

позволил себе насладиться «моментом L'Oreal» после церемонии открытия. Они считали, что находятся на вражеской территории.

— Доброй ночи вам, хранительница, — сказала гахея. — Чем я могу быть вам полезна?

— И вам доброй ночи. У меня есть небольшой подарок для Никати.

— Сейчас не самое подходящее время — сказала охранница.

— Напротив, сейчас самое подходящее время — конец 4-й фазы, и, если мы отложим хотя бы на полчаса, будет слишком поздно.

Я небольшим жестом мягко заставила дверь открыться немного шире. Позади меня стоял Гастон с большим ларцом. Я подняла крышку, чтобы она могла увидеть мерцающую ткань внутри.

Глаза женщины расширились. Она отступила в сторону, приглашая меня войти взмахом руки. Я вошла, Гастон последовал за мной.

Интерьер общей комнаты гахеев был идеально круглым. Хотя они и признавали необходимость прямых линий в технологиях, когда же дело касалось их условий жизни, они считали углы неблагоприятными. Пол был гладким и серым, как мыльный камень. Стены были слегка изогнуты, образуя нежный купол над головой, и сделаны из обработанного дерева и дымчатой смолы. На их родной планете вместо смолы использовался полированный кварц, идеально подходящий для деревянных завитков, но нам приходилось воссоздавать все в спешке, и тонированная смола стала быстрой и простой заменой.

Вся делегация собралась в центре комнаты, сгрудившись вокруг Никати. Они как один повернулись при моем приближении с враждебными взглядами. Руки потянулись к оружию, что в их случае означало, что они одновременно коснулись богато украшенных тиар и диадем на своих головах. Герцог Наеома Тасте, официальный глава делегации, выступил вперед, загораживая Никати собой.

— Что означает ваше вторжение?

Я махнула рукой. Над нами, как распускающийся бутон цветка, раскрылся купол, открыв ночное небо с сияющей луной в виде серебряной монеты. В стене слева зажглась маленькая красная искра, проецируя полупрозрачный красный круг со сложной окантовкой вверх, центрируя его на свете очень далекой звезды. Столь же сложная система света раскрасила пол двадцатью одним пространствами, расположенными в трех концентрических кругах. Одно было в центре, три в кольце вокруг него, а остальные по внешнему краю.

Гахеи неуверенно уставились на меня. Я подняла руку, указывая на ларец Гастона. Охранница, которая встретила меня у двери, осторожно вынула ткань из ларца. Ткань развернулась в мерцающий палантин, и свет отразился на нем, переливаясь цветами радуги.

Все замерли. Это был королевский палантин.

Луна Гахеи доминировала в ночном небе. В несколько раз больше, чем спутник Земли, она очень медленно вращалась вокруг своей оси, и по мере вращения меняла цвет, переходя из одной фазы в другую. Фазы диктовали каждый аспект календаря гахеев. Их течение времени, их святые дни и ритуалы, даже выбор наиболее благоприятного дня для брака, рождения, битвы и подписания контрактов — все зависело от их спутника.

Сегодняшний день ознаменовал окончание 4-й фазы, завершение зимы на Гахее. Это был святой день. Неспособность выполнить правильные ритуалы означала обрести несчастье в течение следующих шести месяцев до 10-й фазы середины лета, даты равной духовной силы, когда эффект от пренебрежения обрядами 4-й фазы мог быть сведен на нет.

Ритуалы фаз были сложными. Было жизненно важно, чтобы были соблюдены надлежащие формальности, особенно правильная одежда. Однако гахеи не привезли королевскую одежду для Никати. Это стало бы очевидным указанием на его личность, которую они отчаянно пытались скрыть. Теперь многие из них не знали, должны ли они убить меня или поблагодарить.

Никати что-то слишком тихо пробормотал, чтобы я могла расслышать.

Наеома Тасте отошел в сторону. Никати шагнул вперед, остановился перед нами и поднял руки. Осторожно, с большим почтением, стражница поднесла к нему палантин и опустила на колени, предлагая его на вытянутых руках. Герцог подошел, взял палантин и накинул его на плечи Никати.

— Как вы узнали? — спросил скрытый принц.

— Я хранительница. Мой священный долг — заботиться о безопасности и комфорте каждого в гостинице.

Я сделала небольшой акцент на слове «каждого».

— Понятно, — сказал Никати.

Я склонила голову, и мы с Гастоном отступили, оставив ларец на полу. Двери за нами закрылись, и мы пошли по длинному коридору обратно в тронный зал.

— Что, черт возьми, все это значит? — спросил Гастон. — Это было очень близко. Одно неверное слово, один неверный жест, и нам пришлось бы очень недостойно уйти.

— Никати — тайная королевская особа.

— Высокого ранга, как я понял, и они скрывают его родословную?

— Да. Но из-за того, что их общество помещено на этикете, герцог пару раз ошибся и отнесся к кандидату слишком почтительно на людях. Разрыв в ранге был очевиден.

— И ты хотела, чтобы они знали, что ты знаешь. Есть какая-то конкретная причина?

— У Никати завтра, после 2-го испытания, свидание с Косандионом. Если он попытается что-нибудь предпринять, я не просто удержу его, я разоблачу его, и я хотела, чтобы они это поняли.

— И ты привела меня с собой, чтобы продемонстрировать, что не только ты знаешь, но и другие люди знают о его происхождении. Убивать тебя будет бессмысленно, а убить меня будет сложно.

— Да.

Гастон издал рокочущий смешок.

— Дина, ты когда-нибудь думала о карьере в сфере мошенничества?

— В последнее время все предлагают мне работу.

— У тебя просто все так хорошо получается. Именно так это и работает. Ты находишь какое-либо из предложений заманчивым?

— Совсем нет. Мне не нужна новая работа, я просто хочу, чтобы люди перестали усложнять ту, которая у меня есть.

Гастон рассмеялся.

Я помахала ему на прощание и направилась в свою спальню. Завтра будет еще один напряженный день, и мне нужно было отдохнуть по-полной.

Ах, этот день настал! Чудесный день, когда мы собрались вместе, чтобы узнать о последних событиях в жизни «Гертруды Хант» и вынести суждение глупым существам внутри. Добро пожаловать, уважаемые гости! Во время нашей последней встречи мы узнали больше о Деррил из Ис, одинокой женщине-оборотне, и наблюдали, как Дина напоминает Никати, что хранители гостиниц — это сила, непохожая ни на какую другую. Сегодня мы представляем вам новое испытание «Конкурс талантов».

Внимание: следующая глава содержит краткое описание жестокого обращения с животными. Вселенная огромна, и не все придерживаются одних и тех же стандартов.

Свет раннего утра осветил балкон Косандиона и мешки под его глазами. Он сделал глоток кофе из кружки и посмотрел на нее.

— Почему такой сладкий?

— Потому что вы не спали прошлой ночью, — сказал Шон. — Вам нужна глюкоза.

Косандион нахмурился и сделал большой глоток.

Ората заерзала на своем сиденье.

— Может, бустер...

— Нет, — твердо отрезал Косандион.

Ората посмотрела на Ресвена. Канцлер развел руками.

— Может, хоть, пару капель для глаз, — сказала Ората. — Ну, для зрения.

— Что не так с моими глазами?

— Они налиты кровью, — сказала я ему.

Косандион не спал почти сорок восемь часов. Позапрошлой ночью он разобрался с предательством Версии. Мы легли спать ближе к двум часам ночи, а он все еще бодрствовал. Когда я встала 2 часа спустя, чтобы разобраться с последней аферой душегубов, он еще не ложился. Простой ночью ситуация повторилась. Ората проговорила, что Альянс консерваторов оказался более острой проблемой, чем ожидалось. В борьбу вступили другие политические группировки, и ситуация стала «немного напряженнее».

Ночью Косандион несколько раз ходил по комнате, потому что это помогало ему думать, а «Гертруда Хант» из-за этого каждый раз будила нас с Шоном, и именно поэтому мы двое решили присоединиться к нему на утреннем брифинге.

Я где-то читала, что недостаток сна накапливается. После того, как все это закончится, и мы вернем Уилмоса, я просплю неделю. В отличие от Косандиона, я не могла бодрствовать 48 часов подряд без какой-либо химической помощи.

Косандион протянул руку. Ората вскочила, вложила ему в пальцы маленький пузырек и вернулась на свое место. Суверен закапал по две капли в каждый глаз и решительно поставил пузырек на стол.

Ресвен подошел, взял блюдо с прекрасными маффинами Орро и протянул его Косандиону, словно тот был двухлетним ребенком.

— Пожалуйста, Летеро, откусите кусочек.

Косандион спокойно посмотрел на него.

— Сон или еда, — сказала Миралитт. — У вас должно быть хотя бы одно.

Косандион взял булочку и откусил маленький кусочек.

— Давайте перейдем к рейтингам.

Ората выглядела так, словно откусила лимон.

— Суркар лидирует во всех категориях, набирая в среднем 17 очков.

Косандион продолжал жевать булочку.

— Еще бы, конечно он.

— Это все то чертово шоу. — Ората замахала руками.

— Какое шоу? — спросил Шон.

Она взглянула на Косандиона, тот кивнул.

Ората постучала по своему планшету и повернула к нам голографический экран. На нем панорамный снимок поля боя устремлялся к зрителю, следуя за хищной птицей, которая пикировала над полем. Тела в доспехах устилали окровавленную землю. Тут и там все еще бушевали поединки, бойцы спотыкались о трупы. Изображение сфокусировалось на крупном воине в старинных доспехах Доминиона. Он перелез через холм мертвых к скале, торчащей из тел. На вершине скалы другой боец, забрызганный кровью, взревел, размахивая копьем.

Претендент добрался до скалы и сорвал свой помятый нагрудник, обнажив потрясающе мускулистую грудь. Миралитт подняла брови.

Двое мужчин столкнулись. Оружие зазвенело, ударяясь друг о друга. Они кружили на скале, режа и кромсая. Наконец, претендент прыгнул и вонзил меч в горло противника. Раненый схватился за шею, плюнул кровью, споткнулся, замахал руками, казалось, забыв, что в его горле торчит лезвие...

Герой подпрыгнул и ударил ногой по рукояти меча, вонзив его в мужчину и сбив его со скалы. Чудесным образом все бойцы на поле боя остановились, чтобы посмотреть, как падает тело. Оно приземлилось как мешок с картошкой.

Герой снял свой шлем. Он был удивительно похож на доминионскую версию Суркара. Если бы не очевидные различия в размере и пигментации, они могли бы быть двоюродными братьями.

— Я бы посмотрел это, — сказал Шон.

Косандион закатил глаза.

Герой схватил флаг, вытащив его из-под трупов, торжествующе водрузил у своих ног и проревел.

— Воины! Товарищи! Смотрите! Тиран мертв! Пусть его смерть послужит предупреждением тем, кто осмелится претендовать на нашу свободу!

— «Храните нашу свободу!», — пробормотала, читая, Ората. — Не очень хорошая надпись.

— Они смотрят это не из-за надписей, — сказала Миралитт.

— Факт, но они смотрят. В огромных количествах. — Ресвен взглянул на Орату. Она закрыла лицо руками.

— Я клянусь на этом поле, залитым кровью наших боевых соплеменников, что мой клинок не успокоится, пока не будет уничтожена любая угроза нашей свободе. Пока мое сердце бьется в груди, я буду стоять за справедливость и мир.

Камера переместилась на нескольких воинов, стоящих среди бойни внизу.

— Довольно зрелищно, — сказал Шон.

— Да, у них был большой бюджет, — сказал Ората. — Они даже взяли Самриона на главную роль. Он интеллектуальный, утонченный актер. Обычно он чувствует в мистических и интригующих шоу. Мы разговаривали перед выпуском. Он сильно извинялся.

По-видимому, они заплатили ему неприличную сумму денег. Я не знаю, чем они его кормили, чтобы довести его до такого размера...

— Кто такие «они», и когда они успели выдать вот это? — спросила я.

— Они — это семья Энфори, — сказал Ресвен, — владеющие одним из крупнейших видеоканалов, и выступающие против преемственности Летеро. Они проиграли и не хотят смириться с этим.

— Личности кандидатов были обнародованы семь месяцев назад, — сказала Ората. — Они собрали все воедино довольно быстро. Сжатые сроки, но не невозможные.

Герой схватился за флагшток и помахал им.

Послание было ясным: Доминиону нужен был воин, чтобы встать на защиту его свободы и привести его к славе, а Косандион им не был.

— Какую пользу они получают от победы Суркара? — спросил Шон.

— Никакую, — ответил Косандион. — Выбор Суркара в качестве пары вовлек бы Доминион во внутренние разборки Орды. Он принесет очень мало пользы и много проблем, проблем, которые будут занимать и отвлекать меня. Это один из многих камней, которые они бросают на моем пути, надеясь, что я споткнусь об один из них.

Я не была политиком Доминиона, но даже я понимала, что единственный способ нейтрализовать Суркара — разрушить его имидж непобедимого воина, и я понятия не имела, как Косандион собирается это сделать. Он точно не мог приказать Миралитт выйти на арену и надрать тому задницу.

— Что с остальными по рейтингам? — спросил Косандион.

— Амфи, леди Вексин, Бестата, Прайсен Ол, Оунд, Никати, Цианид, Унесса, — доложила Ората. — Шоу также дало Бестате толчок, а Оунд, который имел неплохой рейтинг после дебатов, сильно опустился ниже. Кроме того, им совсем не понравилось свидание с Цианид. Они определили, что это было скучно, но она имела на него право.

Она была кошкой.

Ресвен подтолкнул вторую булочку к Косандиону. Косандион разломил ее пополам и откусил кусочек.

— Все ли готово для 2-го испытания? — спросила Ората. — Вам что-нибудь нужно?

— Нет, мы все предусмотрели, — сказал Шон.

Мы действительно подготовили арену. Остальное зависело от кандидатов, и никто не мог сказать, что они придумают.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА 2-Е ИСПЫТАНИЕ! ОБЪЯВИЛ ГАСТОН. — ВЫ ГОТОВЫ?

Какофония свистов, скрипов, топота, аплодисментов и воплей подтвердила, что делегации действительно готовы.

Мы перетасовали рассадку, исключив секции донкаминов, клюв-убийц и «Команду Хмурых», поэтому все разместились ближе к сцене. Косандион вернулся в свою секцию, мы спрятали его тронную гору под полом арены. Дверь в портал была закрыта, а мост, соединявший его со сценой, убран. Туман тоже исчез. Он был дорогой, и я приберегала его для отборочных церемоний.

Гастон, который доводил толпу до возбужденного безумия с центра сцены, практически сиял в своем ослепительно белом наряде. Когда я спросила его, сколько одежды он привез с собой, он сказал мне что, так как вырос на болоте и носил лохмотья, он с лихвой пытается

компенсировать себе это. Я не знала, что на это ответить, поэтому извинилась и ушла.

Косандион наблюдал за предварительным шоу с бесстрастным выражением лица. Онпил третью чашку кофе, и я попросила Орро сделать с кофе перерыв, пока Суверен не начал нервничать.

Я быстро осмотрела арену. Все были там, где и должны были быть. Святой Экклезиарх со свитой были на месте, секция наблюдателей была в порядке, и все делегации присутствовали. Тони был над ареной. Сегодня он будет заниматься спецэффектами.

Шон расположился рядом со Святым Экклезиархом. По-видимому, пожилой мужчина специально потребовал его присутствия. Его Святейшество все еще притворялся дряхлым. В данный момент он забыл про это, поскольку они с Первым Ученым были вовлечены в оживленную дискуссию, и он размахивал руками с энергией человека вдвое моложе его.

Шон посмотрел на меня. Для всех остальных выражение его лица было нейтральным, но я знала его лучше. Это был его многострадальный взгляд.

Одна из помощниц Куки, миниатюрная торговка с соболиным мехом и ярко-зелеными глазами, прыгала вверх-вниз в секции наблюдателей, махая мне маленькими лапками. Она могла бы просто попросить позвонить, но она этого не сделала, что означало, что она хотела сказать мне что-то лично. Я расширила узкий мост до секции наблюдателей, шириной едва ли в фут. Человек прошел бы по нему с осторожностью. Маленькие лисы могли пронестись по нему, как по твердой земле. Она подбежала ко мне, сунула в руку листок бумаги и бросилась назад.

Я убрала мост и посмотрела листок. На нем изящным почерком Калдени было написано: *«Жизненно важно, чтобы В вышла последней, а олух прямо перед ней. Пожалуйста, побалуй меня».*

Я взглянула на Калдению. Ее Милость кивнула мне.

Теперь она передавала мне записки, словно мы сидели в классе и должны были прятаться от учителя.

Я осмотрела секции. Суркар, одетый в длинный плащ, сидел в первом ряду, в центре секции отрокаров. Нетипичная одежда для отрокаров, если только не зимой. Леди Вексин была на своем ожидаемом месте, с головы до ног закутанная в сверкающую золотистую ткань.

Что задумала Калденция? Что бы это ни было, порядок конкурсантов не имел для меня особого значения. Мы должны были сделать перерыв между кандидатами 5 и 6, где Бестата должна была быть кандидатом 6, потому что Тони сказал мне, что ее выступление требует некоторой настройки. Не было ничего плохого в том, чтобы позволить Суркару идти предпоследним, а леди Вексин — за ним. Если случится что-нибудь странное, мы с Шоном справимся с этим.

Я постучала по своему наушнику.

— Время начинать.

— **Итак, поприветствуем нашего первого кандидата!** — прогремел Гастон и ушел со сцены, драматично погрузившись в нее.

Я включила прожектор с белым светом и остановила его на «Команде Улыбок». От края их секции к сцене образовался проход. Амфи встала. На ней было серебряное платье, украшенное бледно-золотыми цветами, которые струились по ее телу, как сверкающий поток. Узкая лента зеленого цвета была вплетена в ее волосы — дань костюму Косандиона во время его свидания с Цианид.

Амфи прошла по помосту, пересекла сцену и встала в центре. Медленная мелодия заполнила арену, сначала тихая, но становящаяся все громче. Амфи открыла рот и запела, ее голос прорывался сквозь музыку.

Позади нее из-за края сцены появилась светящаяся виноградная лоза с двумя побегами, изумрудным и серебряным. Они переплелись друг с другом, закручиваясь спиралью, обрастая листьями, прорастая бутонами, ветвясь и скручиваясь, словно подпитываемые ее песней.

Супер тонко. Оставалось только закончить неоновой вывеской, на которой были бы сидящие на дереве силуэты, Косандион и Амфи, с подписью «ц-е-л-у-ю-т-с-я». Вчера Гастон и Тони репетировали с кандидатами, и теперь я поняла, почему Тони после этого назвал ее простушкой.

Песня достигла крещендо. Амфи взяла последнюю звонкую ноту и замолчала. Виноградная лоза позади нее расцвела золотыми цветами.

— Прелестно, — сказал Косандион.

Комплимент прозвучал искренне. Возможно, со всеми конфликтами и кризисами, которые ему приходилось разрешать, воспитание ребенка с Амфи начинало выглядеть привлекательным. Она явно обожала его, они оба были из Доминиона, и это обещало быть несложным.

Арена разразилась аплодисментами, и снова появился Гастон, чтобы сердечно сопроводить Амфи обратно на ее место.

Я снова включила свет, и следующим был Прайсен Ол. Он спустился, одетый в новую синюю мантию, выглядя скромным и красивым.

Он прочистил горло и объявил.

— Я сочинил стихотворение, чтобы отпраздновать это событие, которое случается раз в жизни. Я смиренно предлагаю его вам.

Он глубоко вздохнул и начал.

— Тьма огромна. Вселенная холодна...

Стихотворение длилось пять минут. Оно было прекрасно, и рассказывало о том, что каждая звезда была для кого-то солнцем. В конце концов, Святой Экклезиарх прослезился, а Первый Ученый положил крыло ему на грудь над сердцем, чтобы тот успокоился.

Следующим был Оунд. Он исполнил танец, и к концу мне понадобился момент от сенсорной перегрузки.

Цианид спела песню своего народа, которая была длинной и очень воющей. Делегация хиггр настолько прониклась, что присоединилась к концу.

— Я не могу этого вынести, — прошептал Шон в мой наушник. — Это как комната, полная кошек, которых медленно душат.

— Будь милым.

— Она искусная ткачиха. Почему она ничего не соткала?

— Потому что она не выдает свои секреты врагу. — Мой бедный оборотень. Я практически чувствовала, как у него подергиваются глаза.

К тому времени, когда Цианид закончила, большая часть аудитории достигла критической точки. Возвращение света прожектора стало облегчением. Я остановилась на Унессе. Нам нужно было что-то, чтобы разбудить нас, а она вряд ли будет петь. Почему-то я представить не могла, что душегубы придают такое же значение искусству, как и мы.

Унесса практически сбежала по помосту, подпрыгивая на каждом шагу. Хмм.

Часть сцены, двадцать футов в поперечнике, опустилась и поднялась обратно, вынося на общий обзор большую клетку. Внутри нее извивались и шипели зеленые ящерицы, каждая размером с большую домашнюю кошку.

Унесса подошла к клетке, открыла маленькую дверцу наверху и вытащила ящерицу. Экраны вокруг арены увеличили изображение рептилии. Вдоль ее позвоночника торчал ярко-красный гребень. Она попыталась вцепиться в Унессу, но та крепко держала ее за горло одной рукой, а другой открыла ее пасть, обнажив длинные, острые зубы.

— Ядовитая, — объявила Унесса. — Острые зубы. Очень быстрая.

Она бросила ящерицу обратно в клетку. С потолка спустился гигантский экран с цифровым таймером, 00:00 светилось ярко-красным.

Что она собиралась...

Над ареной прозвенел звонок. Цифры на таймере замигали. Клетка распалась, и пятьдесят ящериц бросились врассыпную. Унесса быстро, как атакующая змея, схватила ближайшую с пола, и одним плавным движением открутила ей голову.

О, дорогая Вселенная.

Она отбросила мертвое тело и схватила следующую ящерицу. Та закричала от ужаса, как испуганный щенок, и она свернула ей шею. Бросив ее, она схватила другую.

Люди Оунда в тревоге замахали плавниками, щелкая ими, сообщая о хищнике. Отрокары замолчали. Они были аккуратными охотниками, озабоченные сохранением популяции животных, чьи жизни они забирали, и они никогда не убивали ради развлечения. Это... это зверство шло вразрез со всеми охотничьими традициями Орды. Это была просто бессмысленная бойня, а ящерицы так кричали, метались и перелезали друг через друга, чтобы убежать подальше. Они не походили на рептилий. Они пищали как маленькие млекопитающие, охваченные чистой паникой.

Еще одна ящерица. Другая.

— Остановите ее! — зарычал Косандион.

Я опустила сцену вокруг Унессы, оставив ее стоять на каменной колонне. Выжившие ящерицы разбежались по арене. Душегубы скрипели и шипели от возмущения.

— Я предупреждал тебя, — сказал Гастон мне в ухо.

Было такое. Я заставила свой голос быть услышанным всеми, звуча тревожным шепотом.

— *Суверен благодарит кандидатку Унессу Сибейт за ее демонстрацию.*

Большой душегуб бросился к стене секции и провалился сквозь пол, когда Шон отправил его обратно в яму. Остальные деревья скрипели и качали ветвями, но оставались на своих местах.

Унесса сосчитала тела ящериц пальцем, указывая на каждое, и посмотрела на таймер.

— Двенадцать за семь секунд! — А потом она улыбнулась.

— **Пришло время для короткого перерыва!** — объявил Гастон и проводил ее обратно на место.

В каждой секции появились столы с закусками.

Косандион выглядел сердитым. Я никогда не видела его таким, ни когда он имел дело с Одикасом, ни даже когда он узнал о предательстве Версии. Проявление жестокости к животным со стороны Унессы застало его врасплох. Гнев исходил от него, как жар от раскаленного асфальта.

Я должна была попросить Гастона быть более конкретным, когда он упомянул об этом.

Но даже если бы он объяснил, ничто из того, что сделала Унесса, не было запрещено условиями, предоставленными нам Оратой. Целью испытания талантов было выявить способности кандидатов. Это должно было стать сюрпризом и демонстрацией мастерства. Мы все знали, в чем особый талант Унессы. Она рассказала нам о нем во время своего представления. Она была хороша в удушении.

Я собрала оставшихся ящериц в вольер под ареной. База данных «Гертруды Хант» идентифицировала их как тумма-проворных. Они были, действительно, очень ядовитыми. Они также были чипированы продавцом. Как только испытание закончится, я попрошу Гастона отвезти их обратно в Баха-чар торговцу тумм, который продал их душегубам.

Душегубы выдрессировали Унессу, как терьера, охотящегося на крыс. За исключением того, что она даже не считалась домашним животным. Мы чувствовали привязанность к нашим питомцам, душегубы же ничего не чувствовали к Унессе. Тошнотворное чувство нахлынуло на меня. Я догадывалась, что с ней случится, если она не станет парой.

Косандион остановив ее, оскорбил душегубов и нарушил традицию. Доминиону грозят политические последствия, потому что даже не тот наклон головы имел последствия, когда ты публичная фигура. Я не думала, что его это волнует. Я посмотрела на его лицо. Нет, его это не трогало.

Тони внизу занимался перестановкой. От сцены не осталось и следа, пол арены снова опустел. Каменные колонны, каждая из которых была достаточно крепка, чтобы выдержать человеческую ногу, поднимались из каменных плит на разную высоту. Самая низкая была высотой пятьдесят пять футов, самая высокая на три фута выше. Между ними были промежутки в несколько футов.

Тони выстроил колонны в извилистую тропу, которая поворачивала налево, затем направо, затем снова налево. По бокам от тропы, там, где она изгибалась, появились три платформы. Каждая платформа поддерживала длинный шест, выступающий над тропой, с прикрепленными на длинных веревках тремя мешками, наполненными песком. Мешки в итоге лежали на платформах.

Очевидно, это была полоса препятствий. Это выглядело рискованно, увлекательно и, что самое главное, что ни одно маленькое животное не могло пострадать. Идеально.

— Готова? — спросил меня Гастон.

Я убрала столы с закусками.

— Не могу дождаться.

— И мы вернулись! Пожалуйста, тепло поприветствуйте нашего следующего кандидата, леди Бестату из Дома Меер.

Бестата подошла к первой колонне, подпрыгнула, зацепившись за нее руками, и взобралась на вершину, стоя на одной ноге.

— Для этой демонстрации, — объявил Гастон, — нам понадобятся добровольцы.

Вся секция отрокар встала.

— Нам понадобится только три. Пожалуйста, выберите между собой.

Последовала короткая потасовка, пока я наводила отдельные мосты от секции отрокаров к платформам. Появились три отрокара и заняли места на платформах.

— Когда леди Бестата доберется до очередной платформы этого коварного пути, пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы сбить ее с колонн на пол арены, используя доступные вам мешки с песком.

— Савок из моей конюшни первому, кто собьет ее! — взревел Суркар.

Было мало вещей, которые отрокары ценили больше, чем лошадей-савок.

— **Только с помощью мешков с песком!** — добавил Гастон. — **Она должна коснуться земли, чтобы ваш бросок был засчитан. Вы готовы, леди Бестата?**

Она повязала на глаза кусок черной ткани.

— Готова.

Толпа одобрительно зашумела, предвкушая хорошее шоу. Косандион наклонился вперед, его лицо выражало только интерес, никаких следов возмущения не осталось. Оно все еще было там, он просто скрывал.

Прозвенел звонок. Бестата обнажила два длинных, тонких меча и прыгнула на следующую колонну, пробежав, как по твердой земле. Толпа зааплодировала.

Она бросилась к первому изгибу тропы. Отрокар на соседней платформе схватил первый мешок и запустил в Бестату. Она отпрянула назад, балансируя на носке левой ноги, опасно откинувшись назад. Для равновесия она вытянула мечи по бокам. Мешок просвистел перед ней. Она рванула вперед, и мешок, как гигантский маятник, качнулся назад, пролетев то место, где она только что была.

Второй мешок промахнулся на полсекунды. Третий прошел слишком широко, развернувшись на целый фут от рыцаря-вампира. Еще мгновение, и Бестата оказалась вне досягаемости, побежав к следующей платформе.

Следующий отрокар, крупная рыжеволосая женщина, сделала ставку на стратегию, а не на скорость. Она развернула первый мешок, послав его по кругу в сторону Бестаты, схватила второй, направила его немного вправо и отпустила. Первый мешок изогнулся, рассекая воздух. Каким-то образом вампирша почувствовала приближение и прыгнула на столб сбоку, прямо на пути второго мешка.

Толпа замерла.

Второй мешок летел прямо к ней, в грудь. Бестата взмахнула левым мечом. Черное лезвие взвыло, заряжаясь, и мешок упал на пол арены, разрезанный пополам. Песок рассыпался, как победное конфетти.

Зрители взревели.

Бестата побежала. Отрокар замахнулась третьим мешком, но было слишком поздно.

В секции наблюдателей Карат наклонилась вперед, сфокусировав взгляд на Бестате, явно оценивая ее потенциальную угрозу. Дагоркун потряс руками и проревел своим боевым голосом:

— Бросьте, чертов мешок! Не размахивайте им, как идиоты, бросайте!

Третий отрокар, худощавый, мускулистый мужчина средних лет, явно ветеран, должно быть, услышал его. Я была уверена, что люди по всему Далласу, вероятно, услышали бы его, если бы я не сделала арену звуконепроницаемой.

Ветеран схватил мешок одной рукой, откинулся назад, как метатель копья, и пульнул его. Мешок пронесся по воздуху и врезался в Бестату как раз в тот момент, когда ее правая нога коснулась следующей ступеньки-колонны. Мешок взорвался фонтаном песка. В течение мучительной полусекунды она балансировала на грани падения на пятьдесят футов вниз.

Если бы она упала, было бы больно. Падение с такой высоты нанесло урон бы даже вампиру в син-броню.

Если она упадет, я должна буду поймать ее.

Бестата отпрыгнула назад, расправив руки как крылья, превращая падение в прыжок. Ее правый меч упал на землю. Пока она летела, она выбросила правую руку над головой, и как

только ее тело начало падать, она ухватилась рукой за другую колонну и вцепилась в нее.

Толпа закричала, Дом Меер торжествовал, а делегация Суркара была возмущена.

— Он ударил ее, он ударил ее прямо в грудь! Все кончено! — взвыл кто-то из секции отрокаров.

— Ни одна ее часть не коснулась земли! — закричал Дом Меер в ответ.

Отрокар-ветеран на последней платформе поднял второй мешок, прицелился и бросил его. Бестата согнула руку и прыгнула прямо вверх, на колонну. Мешок ударился о камень, на волосок не задев ее.

Бестата рванула вперед, прыгнув с нечеловеческой грацией.

Ветеран зарычал, схватился за веревку последнего мешка и дернул ее вниз. Верхушка шеста треснула. Он поймал его, стащил с нее веревку, сорвал мешок и взмахнул веревкой, как лассо.

Бестата добралась почти до последнего столба.

— Мошенник! — прошипела я в наушник.

— Должен ли я остановить это? — спросил Гастон.

— Нет, — прорычала я.

— Давайте посмотрим, чем закончится, — сказал Шон.

Отрокар метнул лассо. Бестата, как танцор, крутанулась на одной ноге, и с потрясающей точностью перерезала веревку. Прежде чем толпа поняла, что произошло. Она подскочила к последней колонне и сняла повязку с глаз.

Дом Меер, приветствуя кандидатку, вскочил на ноги. Карат встала, подняла руки над головой и захлопала в ладоши. Рядом с ней Дагоркун уставился на Суркара, вытянул правую руку ладонью к полу и опустил ее, будто нажимая на невидимый рычаг. Этот жест Орды обычно предназначался для молодых людей и подчиненных, которые позорили окружающих. Он означал: «Все кончено, и что бы ты ни сказал, этого не исправить».

Суркар сжал кулак и ударил им по стулу.

Ветеран закричал, выплескивая свою ярость. Бестата указала на него своим мечом и жестом указала ему вперед. Он направился к краю платформы. *О нет, даже не мечтай.* Я вытащила усик гостиницы. Он обхватил его за талию и вернул обратно в секцию отрокаров.

Потребовалось еще пять минут, чтобы вернуть арену в прежнее состояние и заставить всех успокоиться, и занять свои места. Наконец, сцена вернулась, и я остановила прожектор на гахеях. Никати отправился на сцену. В руках он держал струнный инструмент, что-то среднее между лютней и цитрой.

Прекрасно. Надеюсь, это будет элегантно и нежно, чтобы все успокоились и отдышались.

— Я только учусь музыке, — сказал Никати. — Пожалуйста, простите меня за то, если я сегодня оскорблю вас своим низким мастерством. Я был готов сыграть одну из наших классических песен, древнюю мелодию, которую многие до меня играли виртуозно, на что я могу лишь только надеяться в будущем. Но у меня было вдохновение. Сегодня я сыграю вам новую мелодию, которую вы никогда раньше не слышали. Я посвящаю ее леди Бестате.

Бестата вздрогнула на своем месте. Косандион сел прямее.

Никати сделал паузу, держа инструмент левой рукой, правая же зависла над струнами, и он заиграл. Оглушительная, пронзительная нота пронеслась по арене и превратилась в быстрый сложный аккорд, такой громкий, что он завибрировал у меня в груди.

О, черт.

Музыка взревела на арене, яростная, быстрая, стремящаяся, сражающаяся, отступающая и возвращающаяся еще громче, красивая и смертоносная, как рыцарь-вампириша, размахивающая своим клинком. Она нарастала и нарастала, пока я не могла больше выдерживать давление, и, наконец, восторжествовала, вылившись в душераздирающее крещендо, настолько трогательное и глубокое, что не было слов описать это.

Последние звуки, затихая, замерли. Мои щеки были мокрыми от непокорных слез. На арене воцарилась полная тишина, будто все мы сговорились оплакивать окончание песни. Бестата выглядела потрясенной. Ее глаза были широко открыты, лицо бледное, руки сжимали меч, словно это был спасательный круг. Никати поклонился ей.

Я бы никогда такого не забыла.

Принц Гахеи отправился на свое место.

— **Потрясающе!** — прогремел Гастон. — **Где еще во всей галактике нас бы так развлекали? Друзья, когда мы состаримся, мы поразим наших потомков легендой этого дня.**

Я должна была срочно заняться своей работой. Я вытерла лицо рукавом. Я не была ни спокойна, ни умиротворена. Я чувствовала себя беспокойной и расстроенной, словно у меня отняли что-то драгоценное, и я должна была вернуть это. Эмоции от песни все еще бурлили во мне, и мне хотелось ударить по чему-нибудь, чтобы выпустить тревожность.

— **Пожалуйста, поприветствуйте нашего следующего кандидата,** — прогремел голос Гастона.

Я направила свет в сторону отрокаров и Храма Желания и остановила его на секции отрокаров. *Вот, пожалуйста, Ваша Милость, как и просили.*

Суркар встал и сбросил с плеч плащ. Толпа ахнула. В секции «Команды Улыбок» Амфи стала сливово-красной.

На Суркаре был южный килт, сапоги и ничего больше. Он был в том же виде, как у костра тогда ночью, разговаривая с Калденией. Это был не церемониальный килт, украшенный вышивкой и кожаными ремнями. Это был даже не обычный килт, который отрокары иногда надевали на неформальные мероприятия, такие как ужины с большой семьей. Нет, эта вещь была изодрана в клочья за годы носки и, по крайней мере, на два дюйма короче. Можно было сказать, что он появился на мероприятии с черным галстуком и в домашних спортивных штанах.

Я взглянула на Дагоркуна. Он закрыл лицо руками и ругался в них, произнося что-то грубое и злое. Карат похлопывала его по плечу.

Суркар вытащил большой, изогнутый нож из ножен на килте. Технически, он, вероятно, был коротким мечом. По форме он напоминал нож, но был больше самого большого охотничьего ножа-Боуи, больше похожий на мачете. Он взмахнул им, перебросил из руки в руку, крутя его в пальцах, словно он был прикреплен к нему магнитом, и спустился на сцену.

Я спросила Гастона, каким будет талант Суркара, и он ответил: «Танец с мечом». По лицу Суркара понятно было, что ни о каком танце речи нет. На нем было написано «убийство».

Он остановился прямо перед нами и указал на Косандиона своим мечом.

— Ты! Суверен, встретиться со мной лицом к лицу, если осмелишься.

Чего?

— Докажи мне, что ты стоишь моего времени, — проревел Суркар. — Или ты будешь прятаться за своим тронem и слугами, как слабак?

«... Его отец был таким же. Давайте просто скажем, что их дедуктивные способности оставляют желать лучшего. Некоторым людям просто необходимо столкнуться с очевидным».

Калденция. Она убедила его, что ему нужно продемонстрировать свое физическое превосходство самым очевидным из всех возможных способов. И теперь он был здесь, в своем килте, бросая вызов Косандиону, для которого даже не стоило переодеваться.

— Вот что происходит, когда Калденция общается с людьми, — прорычал Шон мне в ухо. — Ей лучше понимать, что она делает, или я запрю ее в комнате, пока она не забудет, как выглядит солнце.

— Ну и что, Суверен? — потребовал Суркар.

Мое сердце колотилось в груди. *Не принимай, не принимай, не принимай...* Если он ответит на вызов, у нас не будет никакого способа уберечь его от травм. Она знала, что наша гостиница находится под угрозой. Она знала, почему мы это делали. Зачем ей подвергать нас опасности? Зачем ей выставлять своего племянника на арену с чемпионом отрокаров? Может, я ошибалась? И она хочет убить Косандиона?

Косандион встал. Ресвен осторожно, почти благоговейно, снял мантию с плеч Суверена. Под ним был черный костюм. Это была не броня, не боевой класс, это была простая одежда, которая облегалась его, вообще не предполагая никакой защиты.

Косандион протянул руку.

— Нож.

Миралитт шагнула вперед, достала нож и вложила ему в руку. Это был черный фиксированный клинок с изогнутым профилем, длиной около семи дюймов, с простой рукоятью.

— Хранительница, мне нужен проход, — сказал Косандион.

Я не хотела прокладывать ему дорогу. Я хотела, чтобы он снова усадил свою задницу на трон.

— Дина, — сказал Косандион.

Ну что ж. Ладно. Я позволила «Гертруде Хант» вырастить узкий проход, изгибающийся от нашей секции к сцене внизу. Косандион кивнул и начал неторопливо и спокойно спускаться.

Обойти это было невозможно. Мы ничего не могли поделать.

Он достиг сцены. Я оставила помост на месте. На всякий случай.

Двое мужчин поравнялись. Они были одного роста, но отрокар был, по крайней мере, на пятьдесят фунтов тяжелее. Его плечи были шире, ноги были как стволы деревьев, а когда он взмахивал коротким мечом, мышцы вздувались на его огромной спине.

Это плохо кончится.

Суркар атаковал, направив клинок простым ударом сверху. Удар был базовый, но подпитывался его превосходящей силой и направлялся многолетним опытом. Он был непреодолимой силой, ведь Суркар вложил в этот замах всю свою массу, придав импульс.

Косандион поймал его запястье, потянул вперед, двигаясь в такт удару, и нанес удар ногой сбоку от правого колена Суркара. Хрустнул хрящ, звук усилился благодаря дужине экранов. Нога Суркара согнулась, и сила, которую он вложил в свой удар, заставила его упасть на колени. Косандион выкрутил руку Суркара и с жестким щелчком вывихнул плечо.

Ого!

Рот Суркара открылся от шока. Такого не должно было случиться, и его разум все еще

догонял реальность.

Косандион провел ножом тонкую линию поперек шеи Суркара, едва задев кожу, вырвал меч из ослабевших пальцев отрокара и осмотрел его.

— Спасибо тебе за этот дар, сын Граста и Ульде. Я сохраню его как память об этой встрече.

Суверен повернулся и направился к проходу.

Калдения сияла в секции наблюдателей, ее лицо было свирепым и наполненным гордостью.

Наэлектризованная арена взорвалась. Косандион спиной к зрителям поднялся по помосту обратно на свое место, и его лицо было мрачным и холодным.

Суркар, наконец, понял, что его побили. Он огляделся стеклянными глазами. Я прекрасно понимала, что было написано на его лице — это действительно произошло, и все это видели. Ситуация не просто потрясла его, она разрушила его мир. Все, что он считал правдой о себе и своем месте в этой жизни, оказалось ложным в течение секунды.

— Шон? — прошептала я.

— Я поймал его.

Суркар вжался в пол сцены, и тот поглотил его, сомкнувшись над головой. Я почувствовала, как Шон движется к лазарету.

— **Пожалуйста, тепло поприветствуйте нашего последнего кандидата,** — объявил Гастон. Он даже не пытался разобраться в том, что только что произошло. Правильное решение.

Косандион занял свой трон. Выражение его лица было жестким, будто высеченным из камня. Победа над Суркаром не принесла ему радости. Она даже не смягчила его гнев.

Леди Вексин встала. Тихая музыка заполнила арену, мелодия была грустная и полная тоски. Она спустилась по помосту из своей секции на сцену, мягко покачиваясь в такт музыки. Ее золотая вуаль соскользнула, развеваясь позади нее, как крылья прекрасной бабочки. Она позволила ей упасть на краю сцены. На ней было платье янтарного цвета, расшитое золотой нитью и усыпанное красными драгоценными камнями. Ее волосы были искусным каскадом, украшенным золотой паутиной, цветами из драгоценных металлов и диадемой, сверкающей драгоценными камнями. Браслеты покрывали ее руки.

Она провела пальцами по правому запястью, и браслеты упали на пол, на вуаль. Она взмахнула левым, и остальные украшения дождем посыпались вниз. Она сняла диадему с головы и бросила ее на золотую ткань, отбросив ее, словно та была сделана из фольги. Один за другим она вытаскивала цветы и позволяла им падать. Когда тонкая золотая паутина оказалась на полу, она помотала головой, распуская водопад темных волос. Она коснулась своего вышитого одеяния, и оно соскользнуло с нее. Она стояла, одетая в простое белоголубое платье с широкой юбкой и свободными рукавами. Подул легкий ветерок, и почти невесомая ткань зашевелилась.

Леди Вексин сняла золотые туфельки и закружилась по сцене босиком, ее волосы развевались, тело покачивалось в такт музыке. Ее платье плыло вокруг нее, как облако. Она двигалась с невероятной красотой, неземной и одновременно очень человеческой. Ее танец боролся со всем, что было мрачным и темным. В мире, который был гневом и недовольством, она была успокаивающим светом, нерушимым и могущественным, как любовь и надежда. Это был подарок, и он предназначался только одному человеку.

Косандион сидел очень тихо.

На арене были сотни существ, и все же никто из нас не существовал. Их было только двое. Это был их момент, и я затаила дыхание, чтобы не потревожить их.

Конкурс талантов завершился, но чудесный день еще не окончен. На конкурсе чего только не было: были жестокости в виде удушения, красивые танцы, поэзия и был преподнесен суровый урок недооценки своего противника. Стало понятно, что не следует слушать Калдению, если ты не на сто процентов уверен, что она на твоей стороне. Произвели ли кандидаты впечатление на Косандиона? Оценил ли он план своей тети, ведь, именно она убила его отца? Кто разгадает сердце Суверена? Оно остается тайной, окутанной загадкой, бьющееся в довольно мускулистой груди. Давайте посмотрим, что будет дальше.

Когда делегации покинули арену, направляясь по туннелям в свои комнаты, Косандион наклонился ко мне и сказал: «Я слышал, что моя тетя часто гуляет». Я подтвердила, что, действительно, Ее Милости нравится ежедневная прогулка, на что он сказал: «Я бы тоже хотел прогуляться. Хорошо размять ноги после долгого сидения». Я кивнула, отошла, прошла через гостиницу, нашла Калдению, которая направлялась в свои покои, и тихо поделилась с ней новообретенной любовью Косандиона к умеренным физическим нагрузкам.

Теперь Косандион размышлял в деревьях у нашего пруда, пока я, находясь в нескольких ярдах от него, наблюдала за ним, а Калденция, воспользовавшись возможностью переодеться, шла к нам через гостиницу.

Шон вышел из кустов. Он выводил всю эту штуку с «проходом сквозь стены» на новый уровень. Честно говоря, было проще просто воспользоваться установленной дверью, но выскакивание из случайных мест почему-то привлекало его. Я протянула руку, и он тихо сжал ее.

— Как Суркар?

— Отходит. Я дал ему успокоительное.

— Должны ли мы беспокоиться, что он решит отомстить?

Шон покачал головой.

— Он понимает, что над ним одержали верх. Мы успели пообщаться до того, как он потерял сознание. Он с этим смирится.

— Я не понимаю, почему он начал с такой незаурядной атаки.

— Потому что она срабатывала у него много раз до этого. Если дать обычному человеку пистолет, а кто-то размером с Суркара нападет на него с мечом, большинство людей забудет о пистолете и попытается уклониться или вскинет руки, как бы защищая себя. Чтобы преодолеть такую инстинктивную реакцию, требуется тренировка. Даже если бы у Косандиона был щит, и он пытался бы заблокировать удар, разница в мощи слишком сильна. Суркар сломал бы щит и руку Косандиона.

— Косандион очевидно тренировался.

Шон вздохнул.

— И Суркар это выяснил. Я спросил его, приходило ли ему когда-нибудь в голову, что человек со статусом Суверена, с генетической модификацией и неограниченными ресурсами, будет иметь доступ к лучшим боевым тренерам.

— Что он ответил?

— Он ответил: «Зачем ему это понадобилось? У него есть армия и телохранители. Он

совсем непохож на бойца».

— Родовые предрассудки поставили ему подножку, — сказала я. — Отрокары настолько узко специализированы, что можно с первого взгляда определить, кто истребитель, а кто — боец с передовой. Косандион выглядит так, будто он в лучшем случае стратег или тактик.

— Да, — согласился Шон. — Суркар судит своих противников по размеру и тому, во что они одеты. Рыцари-вампиры — воины, потому что они крупные и носят доспехи. Косандион непохож на воина, и Суркар не считал его физической угрозой. Мысленно он считал, что раздавит Косандиона, как комара, и тогда Доминион полюбит его за это так сильно, что заставит Суверена взять его в пару.

— Итак, Суркар планировал избить человека, которого он не считал бойцом и который явно ему неровня? И он думал, что люди любят его за это?

— В основном.

— Это точно не выставляет его в лучшем свете.

Шон пожал плечами.

— До него это дошло только, когда я уходил. Если бы он остановился, чтобы подумать, этот вызов никогда бы не состоялся, но он этого не сделал, потому что Калденция затуманила ему мозги. Она не предлагала ему бросить вызов Косандиону. Она просто привела его к этой двери, показала ему сияющий мир по ту сторону, и он сам прыгнул через нее.

Вдалеке открылась дверь, из нее вышла Калденция и направилась в нашу сторону.

— А вот и твоя любимая персона.

Шон издал низкий рокошующий звук. Я вздрогнула.

— Так страшно.

— Хочешь, я поторчу с ними, чтобы ты могла отдохнуть? — спросил он.

Я покачала головой.

— Калденции со мной комфортнее. У меня такое чувство, что это будет тяжелая встреча.

Калденция обогнула изгиб тропинки. На ней было светлое, прямое платье с вырезом «лодочка», который располагался горизонтально прямо под шеей. Узкие рукава были полупрозрачными, из ткани, напоминающей тюль, а небольшая накидка изящными складками ниспадала с плеч до колен. Металлическая ткань слегка мерцала при движении, будучи ни розовой, ни бежевой, ни лавандовой, но на пересечении всех трех цветов. Это было консервативное платье, которое говорило о силе и зрелости, не касаясь возраста.

Кроме того, это был стиль, который она почти больше не выдерживала. В нем сказывалось ее национальное происхождение. Она выглядела как глава государства, которой была раньше.

В гостинице прозвенел звонок, и мы одновременно замерли. Душегубы решили долбить по стенам ямы. Шон снова сжал мою руку и зашагал по тропинке. Шон был сыт по горло их выходками, и душегубы были близки к тому, чтобы узнать, что такое сожаление.

Калденция с Шоном поравнялись на тропинке, направляясь в противоположные направления. Она подняла на него брови и подошла ко мне.

— Он выглядит довольно раздраженным, — сказала она.

— Вы безвозвратно навредили Суркару.

— Ничего подобного.

— Вы сломали его дух.

— Тогда он с самого начала был не так силен. Боль — лучший учитель. Усвоит ли он

урок, меня не интересует.

— Не прогуляться ли нам, Ваша Милость?

Она посмотрела в сторону Косандиона, сделала чуть более глубокий вдох и медленно пошла по тропинке. Ее племянник продолжал изучать деревья. Калдения поравнялась с Косандионом, и когда она проходила мимо него, он повернулся и пошел, поддерживая ее темп. Они шли по красивой тропинке, не говоря ни слова. Я следовала в нескольких шагах позади.

Птицы пели в ветвях. Рыба плескалась в пруду.

«Гертруда Хант» сообщила мне, что Ресвен с двумя сотрудниками покинул гостиницу через портал. Ресвен был прикован к Косандиону с тех пор, как они прибыли. Это был первый раз, когда он покинул гостиницу. Тони остался у портала, вероятно, ожидая возвращения канцлера.

— Дина, вы слышали о Сиз Латен? — спросил Косандион.

Забавно, я совсем не ожидала, что с меня будут спрашивать домашнее задание.

— Много тысяч лет назад существовала галактика Империя. Она просуществовала несколько поколений, управляемая одной семьей, но, в конце концов, распалась на две части. Одна половина дала начало Доминиону Семи Звезд, а другая — Гегемонии Шести Звезд.

— Вы хорошо информированы, — сказал Косандион. — Из-за разницы в идеологии. Доминион выступал за конституционную монархию с избранным правительством, которое формирует законы, и с главой государства королевской крови, который возглавляет исполнительную власть. В то время как Гегемония благоприятствует...

Он решил не досказывать.

— Тирании, — сухо сказала Калдения. — Цивилизованной версии автократического правительства, где власть правителя абсолютна в теории и ограничена политическими соображениями на практике.

— Как это работает с коллективным сознанием? — спросила я.

— На самом деле, очень хорошо, — сказала Калдения. — Уродливая правда о демократии заключается в том, что она порождает беспокойство. Ответственность за правительство перекладывается на плечи граждан, которым часто не хватает осведомленности и знаний, необходимых для принятия обоснованных решений. Им поручено избирать чиновников, они переживают из-за этого, впадают в отчаяние, когда их сторона проигрывает, и ведут себя так, словно их жизнь закончена, а затем, когда избранное ими правительство неизбежно делает то, чего они не хотят, они чувствуют себя преданными. В руководстве нет постоянства, политика сильно меняется от одной администрации к другой, и никогда не знаешь, где будет нация через десять лет. Это хаос.

Хорошая попытка.

— Демократия защищает права личности. Тирания защищает только немногих избранных, и то не очень хорошо.

— Тирания обеспечивает стабильность и правила. Следуйте правилам, и вы будете в безопасности, — сказала она.

— Ценой личной свободы, — добавила я.

— Ты была бы удивлена, узнав, сколько существ с радостью обменивают свою свободу на безопасность.

— Не я, — сказала я ей.

Это был не первый раз, когда мы с Калденией спорили из-за политики. Я повидала многое в галактике и была свидетелем тех ужасов, которые принесло с собой тираническое правительство. Я бы в любой день предпочла хаос и свободу прочным оковам. Да, временами это было грязно и неэффективно, но я могла голосовать, я могла баллотироваться на должность, я могла критиковать наше правительство, не опасаясь преследований, и это было бесценно.

Калдения пожала плечами.

— Как бы парадоксально это ни звучало, авторитарные проявления, как правило, стабилизируют общество. Граждане находят сильного, пугающего лидера успокаивающим. Тиран — монстр, но это их монстр, и они гордятся своей властью.

— Ради справедливости стоит признать, что Гегемония практикует ограниченную тиранию. Парламент Верховной власти также является выборным органом, — сказал мне Косандион. — Иногда они убивают некомпетентных тиранов.

Калдения пожала плечами.

— Дина, ну, кто-то должен бросить черни кость. — Это был самый странный разговор. Они оба разговаривали со мной, не признавая существования друг друга.

Ресвен вернулся и привел с собой двух человек. Это были новые люди, не те, кто ушли с ним. Должно быть, произошла смена команды. Мы предоставили Ресвену, Миралитт и Орате большую автономию, когда дело касалось их сотрудников, потому что они меняли свой персонал в зависимости от ситуации, и ни у кого из нас не было времени одобрить каждого сотрудника, которого они приводили. Мы попросили их сохранять свою личную команду из трех человек или меньше.

— Правящие семьи Доминиона и Гегемонии отделились друг от друга на протяжении многих веков, — сказал Косандион, — и все же каждый следовал схожему методу выбора своих правителей. Сначала это были браки по расчету и естественные роды, затем правитель с несколькими партнерами и множеством детей в надежде, что один окажется подходящим для управления, и, наконец, генетическая модификация. Единственный наследник, созданный биоинженерами, чтобы руководить государством и его народом.

Из которых оба человека передо мной были яркими примерами.

— Полтора века назад была совершена биологическая атака на правящую семью Доминиона, — сказал Косандион.

Калдения бросила на него острый взгляд.

— Виновные были найдены и устранены, но ущерб был нанесен. Порочная наследственная болезнь опустошила родословную, угрожая навсегда покончить с поколениями тщательного генетического отбора. Она уничтожила три четверти семьи. В течение тридцати лет правящая семья изо всех сил пыталась вычленивть ее из своего генетического кода, но она возвращалась снова и снова. Она убивала детей и уничтожала сотни эмбрионов в естественных и искусственных матках.

Я никогда не слышала об этом. Этого не было ни в одном из документов Доминиона или Гегемонии.

— Родословная Гегемонии несла иммунитет к этой болезни, достигнутый благодаря тщательному отбору супругов и чистой случайности, — продолжил Косандион. — Гегемония извлекала выгоду из сильного Доминиона, который служил буфером между ней и Ордой Сокрушающей Надежду. Было достигнуто секретное соглашение под предлогом уважения древнего единства родословных. Калдира как рет Магрэн, императрица Гегемонии,

согласилась выносить двух наследников до срока. Для обеспечения полной передачи иммунитета искусственная матка не должна была использоваться. Эмбрионы должны были подсаживаться по одному, и она должна была вынашивать детей до срока в своем теле.

— Она полюбила детей до их рождения и еще больше после. Как можно было по-другому? Ребенок, который разделяет сердцебиение со своей матерью... — Калдения замолчала.

В глазах Косандиона промелькнула печаль. В этом было что-то большее.

Косандион продолжил рассказ.

— Создание наследника — сложный процесс. Наследник не зачат, а создан. Независимо от того, происходит ли беременность внутри матери или в искусственной матке, генетический состав наследника радикально отличается от его братьев и сестер. Цель наследника — править.

Это имело смысл.

— Воспитание наследника, обеспечение его образованием и руководством требует полного внимания со стороны родителей. Даже если родители наследника состоят в преданных и любящих отношениях, они откладывают рождение новых детей до тех пор, пока наследник не достигнет совершеннолетия. А те другие дети не являются наследниками и никогда ими не будут. Если наследник умрет, будет создан другой улучшенный эмбрион, несущий желаемый набор генов, и со временем родится новый наследник.

— Похоже, на очень одинокое детство, — сказала я.

— По замыслу. Первоочередная задача наследника — нация, — ответила Калдения. Косандион кивнул. — Слишком сильная привязанность к своим братьям и сестрам может привести к тому, что правитель будет принимать решения, основанные на эмоциях, а не на логике.

— Разница в возрасте также гарантирует, что другие дети не будут соревноваться за власть. Хотя они не смогут сравниться с наследником, некоторые пытаются, несмотря на свои недостатки. — Голос Калдении звучал резко. — К сожалению, когда воспитываешь тирана, чтобы тот пользовался властью по своему усмотрению, правила вылетают в окно, даже если они разумны.

— Калдира согласилась родить наследников, только если они смогут воспитываться вместе, пока младшему не исполнится десять лет. У Доминиона не было другого выбора, кроме как согласиться. Родились два наследника, девочка и мальчик с разницей в два года. Они росли вместе как брат и сестра, и мать души в них не чаяла. У них было лучшее образование, у них были лучшие преподаватели, но их учебные программы разительно отличались. Старшая девочка была воспитана как будущая императрица, в то время как ее младший брат должен был стать Сувереном.

— Когда им было двенадцать и десять, — продолжила Калдения, — они были разлучены, ожидая, что никогда больше не увидят друг друга за пределами редкого государственного мероприятия.

Ничего себе.

— Прошли годы, — продолжил Косандион. — Ребенок женского пола стала императрицей и, в конечном итоге, родила наследницу. Ее дочь умерла, когда той было пятнадцать, она была убита сепаратистской группировкой. Десять лет спустя она попыталась снова. Ее сын дожил до тридцати лет и настоял на том, чтобы лично повести флот на войну, где и погиб.

Ох. Я не знала. В общедоступных данных о Калдении никогда не упоминалась семья. Ее лицо было лишено всякого выражения. Она была похожа на манекен.

— Ее брат стал Сувереном и потерял трех наследников. Когда его четвертый наследник был в подростковом возрасте, у Суверена и его жены родились еще двое детей, зачатых естественным путем, мальчик и девочка. Наследник был признан достаточно взрослым, чтобы иметь неограниченный доступ к своим братьям и сестрам.

— А как насчет его тети? — спросила я. — Он когда-нибудь видел ее?

— Четыре раза, — сказал Косандион. — В первый раз, она тайно навещала его, когда он родился. Он не помнит этот визит по понятным причинам, но ему рассказали об этом. Второй раз это было, когда ему было три года, и он был очень болен. Она сидела у его кровати, держала его за руку и поклялась убить всех в комнате, если он не выживет. Третий был, когда ему было двенадцать. Она приехала на Десятилетний саммит Доминиона и Гегемонии, и поздно ночью встретилась с ним на пять минут под усиленной охраной, чтобы сказать ему, что она гордится им и его достижениями.

Калдения уставилась на пруд, будто оглохла.

— А как насчет последнего раза? — спросила я.

— Это произошло годы спустя. Доминион столкнулся с гражданскими беспорядками. Теоретически, все согласны с тем, что королевство должно развиваться или умереть. На практике люди сопротивляются переменам, потому что те угрожают их образу жизни. Они могут позволить себе роскошь не беспокоиться о будущем нации. Они заботятся только о своем выживании здесь и сейчас. Не все поддерживали реформы Суверена, как бы сильно они не были нужны. Был составлен заговор с целью убить его, и он был заражен биологическим агентом, который воскресил дремлющее генетическое заболевание. Оно никогда не было полностью искоренено, только подавлено.

Калдения скрестила руки на груди и остановилась у скамейки лицом к воде. Ее племянник остановился рядом с ней. Они стояли в пяти футах друг от друга, не глядя друг на друга.

Все это было так печально и ужасно.

— Суверен знал, что умирает, — сказал Косандион. — Если бы истинная причина его смерти была обнаружена, годность его наследника была бы поставлена под сомнение. Генетическая слабость предыдущего поколения была слишком хорошо задокументирована. Доминион, который уже столкнулся с внешней угрозой со стороны иностранной державы и переживал гражданский кризис, раскололся бы еще больше. Наследник был еще очень молод, до его совершеннолетия оставалось полгода. Ему не хватало силовой базы, достаточной, чтобы избежать гражданской войны.

— Они бы убили его, — сказала Калдения, ее голос был резким и тщательно контролируемым. — Они бы убили наследника и двух других детей, а затем проложили бы себе путь к трону по их телам.

— Суверен должен был умереть так, чтобы скрыть все признаки болезни. Кто-то должен был убить его и взять на себя ответственность за это. Суверен не мог быть убит каким-то случайным ничтожеством, потому что это выставило бы династию слабой. Он не мог быть убит кем-то из Доминиона, потому что это выставило бы всю его фракцию некомпетентной, неспособной обнаружить угрозу, что могло поставить под угрозу вознесение его сына.

Мне не нравилось, к чему это вело.

Косандион устался на пруд.

— Убийца должен был быть кем-то могущественным. Кем-то пугающим. Кем-то со средствами и мотивом, кто мог бы сделать это убийство таким громким, таким возмутительным, что весь Доминион объединился бы в сочувствии к наследнику. Вместо слабака, который не смог предвидеть и противостоять угрозе, покойный Суверен должен был стать мучеником, а его имя — боевым кличем.

Волосы у меня на затылке встали дыбом.

— Суверен в последний раз попросил свою сестру о помощи. И она пришла.

— Конечно, я пришла. Он был моим младшим братом, — тихо сказала Калденция. — В конце концов, *семья — это все, что у нас есть.*

— В четвертый раз, когда моя тетья навестила меня, я наблюдал, как она отравила моего отца, — сказал Косандион. — Ресвен привел меня, чтобы я стал свидетелем этого. Я стоял в потайном проходе и наблюдал за этим, чтобы позже предстать перед Доминионом и честно и искренне назвать свою тетю его убийцей. Доминион почувствовал бы мою боль и мою печаль и осознал правду.

— Мне очень жаль, — сказала я им.

— Оставь свою жалость при себе, — сказала Калденция. — Я знала о последствиях.

Я никогда не видела Калдению такой хрупкой. В этот момент она казалась сделанной из стекла, словно неосторожное прикосновение могло разбить ее вдребезги. Она отказалась от своего трона и втянула две нации в конфликт, чтобы спасти детей своего брата. И, зная ее, она не колебалась ни мгновения.

Тони, Ресвен и двое посетителей пересекли гостиницу и шли по тропинке к нам.

Косандион улыбнулся, горько приоткрыв губы.

— Это стоило моей тете всего. Раньше ее боялись, но теперь ее поносили и презирали. Ее десятилетия тщательного управления были забыты. Гегемония, потрясенная излиянием коллективного горя из Доминиона, повернулась против нее. Она боролась, чтобы удержать власть, но, в конце концов, отказалась от борьбы и сбежала.

Калденция одарила его долгим взглядом, и хрупкость испарилась.

— И все же я жива и чувствую себя вполне хорошо. Вся галактика годами пыталась отделить меня от моей головы, и все же я здесь... какая там поговорка, дорогая? Живу, не тужу.

Косандион, наконец, повернул голову и посмотрел на нее.

— Я рад, что с тобой все в порядке.

Она посмотрела на него.

— Не нужно так серьезно относиться к этому, мой дорогой. Не забывай, я видела тебя в пеленках. Мало того, что у меня все хорошо, но ты, похоже, все еще нуждаешься в моей помощи.

Косандион поклонился.

— Спасибо тебе за Суркара.

— Это была мелочь. Не бери в голову. Ты — Суверен.

— А ты всегда будешь императрицей.

Ее Милость фыркнула.

— Императрицей чего? Я оставила этих дураков с сильной нацией, которая функционировала как хорошо смазанная машина. Менее чем за десятилетие им удалось расколоть ее на три ничтожных королевства, одно из которых перешло к тебе, умоляя

принять его.

— Справедливости ради, они принесли нам замечательные минеральные богатства, — сказал Косандион, пряча улыбку в глазах.

— Я не спорю, что ты помог себе — галактика знает, что кто-то должен был спасти их от самих себя, но я не понимаю, почему ты оставил два других без присмотра. Ты должен убедить их присоединиться к тебе, мой дорогой, любыми необходимыми средствами. Преподнеси это как спасение дорогих братьев и сестер Доминиона. Это помогло бы твоему имиджу и дало бы военным занятие, прежде чем они начнут нервничать и мечтать о перевороте. Кто не рискует, тот не пьет шампанское...

Двое детей спустились по тропинке и остановились. Девочка лет пятнадцати или около того и мальчик на пару лет младше. Калдения увидела их и замолчала.

— Они знают, — тихо сказал Косандион. Она не ответила ему.

— Не хочешь поздороваться, тетя?

Она сглотнула.

— Да.

Косандион предложил ей руку и повел императрицу знакомиться с ее племянниками. Я осталась там, где была, предоставляя им уединение, в котором они нуждались.

Здесь никому не угрожала опасность.

Когда мы в последний раз покидали теплые объятия «Гертруды Хант», Шон отправлялся разбираться с последней выходкой душегубов, а Косандион с Калденией мило поболтали. Но выбор пары продолжается, и теперь у Косандиона намечаются свидания. Флирт обязателен! Ах, жизнь галактических правителей — так насыщена событиями. Такая занятая. Такая трагичная.

Так что жизнь не стоит на месте. Давайте посмотрим, что нас ждет дальше.

Я провела ладонью по лицу.

— Ладно Шон, он — оборотень, он только начал заниматься гостиницей. Но ты такой же, как я! Ты впитал это с молоком матери. Ты лучше во всем разбираешься.

У Тони даже не хватало приличия выглядеть виноватым.

— Они не пострадали. Им не причинили никакого вреда. Они просто бездвигаются.

На нашей лужайке за домом, скрытой от посторонних глаз, застыли в странных позах пять душегубов, будучи расставлены живописным образом. Должно быть, они действительно разозлили Шона, потому что он заставил Тони заморозить их на месте.

— Вред не обязательно должен быть физическим. Он может быть эмоциональным.

— У душегубов нет эмоций. Кроме того, я думаю, что это выглядит празднично. Просто рассматривай их как праздничные украшения.

— И что у нас за праздник такой?

— Хэллоуин. Осталось всего 3 месяца.

Тьфу!

Что-то происходило на подъездной дорожке, что-то, раз слышались повышенные голоса. Я сосредоточилась, за границей территории стоял Мараис. Он не ступает на территорию гостиницы, если не хочет предупредить нас.

— Разговор не окончен, — сказала я. — Я сейчас вернусь.

— Не беспокойся. Они никуда не денутся.

Я вышла из гостиницы старомодным способом, через парадную дверь и спустилась по ступенькам на подъездную дорожку. Чудовище следовала за мной, как всегда такая бдительная.

В конце подъездной дорожки рядом с патрульной машиной стоял Мараис. Перед ним, скрестив руки на груди, стояла темноволосая полная женщина. Хотя ее лицо было в профиль, нельзя было ошибиться в том, что говорил язык ее тела.

— Ты солгал мне!

— Ничего подобного. — Мараис звучал неубедительно.

Ой-ёой.

— Ты сказал, что собираешься работать. Гектор, я заглянула в отделение! Мне сказали, что ты в отпуске!

Ее голос звучал очень сердито.

— Я тут немного подхалутриваю на стороне.

Неправильный выбор слов.

— Итак, у тебя есть что-то на стороне, хорошо.

— Я про работу, Донна.

— Ты трудоголик. За последние три года ты взял один отпуск, и мне пришлось выкручивать тебе руки, чтобы ты это сделал. Ты думаешь, я поверю, что ты добровольно взял отпуск, чтобы подхалтурить?

— Как ты и сказала, я — трудоголик...

— Ты припарковался перед чьим-то домом! — Она покачала головой. — Перестань мне лгать. Как ты мог так поступить со мной? С нами, с нашей семьей?

Мараис поднял руки вверх.

— Это не то, что ты думаешь.

— Я больше не знаю, что и думать. Я думала, мы были командой. Я думала, мы понимали друг друга. Это были мы против целого мира. А теперь ты ошиваешься тут. Лжешь мне, нашим детям, на работе. Что с тобой случилось?

Брак Гектора взрывался передо мной в замедленной съемке. Кто-то должен был накрыть собой эту гранату, а Гектор не собирался этого делать, потому что глубоко внутри он был офицером Мараисом, который обещал сохранить нашу тайну. Он выглядел отчаявшимся.

Я начала спускаться по подъездной дорожке.

— Я тебя очень люблю, — сказала миссис Мараис. — Но я не могу смириться с обманом или ложью. И не буду.

— Донна, пожалуйста...

— Знаешь, отчего всего больней? Дело даже не в самом обмане. Дело в том, что ты был настолько несчастен, что искал утешения *на стороне*, а я понятия не имела. — Ее голос дрогнул. — Ты недостаточно доверял мне, чтобы рассказать.

В ее голосе было так много боли. Ох.

Мараис выглядел так, словно хотел провалиться сквозь землю. Мимо проехала зеленая «Хонда», водитель вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть, что происходит. Они стояли прямо рядом с машиной Мараиса. Люди были приучены обращать внимание на полицейские машины. Было небольшим чудом, что никто не появился из подразделения через дорогу, чтобы посмотреть шоу и снять его на мобильный телефон. Я должна была убрать их двоих с улицы.

— Приятного отпуска. Надеюсь, оно того стоило.

— Миссис Мараис? — окликнула я. Чудовище затанцевала у моих ног и залаяла. Она почувствовала волнение двух человек, и не была уверена, должна ли она кого-то укусить.

Женщина повернулась ко мне. О, дерьмо, дерьмо, дерьмо, дерьмо.

— Ты! — пропищала леди из «Костко».

Блин, провал.

Донна Мараис стала указывать на меня, пытаюсь что-то сказать. Должно быть, у нее было много чего сказать сразу, и это вызвало пробку, потому что ничего не вышло. Она просто указывала на меня с разинутым ртом.

Мараис моргнул, переводя взгляд с одной на другую.

— Вы обе знаете друг друга?

— Это она! — выплонула Донна. — Я же тебе рассказывала. Монстр в «Костко». Это она, девушка, которая исчезла! Это та, с кем ты спишь? Что, черт возьми, происходит?

— Мы с ним не спим. Я наняла вашего мужа.

По ее лицу я поняла, что она не поверила ни единому моему слову.

— Наняли для чего?

Обойти это было невозможно.

— Зайдите внутрь, пожалуйста.

— Я не пойду в ваш дом! Я собираюсь остаться прямо здесь, и кто-нибудь пусть вначале объяснит мне кое-что.

Мараис взял ее за руку и сказал:

— Доверься мне.

— Отпусти меня, ублюдок! — зарычала она.

Я действительно сочувствовала ей, но если бы я попыталась успокоить ее здесь, она не только не поверила бы мне, но и решила бы уйти. Она пришла сюда, готовая бросить вызов Мараису и женщине, с которой, как она думала, ей изменял. Было бы намного лучше держаться немного воинственной. Она последовала бы за мной, если бы думала, что я устрою ей конфронтацию.

— Вы бы предпочли зайти внутрь и выяснить, что именно происходит, или предпочли бы остаться снаружи и продолжать устраивать сцену для всей округи? — спросила я.

Словно подливаешь бензина в огонь. Миссис Мараис отстранилась и бросила на меня сердитый взгляд.

— Ты мне не нравишься.

— Прекрасно, но я пытаюсь вам кое-что объяснить. После того, как я закончу, я дам вам банку фасоли, которую вы сможете запульнуть в меня.

Она пристально посмотрела на меня.

— Пять минут. Ни секундой больше.

— Пяти минут достаточно.

Она зашагала по подъездной дорожке. Мы с Мараисом изо всех сил старались не отставать. Мы дошли до двери. Я придержала ее открытой, и они вдвоем вошли внутрь.

Я должна была сделать это как можно более профессионально и безлично. Чем более деловой я была, тем больше это убеждало Донну в том, что между мной и Мараисом ничего не было. Здесь лучше всего подходил обычный тон хранителя при встрече с новыми гостями: вежливый, но слегка отстраненный.

Калдения вышла из кухни, все еще в своем прекрасном платье.

— Вот ты где. Знаешь ли ты, что копчение мяса с поленьями душегуба придает мясу неповторимый вкус? Я только что узнала. Это очень волнующе. Я не могла не заметить, что у тебя на лужайке их пять. Они, должно быть, сделали что-то, что оправдывает строгую обрезку.

Донна уставилась на Калдению.

— Мы не обрезаем гостей, чтобы использовать их в качестве розжига для барбекю, — сказала я.

— Я говорила с Орро, и он со мной согласен.

— Нет, — твердо сказала я.

— Вы ее мать? — влезла Донна.

— Небеса, нет. Я ее гостья. Ее первая гостья.

Ее Милость улыбнулась, показав Донне свои красивые, острые зубы. Донна сделала небольшой шаг назад.

— Никакой обрезки. Это окончательно. Пожалуйста, следуйте за мной. — Я направилась по коридору к тронному залу.

Гостиница притянула меня к себе, и я открыла дверь к комнатам торговцев. Куки

выскочил из них во всей своей пушистой привлекательности.

— Я хочу зарезервировать обеденный зал на четвертую неделю следующего месяца.

— Которую?

— Океанскую. Моя бабушка смотрит отбор и хочет приехать сюда. Она специально попросила меня сопровождать ее. — Его мех распушился. Он кружился вокруг меня, не в силах сдержаться. Лисы почитали своих старших, а бабушка Нуан Ре была самой уважаемой старейшиной клана Нуан. Возможность принять ее у себя была огромным благом.

Я улыбнулась ему.

— Поздравляю, Нуан Коуки. Какая великая честь!

— Я знаю. — Его глаза сверкнули. — Так я могу зарезервировать обеденный зал?

— Конечно. Пожалуйста, только сообщи Орро о своих предпочтениях.

— Отлично!

Он бросился впереди нас. Я открыла двери перед ним, и он ворвался в тронный зал, направляясь на кухню.

— Что, черт возьми, происходит? — прошептала Донна своему мужу.

— Много чего, — сказал он. — Обычно здесь не так много народу.

— Снимается фильм? Гектор, это был маленький ребенок в костюме? Кто эта страшная пожилая леди?

Мы вошли в тронный зал. Донне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что огромная комната никогда бы не вписалась в викторианский стиль, который она видела с улицы. Ее глаза широко раскрылись. Она схватила Мараиса за руку, крепко вцепившись. Он нежно погладил ее пальцы.

«Гертруда Хант» потянула меня за собой. Я вытащила из пола тридцатифутовую сетку, предназначенную для ямы. Огромный душегуб замахнулся на меня ветвями.

— Предложение: верни тех, кого вы забрали, или мы убьем вас, разрушим гостиницу и задушим твою собачью тварь. Хочешь обсудить?

Я щелкнула пальцами. Из стены вылетели деревянные ветви, обвилились вокруг душегуба и втянули его в стену. Я протянула его через гостиницу, возвращая к себе. Пол раскололся, и снова появилось смертоносное дерево, обернутое кольцами «Гертруды Хант».

Донна отшатнулась.

— Это не компьютерная графика. Гектор, это не компьютерная графика.

Я бросила свой голос в коридор.

— Тони?

— Да? — ответил его бестелесный голос.

— У меня есть еще одно украшение для газона. Оно в тронном зале.

— Я знал, что ты меня поймешь. Занимаюсь.

Я повернулась обратно к Мараису и Донне.

— Сюда, пожалуйста.

Они последовали за мной в Океанский обеденный зал. Снаружи, за открытой террасой, сверкало на солнце оранжевое море. Как по команде, массивное чешуйчатое существо подняло свою драконью голову из янтарных вод, щелкнуло челюстями и нырнуло обратно.

Я указала на ближайший стол.

— Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее.

Донна замерла.

— Я чувствую запах океана.

— Давай присядем, — сказал ей Мараис.

Она позволила ему отвести ее к столу.

Из кухни вышла Капелька.

— Добро пожаловать, уважаемые гости.

Донна просто уставилась на нее.

— Шеф-повар хочет знать, это ваш капитан и стоит ли на кону ваш значок? — спросила Капелька Мараиса.

Я пыталась объяснить Орро разницу между фильмом и реальностью, но он упрямо отказывался ее признавать. Не помогло и то, что Шон продолжал показывать ему фильмы о приятелях-копах и называл их «документальными фильмами о сердитом капитане».

— Это моя супруга, — сказал Мараис.

Шерсть Капельки встала дыбом. Она побежала на кухню, крича:

— Это его жена! Тащите все пончики!

— Приготовься, — сказал Мараис и крикнул: — Она любит клубничные!

— Что все это значит? — голос Донны звучал почти отчаянно. — Кто вы?

— Меня зовут Дина Демилль, а это «Гертруда Хант», — сказала я ей. — Вы попали в гостиницу, которая обслуживает путешественников определенного типа. В данный момент у нас проводится отбор пары для главы одной из галактических наций, и мы наняли вашего мужа в качестве дополнительной охраны. Я прошу прощения, если это вызвало у вас беспокойство. Секретность имеет для нас первостепенное значение. У офицера Мараиса есть средства справиться с любыми проблемами, с которыми он может столкнуться, и он очень хорош в том, что делает.

— Ты арестовываешь инопланетян, — сказала Донна тихим голосом.

— Только иногда, — сказал Мараис.

Донна уставилась на него.

— В основном я ссылаюсь на закон, угрожаю им смертоносным оружием, а затем они уходят. Это абсолютно безопасно.

Донна моргнула и посмотрела на меня.

— Смертоносным оружием?

— Оно испаряет вещи. На субатомном уровне, — сказал он ей. — Я потом покажу тебе.

Вероятно, теперь можно было безопасно улыбнуться, что я и сделала.

— Для «Гертруды Хант» большая честь видеть вас среди наших гостей. Пожалуйста, почувствуйте себя как дома. Это довольно сложно принять, и это может ошеломить, так что постарайтесь расслабиться. Здесь вы в безопасности. Позовите меня, если вам что-нибудь понадобится.

Из кухни вышла процессия официантов с подносами. Она возглавлялась Орро, несущим гору пончиков на хрустальном сервировочном блюде.

Я убралась с дороги и пошла решать другие проблемы.

СВИДАНИЕ АМФИ С СУВЕРЕНОМ БЫЛО ОЧЕНЬ УТОМИТЕЛЬНЫМ. У нее дол было быть свидание после Никати, но Косандион попросил о замене, и, проведя час в компании Амфи, я поняла, почему. Он хотел вначале преодолеть самое большое препятствие. Вторая церемония выбытия намечалась на завтрашний день, за ней сразу же следовало третье испытание, поэтому мы упаковали оставшиеся свидания в сегодняшнее и завтрашнее утро, как сардины в банку.

Амфи для своего свидания выбрала галерею, одно из готовых помещений, которые я специально создала для отбора. Я взяла страницу из сборника пьес каждого фильма об ограблении и построила несколько банальный музейный зал: большой, с высоким потолком и красивым потолочным окном, стенами из матового белого стекла и полом, выложенным кремово-белой мозаикой. Я вытащила различные инопланетные предметы из хранилища, расставила их на подставках с некоторым стратегическим освещением и закончила, установив небольшое дерево-вала.

Дерево было подарком лорда Сорена, дяди Арланда. Мне оно безумно нравилось. Это был мой ребенок, и я перенесла его с особого места в крыле вампиров и обращалась с ним по-королевски, как он и заслуживал: расположила прямо под потолочным окном, где его кроваво-красные листья светились на фоне черных ветвей. Оно росло на участке влажной почвы, усеянном мшистыми камнями, с традиционным ручьем Дома Крар, извивающимся по неглубокому руслу. Ручей тек через комнату, создавая естественное разделение между секциями.

Там царил безмятежная обстановка, созданная для того, чтобы вдохновлять на тихие моменты и созерцание. Амфи же атаковала ее так, словно боролась за свою жизнь. Она водила Косандиона от предмета к предмету, кратко рассказывала о его назначении или происхождении, задавала ему вопросы, а затем жадно ловила каждое слово.

Примерно через десять минут я поняла, что дело не в Косандионе. Это было представление для граждан Доминиона, призванное продемонстрировать ее всестороннее образование и понимание галактических культур. Периодически она отпускала небольшую шутку, слегка подмигивала, будто говоря: «Да, я образованная, но разве я не умная и не очаровательная?»

Для меня это было похоже на поведение отличницы. Словно профессор позвал ее встать рядом с ним перед классом, и она была полна решимости доказать всем, что она не только может разговаривать с ним, но и может произвести на него впечатление.

Это было невероятно утомительно, а мне даже не нужно было поддерживать свою часть разговора, как это делал Косандион. Я продолжала надеяться, что у нее закончатся умные слова, но их становилось все больше и больше, пока, наконец, через час она не была вынуждена уйти.

Теперь я сопровождала Амфи в ее покои по длинному коридору с Чудовищем, возглавлявшей шествие. Никати был следующим. Он также выбрал галерею, и я заберу его, как только доведу ее. Обычно кандидата приводили ко мне либо Тони, либо Шон, пока я оставалась с Косандионом, но свидание с Амфи транслировалось полностью, и им обоим пришлось нянчиться с делегациями в разных обеденных залах.

Надеюсь, на этот раз никто не отравится.

Я запечатала галерею с Косандионом внутри, чтобы дать ему несколько минут расслабиться. Гостиница наблюдала за ним, но моя паранойя никуда не делась.

— Как, по-вашему, все прошло? — спросила Амфи.

— Не мое дело высказывать свое мнение, — ответила я ей.

— Вы все время с ним. Вы заслужили его доверие. Он говорил обо мне?

Она стучалась не туда.

— «Гертруда Хант» гордится своей конфиденциальностью.

Глаза Амфи сузились. Засквозил намек на другого человека, целеустремленную, беспощадную женщину, сосредоточенную на своей цели.

— Вы присутствуете на их стратегических собраниях. Здесь нет камер. Никто никогда не узнает, если вы решите поделиться со мной несколькими каплями информации. Помогите мне, и я обещаю компенсировать это вам в будущем. Если я стану супругой, я буду иметь беспрецедентное влияние на Доминион. Вы и ваша гостиница не пожалеете об этом.

Я остановилась перед дверью в ее комнаты.

— Мы прибыли.

Она бросила на меня разочарованный взгляд.

— Вы, похоже, не понимаете, что для вас хорошо.

Я распахнула дверь.

— Вы расскажите ему? — спросила она.

— Я сохраняю доверительные отношения со своими гостями. *Со всеми.*

Амфи прошла через двери, и я закрыла их за ней. Чудовище тихо гавкнула у моих ног.

— Согласна, — сказала я ей, и мы направились по коридору в комнаты Никати.

Я никогда полностью не доверяла Амфи в ее суждениях. Каждый кандидат на отборе был в некотором смысле экстраординарным, лучшим, что могла предложить каждая делегация, а Доминион был местом нюансов и политических маневров. Амфи демонстрировала запредельную искренность, граничащую с наивностью, что было абсурдно, потому что никто не отправил бы блаженного на такой процесс. Подготовка к отбору началась, как только Доминион понял, что Косандион сможет сохранить свой трон. Даже если она начинала как милый юный цветочек, годы образования и подготовки должны были превратить ее в умного, безжалостного политического деятеля.

Амфи была амбициозна. В этом не было никаких сомнений. Ей не нужен был Косандион, но она определенно хотела власти, которая приходит с ним, становясь супругой и матерью будущего наследника. И она была не против занести эту будущую власть над моей головой. Попадание в черный список Доминиона повредил бы репутации «Гертруды Хант».

Я понятия не имела, чего хочет Никати.

Мы все еще были далеки от выяснения личности скрытого убийцы. Сначала я думала, что это Пивор, поэтому вздохнула с облегчением. Но потом мне пришло в голову, что скрытый убийца был бы менее небрежен. Информация Косандиона указывала на то, что убийца был высококвалифицированным профессионалом. Пивор едва успел замести следы. Я спросила, что думает Косандион, и он согласился со мной. Пивор был крутым ударом с левого поля. Кто-то все еще хотел убить Косандиона.

И мы больше ничего не слышали от похитителей Уилмоса. Я чувствовала себя лыжником на полпути к вершине крутой горы, наблюдающим за скоплением снега на ее вершине. В конце концов, он мог сорваться и превратиться в лавину, и я не была уверена, что мы сможем вернуться от нее.

Я не хотела, чтобы с Косандионом случилось что-то плохое, и не потому, что мы тогда потеряем «Гертруду Хант».

Никати выбрал белую мантию, которая развевалась вокруг него, как облако поразительного цвета на фоне его янтарной кожи. Серебряное украшение в форме тающей снежинки покоилось на его длинных волосах. Он коротко кивнул мне, и мы молча проследовали по коридору.

Члены королевской семьи Гахеи жили под угрозой жизни, и они всегда помнили о долгах, чужих и своих собственных. Я знала его секрет, который давал мне власть над ним и сделал меня его наименее любимым человеком. Он бы отомстил, чтобы вернуть себе эту

силу. Я просто не знала, как и когда. Он попросил сыграть в шахматы с Сувереном. В шахматы Доминиона играли на двенадцатигранной доске с 60 различными фигурами. Это было безумно сложно, и одна игра занимала целую вечность. Может быть, его мечь заключалась в том, чтобы наскучить мне до смерти.

Мы вошли в галерею. Камеры Ораты уже парили, фиксируя наше прибытие.

— Кандидат Никати, — сказал Косандион.

— Приветствую вас, Суверен.

Я вытащила из стены маленький столик с шахматной доской.

— Мы будем...? — Косандион кивнул на шахматную доску.

— Один момент.

Какой момент? Нет момента. Садитесь за стол и играйте в шахматы.

Никати одарил меня улыбкой.

— Мне пришло в голову, что пребывание в гостинице — это единственный в жизни шанс получить новые впечатления, поэтому я подумал, не могу ли я навязаться нашей хранильнице и попросить другую обстановку.

Вот оно что. Я кивнула.

— О чем речь?

— Что-то уникальное и экстраординарное. Я хочу увидеть то, чего в ином случае в моей жизни у меня не было бы шанса стать свидетелем.

Не просто то, чего он не видел, а то, чего он никогда не увидит в своей жизни. Должно быть, это был его удар в отместку. Он думал, что сможет поставить меня в тупик. За нами наблюдал весь Доминион, а также Ассамблея Хранителей и половина галактики.

Косандион поднял брови.

Я должна была сделать это хорошо. Пол под нашими ногами сдвинулся, унося нас вверх. Я подняла руку, и стена перед нами раскололась, вращаясь в стороны.

— Ваше желание исполнено.

Перед нами открылась большая комната с высоким потолком, поддерживаемым квадратными деревянными колоннами, не окрашенными, так что насыщенная текстура дерева была хорошо видна под смолой. Пол струился, как река, с извивающимися потоками малахита и коричневого оникса, когда они текли к возвышению в дальнем конце комнаты. Стены были из того же потрясающего дерева, что и колонны. Металлические экраны в отделке серебра и белого золота являли странных существ с глазами из драгоценных камней. На стенах висели элегантные картины.

Помост поддерживал трон. Это было грубое, простое сиденье, вырезанное из полупрозрачного белого камня, пронизанного кроваво-красными прожилками. Они распространялись по камню, редкие в некоторых местах и плотные в других, и трон сиял в свете, струящемся через массивный открытый дверной проем и большое окно.

За дверным проемом балкон из полированного серого камня опоясывал всю комнату, защищенный нависающей крышей, поддерживаемой массивными каменными колоннами. Обширная равнина, уходящая вдаль, была далеко внизу, море травы и отдельные рощицы деревьев выглядели как миниатюра, созданная искусным мастером.

От деталей захватывало дух. Не было двух одинаковых колонн, не было двух каменных рельефов, отражающих друг друга. Но дело было не только в деталях. Шагнуть в это пространство было все равно, что войти в совершенно другой мир, совершенно чужой и в то же время такой сплоченный, такой утонченный, что пребывание в нем не требовало усилий.

Это было так, как если бы вы внезапно нашли лучшую версию комнаты, где все было на своих самых естественных местах, и вы тоже стали ее частью. Расставание с ней наполнило бы вас сожалением.

Двое мужчин замерли, впитывая это.

— Что это? — наконец спросил Косандион.

— Резиденция сеньоры дрифаны Адиры с Зеленой горы.

Шок отразился на лице Никати.

Дрифены были одной из величайших загадок галактики. Вся их система существовала в пространственном разломе, и была магически пронизана. Солнце, планеты, Луна, растения, животные, существа, населяющие ее, существовали в этой магической биосфере и были связаны и сформированы ею. Дрифены не торговали с внешними мирами. Они не обменивались эмиссарами, хотя некоторые из них путешествовали по галактике по своим собственным тайным причинам. Единственный способ получить доступ к миру дрифенов — это если одна из планет захочет, чтобы вы оказались там, и тогда она призовет вас, нравится вам это или нет, и сделает вас своим.

Несколько месяцев назад мы с Шоном принимали у себя сеньору дрифану во время празднования «Дня постояльца», праздника всех хранителей. Ее эмиссар показал нам голографическую проекцию ее тронного зала, которую записала гостиница. Я сделала ее покой с элементами этого образа, но тронный зал преследовал меня. Перед тем, как Адир уехала, я попросила у нее разрешения повторить его. Мне тогда он был не нужен, но в то время это казалось правильным. Она согласилась.

Я работала над этим пространством почти полгода, переделывая его, когда у меня была минутка. Я трижды начинала сначала, но, наконец, приблизилась к цели. Оно все еще не было идеальным, и, вероятно, никогда не будет закончено. Во-первых, рельеф снаружи был совершенно неправильным. Вид на Зеленые горы представлял собой горы, покрытые лесами. Мне нужна была высота, поэтому я построила ее в Ванкурате, одной из наших наименее используемых дверей, на вершине гигантского окаменелого мегадерева.

— Вызовет ли это какие-либо трудности? — спросил Косандион.

Я позволила знамени развернуться с потолка прямо за тронном. На нем во всей своей красе стояла Адир, ее изображение было нанесено на холст одним из ее слуг с потрясающей точностью. На знамени тонкая, как паутина, надпись переливалась алым. Буквы извивались на ткани, скручиваясь в старый галактический:

Я, Адир, сеньора Зеленой Горы, дарю это знамя Дине из «Гертруды Хант». Пусть оно будет висеть в комнате, достойной его, чтобы мощь Зеленой горы стала известна всей галактике.

Если сомневаетесь, всегда получайте письменное разрешение. Я вытащила шахматную доску из пола, поставила ее на низкий столик и предложила две напольные подушки Косандиону и Никати.

Следующий час они играли в шахматы. Оба были опытными игроками. Это был сюрреалистический опыт — наблюдать, как два очень разных человека, очень умных, целеустремленных, сидят в безмятежном пространстве, полностью поглощенные своей игрой, и в то же время органично вписываются в комнату. Возможно, в этом и заключалась истинная магия дрифенов. Это было место, которое собирало бездомных из ослепительного

разнообразия культур и видов и заставляло их чувствовать, что они принадлежат ему.

Когда час истек, игра была неохотно прекращена, а камеры Ораты отключены, Косандион и Никати вышли на балкон. Они стояли бок о бок, глядя на равнину далеко внизу.

— Вы уверены? — спросил Косандион.

— Да.

— Пути назад не будет.

— Знаю, — ответил принц Гахеи.

— Вы действительно этого хотите?

Никати пожал плечами.

— Имеет ли это значение? Вы то этого хотели?

— Я нет, но у меня не было выбора. Вы можете избежать этого.

— Вы тоже можете. Вы можете попросить нашу хранительницу открыть дверь в какое-нибудь отдаленное место, пройти через нее, бросить все и исчезнуть.

— Доминион погрузится в хаос.

Лицо Никати было мрачным.

— Мой народ сейчас в хаосе.

— Если бы я не знал, вы бы стали моим выбором, — сказал Косандион.

— Я польщен, — сказал Никати.

Порыв ветра взъерошил его волосы. Принц Гахеи смахнул их с лица нетерпеливым движением руки.

— Логичный выбор, но неправильный.

Косандион продолжал наблюдать за пейзажем.

— Вы были добры, — сказал Никати. — Возможно, у меня никогда не будет шанса отплатить за эту доброту, поэтому позвольте мне смиренно предложить этот небольшой, но нежелательный совет. Мы — средоточие больших сил. Долг. Честь. Выживание. И все же бывают моменты, когда мы должны требовать чего-то для себя. Не из-за долга, а потому, что мы хотим этого, чтобы продолжать жить. Не упустите свой шанс, Летеро.

— Я приму его к сведению, — сказал Косандион.

БЫЛО ПОЧТИ 9:00 ВЕЧЕРА, И Я ТАК УСТАЛА, ЧТО ВСЕ ПЛЫЛО ПЕРД ГЛАЗАМИ. Мы только что закончили свидание с Бестатой и собирались начать свидание номер, который я даже не могла вспомнить, с Суркарром, и после этого оставалось еще одно. Начиная с Амфи, мы сразу же начали марафон свиданий без каких-либо перерывов, один кандидат за другим. Никати был вторым, затем Оунд, затем Прайсен Ол, Унесса, за ней Бестата... Сегодняшний день оказался безумным днем, который, казалось, длился вечно, а завтра будет ненамного лучше.

Я взглянула на Косандиона. Он прислонился к стене галереи, закрыв глаза. Откуда у него брались силы, было выше моего понимания. Я еле стояла на ногах.

Гостиница зазвенела в моей голове.

— Время шоу, — сказала я Косандиону.

Он оттолкнулся от стены и открыл глаза. Камеры Ораты ожили, как рой надоедливых механических насекомых.

Дверь скользнула в сторону, и появился Шон с леди Вексин. На ней было бледно-голубое платье-халат, почти прозрачное и расшитое крупными белыми цветами, поверх внутреннего белого халата и шаровар. Единственное серебряное украшение удерживало ее

волосы от лица, собирая их в кольца на макушке. Для нее это было как-то сдержанно.

Они подошли к нам.

— А где Суркар? — спросила я.

— Он отказался от свидания, — сказал Шон.

Отказ от свидания означал, что он снялся с отбора.

— Серьезно?

Шон кивнул.

— А что насчет их второстепенной просьбы?

— Это неустойка, — сказал Косандион.

Я знала, что Суркар гордый, но это казалось недалёковидным.

— Мои извинения за внезапное изменение расписания, леди Вексин, — сказал Косандион. — Надеюсь, это не было слишком резким.

— Это не ваша вина, Летеро.

— Куда бы вы хотели пойти? — спросил Косандион.

— К янтарному морю, — сказала леди Вексин.

Проще простого. Я открыла дверь в боковой стене. Мы вчетвером прошли через нее, прошли по короткому коридору и оказались в Океанском обеденном зале. Он был в основном пуст. Был занят только один стол. Карат, Дагоркун, Куки и Тони сидели вокруг него вместе с Марайсом и Донной. Донна сделала большие глаза, когда мы шли к террасе.

Я закрыла за нами дверь на террасу, убедившись, что нас никто не потревожит.

— Не могли бы мы подойти поближе к воде? — спросила леди Вексин.

Мы были на вершине острова, цельного куска скалы, выступающего высоко над океаном. Пляжа не было. Отвесные и почти вертикальные стены острова также не подходили для прогулок. Я должна была бы что-то предпринять.

Я постучала метлой. Часть террасы стала опускаться и стекаться со скалы, как плавящийся сыр, образуя каменную лестницу, пока она не коснулась волн медового цвета. В конце лестницы материализовался небольшой пляж, выложенный гладкой галькой и морским стеклом, окруженный с одной стороны камнем острова и омываемый мягким прибоем с трех других сторон. Из гальки выросло дерево с ярко-лимонно-желтыми листьями. Я украла его из покоев леди Вексин. Его ветви изогнулись над пляжем в изящном поклоне.

Вот. Достаточно романтично.

Леди Вексин улыбнулась.

— Нам понадобится плед.

Один из усиков гостиницы вырвался из цельного камня и повесил плед на ветку дерева. Косандион предложил руку леди Вексин. Она положила на него пальцы, и они стали спускаться по лестнице на пляж. Мы с Шоном ждали наверху лестницы, держась на небольшом расстоянии.

— Вы хотите рассказать мне о своей жизни в Храме Желания? — спросил Косандион.

Леди Вексин сняла плед с дерева и расстелила его на камнях.

— Посидите со мной, Летеро.

— Хорошо.

Они сели бок о бок.

— Вы устали? — спросила она.

Намек на усталость проскользнул сквозь маску Косандиона.

— Это был долгий день.

— Да уж... Принадлежит ли мне этот час?

— Да, — сказал он.

— Тогда нам не нужно говорить, Летеро. — Она улыбнулась безмятежной, легкой улыбкой. — Мы можем просто сидеть здесь и смотреть на волны.

Я попросила гостиницу вытащить пару твердых уличных подушек из хранилища и незаметно передала их паре. Леди Вексин подмигнула мне, подвинула подушку поближе и откинулась на нее.

Несколько секунд Косандион неподвижно сидел рядом с ней, а затем часть жесткого напряжения покинула его позвоночник. Он потянулся к подушке, отрегулировал ее на свой вкус, положил на нее руку и позволил своему взгляду скользнуть по воде.

Мы с Шоном были почти на вершине лестницы, а Косандион и леди Вексин были примерно в тридцати ярдах перед нами и в пятидесяти футах ниже. Спуститься туда было бы вторжением, но выпускать Суверена из поля зрения было не вариантом.

Часть скалы выскользнула из отвесной стены, образовав справа от нас небольшую естественную террасу. Кусок его изогнулся, перетекая в гладкую каменную скамью. Я взглянула на Шона.

— Он в безопасности, — сказал он мне.

— Что заставляет тебя так думать?

— Доверься мне. Мы можем следить за ними отсюда.

Стоять на вершине этой лестницы, глядя на них сверху вниз, было глупо, и я была так подавлена. Кроме того, он произнес волшебные слова. Я действительно доверяла ему.

Я приземлилась на скамейку. Шон сел рядом со мной и обнял меня за плечи. Я наклонилась к нему. Он был теплым. Это было так приятно.

— Устала? — спросил он.

— Измучена. Мы с тобой больше не будем ходить на свидания.

— Почему это?

— Свидание — это бяка.

Он улыбнулся.

— Так плохо, да?

— Да. — Я прижалась к нему ближе. — Все они бяки, но Прайсен Ол и Амфи хуже всех. Он нудил и нудил о непонятных философских и этических проблемах. Я, чуть стоя, не заснула. Она же очень интенсивно и утомительно триндела целый час, а затем попыталась подкупить меня на обратном пути в свои апартаменты. Хоть танец Оунда был красивый.

Хотя целый час джазовых ласт было тоже слишком. Тело Шона напряглось.

— Подкупить тебя чем?

— Неуказанными услугами, которые она окажет, когда станет супругой. Она не совсем ясно выразилась в этой части, но пригрозила внести нас в черный список, если я не соглашусь.

Шон выдавил улыбку.

— Когда ты так улыбаешься, ты выглядишь, словно замыслишь убийство.

— Не всегда.

— Что там с Суркаром?

— Он стратег. Они участвовали в этом, чтобы победить. Он знает, что с него хватит, поэтому он сокращает свои потери.

— Почему? Теперь они ничего не получают. Они уйдут с пустыми руками.

Шон погладил мое плечо пальцами.

— Как и Дагоркун.

— Не поняла.

— У Суркара и его людей, должно быть, был план. Вопрос о паре каким-то образом вписывается в это, и каким бы то ни был этот план, они действительно не хотят, чтобы Хан или Ханум знали о нем. Дагоркун умен. Ему не нужно много, чтобы собрать все воедино. Раскрытие их второстепенной просьбы может выдать их, поэтому Суркар предпочел держать рот на замке и вернуться домой ни с чем.

Ха! Я почти потеряла веру в Суркара. Это был умный ход. Дагоркун был волен подозревать, что хотел, но без доказательств он ничего не мог доказать.

— Как думаешь, Орде грозит гражданская война?

— Это не пойдет так далеко, — сказал Шон. — Судя по их истории, Орда скоро найдет нового врага, кого-то опасного и злобного. И тогда Суркар и его племя могут оказаться на передовой. Никто не хочет этого признавать, но одна из причин, по которой война Нексуса длилась так долго, заключалась в том, что Орде нужна была мясорубка. Их численность растет быстрее, чем они успевают справляться с нею. Нексус проредил эти цифры и ожесточил выживших.

— Но ханум отчаянно хотела покончить с этим.

— Хан и ханум — не единственные голоса, к которым прислушивается Орда. Есть множество племен, старейшин, шаманов, чиновников, заслуженных генералов, которые отличились... Многие из них считали Нексус необходимым злом.

Он замолчал. За словами последовали темные воспоминания.

На пляже Косандион лег на спину, положил голову на бедро леди Вексин и закрыл глаза. Океан с мягким шепотом плескался о гальку.

— Что-то свидание с Унессой оказалось коротким, — сказал Шон.

— Угу. Как много они показали?

— Ничего. Трансляция была отложена примерно на десять минут, а затем они объявили, что она плохо себя чувствует и желает вернуться в свои комнаты. Я почувствовал, что она была с тобой и Косандионом, по крайней мере, пятнадцать минут, так что произошло?

Я вздохнула.

— Она появилась в прозрачном платье и больше ни в чем. Он пытался заставить ее рассказать о своем детстве и о том, как она попала к душегубам. Это было похоже на разговор с деревом. Она продолжала улыбаться, а затем стянула платье через голову.

Шон рассмеялся.

— По крайней мере, она прямолинейна.

— Как и Бестата. По-видимому, Дом Меер надеется на новый стратегический военный союз не как часть Святой Анократии. Они сами по себе и их новый лучший друг, Доминион.

— Главнокомандующему это совсем не понравится, — сказал Шон.

Дом Меер был отлучен от церкви Иерофантом Святой Анократии, что означало, что им было запрещено участвовать в религиозных мероприятиях или занимать федеральные должности в правительстве. Они опозорили себя, отказавшись сражаться на Нексусе, но они все еще оставались частью Святой Анократии и подчинялись их законам и мандатам Главнокомандующего.

Технически каждый Дом вампиров был волен заключать свои собственные союзы, однако у Святой Анократии в целом уже был договор с Доминионом. Пытаясь сформировать собственный альянс в дополнение к официальному, Дом Меер подменил бы власть Главнокомандующего. Они играли в очень опасную игру.

— Так начинаются войны, — сказал Шон. — С маленьких секретных соглашений. Если Бестата станет супругой, а Дом Меер вступит в войну с другим Домом или с одной из других держав, Доминион будет втянут в это.

— Он слишком умен, чтобы выбрать ее.

— У него может не быть выбора. Завтра «Геймдэй».

Выбытие с последующим девятичасовым испытанием. Я вздохнула.

— Ура.

— Вижу, ты взволнована.

— Знаешь что? Я взволнована. Еще один день, и после он должен выбрать одного из них. На данный момент мне все равно, кто это будет. Это его проблема. Я просто хочу спасти Уилмоса.

Шон поцеловал меня.

— Я думаю, ты слишком сильно переусердствовала.

— Я серьезно. Мне все равно.

— Ты все время заботишься обо всех. Тебя даже волнует, что будет с Унессой.

— Они, вероятно, съедят ее. — Душегубы были прагматичны. Они не чувствовали привязанности, а Унесса была источником питательных веществ. Поскольку она им больше была не нужна, они будут ее... перерабатывать.

Шон прижал меня к себе.

— У них не будет шанса.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— Довольно часто, да.

Я закатила глаза.

Он выглядел ужасно самодовольным.

— Что ты мне говоришь, когда вытаскиваешь какой-нибудь сюрприз из воздуха? *У хранителя свои секреты.*

— Я слишком устала от секретов. Спроси меня о чем угодно, и я тебе отвечу.

— Ты любишь меня?

— Это не секрет. Все знают, что я люблю тебя.

— Даже когда я бросаюсь на пиратские корабли?

— Даже тогда. Хотя, пожалуйста, не превращай это в привычку.

Мы сидели вместе и смотрели на океан, пока свидание не закончилось, и после мы, наконец, смогли лечь спать.

Свидания закончились, и благодаря времени, проведенного с леди Вексин, Косандион набрался сил. Настал момент второй церемонии выбытия... О зрелище, о грусть, о драма... Слышите? Я слышу, как тонет корабль...

Мы вернулись на арену для церемонии выбытия. Предыдущее выбытие прошло без сучка и задоринки, поэтому я не видела смысла менять макет. Я все оставила таким же: миниатюрную гору, увенчанную трон Косандиона, выступающую из пола арены в дальнем углу; огромные знамена оставшихся делегаций, подвешенные к невидимому потолку позади нее; приподнятая центральная сцена в форме плато и узкий мост, ведущий от нее прямо к порталу. Единственная разница заключалась в том, что вместо того, чтобы находиться у моста, я оказалась в секции наблюдателей.

Я проснулась с небольшой температурой, и моя голова была тяжелой, словно кто-то залил ее свинцом без моего ведома. Шон тут же засуетился и потащил меня в медицинское отделение, которое диагностировало у меня начало обычной простуды, подобрало правильный коктейль из противовирусных препаратов и ввело мне его. В течение пары часов голова прояснилась, температура спала, но Шон настоял, чтобы я «утомонилась», что означало, что он прогнал меня сидеть в уютном кресле, угощаясь закусками, в то время как Тони занял мое место у моста.

Я не стала спорить с Шоном. Мне бы не хотелось в этом признаваться, но я была на пределе. Того огромного количества магии, которое протекало через меня каждый день, когда я перемещала вещи и существ, не обращая внимания на законы физики, было достаточно, чтобы утомить любого опытного хранителя. Напряжение измотало меня в сочетании с недостатком сна и постоянным чувством тревоги на заднем плане. Я могла либо отдохнуть сегодня, а завтра вернуться к работе, либо героически настаивать на работе и рисковать упасть в обморок. С Шоном Косандион был в полной безопасности, а Тони был более чем способен справиться с любыми проблемами, которые могут возникнуть в его поле зрения.

Я откинулась на спинку смехотворно удобного кресла. Калдения сидела слева от меня, а Карат справа. Мы прошли через появление Косандиона и его людей, и как только Суверен занял трон, в дело включился Гастон. По этому случаю, он был одет в костюм ржаво-белого цвета с блестящим красным пером в шляпе. Гигантские экраны над каждой секцией показывали его крупным планом. Ората, должно быть, решила, что он «ценный сотрудник».

— **Мой печальный долг объявить Вам, что первая делегация, покидающая нас сегодня — это хиггры,** — торжественно провозгласил Гастон, излучая сожаление всеми фибрами своего существа.

— Он прирожденный шоумен, — сказала Ее Милость рядом со мной.

— Ему это нравится, — сказала я.

Изображения Цианид крутились на гигантских экранах, когда делегация хиггр сделала круг по сцене во главе с Цианид и остановилась прямо перед тронном.

— **Благородная хиггра,** — сказал Косандион. — Нам повезло, что мы испытали чудеса вашей цивилизации, и память о вас будет бережно храниться долгие годы. Чего вы просите у Доминиона?

— Мы желаем торговать нашими нейронными сетями с Доминионом и только с Доминионом, без каких-либо препятствий со стороны других, — ответила Цианид.

— Да будет так, — сказал Суверен. — Торговая палата должна немедленно подготовить проект соглашения. Пожалуйста, позвольте мне оказать гостеприимство Доминиона вам и вашим людям, пока вы ждете необходимых документов.

— Мы принимаем оказанную честь, — сказала Цианид.

— Мы с нетерпением ждем столетий совместного процветания.

Хиггры пересекли мост и исчезли из виду. Я почувствовала, как они вошли в портал и покинули гостиницу. Их знамя исчезло.

Что ж, это было легко.

Гастон сделал несколько сожалеющих замечаний и продолжил.

— ... **Вторая делегация, покидающая нас — это... доблестные отрокары.**

Делегация отрокаров поочередно выходила на сцену. Они надели боевые доспехи и бежали трусцой, сохраняя устойчивый, неустанный темп, который поглощал мили, и который использовали отряды Орды, когда им приходилось преодолевать большие расстояния своим ходом. Они выстроились как боевой отряд, с Суркаром во главе, более тяжелые бойцы на флангах, прикрывая вспомогательные и дальнобойные подразделения в середине.

Я напряглась. Справа, на кресле рядом с Карат, Дагоркун наклонился вперед, будто волк, увидевший добычу. Калдения казалась совершенно равнодушной. Легкая улыбка изогнула губы Карат.

Что-то будет.

Я наклонилась к ней.

— Что ты сделала?

— Что заставляет тебя думать, что я что-то сделала?

— В последний раз, когда ты так улыбалась, Гастон вывернулся наизнанку, читая французские стихи.

Ее улыбка слегка расширилась.

— Леди Дина, вы слишком много обо мне думаете. Уверю тебя, Суркар не будет петь мне сонеты.

Вампирский юмор, ха-ха. Я бросила на нее косой взгляд.

Отряд остановился перед поднятым тронном, собираясь вокруг Суркара, будто ожидая нападения в любой момент.

— Суркар, сын Граста и Ульде, чемпион своего племени, — сказал Суверен, каждое слово падало, как удар молота. — Вы хотите уйти?

— Да.

— Вы понимаете, что ваш уход запрещает Доминиону удовлетворить вашу второстепенную просьбу?

— Да.

— Доминион сожалеет об этом решении, но принимает его. Мы желаем вам благополучного возвращения в ваш родной мир.

— Я хочу попросить об одолжении, — сказал Суркар.

— Говорите.

— Я хотел бы остаться в гостинице, чтобы засвидетельствовать отъезд следующей делегации.

Если бы Дагоркун сосредоточился еще сильнее, у Суркара появились бы лазерные ожоги на лице.

— Ты пытаешься поджечь его своим разумом, заместитель хана? — спросила Карат мягким голосом. — Это какой-то скрытый талант отрокара?

Дагоркун проигнорировал ее.

— У меня нет возражений, но это зависит не от меня. — Косандион повернулся к Шону.

— **Вы можете остаться,** — сказал Шон своим страшным голосом хранителя.

Карат вздрогнула.

— Я терпеть не могу, когда ты также делаешь.

— В этом и смысл, — сказала я ей.

Большинство отрокаров трусцой спустились по мосту к проему портала. На платформе остались только Суркар и шаман.

Что они задумали?

— **Удивительный поворот событий!** — прогремел Гастон.

Остальные делегации издали различные звуки, от легкого возмущения до одобрения, подтверждая, что да, поворот событий неожиданный, и они в замешательстве по этому поводу.

— **Это подводит нас к последнему выбытию кандидата на сегодня.**

Центр сцены опустился и снова поднялся, вынося душегубов и Унессу. Тони вернул «украшения для газона» в яму прошлой ночью. Он также упомянул, что душегубы с трудом смирились с их исключением. Он пытался объяснить им это три раза, а они только шипели в ответ.

— Я нахожу забавным, что он даже не попытался произнести их правильное название, — сказала Калденя.

— Вы должны восхищаться человеком, который знает свои пределы.

Косандион пристально смотрел на деревья с ледяным лицом.

— Доминион благодарит вас за ваше участие в выборе пары. Мы опечалены вашим уходом. Чего вы просите у Доминиона?

Душегубы не отвечали. Секунды тикали.

Гастон шагнул вперед.

— **Вы проиграли. Сформулируйте свою просьбу и уходите.** — Иногда простота была лучшей политикой.

Душегубы замахали ветвями. Самое большое дерево протянуло ветви к Гастону, как кошмарный, угрожающий осьминог, затем повернулось к трону.

— Заявление: Наша кандидатка — лучшая. Предложение: выбери нашу кандидатку и отошли других, или мы уничтожим Доминион. Хочешь обсудить?

Каким бы сдержанным ни был Косандион в своей Суверенной персоне, он не смог скрыть вспышку раздражения, промелькнувшую на его лице.

— Доминион не боится врага. Наши военные, технологии и ресурсы превосходят как таковые вашей цивилизации. Нападение на Доминион означает вымирание вашего вида. Уходите с миром, и я удовлетворю вашу второстепенную просьбу. Объявите войну, и вы умрете сейчас, а ваша планета умрет завтра. Делайте свой выбор.

Волосы у меня на затылке встали дыбом. Косандион имел в виду каждое слово, и для него имело мало значения, какой путь они выберут.

Душегубы сплели ветви, скрипя и шипя. Унесса стояла в стороне, на ее прекрасном лице был намек на неуверенность.

— Предложение, — объявил самый крупный душегуб. — Мы уходим, и Доминион строит врата в Угобухе. Хотите обсудить?

На экранах появилась зеленая планета с мигающим текстом ее описания. Душегубы хотели колонизировать другую обитаемую планету в своей системе. Их космические корабли были неуклюжими, поэтому межпланетные врата были бы лучшим способом сделать это, но что получит от этого Доминион? Косандион ничего не делал без причины. Если он позволит им продвинуться так далеко, значит должно быть что-то, чего он хочет от этого взаимодействия, помимо их развлекательной ценности.

— Доминион построит врата в Угобухе, если ваша цивилизация согласится добывать и поставлять Доминиону весь найденный там пульсарный рекварцит. Хотите обсудить?

Пульсарный рекварцит был важным компонентом большинства видов энергетического оружия. Теперь это имело смысл. Согласно описанию, Угобух был жарким, болотистым, опасным и в целом негостеприимным для большинства гуманоидных существ. Добыча на нем стала бы дорогостоящим кошмаром.

В течение первой четверти своей жизни душегубы остаются неподвижными, их корни глубоко зарываются в почву. Они являются органическими шахтерами, вытаскивая минералы своими корнями. Они также воспринимают все буквально. Если они скажут «да» на это предложение, они будут копать на этой планете, пока не будет извлечена и надежно спрятана на складах Доминиона каждая унция рекварцита. Потому что Косандион не просто хотел немного рекварцита, он хотел все. Ни одно разумное существо никогда не будет пытаться украсть даже малость его из-за плотоядных деревьев, бродящих по планете.

Косандион не только получит минерал, но и Доминион будет контролировать врата. Они смогут отключать их по своему желанию, прервав путешествия между двумя планетами. Они будут напоминать об этом душегубам, чтобы держать тех в узде.

Были времена, когда я была очень благодарна за особый статус Земли.

— Мы согласны, — объявил лидер душегубов.

Они пошли на это.

Душегубы повернулись, чтобы уйти.

— Подождите! — раздался голос Суркара.

— Что он делает? — Дагоркун зарычал себе под нос.

— Что будет с ней? — Суркар указал на Унессу.

— Она потерпела неудачу. Мы потребим ее, чтобы окупить наши ресурсы, — сказал ведущий душегуб.

Унесса побледнела. Арена зарычала от возмущения.

— Заявление: она наша! — прошипел душегуб.

— Я хочу купить самку. — Суркар протянул мешок.

— Вопрос: что ты предлагаешь?

Суркар бросил мешок лидеру душегубов. Дерево перехватило его в воздухе, разорвав пополам. Золотые сферы, пушистые, как одуванчики, вывалились наружу. Гриб бадери, наполненный редкими питательными веществами. Душегубский эквивалент редчайшей икры, деликатес. Он только что бросил достаточно, чтобы обеспечить выживание целого акра молодых саженцев душегубов. Для душегубов это было почти бесценно.

— Утверждение: она твоя.

Душегубы сорвались с места, хватая гриб и запихивая его в трещины в своей коре. Через несколько секунд он исчез, и деревья скользнули в портал, покинув гостиницу.

Суркар посмотрел на Унессу.

— Ты свободна. Ты можешь пойти со мной, если хочешь. Ты будешь в безопасности.

Никто не будет тебя оскорблять.

— Вы хотите уйти с ним? — спросил Косандион. Унесса одарила Суркара долгим взглядом.

— Ты сильный?

— Да, — подтвердил Суркар.

— Ты богат?

— Да.

— Служат ли тебе другие?

— Да.

Унесса посмотрела на Суверена.

— Я хочу пойти с ним.

— Доминион не возражает. А гостиница?

— *Нет*, — сказал Шон.

Арена взорвалась аплодисментами. Суркар предложил Унессе свою неповрежденную руку. Она держалась за него. Они сделали круг почета вокруг сцены, за ними следовал шаман.

— Черт бы побрал все это ко всем известным адам, — выругался Дагоркун. — Его избили, унизили, а теперь он снова герой. Этот болван и за миллион лет не смог бы додуматься до такого хода. Кто ему помог? Кто? Когда я узнаю...

— Это была я, — сказала Карат. Дагоркун замер.

— Я подсказала ему, как выбраться из этого.

Он медленно повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Шок и предательство на его лице были почти комичными.

— Почему? — выдавил Дагоркун.

— Почему бы и нет? — Карат насмехалась над ним. — Я не обязана тебе ничего объяснять, заместитель хана. Наши народы живут в мире, но мы вряд ли союзники. Считайте это небольшим напоминанием.

Черт возьми.

Дагоркун вскочил на ноги и зашагал прочь. У меня едва хватило времени, чтобы открыть ему дверь, иначе он мог бы просто пройти через нее.

— Я думала, у вас с Дагоркуном... что-то было?

Карат коротко рассмеялась.

— Нет. У Дагоркуна и Гастона что-то было. Я рыцарь-вампир. Я уже много раз видела как разыгрывается подобный фарс. Это было соревнование между двумя мужчинами, которые невзлюбили друг друга и решили, что я буду служить призом победителю, не посоветовавшись со мной. Я, мои желания, чувства были совершенно случайными для всего этого дела. Заместитель хана — умный человек. Я просто показала ему, что он не так умен, как думает.

— Никто из них на самом деле не такой, дорогая, — сказала Ее Милость.

Под нами Гастон замахал руками.

— **Шесть кандидатов ушли. Осталось шесть. Мы попрощались с ушедшими, и**

теперь мы должны начать 3-е испытание.

На сцену вышли оставшиеся шесть кандидатов: Амфи, Бестата, Оунд, Никати, Прайсен Ол и леди Вексин. Из центра сцены появился массивный круглый стол диаметром шестьдесят футов. Шесть кресел стояли вокруг стола с равными интервалами. Перед каждым креслом появился терминал, окруженный конфиденциальными экранами. Центр стола воспламенился, выбросив в воздух огромную планету.

Гастон усмехнулся.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА «ГЕЙМДЭЙ»!

КОГДА ЕЕ МИЛОСТЬ ВПЕРВЫЕ ПРИБЫЛА В ГОСТИНИЦУ, ОНА ПОГЛОЩАЛА культуру Земли, впитывая все, как губка. Она посмотрела бесчисленное количество документальных фильмов, выучила четыре языка, прочитала тысячи книг со смехотворной скоростью, и по истечению шести месяцев она могла сойти за местную жительницу, если бы прятала зубы. Ближе к концу этого полугодия она показала мне планшет с рекламой компьютерной игры. Это была последняя версия «Цивилизации», предлагавшаяся с большой скидкой, и в течение дня она играла в нее.

«Цивилизация» начиналась с небольшой группы поселенцев, которые были размещены в случайном месте на карте. Поселенцы основывали свою первую деревню, добывали ресурсы, размножались, выращивали урожай, разрабатывали новые технологии, создавали свою первую религию, и из этого крошечного зернышка выростала могущественная цивилизация, которой управлял игрок вплоть до космической эры. Ну, если другие цивилизации не уничтожали его первыми. Война была неотъемлемой частью игры. Можно было играть против искусственного интеллекта или игроков-людей, и Калдения делала и то, и другое. Она выиграла эту игру на сложности Божества больше раз, чем я могла сосчитать, и перешла к «Стелларис» другим подобным играм, но «Цивилизация» осталась ее первой любовью.

У Доминиона была своя собственная «Цивилизация», ошеломляюще сложная и тщательно продуманная симуляция, называемая «Прогрессом». Но для Доминиона это была не просто игра, это был национальный вид спорта с турнирами, профессиональными командами и очень выгодными контрактами. Для игры в нее требовалось глубокое понимание экономики, гражданского права, военной стратегии и управления ресурсами. Игра постоянно развивалась, меняясь по мере того, как Доминион расширял свою базу знаний.

Для своего третьего испытания шесть кандидатов должны были сыграть в версию игры Суверена, самую сложную версию, и они должны были сделать это на самом высоком уровне сложности. Игра будет длиться 9 часов, в конце которых каждая цивилизация будет оцениваться по множеству критериев, от военной мощи и численности населения до уровня счастья населения и культурного богатства.

Кандидаты с тремя наивысшими баллами перейдут к финишному отбору. Те, у кого будут самые низкие оценки, будут исключены. До этого момента Косандион и его команда тонко манипулировали общественным мнением, но это испытание зависело от чистого мастерства.

Кандидаты заняли свои места за столом, все, кроме Оунда. Доминион предоставил ему помощника-гуманоида, который следовал инструкциям умбола через наушник. Игра началась, и шесть групп поселенцев высадились в разных регионах планеты.

Первый час прошел примерно одинаково для всех. Все шесть кандидатов лихорадочно пытались увеличить численность своего населения, чтобы расшириться и захватить большие куски территории. У всех были какие-то столкновения с созданными компьютером соперничающими племенами и кочующими бандами варваров.

Ко второму часу цивилизации начали расходиться. Бестата, Никати и Прайсен Ол вложили значительные средства в свои вооруженные силы. Амфи сосредоточилась на технологическом прогрессе, в то время как Оунд и леди Вексин вложили ресурсы в культуру и религию. Леди Вексин создала множество разведчиков и разослала их по всей карте.

На третьем часу у Амфи и Бестаты произошла небольшая стычка из-за ценного источника меди. Прайсен Ол поставил в приоритет создание уникального кавалерийского подразделения, нация Оунда стала теократией, а Никати, который оказался в обширной плодородной степи между двумя горными хребтами, приступил к завоеванию всех подающих надежды цивилизаций, созданных искусственным интеллектом вокруг него. Леди Вексин выпустила рой караванов и начала торговать со всеми.

Мы были уже на восьмом часу. У них было около 45 минут до окончания игры и подсчета очков. Я съела два бутерброда и выпила две чашки чая и крем-содовую. Я не могла вспомнить, когда в последний раз я так себя баловала.

Карат вернулась на свое место после очередного похода в туалетную комнату.

— Я не понимаю, как они могут так долго держаться.

— Если они уйдут, игра продолжится без них, — сказала Калденция. — Пять минут вдали от игры могут поставить все под угрозу. Победа требует жертв.

— Я полагаю, что быть рыбой дает некоторые преимущества в этой ситуации, — сказала Карат.

— Но это преимущество компенсируется отсутствием рук, — сказала я ей. — Оунд должен объяснять, что он хочет сделать, вместо того, чтобы просто делать это.

— Кажется, он не страдает, — сказала Карат.

Голографическое изображение планеты над столом было окрашено в шесть разных оттенков, представляющих шесть территорий, контролируемых игроками. Оранжевая территория Оунда распространилась на его континент, посягая на правую сторону Бестаты.

— Игра нечестная, — указал Дагоркун. Он вернулся на свое место через полчаса. Должно быть, произошла какая-то внутренняя борьба, и Дагоркун, похоже, разрешил ее и определился с планом действий, потому что он казался расслабленным и непринужденным, словно инцидента с Карат никогда не было.

Калденция бросила на него возмущенный взгляд.

— С чего бы? — спросила она.

— Из-за Амфи из Доминиона, где эта игра является национальным видом спорта. У нее годы практики, — ответил Дагоркун.

— Что ж, эти годы были явно потрачены впустую, — сказала Калденция. — Она совершила единственную ошибку, которую не могла себе позволить. Это основное правило любой галактической войны. Никогда не вступай в наземную войну с вампирами. Особенно в феодальный период.

Карат усмехнулась.

Война между Бестатой и Амфи бушевала почти два часа. Рыцарша-вампир построила несколько укрепленных городов-замков, оставив небольшой промежуток у одной из своих главных рек. Отсюда открывался прямой обзор на ее горный хребет и известняковые пещеры

внутри. Пещеры были источником селитры, нитрата калия, основного компонента раннего пороха. Амфи не удалось найти ни одного в своей части карты, поэтому она собрала орду конных лучников и вторглась.

Бестата начала отступление, увлекая армию Амфи глубоко на свою территорию, а затем ее укрепленные города извергли бронированных рыцарей, которые врезались в конных лучников Амфи, разрывая их, как бумагу. Бестата уничтожила систему снабжения своего противника, и треть армии Амфи умерла от голода.

Теперь война переместилась на территорию Амфи, и Бестата захватила три ее города и осаждала еще два.

— Честная, — усмехнулась Калденя. — Я ожидала лучшего выступления.

— Вы играете, Ваша Милость? — спросил Дагоркун.

— Я была Великим чемпионом как Доминиона, так и Гегемонии в течение тридцати лет.

— Это было из-за вашего мастерства или вашей репутации? — спросила Карат.

Они вдвоем играли с огнем.

Ее Милость одарила их своей лучшей хищной улыбкой.

— В любое время, когда вы двое захотите это выяснить, вы знаете, где меня найти.

Она не играла в «Прогресс» с тех пор, как поселилась в гостинице. Напоминание об всем, что она оставила позади, должно быть, было слишком болезненным.

Импульс золотого света прокатился по территории Великого прелата Оунда. Его Великодушие завершило строительство еще одного зиккурата, к радости его поклонников.

— Гахей бросает игру, — отметила Калденя.

В какой-то момент во время игры и, вероятно, сам того не подозревая, Никати решил последовать древнему китайскому подходу к укреплениям. Он построил две массивные стены, соединяющие его горные хребты, а затем он сидел в своей степи, разводил лошадей, строил дворцы и развивал поэзию, музыку, искусство и медицину. Он торговал с леди Вексин, чьи караваны к настоящему времени достигли каждого уголка планеты, и отбил две попытки вторжения Прайсена Ола, но он не проявлял никаких признаков расширения.

— Его цивилизация, похоже, преуспевает, — пробормотала я. — Его рейтинг одобрения высок.

— Изоляционистская политика никогда долго не работает. Для прогресса необходимо взаимодействовать с другими культурами, иначе они превзойдут вас. Как человек его происхождения, он знает это. У него было два шанса вторгнуться на выгодных условиях, и он намеренно проигнорировал оба.

Человек его происхождения, да? Я наклонилась к ней ближе.

— Когда вы узнали?

Калденя пожала плечами.

— Сразу же. Это ослепительно очевидно. Их попытка сохранить тайну была основательно и сработала бы, если бы у меня не было глаз и мозгов.

По арене пронесся предупреждающий сигнал. Осталось пятнадцать минут.

Мой наушник ожил от голоса Шоона.

— Косандион говорит, что независимо от того, что произойдет дальше, мы должны позволить этому разыграться.

Что бы это значило? Ничего хорошего точно ждать не приходится.

— Напомни ему, что мы несем ответственность за безопасность наших гостей.

— Напомнил. Он говорит, что берет на себя всю ответственность. Он согласовал это с Ассамблеей Хранителей.

И когда именно у него был шанс сделать это?

— Не имеет значения, что он согласовал. Это наша гостиница.

— Это вопрос как безопасности Доминиона, так и его.

— И ты согласился с этим?

— Если с ним что-нибудь случится, мы потеряем гостиницу. Я обеспечу его безопасность. Что бы ни происходило между кандидатами, это честная игра.

Я собиралась поспорить, но я позволила Косандиону сразиться с Суркарсом на ножах, несмотря на все свои суждения.

Калденция наклонилась ко мне, ее голос был сдержанным.

— Что происходит?

— Ваш племянник чего-то ожидает, и он не хочет, чтобы мы вмешивались.

— Как раз вовремя, — сказала Калденция. — Я уже начала беспокоиться, что мы пропустим шоу.

Громкий звон колокола разнесся по арене. Игра была окончена. Пять кандидатов отошли от стола и разошлись, чтобы воспользоваться различными удобствами. Гуманоидный помощник Оунда встал, поклонился ему и покинул сцену. Оунд подкатил свой высокотехнологичный аквариум к секции своей делегации, где его встретила восторженная демонстрация плавников.

— Ты выглядишь немного бледной для человека, — сказала Карат. — Вот, съешь немного печенья. Они вкусные.

— Нет, спасибо.

Я не хотела печенья. Я хотела тишины и покоя и упорядоченного устранения трех кандидатов без какого-либо шоу или волнения.

— **Результаты подсчитаны,** — объявил Гастон, и его усиленный микрофоном голос разнесся по трибунам. — **Кандидаты, пожалуйста, займите свои места.**

Им потребовалось пять минут, чтобы добраться до своих мест, и я едва могла усидеть на месте от волнения. Шесть кандидатов выстроились в ряд. Никати в простом белом наряде, Бестата в черных доспехах, Оунд в великолепной вуали из оранжевых плавников, Прайсен Ол в своей фирменной синей мантии, леди Вексин в полупрозрачном платье в стиле кафтана цвета шалфея с целым лесом золотых аксессуаров, торчащих из ее волос, и Амфи в серебристом платье. Они повернулись к Косандиону, который восседал на троне со всем достоинством человека, правящего межзвездной нацией.

Трое уйдут, трое останутся. Почти у цели.

— **На шестом месте, финишировав с наименьшим счетом,** — провозгласил Гастон, — **стал... Никати из Гахеи.**

На экранах появился рейтинг Никати. Его люди были счастливы и сыты, а численность населения была высокой, но его технический результат отставал от других участников. Его армия, хотя и многочисленная, была вооружена устаревшим оружием, а его культура была слишком однородной. Его нация была в застое.

Когда Никати играл в шахматы с Косандионом, он накопил свои ресурсы, а затем атаковал, развязав цепочку атак и расставив ловушки по всей шахматной доске. К тому времени, как Косандион отразит одну атаку, следующая уже была на подходе. Калденция была права. Тайный принц намеренно проиграл игру.

— Еще сто лет, и он будет побежден, — пробормотал Дагоркун.

— Или нет, — сказала Карат. — Пока у человека есть прочный фундамент, нация не падет.

— Эволюционируй или умри, леди Карат, — сказал Дагоркун с бесстрастным лицом. — Но вы должны упорствовать в своей ксенофобии. Чем дольше Анократия остается закрытой нацией, тем лучше для Орды.

— Что так? — Карат сверкнула клыками.

Дагоркун откинулся назад с задумчивым выражением на лице.

— Однажды Анократия проснется, выглянет из своего собственного пупка и увидит знамена Орды со всех сторон. Ммм, я живу ради этого дня.

— Не беспокойтесь, заместитель хана. В тот день вы увидите меня с мечом на пороге вашего дома.

— Дети, вы двое можете помолчать? — огрызнулась Калденция.

— Вы вели себя достойно и уверенно, — произнес Косандион. — Для нас поистине большая честь быть удостоенными вашего присутствия. С большим сожалением Доминион должен попрощаться с вами.

— Для меня это было привилегией, — сказал Никати. — Я был согрет светом Доминиона, и я буду хранить память о нем в глубине моего сердца.

Калденция повернулась и посмотрела на меня.

— Я же говорила.

Косандион кивнул.

— Чего вы просите у Доминиона?

Никати поднял голову.

— Двадцать семь лет назад король Кролли занимал трон Восточной Гахеи. Его предали. Его дядя, Толити, восстал против него, привел войска в Хрустальный дворец и убил королевскую семью. Он заявил права на трон и начал кровавое царствование террора и репрессий.

Типично. В королевствах Гахеи родословные играли с тронами как под музыку со стульями, и тот, кто не успевал занять место, когда музыка прекращалась, обычно умирал.

— Два человека избежали той резни, — продолжил Никати. — Первым был племянник короля, младший сын его второго брата. Ему было всего два года. Мальчик был тайно вывезен одним из повстанцев, что был предан королю.

И я точно знала, кем был этот мальчик.

— Вторым был Артоннда, третий консорт короля. Ему было доверено бесценное сокровище королевской линии. Гнев Огня, оружие и корона, генетически связанная с линией Кролли. Когда Его Величество понял, что дворец потерян, он сорвал Гнев со своей головы, отдал его своему консарту и втолкнул Артоннда в спасательный челнок, приказав ему любой ценой сохранить корону. Его Величество остался со своей семьей, в то время как Артоннда сбежал в Доминион. Там он предложил корону Суверену в обмен на убежище.

На арене стало так тихо, что можно было услышать падение булавки.

Раздался голос Никати.

— Сегодня я прошу Доминиона вернуть мне Гнев Огня.

Тишина растянулась на долгий, мучительный вдох.

— Ваша просьба удовлетворена, — объявил Суверен. Ресвен поднялся, держа в руках резную деревянную шкатулку.

Шон создал лестницу между сценой и тронным утесом. Никати поднялся по лестнице, каждый шаг был решительным заявлением. Ресвен пошел ему навстречу.

Экраны увеличили изображение, фиксируя каждое движение в мельчайших деталях.

Никати открыл шкатулку и достал корону. Это был изящный полумесяц из светлого металла, две руки из переплетенных металлических ветвей с тонкими листьями, соединенные сзади тонкой цепочкой. В середине, где ветви сходились на лбу владельца, большой драгоценный камень сверкал белым огнем. Что-то, что один из высших эльфов Толкиена, возможно, видел во сне.

Никати осторожно поднял корону перед собой и посмотрел на нее.

— Почему он колеблется? — пробормотала Карат.

— Она убьет самозванца, — сказала Калдения. — Гнев Огня примет его, только если он принадлежит роду.

Кульминацией всей жизни Никати стал этот момент. Если бы я была там, наверху, стоя с короной семьи, которую я никогда не держала в своих руках, я бы задалась вопросом, лгали ли мне все это время люди, которые меня вырастили. Повтора не будет.

Никати глубоко вздохнул и надел корону на голову.

Драгоценный камень вспыхнул красным, будто в его недрах извергся миниатюрный вулкан. Тело Никати дернулось назад, застыв. Его руки согнулись, ладони сжались в кулаки. Он поднял голову к небу и закричал, его глаза сверкали огнем драгоценных камней.

Волна магии вырвалась из него, прямо вверх, как поднятое знамя, настолько сильная, что у меня застучали зубы.

«Гертруда Хант» дрожала, содрогаясь. Я воткнула посох в пол и направила магию по гостинице, давая ей успокоение.

Столб пылающего огня охватил Никати, гудя, как высоковольтный провод. Он кричал, его лицо было искажено маской боли, но не было слышно ни звука.

Я напряглась, вращая свою силу вокруг него, пытаюсь минимизировать воздействие.

Магия мигнула и исчезла. Никати споткнулся, внезапно высвободился, поймал себя и поднял голову.

Драгоценный камень приобрел насыщенный янтарный цвет, переливающийся более глубокими оттенками золотисто-коричневого. Точный цвет глаз Никати.

Белое одеяние соскользнуло с тела принца, обнажив под ним светлые боевые доспехи.

— Доминион приветствует Изаротт, — сказал Суверен.

Таким образом, Косандион только что официально признал его правителем Восточной Гахеи. Будет война.

Никати открыл рот. От него исходила магия, шепот сдерживаемой силы.

— Изаротт приветствует Доминион.

Он повернулся и спустился по лестнице. Делегация гахеев поднялась как один и последовала за ним вниз по пандусу из своей секции, через мост к порталу. Еще несколько вдохов, и они исчезли.

— Мы сделаем небольшой перерыв! — объявил Гастон.

— НА ПЯТОМ МЕСТЕ, ЗАНЯВ ВТОРОЕ МЕСТО С НАИМЕНЬШ
РЕЗУЛЬТАТОМ, — сказал ГАСТОН, **— ... Леди Бестата из Дома Меер.**

На экранах появились баллы Бестаты. Сила ее армии была выше всяких похвал по сравнению с Никати. Ее рыцари были хорошо обучены и дисциплинированы, ее лучники

имели технологически продвинутое оружие, а ее крепости были чудом военной инженерии. Но за все это пришлось заплатить. Ее население было грамотным и хорошо разбиралось в математике, но искусство и гуманитарные науки практически отсутствовали. Она вложила в религию минимум средств, что каким-то образом привело к отставанию медицины и уменьшению продолжительности жизни. Ее экономика была в стагнации. Ее население было дисциплинированным и патриотичным, но они не были счастливы.

Я реально думала, что она должна была набрать больше очков, учитывая, что она явно выигрывала войну у Амфи, но Доминион, должно быть, придавал большое значение качеству жизни.

Бестата тоже не была счастлива. Ее фирменная насмешка вернулась, и она выглядела так, будто хотела отрезать кому-то голову. Дом Меер выстроился позади нее, словно они собирались штурмовать Косандиона на троне.

— Войны обходятся дорого, — сказал Дагоркун.

— Особенно с тем успехом, с которым она их проводит, — сказала Карат. — Это довольно поучительно.

— Хочешь запись ее игры? — спросила я.

Глаза Карат вспыхнули.

— С удовольствием, это мне понравится. Знаешь, кому еще это понравится?

— Лорду Сорену?

Она усмехнулась и кивнула.

— Мой отец будет очень доволен. Да ведь он может даже улыбнуться.

— Ты должна подготовиться на случай, если его лицо разобьет улыбка.

Она усмехнулась.

Дагоркун наклонился к Карат, чтобы посмотреть на меня.

— Заместитель хана, ну конечно, и вас я отправлю домой с копией.

— Спасибо. Моя мама найдет ее очень полезной.

— Почтение к родителям имеет первостепенное значение, — сказала Карат.

— Да. Это наш священный долг.

Они обменялись взглядами.

Дому Меер удалось достичь невозможного. Орда и Святая Анократия объединились бы ради шанса надрать им задницы.

— Что вы просите у Доминиона? — спросил Косандион.

Бестата разжала зубы.

— Дом Меер желает только одного, того, что может даровать нам только Суверен.

— Вот оно, начинается, — пробормотал Дагоркун.

— 3, 2, 1, - прошептала Карат.

— Договор о взаимной защите между Домом Меер и Доминионом! — объявила Бестата. Калдения вздохнула.

— В моей власти даровать его, это не подлежит сомнению. — Косандион сделал паузу. — Однако Дому Меер не хватает полномочий для заключения такого договора.

Бестата открыла рот, но Косандион еще не закончил.

— Дом Меер — часть нации. Соглашение между этой нацией и Доминионом уже существует. Вы поклялись Святой Анократии. Сделайте другой запрос.

— Значит, слово Доминиона ничего не значит? — Бестата зарычала. Дагоркун втянул воздух сквозь зубы.

— Остынь, — сказала Карат певучим голосом.

Входящее сообщение толкнуло меня. Я открыла экран и прослушала его. М-да.

Вперед выступил пожилой мужчина-вампир.

— Нам было обещано благо. Вы должны даровать его. Таковы были условия.

Ресвен встал.

— Неверно. Вам было обещано озвучить просьбу. В условиях контракта, который вы подписали, четко указано, что Доминион рассмотрит все разумные запросы. Ваша просьба не является разумной. Такой договор будет сразу же аннулирован. Более того, он может привести к конфликту между Святой Анократией и Доминионом.

— Это не имеет значения! — Бестата скрестила руки на груди.

— Как капризный ребенок, — прошипела Калдения.

— Исполните нашу просьбу!

Карат встала и взревела, ее голос разнесся по трибунам.

— Хватит! Ты позоришь всех нас!

Бестата развернулася к ней.

— Если у Дома Крар есть претензии, пусть они придут сюда и потребуют возмещения ущерба!

Рука Карат потянулась к мечу.

Шон усмехнулся мне в ухо.

— Пусть они сражаются.

Иногда я задавалась вопросом, действительно ли он понимает всю эту историю с гостиницей.

Портал активизировался. А вот и они.

— *Леди Карат*, — сказала я тем, что она назвала моим пугающим голосом хранителя. — *Займи свое место.*

Она пристально посмотрела на меня.

— *Кое-кто другой имеет приоритет.*

Девять вампиров прошли по мосту к сцене, лидер впереди, а остальные парами за ней. Рыцари-вампиры с возрастом становились все крупнее и седее, но эти рыцари были на другом уровне. Будучи итак огромными и широкоплечими в черных доспехах, их развевающиеся красные плащи делали их еще больше.

Выражение лица Карат расслабилось, и она плюхнулась на свое место. Шок ударил Бестату по лицу.

Новоприбывшие остановились как один. Их лидер, импозантная рыцарша средних лет с темно-серой кожей и пронзительными голубыми глазами, уставилась на Дом Меер и подняла руку, держа свиток в кулаке.

— Приказ от Главнокомандующего — прогремела она.

Дом Меер преклонил колени.

Герольд Главнокомандующего нажала большим пальцем на край свитка. Он раскрылся, разворачивая пергамент, испещренный черными символами Священной Анократии и подписанный красными чернилами Главнокомандующего с его символом. Я выбросила на экраны видеообращение, которое получила пять минут назад. Свиток предназначался Дому Меер, как доказательство официального приказа. Видеообращение было для всех.

Массивный пожилой вампир в богато украшенных доспехах уставился на Дом Меер. Угроза и власть исходили от него в равных долях. Это была всего лишь запись, но в его

глазах было столько силы и доминирования, что я почувствовала желание склонить голову, просто чтобы мне не пришлось выдерживать этот взгляд.

— Дом Меер, — нараспев произнес Главнокомандующий. Это прозвучало как обвинение. Дом Меер коллективно вздрогнул.

— Поспешите в Высокий замок, чтобы вы могли стать свидетелем казни вашего наставника и маршала, пока я размышляю о судьбе вашего Дома.

Экраны потемнели.

Вампиры не краснели и, как правило, не бледнели, но лицо Бестаты приобрело странный пепельный оттенок, будто она мгновенно смертельно заболела.

— Она обрекла на смерть своих дядю и тетю, — с благоговением прошептала Карат.

— Неужели она не понесет никакой ответственности? — спросил Дагоркун. — Ее Дом послал ее сюда. Ей было приказано это сделать.

— Ты не понимаешь. — Лицо Карат стало печальным и скорбным. — Дом Меер отказался сражаться на Некусе. Трусость — это грех, поэтому Иерофант судила их за это преступление. Она милосердна, поэтому она отлучила их от церкви и надеялась, что они прислушаются к ее предупреждению. Вместо этого Дом Меер прислал сюда Бестату с этим нелепым требованием. Это измена, а предателей судит Главнокомандующий. К Главнокомандующему не обращаются за милосердием. Он не прощает. Он наблюдал за ними, и как только Бестата и ее рыцари вошли в гостиницу и прекратили связь, Главнокомандующий, должно быть, схватил маршала и наставника их дома.

Никто не мог предупредить ее. Если бы только она знала, что произошло, она могла бы попросить о чем-нибудь другом, и ее тетя и дядя могли бы остаться в живых. Когда она произнесла эти бессмысленные слова, требующие заключения договора, она взмахнула мечом, который обезглавит их.

Герольд убрала свиток.

— Присоединяйтесь к нам в нашем путешествии к Высокому Замку. — Это не звучало как просьба.

— Может ли она попросить убежища? — спросил Дагоркун.

Карат покачала головой.

— Она не будет. Судьба их маршала и наставника решена, но все еще есть небольшой шанс, что ее Дом может выстоять. Она отправится в Высокий замок, чтобы на коленях молить о пощаде своих людей.

Рыцари герольда разделились, образовав две колонны.

Бестата повернулся к Шону и Косандиону. Ее губы были бескровными.

— Спасибо за ваше гостеприимство, хранитель гостиницы.

Шон кивнул.

Бестата слотнула и зашагала между двумя колоннами рыцарей герольда. Ее люди последовали за ней молчаливой, мрачной вереницей.

— Главнокомандующий благодарит «Гертруду Хант» за сохранение Дома Меер, что они остались в добром здравии за их суждение, — объявил герольд. — Мы прощаемся с вами.

Она повернулась и последовала за остальными рыцарями через мост. Я проследила за ними до портала, пока они не исчезли.

— Мы сделаем еще один короткий перерыв, — сказал Гастон.

«Геймдэй», «Геймдэй»! Хлопайте с нами целый день! Оунд умбол — наш герой, делай как мы и рот закрой! Виихуу! (встряхиваем помпонами)

Не имеет смысла, но рифмуется!

Четыре кандидата стояли на сцене, ожидая результатов. Оунд, казалось бы, безмятежно плавал, если только до этого вы никогда не были знакомы с умболами, и не уловили легкую дрожь его плавников и выпрямленного хвоста. Амфи выглядела уверенной, ее плечи были расправлены, спина прямая. Рядом с ней Прайсен Ол просто ждал, его лицо было красивым и пустым. Леди Вексин улыбалась, выглядя невинно бестолковой. Во время перерыва лес ее золотых украшений для волос был убран, остался только золотой гребень, похожий на кокошник, скромно украшенный фиолетовыми драгоценными камнями размером с виноградину.

На арене воцарилась тишина. Ората из процесса выбывания выжимала драму до последней капли. Видимо коронация мятежного короля Гахеи и почти полное уничтожение Дома вампиров не были достаточно захватывающими.

Включился большой центральный экран, расположенный над выходом к порталу, показывая таблицу, состоящую из четырех строк и нескольких столбцов, помеченных категориями оценки «Прогресса»: культура, медицина, наука и т. д. Последняя колонка была обозначена как «Общий балл».

— **Для меня большая честь и привилегия объявить сейчас результаты игры,** — провозгласил Гастон. — **На третьем месте... Оунд из умбол!**

Имя Оунда появилось в третьем ряду сверху с заполненным количеством баллов в его колонках. Умболы разразились своей версией аплодисментов, и мне пришлось отвести взгляд, потому что визуальная какофония машущих плавников и цветов была хуже, чем смотреть на стробоскоп.

Боковые экраны над секциями делегатов отображали подробную разбивку его статистики и стратегии. Его население было счастливым, его экономика была стабильной, хотя и немного менее разнообразной, чем могла бы быть, а уникальные военные подразделения, созданные им, без проблем защищали владения. Оунд сумел пройти всю игру, ни на кого не нападая. Вместо того, чтобы полагаться на завоевание грубой силой, Оунд подкрадывался к поселению, которое хотел аннексировать, и посылал туда своих миссионеров. Миссионеры строили школы, больницы и храмы, которые в скором нанимали бы на работу людей. Ему потребовалось бы пара поколений на идеологическую обработку населения, а затем те добровольно присоединились бы к нему.

Однако он не смог просчитать врожденный у гуманоидных существ трайбализм^[20]. Его монорелигиозность создала пространство для предвзятости и дискриминации в отношении менее или иначе набожных. По мере того, как развивалась его наука, развивалось и свободное мышление, потому что наука зависела от того, чтобы подвергать сомнению все, а бог не мог позволить себе подвергаться сомнению. Ему пришлось подавить определенные отрасли естественных наук, чтобы подавить гражданские беспорядки, и за это у него сняли большое количество баллов.

— **На втором месте...** — прогремел Гастон, — **... Прайсен Ол от каев!** — Имя

Прайсена Ола появилось в таблице на большом экране, во второй строке сверху. Его статистика и результаты заменили результаты Оунда на боковых экранах, предлагая подробный разбор его стратегии. Каи не аплодировали. Вместо этого они в ритмичном одобрении топали, вонзая свои шесть конечностей в пол.

Прайсен остановился на военной республике с ограниченными представительством, правами граждан и ориентацией на завоевания. Его нация быстро превратилась в безжалостную силу завоевателей. Прайсен не ввязывался в крупномасштабные войны. Он находил цель, которую, как он знал, мог захватить, и уничтожал ее, расширяя свою нацию по кусочку за раз. В течение первой половины игры он постоянно находился в состоянии войны, но это не мешало жизни простых граждан. В отличие от Бестаты, он вкладывал деньги в искусство, науку и торговлю. Его столица была сияющей жемчужиной цивилизации.

Однако он также полагался на рабский труд, и как только он исчерпал запасы варварских поселений в непосредственной близости от него, источник свободных рабочих иссяк. Переход на оплачиваемую рабочую силу оказался дорогостоящим и трудным. Инфляция в сочетании с нехваткой рабочей силы привела к коррупции и уклонению от уплаты налогов. В массивных ногах колосса начали появляться трещины, и две его неудачные попытки прорваться через чудовищные укрепления Никати только расширили их. Тем не менее, его баллы были на 62 очка выше, чем у Оунда.

Две девушки, оставшиеся на сцене, не могли более разительно отличаться друг от друга. Амфи стояла прямо, как шомпол, с каменным лицом, похожая на меч, который кто-то воткнул в пол. Она не прекращала теревить тяжелое серебряное ожерелье на своей шее, поглаживая его, словно это был талисман. Леди Вексин улыбалась Косандиону. Он наблюдал за ней с бесстрастным лицом. Она слегка подмигнула ему.

— **На вершине таблицы лидеров, с впечатляющим результатом на целых 107 очков выше, чем у ее ближайшего соперника...** — сказал Гастон.

Пауза затянулась. И растянулась.

И растянулась...

— **Находится Леди Вексин из Храма Желания!**

Амфи отступила на полшага назад. В секции Храма свита леди Вексин сняла вуали и размахивала ими, сверкая на половину галактики.

Баллы леди Вексин заполнили экраны, ее имя сияло золотым светом в самом верху таблицы. Она царила безраздельно. Она успешно перешла к монархии с демократически избранным законодательным органом. Она установила меритократию [\[21\]](#), позволив проявляться талантам, и гарантировала свободу вероисповедания, организовав представителей различных сект в «духовный совет», чтобы они могли давать ей мудрые советы и ссориться лично, а не через своих последователей. Она перенаправила пагубный трайбализм, развивая организованные виды спорта.

Ее торговая сеть была превосходной. Она ввела политику, которая предлагала дополнительные вознаграждения за открытия, поэтому ее караваны не только привозили разнообразные товары, но и узнавали о новых технологиях и культурах, а затем доставляли эти знания на родину, чтобы получить солидную выплату.

Несмотря на то, что она держалась подальше от крупных конфликтов, у нее были надежные вооруженные силы. Она позволила одному из поселений варваров развиваться в цивилизацию из 3 городов, и когда она строила новые военные подразделения, она посылала

их на границу с этим государством из трех городов, чтобы отражать их набеги и проводить небольшие вторжения, всегда останавливаясь перед завоеванием или истощением врага. Как только ее военные подразделения были закалены в этих войнах, она отправила их с караванами в качестве охраны. Ее народ был процветающим, здоровым, счастливым и гордился тем, что принадлежит к ее нации.

— Эта девушка — дочь своей матери, — пробормотала Калдения. Я посмотрела на нее.

— Ее мать всегда имела долгосрочные планы. Она действует так же. Принято считать, что невозможно построить фундамент для успешного развивающегося общества, не пройдя хотя бы краткий период рабства на ранних стадиях игры. Когда цивилизация находится в зачаточном состоянии, войны с небольшими поселениями обеспечивают постоянный поток пленных. В тех случаях низкий уровень технологий и образования, и крупные укрепления и стабильное снабжение продовольствием имеют решающее значение. Рабство — самый эффективный ответ.

— Рабство никогда не должно быть ответом.

— Вексин разделяет твое мнение. Она обошла его с помощью своей многоуровневой системы гражданства. Это требует очень глубокого понимания игры. Только один известный игрок использовал такую стратегию, и то он мог заставить ее работать только в половине случаев.

— Кем он был?

Калдения поджала губы.

— Отцом Косандиона.

Ох. Вся ее стратегия была данью уважения. Доминион был очень одержим этой игрой, и они не могли этого не заметить. Косандион тоже не пропустил бы это.

Я взглянула на Косандиона. Он изучал экран, казалось бы, глубоко погруженный в него.

— В отличие от некоторых, у нее есть талант. — Калдения уставилась на Амфи, как на червяка. — Печальное зрелище для Доминиона.

— **И последняя из четырех — Амфи из Бехуна!**

Имя Амфи появилось в нижнем ряду. У нее была основа для успешного государства, но война с Бестатой высосала все деньги из ее казны и деморализовала население. Она обыграла Бестату на 24 очка благодаря своим культурным достижениям, но проиграла Оунду на 7. Теперь она смотрела на экраны с каким-то странным расслабленным выражением лица.

— Я предполагаю, что это часть без вмешательства, — пробормотал Шон в наушник.

Мой пульс ускорился.

— Пожалуйста, сохрани ему жизнь.

— Дина, — сказала Ее Милость, настойчивость вибрировала в ее голосе. — Что бы ни случилось, это либо ослабит позицию Косандиона, либо сделает ее неоспоримой. Если ты решишь это за него, ты отнимешь у него победу. Обещай мне.

— Что, если он умрет?

— Тогда он не достоин сидеть на этом троне.

Мы с «Гертрудой Хант» были связаны. Потеря гостиницы вырвала бы мое сердце, но у меня остался бы Шон. Я любила его больше всего на свете. Калдения любила своего племянника. Ради его безопасности она пожертвовала всем, кроме своей жизни, и даже она была едва ли в сохранности и навсегда изменена. Косандион знал, что за ним охотится убийца. Должно быть, он принял меры, потому что заранее связался с Ассамблеей

Хранителей. Калденция не стала бы рисковать его жизнью, если бы не была уверена в его приготовлениях.

Это шло вразрез со всем, чему меня учили.

Но Шон был с Косандионом. Небольшая гора, поддерживающая трон, была в основном треугольником, расположенным на боку, со склоном, обращенным к сцене. Вершина треугольника, где был установлен трон, находилась на высоте 20 футов над сценой. Нижняя часть треугольника, как и нижняя часть сцены, была скрыта в моих поддельных облаках. По горизонтали сцену от склона отделяло 15 футов свободного пространства. Атакующий должен был бы преодолеть эти 15 футов, затем взбежать по склону длиной 30 футов, минуя Ресвена и Миралитт, и только тогда он оказался бы на расстоянии удара. Это дало бы и Шону, и Косандиону время, чтобы подготовиться.

— Сделай это для меня, и я никогда этого не забуду, — сказала Калденция. — Я потратила годы, планируя посадить его на трон. Пожалуйста, не дай этому развалиться сейчас.

В последнее время она часто говорила подобные вещи.

— Хорошо. Я буду сидеть сложа руки. — Я надеялась, что не пожалею об этом.

Калденция взяла меня за руку, сжала и отпустила. Вау.

— Я проиграла, — сказала Амфи, ее усиленный микрофоном голос эхом разнесся по арене. — Я проиграла *рыбе*.

Как не красиво.

Прайсен Ол посмотрел на Амфи. Она медленно повернула голову. Их взгляды встретились.

Философ побежал через сцену к маленькой горе, его глаза были прикованы к Косандиону на троне.

В секции наблюдателей за шесть мест от меня Томато вскочил на ноги и изверг перламутровый шар размером с баскетбольный мяч. Шар устремился к трону.

Я зажала пришельца, зеленого медведя, в тиски корней «Гертруды Хант». Никто не мог обвинить меня за то, что я его захватила. Он представлял своими действиями опасность для наблюдателей.

Прайсен Ол прыгнул. Нет, он не прыгнул, он полетел, словно у него были крылья, взлетев на целых тридцать футов в сторону Суверена по резкой диагональной линии. Человеческое существо не могло такого сделать.

Шон активировал барьер вокруг секции каев.

Прайсен набрал максимальную высоту и понесся по воздуху к Косандиону на встречном курсе с шаром. Он что, левитировал? Что, черт возьми, это было? Я могла спокойно выхватить его из воздуха... Эх!

Правая рука Прайсена метнулась к шару. Его пальцы коснулись его, и шар лопнул, как мыльный пузырь, выпустив свернутый кнут. Прежде чем он смог упасть, Прайсен схватил его в воздухе и размахнулся. Кнут просвистел, проходя по широкой дуге, потрескивая красными молниями.

Да это хлыст-меч! Изготовленный не из кожи, резины или паракорда^[22], а из острых, как бритва, металлических сегментов, соединенных светящейся монокристаллической нитью. В развернутом виде это был 20-футовый хлыст, который мог обезглавить человека одним щелчком. Сложенный, он превращался в 4-футовый меч, сегменты которого собирались в гибкое лезвие.

Время замедлилось. Прайсен все еще был в воздухе, бросая вызов ограничениям человеческих возможностей и гравитации, летя к Косандиону по медленно снижающейся траектории. Хлыст-меч наносил сокрушительный удар. Он был нацелен в голову Косандиона.

Сегменты с лезвиями заскулили, когда хлыст завершил свой круг. Косандион предвидел это, но не сделал ни малейшего движения, чтобы как-то уклониться.

Леди Вексин метнулась к краю сцены, взмыла в воздух, как пуля, и вытащила кинжал из декольте. Прайсен Ол не заметил ее приближения. Она подхватила его сзади, обхватив одной рукой за шею, как любовница, и вонзила кинжал ему между лопаток.

Прайсен отпрянул назад с искаженным от шока лицом. Конец хлыста дрогнул, просвистев в фуге от носа Суверена. Косандион наблюдал за происходящим с легким интересом, словно это была какая-то случайная диковинка.

Леди Вексин сбросила Прайсена Ола с горы. Он пронесся по воздуху, крутанулся, скручивая свое тело при падении, и приземлился недалеко от центра сцены. Нож все еще торчал у него из спины. Ярко-красная кровь растекалась по его одежде.

Леди Вексин спустилась вниз и приземлилась у края сцены, спиной к тронной горе, преграждая путь к Косандиону. Это, должно быть, был прыжок с технической поддержкой. Гравитация не делала исключений.

Прайсен Ол левой рукой вытащил из-под мантии шприц и вонзил его себе в бедро.

Леди Вексин сделала шаг к нему. Теперь в ее лице не было ничего милого или кокетливого. Она выглядела так, как могла бы выглядеть Цианид, когда охотилась на свою добычу.

— Будь оно проклято! Я сделаю это сама! — зарычала Амфи.

Ее ожерелье растаяло, скользнув под платье. Жидкий металл соскользнул с ее коротких рукавов вниз по рукам, покрыл ладони и затвердел, превратившись в четырехдюймовые когти.

Она, до смешного быстро, бросилась вперед.

Мы с Шоном одновременно запечатали секцию бехунов и погрузили делегацию в пол по самые подмышки.

Леди Вексин скользнула вбок на перехват. Амфи попыталась вцепиться в нее своими новыми когтями. Леди Вексин поймала правое запястье Амфи правой рукой, дернула его вперед, и двигаясь по инерции своего противника, вытянула ее руку и вывернула локтем вверх. Амфи ахнула. Леди Вексин ударила тыльной стороной левой ладони в локоть Амфи.

Рука хрустнула с сухим треском. Амфи вскрикнула.

Леди Вексин отпустила поврежденную руку, развернулась позади Амфи, схватила ее за другое запястье обеими руками, потянула ее на землю, будто Амфи ничего не весила, упала на одно колено и сломала левую руку Амфи. Весь бой закончился на двух дыханиях.

— Храни нас богиня, — прошептала Карат.

— И Косандиона, — сказал Дагоркун.

Карат кивнула.

Ого. Леди Вексин повторила бой Косандиона с Суркараром. Та же тактика: захват запястья, наклон противника вперед, выбивание руки. Только она не остановилась на одной руке, как это сделал он.

Амфи легла на спину и взвыла от боли. Делегация бехунов завывала вместе с ней, подпевая ее страданиям.

Оунд замер в своей среде обитания и медленно перевернулся вверх брюшком, его плавники безвольно повисли.

— Умбол пал! — закричал в наушник Шон.

— Все в порядке, он просто потерял сознание.

Леди Вексин перешагнула через Амфи и направилась к Прайсен Олу. Он в гримасе оскалил зубы и замахнулся на нее хлыстом-мечом. Сегментированные лезвия пронзили воздух, готовые растерзать ее. Леди Вексин отступила в сторону, и хлыст рассек сцену, задев камень.

Леди Вексин вытащила золотой гребень из волос.

Прайсен Ол снова замахнулся, посылая хлыст по разрушительной горизонтальной кривой.

Леди Вексин не пыталась уклониться.

Лезвие хлыста приблизилось к ней. Хлыст-меч должен был разрубить ее пополам, но каким-то образом она все еще стояла, а хлыст был полностью вытянут между ними двумя.

— Гребень для волос! — Дагоркун сплюнул от удивления.

Она поймала нить хлыста-меча между зубьями гребня.

Прайсен отдернул хлыст. Нить оборвалась, разбросав половину сегментов на землю. Прайсен Ол попятился и щелкнул поврежденным хлыстом. Оставшиеся сегменты соскользнули вместе, образуя лезвие.

Леди Вексин присела на корточки, изящно, словно танцуя, отложила гребень и подобрала один сегмент.

Прайсен Ол наблюдал, сосредоточенный на каждом ее движении.

Она зажала сегмент между большим и указательным пальцами, держа его поперек тупого корешка, показала его Прайсен Олу, выпрямилась, и снова двинулась вперед, неторопливая, неумолимая, невредимая.

Он направился к ней, легко ступая, несмотря на нож в спине и кровавый след, тянувшийся за ним. Они наблюдали друг за другом, пока двигались, каждый шаг, каждое минутное изменение веса были обдуманными и рассчитанными.

Софи, правительница своей планеты и жена Джорджа, однажды сказала мне, что жила моментом непосредственно перед столкновением, когда и она, и ее противник знали, что их жизни висят на волоске. Это был мир возможностей, бесконечная вселенная, которая сжималась до одного удара, как только они начинали двигаться. Я, наконец, поняла, что она имела в виду.

Прайсен Ол нанес удар, человеческое пятно, слишком быстрое, чтобы глаз мог уследить за ним. Леди Вексин пронеслась мимо него. Они сделали несколько шагов друг мимо друга. Она держала в руке его меч. Прайсен Ол ничего не держал. Глубокая красная линия пересекала его горло. Его глаза остекленели. Он споткнулся и рухнул.

Позади меня, во втором ряду секции наблюдателей, Первый Ученый издал крик чистой муки.

Леди Вексин повернулась к Суверену.

— Вы удовлетворены выполнением нашего контракта, Летеро?

— Да, — сказал Косандион, и леди Вексин улыбнулась.

— **И на этом все!** — На сцену вышел Гастон. — **Пожалуйста, присоединяйтесь к нам завтра для захватывающего завершения величайшего супружеского отбора в галактике!**

Он поклонился.

Леди Вексин неторопливо направилась к своей секции. Я уронила Прайсена Ола и Амфи сквозь пол прямо в медотсек.

ЭКРАН ПЕРЕДО МНОЙ ПОКАЗЫВАЛ КЛУКА, ОДНОГО ИЗ ДВУХ УЧЕНИИ Первого Ученого. Они выглядели почти одинаково, но кончики перьев Клука имели чуть более выраженный розовый оттенок.

— Первый Ученый хотел бы узнать...

— Вы хотите его увидеть? — спросила я.

Клук исчез, оттолкнутый от экрана, и на его месте возник Первый Ученый с растрепанными перьями и красными кругами вокруг глаз — признак того, что ку-ко испытывает острую боль.

— Я иду!

Я открыла дверь в его апартаменты и сделала в полу желоб в виде детской горки. Несколько секунд спустя Первый Ученый выпал из потолка медотсека, расправил крылья и встал рядом со мной.

Я обернулась. Передо мной две квадратные камеры располагались бок о бок с расстоянием в шесть футов между ними. Задняя стенка каждой камеры была из железобетона с титановым покрытием космического класса, в то время как три другие стороны были из прозрачной пластистали. В центре каждой камеры располагался медицинский блок. В левой камере была Амфи, в правой Прайсен Ол. Обоим пациентам дали успокоительное.

Я заперла оборотня в ее собственных покоях. Она в основном спала, так как ее тело делало все возможное, чтобы исцелиться. Иногда она просыпалась достаточно надолго, чтобы поесть, а затем снова засыпала. Шон навестил ее. Они проговорили около часа, после чего она спала 14 часов подряд.

Первый Ученый взгляделся в расслабленное лицо Прайсена.

— Он жив? — спросил он приглушенным голосом.

— Да.

— Как?

— Ему очень повезло.

Как-то я слышала историю о хоккеисте, чья яремная вена была порезана коньком во время игры. Он должен был истечь кровью, но он выжил, несмотря ни на что. Прайсен Ол тоже должен был истечь кровью, если бы не медицинский коктейль, который он вколол себе в ногу. Помимо бустера и обезболивающего, в нем содержался коагулянт для заживления ран. Тот пытался остановить кровотечение из спины. По совпадению, он задел яремную вену достаточно, чтобы сохранить себе жизнь, пока на подмогу не пришел медотсек.

— Что с ним теперь будет? — спросил Первый Ученый.

— Это зависит от его мотивов. Если он затаит личную обиду на Суверена, последует наказание. Если он просто наемный убийца, возможно, Косандион найдет ему какое-нибудь применение.

Перья Первого Ученого встали дыбом.

— Я буду умолять Суверена о снисхождении! Прайсен Ол — непревзойденный талант, его нельзя выбросить на помойку.

Правильно. Забавно, что он проигнорировал ту часть о «наемном убийце».

Первый Ученый решил удалиться, закружился по кругу, оглядываясь по сторонам, и, наконец, вспомнил, что я все еще здесь.

— А где выход?

— Может, вам стоит освежиться, прежде чем вы отправитесь на встречу с Сувереном? — мягко предложила я.

Первый Ученый хлопнул себя по голове своей псевдоуказкой, проверяя, есть ли у него шапочка, понял, что ее там нет, и кивнул.

— Очень мудрый совет.

— Я верну вас в ваши покои. Пожалуйста, дайте Тони знать, когда будете готовы запросить аудиенцию.

Я толкнула гостиницу, и она перенесла Первого Ученого обратно на горку и в его покои. Я запечатала потолок позади него.

Двое заключенных спали в своих камерах. Когда они проснутся, им придется чертовски дорого заплатить.

Но ни один из них не умрет. Ассамблее это не понравится. Я могла только представить выражение их лиц. Тем не менее, до сих пор же нам удавалось поддерживать дыхание всех наших гостей. Это же должно было что-то значить, верно?

Я обошла гостиницу в поисках Шона. Он все еще был с Косандионом.

— Привет, — прошептала я.

— Привет.

— Как дела?

— Занят. Бехун пытается отделиться от Доминиона. — Только этого Косандиону и не хватало.

— Я собираюсь получить ответы на некоторые вопросы, — сказала я ему. — Дай мне знать, как все пройдет.

Я ОСТАНОВИЛАСЬ ПЕРЕД ДВЕРЬЮ В ПОКОИ ЛЕДИ ВЕКСИН И ГРОМКО крикнула.

— На пару слов, леди Вексин?

Двери распахнулись передо мной, их отодвинули две служанки в вуалях. Я вошла с Чудовищем, что трусила у моих ног. Со времени моего последнего визита ничего не изменилось. Чистый ручей все также огибал двор из коричневых камней, плавно впадая в широкий пруд. Деревья Удачи с желтыми листьями омывали длинные ветви в воде. Даже леди Вексин была в том же самом месте, откинувшись на шезлонге внутри деревянного павильона на краю пруда.

Я подошла к ней.

— Пожалуйста, садитесь, — пригласила она.

Я села в мягкое кресло. Чудовище прыгнула мне на колени и плюхнулась. Леди Вексин смотрела на воду с безмятежным выражением лица.

— У вас есть вопросы, — сказала она.

— Много.

Она кивнула.

— Я сделаю все возможное, чтобы ответить на них в знак благодарности за ваше гостеприимство.

— Давайте начнем с самого простого. Полет?

— «Гравитационный разрушитель Тула». Крошечный одноразовый гаджет с неточным

названием, поскольку на самом деле он не нарушает гравитацию, а просто создает мощный подъем примерно на 7 секунд. Он был прикреплен к моему правому ботинку.

— Звучит небезопасно. — Использовать что-либо с «Тул» в названии означало поставить свою жизнь на кон. Тулсы создали гениальную технологию, которая убивала их с удручающей регулярностью.

— Не совсем так. Он требует много тренировок и взрывается примерно в 25 % случаев. Действительно, использовать что-то, что может вызвать субатомную реакцию в вашем теле — ужасная идея. Не рекомендую.

— Это было впечатляюще, — сказала я ей.

— Спасибо.

— Вас нанял Косандион?

Она кивнула.

— В некотором смысле. Он говорил с кланом Нуан, и клан Нуан предположил, что я была бы отличным решением его проблем.

— Так вы телохранитель?

— Не совсем. — Она снова посмотрела на воду. — Когда люди думают о желаниях, они обычно думают о любви или похоти, в зависимости от того, насколько они циничны. Но есть много других желаний. Богатство. Сила. Свобода... Мечь. — Она одарила меня милой улыбкой. Внезапно она, казалось, окуталась силой, которая переполняла ее, непреклонной беспощадной энергией, сдерживаемой, но готовой в любой момент превратиться в оружие. Холодок пробежал по моему позвоночнику.

— Некоторые говорят, что потребность в мести является вторым по силе желанием. Другие считают, что она самая мощная. Я, как и моя мама до меня, являюсь жрицей Мести. Когда просители молятся перед моим алтарем, они обнажают свои обиды, и если их дело достойно, я делаю то, что не могут они. Иногда я — правосудие, но в основном я — мечь.

Она шла к Прайсен Олу, как неудержимая стихия. Она не сказала ни единого слова во время того боя. Она не проявила никаких эмоций. Для нее это не было личным. Смотреть на нее, должно быть, было все равно, что смотреть смерти в лицо.

Полузабытые учения Храма всплыли из моей памяти. Жрецы и жрицы Храма учили, что неисполненные желания создают дисбаланс во вселенной. Чем глубже желание, тем сильнее дисбаланс. Приведение к балансу было их священной миссией.

— Гармония, — сказала я.

Она улыбнулась.

— Да.

Амфи и Прайсен Ол сговорились убить Косандиона. Его смерть повергла бы Доминион в хаос.

— Была ли сегодня мечь?

— Сегодня был один из редких случаев, когда я предотвратила будущую трагедию. Мой контракт с Косандионом не накладывает на меня никаких ограничений. Он не просил меня охранять его. Он просто попросил меня принять участие в отборе и действовать, если я посчитаю, что мое вмешательство необходимо. Если бы Амфи не выступила, я бы продолжала играть выбранную мной роль до самого конца, выполнила бы свою незначительную просьбу и ушла, никем не узнанной.

— Какое у вас второстепенное желание?

— Очень щедрое пожертвование Храму. Я должна была оставаться в образе. Женщина,

утопающая в золоте, конечно, попросила бы больше богатства.

— Я думала, вы попросите, чтобы клан Нуан стал предпочтительным партнером Доминиона.

Она усмехнулась.

— Это главная просьба. Подобное изменение потребовало бы пересмотра всей межзвездной торговли Доминиона. Теперь все это спорно. Не волнуйтесь. Клан Нуан понимает, что не все так просто. Они удовлетворены.

Храм получил бы их пожертвование, клан Нуан резко улучшил бы свою торговлю с Доминионом даже без основной просьбы, а Косандион выглядел бы как безупречный правитель, который предвидел угрозы и нейтрализовал их. Отказ от защиты гостиницы во время нападения был решающим силовым ходом. Чрезмерно поэтичный гость однажды описал пребывание в гостинице как «пребывание на ладони бога», когда все ваши потребности удовлетворяются в абсолютной безопасности. Даже такие маленькие жизненные происшествия, как спотыкание и удар локтем о стойку, не случаются в гостинице. Косандион показал Доминиону, что даже в ладони бога он будет действовать согласно своим собственным планам на случай непредвиденных обстоятельств.

Я посмотрела на нее.

— Это кажется слишком большим, чтобы полагаться на волю случая. Он помогал вам продвинуться? Что, если бы вы были в одном из предыдущих раундов?

Она рассмеялась. Это был легкий, мелодичный смех, теплый и заразительный.

— У Косандиона есть свои недостатки, но он никогда бы не оскорбил меня.

Даже если бы он манипулировал общественным мнением в ее пользу, не было никакого способа подделать результаты испытаний. Она преуспела в дебатах, поразила в части талантов, а затем без особых усилий выиграла игру. И когда хлыст-меч Прайсена Ола метнулся к его лицу, Косандион даже не вздрогнул. Он был полностью уверен в ее навыках.

— Мы с Косандионом в чем-то похожи, — сказала она. — Мы оба с рождения обучались идти по пути, предназначенному для нас. Мы оба хороши в том, что делаем. Он понимает империю. Я понимаю людей. Самым большим беспокойством было то, что Амфи, возможно, вылетит из отбора слишком рано. Есть пределы тому, насколько можно повлиять на общественное мнение перед лицом полного провала.

— Когда вы начали подозревать ее?

— С самого начала. То же самое сделал Косандион. За последнее столетие Бехун стал процветающим. Это своего рода бесцельное процветание без четкого направления. Оно порождает жадность и лень. Они систематически избегали всех призывов внести свой вклад на федеральном уровне. Из всех планет они посылают меньшее количество войск, делятся наименьшими ресурсами и используют больше всего налоговых лазеек, и все же они взывают о помощи каждый раз, когда у них происходит небольшая катастрофа. Они довольны тем, что являются частью Доминиона, пока от них ничего не требуют, и все их усилия направлены на сохранение положения вещей таким, какое оно есть.

Неудивительно. В США каждому штату нравится думать о себе как о маленькой стране. Если бы государства были разделены тысячами световых лет, такое мышление только укоренилось бы.

Появился слуга и поставил на стол поднос с закусками и чаем.

— Спасибо, — пробормотала леди Вексин. Слуга кивнул и удалился.

Она налила две чашки чая и предложила одну мне. Я пригубила его. Это был нежный

ароматный напиток с нотами персика и жасмина.

Леди Вексин тоже сделала глоток.

— Предыдущий Суверен игнорировал Бехун, потому что у него были более серьезные заботы. Они приняли недостаток внимания за слабость и становились все более и более наглými. Косандион намного жестче, чем его предшественник. Его отец был отравлен своими политическими противниками и организовал собственное убийство, его тетя отказалась от империи и убила собственного брата, а Косандион был свидетелем всего этого, зная, что все это было сделано ради него. Это ожесточило его сердце.

Это имело смысл.

— К тому времени, когда Бехун осознал опасность, шанс скрыть их вопиющую коррупцию был упущен. Когда был объявлен отбор, они изо всех сил пытались найти подходящую кандидатку и остановились на Амфи. План состоял в том, чтобы вклинить ее в положение супруги и использовать ее влияние для своей защиты.

— Или убить Косандиона, если она потерпит неудачу?

— Да. Они наняли убийцу, действующего в качестве ее прикрытия. Им пришлось использовать постороннего, чтобы его не отследили до них, и Прайсен Ол идеально подходил под этот проект. Если Амфи выбывает, Прайсен Ол нападает на Суверена. Никто бы не связал его с Бехуном. По крайней мере, покушение на убийство нарушит отбор и создаст достаточно проблем, чтобы выиграть им время для перегруппировки.

— Значит, Амфи отошла от сценария? — спросила я. — Вся галактика видела, как она одарила Прайсена Ола таким взглядом.

Леди Вексин кивнула.

— Высокомерным. Она выходец из богатой семьи, и ее с раннего возраста учили, что она особенная, и что она заслуживает всего, чего хочет. Амфи — нарцисс, сосредоточенная на себе, исключая все остальное, и патологически зависимая от внимания, особенно мужского. Ее самый большой страх — быть высмеянной. Проигрыш Оунду нажал на все нужные кнопки.

— Она хотела наказать Косандиона за свою неудачу?

Леди Вексин кивнула.

— Она бы наказала весь мир, если бы могла. Когда такой человек, как Амфи, бесится, у нее не существует пределов. Если бы она могла уничтожить всех на этой арене одним щелчком пальцев, все мы сейчас были бы атомной пылью.

— А Прайсен?

— Личность скрытого убийцы была загадкой. Перед дебатами я сузила список до трех вариантов, но потом он упомянул о планетофаге. Это не имело особого отношения к обсуждению. Он сунул его туда, потому что был очарован историей о существе, которое путешествовало из мира в мир, пожирая все на своем пути и грустя о себе. С таким же успехом он мог бы написать «противоречивый убийца» у себя на лбу.

В таком виде это казалось очевидным.

Леди Вексин налила еще чаю.

— Я скажу, человек полностью предан. Я ожидала, что они отзовут его, как только поймут на что способна пара хранителей, но ему подали сигнал, и он приложил нехилые усилия. Если вам интересно, я сомневаюсь, что Косандион казнит его. Зачем тратить впустую хорошего убийцу?

— Вы говорите, как Калдения.

Леди Вексин улыбнулась в свою чашку.

— Знаете, я встречала его раньше, — сказала она.

— Прайсена Ола?

Она покачала головой.

— Косандиона. Когда мне было десять лет, у моей матери были дела в столице Доминиона, и она взяла меня с собой, чтобы продолжить мое обучение. Я увидела его издалека во время государственного торжества, поэтому в ту ночь я забралась на его балкон, чтобы рассмотреть поближе. Он увидел меня и попытался преследовать. У нас была прекрасная пробежка по балконам и крышам. Косандион генетически спроектирован так, чтобы быть намного быстрее и сильнее обычного человека, и он привык убегать и превосходить своих охранников. Он отдавал этому всего себя. — Она рассмеялась. — Он был так озадачен, когда не смог поймать меня. Вы бы видели его лицо.

Я видела Косандиона с каменным лицом, властного Косандиона, усталого Косандиона, даже очаровательного Косандиона, но никогда не видела озадаченного Косандиона. Я даже не могла представить это в своей голове.

— Одиннадцать лет спустя он пришел в Храм в поисках моей матери. Калдения просила ее отомстить за смерть брата.

— Ваша мать сочла ее прошение достойным?

— Да. — Этот намек на силу снова закипел под ее кожей. — Косандион хотел подробностей.

— Она рассказала ему?

Леди Вексин покачала головой.

— Это было не его прошение. Если бы его тетя хотела, чтобы он знал, она бы ему сказала.

Ее мать, должно быть, поступила так же, как и ее дочь. Собрала информацию, присвоила личность, проникла во внутренний круг ответственных и, наконец, привела к мучительному и кровавому концу. Чем сильнее была обида, тем суровее было наказание. Месть должна была соответствовать злу, которое породило потребность в ней. Это был единственный способ восстановить гармонию.

— Косандион провел три дня в Храме, пытаясь убедить ее. Мы вместе прогуливались по садам Храма. — Ее голос звучал почти задумчиво.

— Вам он нравится. — Это вырвалось почти само по себе.

— А что тут может не нравиться?

— Он все еще может... — Я позволила этому затихнуть.

— Он не выберет меня. Супруга может быть красивой, любимой, даже почитаемой, но она никогда не сможет стоять сама по себе. Величайший грех, который может совершить супруга — это расколоть базу власти правителя и стать угрозой. Дина, такие люди, как Косандион, не женятся на таких, как я. Они женятся на тех, из кого получаются слабые соперники, а я стала бы очень опасным соперником. Суверен в нем понимает это.

Она была права, но это казалось таким неправильным. Я допила чай.

— И что теперь?

— Завтра мы все встретимся снова. Я полагаю, что отбор будет объявлен недействительным, и будет объявлено о новом отборе, который состоится в ближайшие 3 или около того года с новым списком кандидатов.

— Что вы будете делать? Галактика теперь знает ваше лицо. Разве это не усложнит вам

жизнь?

Она элегантно пожала одним плечом.

— Полагаю, я могла бы изменить лицо и тело. Я слишком молода, чтобы уходить на пенсию. Но опять же, возможно, я исчезну на несколько лет. Отправлюсь в приключение, пока колеса галактики медленно вращаются, превращая воспоминания в пыль. Я еще не знаю.

Она, должно быть, знала, каков будет результат с самого начала, и все же она пошла на это. Все, что она делала с того момента, как вошла в гостиницу, и до сих пор было любовным посланием, написанным под звон тонких браслетов, развеиванием полупрозрачной вуали и ударом острого, как бритва, кинжалом. Это было восхитительно. И теперь послание было завершено. Завтра она поставит на нем свою подпись, и их пути разойдутся. Это было прощание с Косандионом и девушкой, которая позволила ему преследовать ее по столичным балконам много лет назад.

Я поднялась. Чудовище спрыгнула с моих колен. Я склонила перед ней голову. Она поклонилась в ответ. Я поправила свою мантию и вышла из ее покоев тем же путем, которым пришла.

Когда мы в последний раз покидали наших бесстрашных героев, леди Вексин оказалась жрицей Мести и раскрыла свою историю с Косандионом. Но он никогда не женится на ней, потому что она слишком опасна, чтобы быть рядом. Ох, какой поворот. Теперь выбор может быть отменен.

Так женится он или не женится? Сколько можно ждать! Хватит шоркать нам по нервам! Не останавливайтесь!

— ... поведение, неподобающее хранителю, — бубнил Фрэнк Коупленд. — Это дерьмовое шоу не должно было случиться.

Я сопротивлялась желанию действовать в стиле Шона и зарычать на экран. Ассамблея Хранителей была встревожена тем, как закончился «Геймдэй», поэтому они решили первым делом с утра позвонить мне по «Зуму», и высказать мне свое недовольство, поучая. Справедливости ради, большая часть осуждения исходила от Фрэнка Коупленда и Дона Филиппса. Они вдвоем управляли большими гостиницами, Фрэнк в Калифорнии и Дон в Альберте.

По крайней мере, я имела дело не со всей Ассамблеей, а только с семью членами совета Североамериканского прихода.

— Вы заранее одобрили это «дерьмовое шоу», — указала я. — Цитата: «Приложите все разумные усилия, чтобы удовлетворить желания Суверена».

— Разумные! — указал Дон. — Как в разумные усилия вписываются в два мертвых гостя?

— В этот раз, — вставил свои пять копеек Брайан Родригес, — никто не умер. Все живы. Никто не получил серьезных травм.

— И мы просто должны в это верить? — потребовал Фрэнк.

— Да. — Я вложила немного стали в свой голос. — Я хранительница. Моего слова достаточно.

— Это еще предстоит выяснить, — сказал Фрэнк.

— Как насчет моего слова?

Я почувствовала, что позади меня расцветает холодная магия. Краем глаза я заметила, как колыхнуло красную мантию Тони, словно ее коснулся ветер.

Фрэнк крепко сжал рот. Это только разозлило меня еще больше. Я была хранительницей уже много лет, и, по-видимому, мое слово имело значение только в том случае, если у меня был помощник, который мог бы меня поддержать.

— Помоги, — прошептал Шон мне на ухо. Он был внизу, в секции умбол.

— Срочно?

— В некоторой степени.

— Сейчас буду.

— Что я хочу знать, так это... — начал Дон.

— Достаточно. Это моя гостиница. Я определяю, что здесь разумно. Мне не нужно, чтобы вы держали меня за руку. Мне не нужно, чтобы вы рассказывали мне, как бы вы справились с этим. Не лезьте не в свое дело.

На мгновение воцарилась потрясенная тишина. Айо Ивата захлопала в ладоши.

— Наконец-то.

Мануэль Ордоньес тоже захлопал в ладоши и что-то пробормотал себе под нос по-испански. Прозвучало очень похоже на estúpido.

— Наконец-то, что? — потребовал Фрэнк.

— Наконец-то кто-то заткнул вас двоих, — сказала Айо. — Это ее гостиница. Ты не являешься ее начальником.

— Мы все знаем, зачем мы проводим эту встречу, — сказал Брайан Родригес. — Доминион связывался с вами обоими с предложением провести этот выбор, и вы отказались.

— На что ты намекаешь? — спросил Дон.

Брайан наклонился к экрану.

— Я не намекаю, я это говорю. В этом вся соль.

— Вам предложили шанс заняться выбором, вы отказались, она сделала это, и она сделала это хорошо. — Магдалина Брасвелл скрестила руки на груди. — Вам нечего тут ей предъявлять. Она провела неделю в своей гостинице с двадцатью душегубами, и все они ушли живыми.

— О, они могут предъявлять, — сказала Айо, — но это не значит, что остальные из нас должны тратить на это время.

— У меня есть законная точка зрения! — Фрэнк стукнул кулаком по столу.

Магдалина фыркнула.

— Благослови твое сердце.

— Напомни мне, Фрэнк, — сказал Тайрон Брайтуэлл. — Кто сделал тебя главным? Я не голосовал за тебя.

— Ахахаха! — Айо рассмеялась. — Я вижу, что ты там сделал!

Я посмотрела на Тони, который снова переоделся в свою обычную одежду. Он кивнул. Мы тихо поменялись местами, и я поспешила через гостиницу к умболам. Я была по уши сыта Ассамблейей Хранителей и его филиалами.

Мы смоделировали отделение умбол по образцу массивных аквариумов-витрин. Стенки их соединенных резервуаров были прозрачными, а сами резервуары простирались на пятьдесят футов в высоту. Идти между ними было все равно, что прогуливаться по дну моря.

Вся делегация умбол плавала внутри самого большого резервуара, размером с олимпийский бассейн. Я нашла Шона сбоку у одного из меньших резервуаров, соединенных с большим узким каналом. Он наблюдал за Оундом. Кандидат описывал небольшие круги против часовой стрелки.

Ой-ой-ой.

Я подошла к прозрачной стене. Оунд проигнорировал меня.

— Как долго он в таком состоянии? — пробормотала я.

— Сорок пять минут, — ответил Шон. — Он продолжает нарезать круги, выделяя феромоны стресса и мочась.

Все в этом было плохо. Умболы не были одиночками. Они не уходили сами по себе и не плавали маленькими кругами. Они были фуражирами, вот почему нам пришлось сделать для них гигантский аквариум. Оунд был в острой фазе расстройства. У гостя нашей гостиницы был нервный срыв. Мои родители были бы в ужасе. Я опозорила семью.

— Почему он плавает в собственной моче? — спросил Шон.

Умболы были чрезвычайно привередливы в отношении своих привычек в ванной. Нам пришлось трижды переделывать их уборную, просто чтобы убедиться, что она эстетична и

достаточно уединенна.

— Это заставляет его чувствовать себя в большей безопасности. Это его эквивалент сворачивания в форму эмбриона. Ты вообще добился от него ответа?

— Нет.

Я запечатала маленький бассейн.

— Давай попробуем более низкую температуру и успокаивающий свет.

Мощные насосы «Гертруды Хант», регулирующие температуру, включились, подавая в резервуар прохладную воду. Я приглушила свет. Водные растения внутри резервуара мягко флуоресцировали.

— Давай подождем, — сказала я. — Ты уже позавтракал?

— Не-а.

Я сунула руку в карман мантии, вытащила печенье в обертке, которое ранее стащила с кухни, и дала ему. Он проглотил его с жадностью.

Оунд продолжал нарезать круги.

Люди испытывали инстинктивный страх перед морскими глубинами. Даже если мы знаем, что водоем совершенно безопасен и в нем нет хищников, плавание в темной воде, где до дна не достать, пробуждает в большинстве из нас примитивную тревогу. У умбол же инстинктивный страх перед земными хищниками. На определенном этапе своего развития они становились добычей огромных рептилий и ужасающих птиц, которые ныряли в воду с большой высоты. Их терпимость к земному насилию очень мала. Она пугает их сверх всякой причины.

— У тебя была возможность поговорить с Миралитт?

Он кивнул.

— Ей понравилась запись. Она в деле. Я отвел ее к Деррил, та пока думает.

— Пойдет ли она на это?

— Если она захочет, то предложение у нее есть. Она примет его или нет.

Оунд стал замедляться. Холодная вода подействовала.

— Я перечитал договор, — сказал Шон.

Прошлой ночью, перед тем как лечь спать, я показала ему запись моего разговора с леди Вексин, записанный гостиницей. Она считала, что отбор будет аннулирован, а я была слишком увлечена ее рассказом, чтобы спросить почему. Шон решил перечитать наш договор с Доминионом, как только мы немного поспим.

— Она права. Скорее всего, они аннулируют отбор.

— Почему?

— Пара не может быть выбрана по умолчанию. Должно быть, по крайней мере, два кандидата, чтобы Суверен мог выбрать одного.

— Держу пари, такое предусмотрели, чтобы кандидаты не переубивали друг друга. Если останется только один, никто не станет парой.

Шон кивнул.

— Если она уйдет сегодня вечером, останется только Оунд. Выбор автоматически отменяется.

— Тьфу.

— Станет все хуже. — Я уставилась на него.

— Если они аннулируют этот выбор, мы будем на крючке для проведения следующего.

— Галактика, нет. Нет. Абсолютно нет. Больше никогда.

— Мы подписались на это.

— Нет. — Я поняла, что это был нерациональный ответ, но он был единственный, который я могла придумать.

Он обнял меня.

Мы оба согласились бы, чтобы в идеальном мире Косандион женился на леди Вексин и родил бы много сверхинтеллектуальных, красивых и физически развитых детей. К сожалению, ничто не указывало на то, что такое произойдет. Прошлой ночью Ората начала опрос населения Доминиона относительно наилучшей даты для нового отбора, если текущий будет отменен.

— Я так устала, — прошептала я ему на ухо.

— Я знаю, любимая. Знаю. Мне жаль, что я втянул нас в это.

— Ты не втягивал нас в это. Мы взяли за руки и вместе прыгнули с того утеса.

Когда мы говорили и думали о том, чтобы сделать это неделю назад, это не казалось таким... таким... таким большим. Таким сложным. Галактика, прошла всего неделя. Как...

— Это похоже на бездонную дыру, и мы продолжаем бросать в нее время, магию и ресурсы, а она становится все больше, — сказала я ему.

— Я просто хочу, чтобы это было сделано. Я хочу, чтобы с этим дерьмом было покончено. Я хочу, чтобы все убрались из нашей гостиницы. Им всем нужно пойти куда-то еще, и нам нужно отправиться за Уилмосом.

Я застонала и стукнулась лбом о его плечо.

— А мы даже не знаем, что найдем по другую сторону портала Каррона.

Мы стояли вместе несколько минут. Шон гладил меня по волосам.

— Если они аннулируют выбор, у них не будет сразу другого, — сказала я. — Могут потребоваться годы, чтобы устроить его снова.

— Может, он сделает нам всем одолжение и женится на рыбе.

— Я не могу, — сказал позади нас механический голос Оунда.

Мы повернулись. Он перестал плавать и завис возле прозрачной стены.

— Я не могу этого сделать. Это слишком опасно. Я недостаточно храбр. Я не могу отправиться в Доминион. Я не могу остаться там. Я не могу стать его парой. Меня могут убить. Могут убить моего отпрыска. Все это закончится трагедией и смертью. Так много смертей.

— Ну, а это идея, — сказал Шон себе под нос.

— Мне так жаль. Я неудачник. Я подвел свой народ. Я пришел сюда за второстепенной просьбой. От этого зависит выживание моего народа. Если я уйду, мы уйдем ни с чем. Но у меня нет мужества. У меня нет сил. Я несчастен.

От него распространилось слегка непрозрачное облако воды.

Я скрыла вздох.

— Я поговорю с Сувереном от вашего имени. — Плавники Оунда слабо затрепетали.

— Вы сделаете это?

— Да. Вы наш гость. Ваше благополучие важно для нас. Я уверена, что можно найти какое-то решение. Отдохните и постарайтесь не волноваться.

Я взяла Шона за руку для моральной поддержки, пока не потеряла ее и тоже не описалась, и мы вдвоем вернулись наверх.

— Я НЕ ПОНИМАЮ. — МИРАЛИТТ НАХМУРИЛАСЬ, СМОТРЯ НА МЕНЯ.

ОМБОЛ НЕ хочет становиться парой? Неужели он думает, что мы не сможем защитить его?

Я вздохнула. Вокруг меня на частном балконе Косандиона кипела бурная деятельность. Сразу после попытки убийства в «Геймдэй» Косандион запросил приватный портал. Учитывая, что в Доминионе надвигалась гражданская война, отказ казался неразумным. Большой портал все равно был закрыт большую часть времени, поэтому мы полностью закрыли его и открыли меньший прямо на балконе. Он мог переносить только одного человека за раз.

Как только портал был открыт, вошли охранники Миралитт и расположились вокруг балкона, готовые ответить на любые угрозы. В нормальной ситуации я бы восприняла это как оскорбление, но если бы я отказалась, у Миралитт была бы аневризма, а нам нужна была услуга от нее. Все это дело было уроком, чтобы научиться идти на компромисс.

С открытием портала балкон превратился в удаленный кабинет Суверена. С одной стороны Ората сидела в окружении полупрозрачных экранов, просматривая их содержимое и отдавая быстрые команды небольшой группе своих сотрудников. С другой стороны, Его Святейшество находился в таком же положении, с экранами и толпой помощников. Он указывал на экраны и выдавал инструкции короткими уверенными очередями, как генерал в разгар битвы. Косандион сидел за своим столом, ближе всего к перилам и воде, читая и подписывая что-то, в то время как Ресвен слонялся поблизости с небольшой армией сотрудников. Периодически он выделял одного, и тогда сотрудник выбегал на максимальной скорости и исчезал в портале.

Напряжение вибрировало в воздухе. Балкон искрился от него, словно молекулы, которые его создали, каким-то образом приобретали заряд.

— Пара не была убита за последние 70 лет, — сказала Миралитт. — Такое не произойдет в мою службу. Я гарантирую это своей жизнью.

— В этом нет ничего личного. Это связано с их эволюционным происхождением, — сказала я. — Разум эволюционирует многими способами в мириадах форм жизни, но самая быстрая и наиболее распространенная категория разумных существ — это либо хищные всеядные, либо всеядные хищники, которые происходят из середины пищевой цепи. Для развития интеллекта и навыков решения проблем полезно, если вы одновременно охотник и жертва. Люди Земли — хищные всеядные. Вампиры Святой Анократии — всеядные хищники. Качество всеядности важно, потому что организованная охота, животноводство и выращивание сельскохозяйственных культур являются важными вехами прогресса.

— Умболы также являются хищными всеядными, — сказала Миралитт.

— Технически, — сказал Шон.

— Их рацион состоит из растений и нескольких видов ракообразных, все из которых эволюционировали, чтобы вести оседлый образ жизни, — объяснила я. — Их защитные оболочки прикреплены ко дну океана. Они не двигаются.

— Почему это важно? — спросила Миралитт.

— Потому что они не охотятся, — сказал Шон. — Они травоядные. Они не преследуют и не едят другую рыбу, поэтому они не понимают хищнического мышления. Они его боятся.

Я кивнула.

— Они ближе к низу пищевой цепочки, чем к середине, и у них патологический страх быть съеденными.

— Что вы пытаетесь сказать? — спросила Миралитт.

— Они трусы, — сказал Шон. — Это эволюционная адаптация, и преодолеть ее будет

практически невозможно. Прямо сейчас Оунд воспринимает всех, кто не является умболом, как хищников.

— Это согласуется с их запросом, — сказал Ресвен.

Я и не подозревала, что он меня слушает.

— О чем они просят?

— Их планета представляет собой единый мелководный океан с редкими глубокими впадинами, — сказал Ресвен. — Они уничтожили хищников на мелководье. В отсутствие хищников их популяция и популяция других хищных рыб резко возросла до неприемлемого уровня. Убийство других рыб, которые не представляют для них прямой угрозы, противоречит их философским доктринам, поэтому они просят Доминион спасти их от самих себя.

— Как? — спросила Миралитт.

— Целенаправленный коммерческий промысел или реинтродукция хищников, — сказал Ресвен. — Это все еще обсуждается.

— Оунд на грани, — сказала я. — Если вы попытаетесь выбрать его в качестве пары, он отступит.

— Каковы цифры из пула о новом выборе? — спросил Косандион, не поднимая глаз.

— Никаких изменений по сравнению с тем, что было два часа назад, — сообщила Ората. Косандион сделал небольшой жест Ресвену.

— Можете мне уделить несколько минут вашего времени? — спросил Ресвен.

— Конечно.

Мы втроем покинули балкон, чтобы уединиться в длинном коридоре, ведущем от него к тронному залу.

— Доминион в кризисе, — сказал Ресвен, стараясь, чтобы его голос звучал небрежно. — Наши граждане обеспокоены ходом процесса отбора. Они недовольны и встревожены, и они объединяются вокруг Суверена против Бехуна. За последние двадцать четыре часа количество преждевременных родов увеличилось в четыре раза. Это большой показатель общего уровня стресса населения. Такой подъем указывает на то, что Доминион достиг точки кипения.

— Вы собираетесь аннулировать выбор? — спросил я.

— Я не осмеливаюсь говорить от имени Суверена. Только он может принять это решение.

Блин.

— Однако вот что я скажу, — продолжил Ресвен. — Когда выбор объявляется недействительным, все кандидаты, которые не проиграли, получают свои второстепенные просьбы. Пожалуйста, сделайте все, что в ваших силах, чтобы Оунд остался на отборе. Если он уйдет сейчас, его народ ничего не получит, и Доминион почувствует себя еще более оскорбленным.

— Можете ли вы гарантировать, что он не станет парой? — спросил Шон.

— Нет. Я также не могу гарантировать, что Первое Солнце не взорвется в ближайшие десять секунд. Однако это будет столь маловероятно. — Ресвен улыбнулся. — Что бы ни случилось во время финальной церемонии, «Гертруда Хант» превзошла ожидания Суверена. У вас есть благодарность Доминиона. Все мы будем рады вернуться. И, конечно, Доминион предоставит вам все преимущества, оговоренные в нашем договоре.

Они отменяли текущий выбор, делали новый и рассчитывали, что мы им займемся.

Лицо Шона сказало мне, что он подумал то же самое.

Бедная леди Вексин.

— Крайне важно, чтобы Оунд присутствовал на финальной церемонии, — повторил Ресвен.

— Очень хорошо, — сказала я. — Мы поговорим с Оундом.

У нас было три часа до финальной церемонии. Надеюсь, этого будет достаточно.

— Я НЕ МОГУ ЭТОГО СДЕЛАТЬ. — ОУНД ЗАДРОЖАЛ В СВОЕМ АКВАРИУМЕ ЧТО, если они меня убьют по дороге?

Мы обсуждали это в сотый раз. Я перепробовала все: успокаивающий свет, температурный режим, правильное сочетание растений, даже слабую версию безопасного успокоительного. Мы дошли до аквариума, и на этом все остановилось.

Церемония должна была начаться через три минуты.

— Что, если я умру...? Они съедят меня? Будут ли они готовить мое тело?

Шон шагнул вперед и снял с себя мантию.

— Посмотрите на меня.

Оунд послушно уставился на него.

Тело Шона расплылось. Огромный альфа-оборотень вывалился наружу, семи футов ростом и покрытый темной шерстью. Золотые глаза остановились в немигающем хищном взгляде. Умбол замер.

Пожалуйста, не падай снова в обморок. Пожалуйста, не падай в обморок.

— Посмотрите на мои зубы, — сказал Шон, его голос был глубоким рычанием. Он обнажил свои клыки.

Оунд уставился на него, не в силах отвести взгляд.

— Тому, кто попытается причинить вам боль, придется пройти через меня. Я убью любого, кто попытается причинить вам вред. Любого.

Плавники Оунда слегка задрожали, а затем, наконец, сдвинулись.

— Вы будете рядом со мной? Вы будете охранять меня все это время?

— Все время, — пообещал Шон.

— Я пойду, — сказал Оунд. — Давайте поторопимся.

Я открыла дверь, и вход в тронный зал устремился на меня. Я не хотела рисковать.

Тронный зал сиял, залитый ярким светом. Рой камер Ораты вращался в воздухе, снимая сцену со всех сторон. Финальная церемония транслировалась в прямом эфире, и видеотрансляция уже ввелась. Огромные экраны, которые тянулись по периметру высокого потолка, показывали городские центры на различных планетах Доминиона. Толпы заполнили улицы. Существа всех видов Доминиона стояли, глядя вверх, их лица были напряжены.

Через массивный дверной проем я могла видеть оставшихся делегатов, собравшихся полукругом, с большим промежутком между двумя центральными делегациями, оставляющими прямой путь к трону открытым. Каи стояли крайними справа, затем бехуны, обе делегации были отрезаны силовыми полями. На другой стороне, далеко слева, ждали умболы в скоплении аквариумов. Делегации Храма еще не пришла, но они двигались к тронному залу на максимальной скорости.

И Прайсен Ол, и Амфи находились перед своими соответствующими делегациями, скованные высокотехнологичными рамами для оказания медицинской помощи,

удерживаемые в вертикальном положении, но неспособные двигаться.

Наблюдатели уже заняли свои места в галерее, но на этот раз они стояли на ногах с Калденией в центре, похожей на драгоценный камень в короне, в полуночно-синем платье, которое мерцало крошечными огоньками, будто она разлила туманность по бутылкам и вылила ее на свое платье. Жесткий высокий воротник платья подчеркивал ее шею, а крупные звездчатые сапфиры глубокого ультрамаринового оттенка украшали ее тщательно уложенные волосы.

Косандион уже был на троне, с Ресвеном по одну сторону и Его Святейшеством по другую. Миралитт, как обычно, охраняла лестницу, а Ората стояла по другую сторону ступеней. Все карты на стол.

Ресвен был одет в обычную мантию. Святой Экклезиарх надел белые одежды, но его верхняя часть была золотой. Его плащ тоже был золотым, расшитый серебряными вставками. Он стоял твердо, расправив плечи, его взгляд был повелевающим. Он держал длинный скипетр, который воткнул в пол у своих ног, как если бы это было копьё. Притворная хрупкость, которую он так тщательно культивировал раньше, была забыта. Доминион зарождался как цивилизация воинов, и сегодня Экклезиарх с ног до головы походил на боевого священника. Но даже со всем своим убранством он не смог затмить Косандиона.

Суверен был одет в черное. Его наряд сидел на нем как влитой, чьи строгие линии напоминали больше военную форму, чем гражданскую одежду. Его плащ, тщательно задрапированный, длинный черный плащ, украшенный серебристым геометрическим узором, был единственной уступкой типичному одеянию Доминиона, на которую он был готов пойти. Косандион посылал месседж. Он был готов отправиться на войну.

Жених ничего не говорил о своей одежде. Моя последняя надежда на разрешение умерла.

Я вошла в тронный зал. Моя длинная темная мантия подметала пол. Позади меня аквариум Оунда скользил по полированному полу. Делегаты повернулись, чтобы посмотреть. По комнате прошелестели вздохи. Они увидели Шона.

Мы пересекли тронный зал. Аквариум Оунда скользнул на отведенное ему место перед своим народом. Шон встал рядом с ним. Я поднялась на помост и заняла свое место слева от Суверена, между ним и Святым Экклезиархом.

В комнату вплыла нежная мелодия, ведомая флейтой, печальный, архаичный звук, который проникал в каждого и захватывал душу. Женский голос присоединился к флейте, пропев бессловесную длинную ноту.

В воздухе разнесся аромат неизвестных специй.

Мелодия стала злобной, больше не красивой песней, а резким, болезненным криком, наполненным яростью. Первобытный вопль, исходящий из глубины страдающего сердца. Волосы у меня на затылке встали дыбом.

Служители Храма вошли в тронный зал. Бордовые платья цвета старой крови облегли их тела, образованные отрезками прозрачной ткани, собранными и удерживаемыми на месте плетеными шнурами, которые перекрещивались на открытых животах и оставляли обнаженными мускулистые плечи и руки. Их нерасчесанные волосы струились по спинам. У некоторых на лицах были нарисованы ярко-красные вены. У некоторых были темные полосы, проведенные через глаза, другие носили чешуйчатые вуали, закрывающие только одну сторону лица. Они ворвались в зал, как стая безумных волков, сверкая зубами и готовые разорвать свою цель на куски. Это было так, как если бы время свернулось само по себе и

выплюнуло какой-то древний культ. Истинное лицо служителей Мести, зеркало душ, поглощенных мстью, целеустремленных, наполовину безумных, связанных, но не скованных цепями, мечтающих о крови и возмездии.

Песня взвыла, достигнув крещендо.

Послушники расступились, и между ними появилась леди Вексин. На ней было платье того же стиля, более изысканное, но воздушное. Белоснежное на ее обнаженных плечах, оно становилось ярко артериально-красным на подоле, словно она прошла через бойню. Длинный плиссированный плащ сидел на ее плечах, волочась на полу в пяти футах позади нее. Ярко-красная подводка для глаз растеклась по ее векам. Ее губы были черными. Металлический головной убор венчал ее волосы, поднимаясь дугой над ее головой, сделанный из множества длинных, острых как бритва игл. Когда просители приходили в Храм и обнажали свои сердца, прося о возмездии, вот с кем они сталкивались, если их просьба была принята.

Жрица Мести подошла к трону.

Миралитт сжала свой церемониальный меч. Оунд содрогнулся в аквариуме, и Шон положил свою когтистую лапу на стекло, чтобы успокоить его. Умболы отпрянули от нее, когда она подошла ближе. Люди Бехуна не могли отойти, потому что силовое поле сдерживало их, но они пытались.

Косандион наблюдал за ее приближением. Он, должно быть, видел ее такой раньше, когда посещал Храм, прося ее присоединиться к отбору.

На экранах толпы Доминиона бурлили, как живое море.

Леди Вексин заняла свое место. Ее помощники выстроились позади нее, их глаза были дикими.

— Давайте начнем, — сказал Косандион. В тронном зале воцарилась тишина.

— Народ Бехуна, — сказал Суверен. — Я считаю вашу кандидатуру виновной в государственной измене. Она действовала с вашего согласия. Как вы собираетесь искупить ее преступление?

Амфи смотрела прямо перед собой, словно не слышала ни слова.

Глава делегации, пожилая женщина, облизнула губы.

— Мы больше не признаем власть Доминиона.

Экраны взорвали возмущенный рев толпы. Я отключила их.

— В курсе, ваш Сенат уже проинформировал меня.

— Даже если вы приведете всю армию Доминиона, мы будем твердо противостоять вашему тираническому режиму, — объявила лидер. — Мы будем защищать нашу свободу до последнего вздоха!

Косандион оставался непоколебим.

— Я не планирую вторгаться в Бехун. Вы были изолированы, поэтому я позволяю канцлеру объяснить вам кое-что.

Ресвен заговорил, чеканя каждое слово.

— По состоянию на двенадцать часов назад все текущие и будущие соглашения об импорте-экспорте между компаниями Бехуна и Доминиона аннулированы. Вся помощь Доминиона, включая категориальные и блоковые гранты, распределение бюджетов и программы, дополняющие здравоохранение, государственное образование, развитие общества, профессиональную подготовку и охрану окружающей среды отменены. Планетарная защита, установленная Доминионом, законсервирована. Флот

внутрисистемной обороны находится на пути к прыжковым воротам Бехуна, и, достигнув их, они вернутся в Доминион. Всем гражданам Доминиона, в настоящее время проживающим на Бехуне, настоятельно рекомендуется вернуться домой. Все граждане Бехуна, в настоящее время проживающие в Доминионе, подлежат высылке и должны отбыть в Бехун в течение следующих двенадцати часов, после чего доступ Бехуна ко всем планетарным вратам, контролируемым Доминионом, будет аннулирован.

Ресвен сделал небольшую паузу для осмысления, и продолжил.

— Я полагаю, что последний пункт будет представлять для вас особый интерес, сенатор Колореа. Вы будете рады узнать, что стипендия вашей младшей дочери отменена, и она была успешно депортирована в Бехун.

Колореа уставилась на него.

— Вы не можете этого сделать! Институт робототехники...

— Это учебное заведение Доминиона, финансируемое федеральным бюджетом Доминиона, — сказал Ресвен.

— А как насчет спортивных команд? — спросил один из делегатов справа от Колореи.

Другой делегат повернулся к нему.

— Спортивных команд? А как насчет импорта урана?

— Я даю Бехуну именно то, что он просит... нет, то, что он требовал в своем высокомерии, — сказал Суверен. — Теперь мы вернемся к рассматриваемому вопросу. Как вы собираетесь искупить свое преступление?

— У нас срочное сообщение из Бехуна, Летеро, — объявила Ората.

Суверен кивнул. Ближайший экран мигнул, показывая интерьер большого зала со многими рядами сидений. В зале царил хаос. Некоторые сиденья были разорваны, некоторые испачканы и сожжены. Пара все еще дымилась. Около пятидесяти существ с мрачными лицами, некоторые из которых были сислафами, другие из множества других видов, сидели в секции прямо лицом к камере, решительно игнорируя разгром.

Перед камерой появилась женщина в мантии, испачканной сажей.

— Меня зовут Нелония Эдер. Я новый спикер Сената Бехуна.

— Где предыдущий спикер? — спросил Суверен.

— Он нездоров и больше не в состоянии выполнять свои обязанности, — сказала Нелония.

Позади нее двое сислафов в официальных одеждах тащили по полу тело, и когда поняли, что их снимают, изменили курс и утащили его из поля зрения.

— Фракция повстанцев временно взяла под контроль Сенат Бехуна и объявила об отделении Бехуна от Доминиона, — сказала Нелония.

Колореа закашлялась.

— Мы сожалеем об этом прискорбном происшествии. Повстанцы были подавлены, и мы, как законно избранное правительство, осуждаем их действия. Бехун не собирается покидать любящие объятия Доминиона и не имеет ни малейшего желания делать это. — Она ударила себя кулаком в грудь. — Мы клянемся в нашей верности Суверену!

Оставшиеся сенаторы встали как один и ударили себя кулаками.

— Клянемся!

Лицо Амфи было бескровным.

— Доминион примет во внимание ваши действия, — сказал Косандион.

— Благодарю вас, мой Суверен. Могу я обратиться к гражданке Астурре?

— Можете, — сказал Суверен

— Амфи Астурра, — нараспев произнесла Нелония. — Настоящим вы изгоняетесь из Бехуна. Если вы вернетесь, ваша голова будет отделена от вашего тела и сохранена в Цитадели Справедливости, чтобы служить примером для будущих поколений.

Нелония склонила голову и отступила назад.

Делегат, который беспокоился об импорте урана, ударил себя кулаком в грудь.

— Я клянусь в своей верности Суверену!

Колореа дернулась, словно ее ударили током.

— Я клянусь в своей верности!

— ... верности...

— ... Суверену!

Около половины делегации заявили о своей верности. Остальные хранили молчание.

— Очень хорошо, — сказал Суверен. — Делегация Бехуна будет задержана и допрошена, чтобы выяснить их роль в покушении на убийство. Их второстепенная просьба не будет удовлетворена. Гражданка, Амфи Астурра, за покушение на убийство Суверена я приговариваю вас к изгнанию. Вы будете переданы под стражу столичной гвардии до вашего выздоровления.

Охранники Миралитт вошли в тронный зал. Потребовалось около трех минут, чтобы загнать делегацию Бехуна в угол и вывести их из гостиницы.

— Кандидат Прайсен Ол, — сказал Суверен. — Я признаю вас виновным в покушении на убийство Суверена. В свете вашего полного сотрудничества я приговариваю вас к семи годам исправительных работ, чтобы вы могли искупить свои преступления, которые будут отбываться под руководством Святого Экклезиарха Доминиона.

В галерее наблюдателей Первый Ученый распушил перышки.

— Я принимаю свое наказание, — сказал Прайсен Ол.

— Народ Кая, вы не проявили должной осмотрительности и привели убийцу в качестве своего кандидата. Ваша второстепенная просьба не может быть удовлетворена, однако Доминион признает ваши усилия и готов продолжить наши дипломатические отношения.

Лидер каев заговорил.

— Мы сожалеем об этом печальном событии. Мы продолжим наши усилия. Пусть Суверен будет здоров. Пусть его мать будет здорова. Пусть его дедушка по материнской линии будет здоров. Пусть его бабушка...

Потребовалось несколько минут, чтобы упомянуть всех дальних родственников Косандиона. Даже Калдения получила пожелание здоровья. Наконец, они пожелали крепкого здоровья его будущей паре и детям и ушли.

— Теперь мы должны решить вопрос о паре, — сказал Косандион. Оунд слабо шевельнул плавниками.

Леди Вексин медленно кивнула.

— В Доминионе есть те, кто призывает отменить этот выбор, чтобы назначить новый отбор, — сказал Суверен. — Они желают начать новый поиск, чтобы можно было найти идеального кандидата на роль моей пары. Желают ли кандидаты высказать свое мнение по этому вопросу?

Мелькнули плавники Оунда.

— Нет.

— Нет, Летеро, — сказала леди Вексин.

Послушники оскалили зубы и зашипели.

— Очень хорошо. — Косандион поднялся с каменным лицом. — Я, Летеро Коливион, Дистим Арбиенто, Повелитель Доминиона Семи Звезд, Тот, Кто Неуязвим для Судьбы, Свет Утреннего Солнца, объявляю этот отбор оконченным.

На экранах на лицах граждан Доминиона у некоторых отображался ужас, у некоторых возмущение. Трансляция велась без звука. Доминион был в хаосе. В тронном зале стало тихо, как в могиле.

В этой тишине леди Вексин повернулась и пошла обратно к двери.

— Потому что идеальный кандидат найден, — сказал Косандион. — Это та, что пытается уйти от меня прямо сейчас. Леди Вексин остановилась.

Косандион спустился с помоста по ступенькам и подошел к ней. Она повернулась, ее лицо было почти комично озадаченным, что совершенно не соответствовало ее короне и платью, пропитанному метафорической кровью.

Косандион взял ее за руку. Его глаза были теплыми, а губы растянулись в улыбке.

— Мне наконец-то удалось удивить вас, миледи?

Она посмотрела на его пальцы, держащие ее руку, а затем снова на него.

— Подумайте хорошенько, Летеро, — сказала она ему. — Потом будет слишком поздно сожалеть об этом.

— Неважно, что принесет будущее, это будет единственное, о чем я никогда не пожалею. Вы выйдете за меня замуж? — спросил он.

Она открыла рот. Ничего не вышло. Он наклонил голову, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Да, — сказала леди Вексин.

На экранах толпы Доминиона взорвались радостными криками. Я снова включила звук, и счастливый рев заполнил комнату. Оунд с облегчением обмяк в аквариуме. Калдения просияла.

Косандион прижал к себе леди Вексин, его лицо сияло. Она улыbnулась ему в ответ. Они стояли вместе, идеальная пара, полностью сосредоточенная друг на друге.

Ората махала мне рукой.

Ох. Финал! Чуть не забыла.

Я постучала метлой. Пол, стены и потолок тронного зала исчезли во тьме космоса. Галактика вспыхнула в черных глубинах и расцвела мириадами звезд. Сияющие туманности засверкали ярким цветом. Первая планета Доминиона, украшенная драгоценными камнями зеленых и синих цветов, медленно вращалась на расстоянии, за ней следовали другие планеты, символы славы межзвездной нации. В центре всего этого стояли Косандион и леди Вексин, держа друг за друга.

Взошло Первое Солнце Доминиона и его свет поймал пару, омывая их и заставляя сиять.

Сверкающие звезды и лепестки цветов дождем сыпались с потолка, кружась на призрачном ветру.

Косандион что-то сказал. Его слова потонули в шуме, но я была хранительницей и все равно их слышала.

— Наконец-то я поймал тебя.

— Ты такой дурак, — прошептала она в ответ.

МЫ С КОСАНДИОНОМ ОБЛОКОТИЛИСЬ НА ПЕРИЛА ЕГО БАЛКОНА. ПЕРЕД

мерцал океан Колинды в свете раннего вечера. Медленно поднималась призрачная луна, клочок паутины на фоне неба. Под нами на пляже, созданным мной, Калдения и леди Вексин смотрели на воду и разговаривали приглушенными голосами, слишком тихо, чтобы разобрать.

Обе женщины отказались от своих сложных платьев в пользу более практичной одежды. Калдения надела скромное платье своего любимого цвета шалфея, в то время как леди Вексин оставила игольчатую корону и переделалась в простые бело-голубые одежды.

— Вам интересно, о чем они говорят? — спросила я Косандиона.

— Если бы я сказал «да», вы позволили бы мне пошпионить за ними?

— Нет.

Он улыбнулся.

— Это действительно то, чего вы хотите? — спросила я.

— Это то, чего я давно хотел.

— Вы понимаете, что вами могли манипулировать?

— Я знаю, все понимаю. Но вопрос в том, с какой целью? — Он посмотрел на леди Вексин. — Она не хочет власти. Она не хочет богатства или престижа. Она просто хочет меня. Никто никогда не прилагал столько усилий ради меня.

— А что насчет Доминиона?

Косандион развернулся и прислонился спиной к перилам.

— Как-то вы спрашивали меня, можно ли повлиять на общественное мнение. С самого начала выбора, еще до того, как мы вошли в вашу гостиницу, я использовал все имеющиеся в моем распоряжении ресурсы именно для этого. Я хотел, чтобы она победила. Я знал, что она воспользуется любой возможностью, и она сделала это блестяще. Сначала она их забавляла. Некоторые из них высмеивали ее. Затем они неохотно признали ее навыки. Она начала им нравиться, и с каждым появлением она соблазняла их все больше, пока они не прониклись к ней. Она понравилась им, и к концу они хотели, чтобы она выиграла так же сильно, как и я. Прошлой ночью я чуть не довел свою нацию до предела, подведя к тому, что выбор будет отменен. Общественный резонанс в ее пользу заглушил всех критиков. Доминион любит ее.

— Значит, вы никогда не собирались брать в пару Никати? Ведь вы сказали ему, что он стал бы вашим выбором.

— Он собирался взять свою жизнь в свои руки. Он сомневался во всем, от своего права первородства до собственных способностей. Я просто придал ему уверенности.

— А что по поводу Версии?

— Я прекратил эти отношения, как только Вексин согласилась участвовать в отборе.

— Так это было из-за нее с самого начала?

Он кивнул.

— Почему она?

— Я не знаю. В ней что-то есть. Я не могу описать то, что чувствую. Моя жизнь очень регламентирована, и так было всегда. Мое время ограничено, как вода в пустыне. Так много из этого не мое. А она, она — хаос. Она любит меня таким, какой я есть, а я глубоко эгоистичный человек. Я хочу всей этой любви. Она единственный человек, который только мой, вне правил и предписаний. Никто не выбирал ее для меня, никто не выбирал меня для нее.

— Вы выбрали друг друга.

— Именно. Это неопишуемая редкость в моем мире. Возмутительная роскошь.

Он посмотрел на нее через плечо.

— Я работал сверх всяких пределов, чтобы решить большинство насущных проблем во время этого отбора. Я укрепил границы. Орда Сокрушающая Надежду займется Суркаром и его фракцией. Святая Анократия должна разобраться с Домом Меер. В крупнейшем королевстве Гахеи вот-вот начнется гражданская война, и остальные их королевства будут сидеть сложа руки, наблюдая за этим. Клювы-убийцы, которым не терпелось с кем-то поцапаться, будут нацелены на флот Мутерзена. Я распустил руководство Альянса консерваторов и заставил Бехун сделать выбор. Внутренняя оппозиция моему правлению пошатнулась, и потребует некоторое время, чтобы сформулировать новую стратегию. Я сделал все это, чтобы купить нам небольшую передышку. Немного спокойного времени для меня и для нее. Это не продлится долго, но мы будем в полной мере наслаждаться каждым моментом, прежде чем Доминион породит еще одну катастрофу и швырнет мне ее в лицо.

— Жизнь мечется от одной катастрофы к другой.

— Да, и вы ждали из-за меня, чтобы разрешить свою. Доступ к portalу принадлежит вам. Вы можете использовать его столько раз, сколько вам будет нужно. Это меньшее, что я могу сделать.

— Вам всегда будут рады в нашей гостинице, Летеро. В любое время, когда вам и леди Вексин понадобится небольшая передышка, или вы захотите отдохнуть у океана, наполненного монстрами, наши двери всегда будут открыты для вас.

Он взглянул на свою тетю.

— Действительно, монстрами. — Калденция обернулась и бросила на него острый взгляд.

— Она не могла нас слышать, не так ли? — пробормотал он себе под нос.

— Ваша тетя — замечательная женщина. Она является моей гостьей в течение долгого времени, и я все еще не уверена в ее пределах. К сожалению, на ее жизнь все еще есть контракты.

Отбор напомнил галактике о существовании Калденции. Срок действия некоторых контрактов истек, но некоторые обновились.

— Она останется нашей гостьей еще на некоторое время.

— Я думаю, ей это нравится, — сказал Косандион. — Это долгожданный отдых после десятилетий напряжения.

Леди Вексин повернулась к Косандиону и махнула рукой.

— Меня зовут, — сказал он. — Дина, было приятно.

— Я рада, что «Гертруда Хант» смогла удовлетворить ваши потребности.

Он сбежал вниз по лестнице.

Подошел Ресвен. Внизу Косандион обнял леди Вексин за плечи, а она обняла его за талию.

— Они составляют такую прекрасную пару, — улыбнулся Ресвен. — Он не мог выбрать лучше.

Я опешила.

— Вы были в этом замешаны?

Он кивнул.

— С самого начала?

Он снова кивнул.

— Ресвен, вы превосходный актер.

— Хранительница, я буду делать то, что хочет от меня Летеро. Я желаю вам удачи в поисках вашего друга. Берегитесь, Каррон — жестокое место. Я не могу себе представить, что за существо устроило там свое логово.

— Мой... — «Парень» больше не казалось адекватным так его называть. «Любовник» — звучит ужасно. — Шон пойдет со мной.

— Я рад это слышать. Ваш напарник впечатляет. — Точно! Напарник то, что надо.

— Он такой.

Я ОТОШЛА ОТ РЕСВЕНА, ПРОШЛА ЧЕРЕЗ ПОКОИ КОСАНДИОНА В КОРИДОР, вошла в тронный зал. Теперь он казался похожим на пещеру, пустую и заброшенную. Гости вдохнули в гостиницу жизнь. Они пришли из далеких мест, принеся с собой свою магию и жизненную силу, отдавая их пространству, которое занимали. Но, в конце концов, они ушли. Гости всегда так делали.

Я прошла мимо Океанского обеденного зала. Орро с его кухонными помощниками распивали какие-то жидкости, которые опьяняли разные виды. Они хорошо поработали, и теперь пришло время повеселиться кухонному персоналу. Я проскользнула в дверной проем, приглушая шум своих шагов. Я и раньше видела вечеринки кухонного персонала, так что мне было нужно держаться подальше от этой.

В дальнем конце тронного зала разговаривали две женщины, Миралитт и Деррил. Женщина-оборотень была одета в форму столичной гвардии. Итак, она, должно быть, решила принять предложение Миралитт.

Столичная стража не нанимала оборотней. Из народа Аууля получались отличные наемники, но они сопротивлялись ассимиляции с другими культурами. Они были преданы друг другу больше всех остальных, и эта преданность сделала их невосприимчивыми к коллективному сочувствию Доминиона. Рано или поздно они отказывались от своего долга и возвращались в поселения оборотней.

Деррил была другой. Она хотела оставить воспоминания об Аууле позади, и ей отчаянно нужно было место, которому можно было принадлежать, и дело, которое не имело ничего общего с отращиванием меха и сравнением с другими оборотнями. Народ Аууля десятилетиями вел войну за свою планету, и их боевые искусства не имели себе равных. У Деррил была вся надлежащая подготовка, и она преуспела в этом, потому что она была усерднее, чем кто-либо, чтобы получить этот опыт. Технически, Миралитт согласилась нанять ее в качестве одолжения для Шона, но мы все четверо знали, что это была огромная победа для Миралитт. Надеюсь, это будет большая победа и для Деррил.

Я прошла мимо них. Деррил склонила передо мной голову. Миралитт кивнула.

Это было почти такое же хорошее решение, как и то, что случилось с Прайсенем Олом. Первый Ученый был так доволен собой, что даже заверещал, объясняя мне. Прайсен Ол был блестящим и противоречивым человеком, который созрел для некоторого руководства и обращения к высшей цели. Святой Экклезиарх точно знал, как ее сформировать, и к тому времени, когда он закончит, Доминион получит редкий талант. По-видимому, Первый Ученый не продвинулся далеко в своих просьбах к Косандиону, поэтому он пошел к своему любимому собеседнику по дебатам и объявил, что нашел своего преемника. У меня были сомнения, но случались и более странные вещи.

Они даже позволили Прайсену Олу оставить Томато при себе. Ассассин и зеленый медведь были кровными братьями. Вероятно, за этим стояла интересная история, но у меня

не было времени ее слушать.

Я прошла через последний коридор и вошла в зал прибытия. Шон и Тони стояли перед порталом. На Шоне был боевой костюм, защищающий от воздействия окружающей среды. Темно-серый, он защищал его с ног до головы, оставляя открытым только лицо. Его любимый зеленый нож висел в ножнах на поясе. Он пристегнул пистолет сзади, а другой — к правому бедру.

— ... понял. Не волнуйся, с гостиницей ничего не случится, — говорил Тони.

Они оба повернулись ко мне.

— Ты уверена? — спросил меня Шон.

— Абсолютно уверена. — Я сняла мантию.

Я была одета в такой же костюм. Мой энергетический хлыст покоился в держателе на бедре. Шон настоял, чтобы я взяла с собой запасное оружие. Я протянула руку. Моя метла приземлилась в нее, вспыхнула синим и превратилась в копьё.

Костюмы снабжались респираторами и защитными пластинами, которые можно было в любой момент задвинуть, делая костюмы полностью герметичными. Легкое и гибкое, это снаряжение было разработано для планетарных боев в опасных условиях.

— Я бы предпочел, чтобы ты осталась, — сказал Шон.

Мы уже обсуждали это. Если то, что похитило Уилмоса, было нацелено на Шона, оно могло послать за ним искаженных ад-алов в любой момент, когда он покидал гостиницу. Из нас двоих он больше времени проводил вдали от «Гертруды Хант». Оно не хотело его. Оно хотело меня, и я должна была выяснить, почему.

Тони согласился остаться, чтобы проводить наших гостей. Большинство из них все равно уже ушли. Умболы ушли еще до окончания финальной церемонии, почувствовав облегчение после того, как Ресвен заверил их, что их второстепенная просьба будет удовлетворена.

Куки отбыл сразу после умбол. Он был в восторге от победы над кланом Сай. К сожалению, клан Сай должен был нанести ответный удар, и очень скоро, поэтому Куки и его окружение должны были вернуться в Торговый дом, чтобы подготовить свою защиту.

Дагоркун тоже ушел, поблагодарив Шона и меня за гостеприимство. Ему нужно было многое обсудить с родителями. Гастон и Карат пока оставались в гостинице. У Гастона была выносливость верблюда, но его тело, наконец, не выдержало, и он лег спать и, вероятно, не встанет до завтра. Кухонные помощники Орро покинут нас после вечеринки, Первый Ученый и его помощники ушли, а Косандион, леди Вексин и Ресвен уйдут примерно через час. Тони справится с этим.

Нам же надо было спасти Уилмоса. Я посмотрела на портал. Больше нет причин откладывать.

— Готова? — спросил Шон.

Я протянула руку.

— Возьмешь меня за руку?

Шон взял меня за руку. Мы вместе вошли в портал.

Дверь открылась...

Последние врата портала представляли собой округлую арку из бледно-голубого металла. В некоторых местах гладкая металлическая облицовка оторвалась, обнажив сложный клубок электроники. В центре арки, в самой верхней точке изгиба был выгравирован небольшой символ — стилизованный взрыв.

— Ну, конечно, — сказал Шон.

Это был «портал Тула». Ну, куда ж без него?

— Как думаешь, каковы шансы на то, что мы взорвемся? — спросила я его.

— Ноль, если мы не войдем.

Не входить было не вариантом. Уилмос был где-то по ту сторону.

По какой-то причине я думала, что в столице Доминиона будет прямой портал в Каррон. Такого не случилось. Потребовалось три портала и часовой перелет на небольшом военном шаттле, чтобы добраться до этой точки на вершине отдаленного горного хребта на Шурбе, наименее населенной планете Доминиона. Доминион предоставил корабль, инструкции и координаты, но не пилота. К счастью, у нас был свой.

Шон посадил шаттл на широкую платформу, вырубленную в склоне горы, на древние камни, истертые погодой и временем до почти стеклянной гладкости. В ее центре находились врата. В южном конце огромная дверь вела внутрь горы.

Мы некоторое время рассматривали врата. Они казались совершенно инертными. Не видно было механизма для его активации. Приближение к ним тоже ничего не дало.

— Кто-то же должен нас встретить? — размышляла я в слух.

— План был таков. В кратком сообщении от Миралитт говорилось: «Дождитесь оператора».

Гигантская дверь с громким лязгом распахнулась, и появилась толпа существ, за которыми следовало что-то очень большое, покрытое куском брезента. Хранители врат были около четырех футов ростом на стройных ногах, которые заканчивались копытами. Они носили стеганые туники поверх стройных гуманоидных тел. Их головы были слегка козлиными, с длинными узкими мордами и очень темными раскосыми глазами. Их уши были длинными и заостренными, и они торчали сквозь гривы жестких волос.

— О, нет. — Удача отвернулась от нас.

— Кто они такие? — спросил Шон.

— Барсы. Наши имплантаты-переводчики будут бесполезны, а я в нем плутаю.

— Ничего себе, нашелся язык, которым ты не владеешь свободно. — Он выдавил улыбку.

— Никто не знает всех языков в галактике, и они почти никогда не бывают на Земле.

— Не надо оправдываться.

Барсы остановились перед нами. Их предводитель, пожилой седовласый мужчина, выступил вперед и поднял руки.

Понеслось.

— Барса! Барса, барса, барса. Барса. — Каждое слово сопровождалось размахиванием рук и указанием пальцем.

— Ты, должно быть, прикалываешься, — сказал Шон. — Это все, что они говорят?

— Да. Тише, я пытаюсь сосредоточиться.

— Барса. Барса, барса. — Предводитель глубокомысленно кивнул.

— Что он сказал? — спросил Шон, понизив голос.

— Добро пожаловать. Спасибо, вы будете съедены.

— Это фигня какая-то.

— Знаю. — Я шагнула вперед и вытянула ладони, делая небольшие круги. — Барса?

— Барса. Барса-барса, барса.

— Ох. Приготовьтесь к тому, что вас съедят.

— Дина, это не лучше.

Барсы потянули брезент, и он соскользнул на землю, открыв огромную колесную платформу, достаточно большую, чтобы вместить три полуприцепа бок о бок. Платформа поддерживала массивного моллюска в спиральной раковине, мокрого и ярко окрашенного в сине-зеленые цвета. Он немного напоминал «наutilus» из земных океанов, за исключением того, что был в сто раз больше. Его щупальца были ярко-розового цвета и шести футов длиной. Из центра бахромы щупалец торчала большая круглая голова, которая должна была принадлежать улитке.

— Неожиданно, — сказал Шон.

— Внутри горы возможно подземное озеро.

— Наверное, море. Я чую запах соленой воды.

Это не сделало его менее странным.

— Это то, что нас съест? — спросил Шон.

Я указала на моллюска и замахала руками.

— Барса, бааарса, барса? — Барсы на мгновение уставились на меня и разразились пронзительным визгом, раскачиваясь взад-вперед и хватаясь за животики. — По-видимому, я довольно таки забавная.

— Это я понял, — сказал Шон, его лицо выражало нулевой энтузиазм.

Предводителю, наконец, удалось перестать хихикать.

— Барса, барса, барса, барса.

— Приготовьтесь быть съеденными порталом.

— О, понятно.

Из моллюска донесся низкий гул. Полосы на его панцире начали закручиваться спиралью, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее.

— Барса. Барса. Барса. — Предводитель замахал руками.

— Дайте нам свои руки.

Шон бросил на меня взгляд. Я протянула руку. К нам подбежали два барса и прикрепили к нашим предплечьям маленькие шестиугольные таймеры. Цифры вспыхнули красным. 5000 долгих мгновений. 83 минуты.

— Барса! Барса, барса, барса. Барса-барса! — Предводитель сложил руки вместе, словно держал невидимое яблоко, и разжал пальцы, поднимая руки. — Бум!

— Портал должен будет выплюнуть нас обратно, прежде чем закончится время, или...

— Мы взорвемся.

— Ага.

Я постучала по датчику у правого уха. Респиратор развернулся, прилипнув к моей коже над ртом и носом. Наушник скользнул в мое правое ухо, и прозрачная лицевая панель

развернулась сегментами перед моим лицом. Короткое шипение сообщило мне, что мой скафандр герметичен.

— Все норм? — спросил Шон мне на ухо.

— Да.

Запаса кислорода в скафандрах было примерно на 6 часов, так что у нас не должен был кончиться воздух. Однако они могут не выдержать на Карроне. Все будет хорошо. Доминион заверил нас, что условия за порталом были оптимальными, но мы не хотели рисковать.

Шон вытащил пистолет из-за спины. Снаружи лицевая панель была непрозрачной, темно-серой, гладкой, как яйцо, и он выглядел как какое-то безликое инопланетное существо.

Вспышка розовой молнии вырвалась из щупалец наугилуса и лизнула портал. Он включился во вспышке искр и спроецировал небольшой голографический экран в сторону. На нем светились незнакомые символы.

— Давление: 15,2 фунтов на квадратный дюйм, — сказал Шон. — Атмосфера: азотно-кислородная смесь, O₂ составляет 21,3 %, CO₂ немного высок, но у нас все должно быть в порядке. Влажность 88 %, 600 F.

— Ты читаешь по-тульски? — спросила я.

— Да.

Я должна была догадаться. Если это было связано с оружием или транспортом, Шон в этом разбирался.

Вторая вспышка молнии ударила в портал. Барсы в унисон подняли руки.

— БАРСА!

Мы вошли в портал.

МОИ НОГИ ПРИЗЕМЛИЛИСЬ НА ЧТО-ТО ТВЕРДОЕ. ЭТО БЫЛО УДИВИТЕЛ положе на деревянный пол. Гниющий деревянный пол с досками, покрытыми темными пятнами и черной плесенью. Странные серые бородавки, которые должно быть лишайником или грибами, проросли между скоплениями ядовито выглядящих желтых губок.

Я подняла глаза. Мы стояли в коридоре дома. Стены были покрыты лишайником и плесенью. Тут и там торчали толстые волдыри размером с мою голову, запутавшиеся в сети из корней растений. Жидкость внутри них светилась тусклым светом. Слизь телесного цвета капала из щелей.

Где, черт возьми, мы были? Было похоже на то, что мы приземлились в чашке Петри ^[23] с колонией бактерий, выращенных из мазка, взятого в туалете на стоянке грузовиков.

Я оглянулась. Позади нас портал представлял собой идеально круглую вертикальную лужу бледно-розового цвета на стене. Голографическая индикация в верхней части моего лицевого щитка была зеленой по всему экрану. Атмосфера была безопасной для дыхания и не содержала загрязняющих веществ, несмотря на все окружение.

Магия, отвратительными миазмами, похожими на разлагающиеся жидкости организма, скользила вокруг меня, капала со стен, проникала прямо в пол.

Все это было неправильно.

Магия чувствовала меня. Ближайший поток изогнулся, направляясь под углом ко мне. Вся стена вокруг портала была покрыта ею. Она изливалась как грязный водопад. Я отошла от нее на несколько шагов.

Отвратительная магия просочилась сквозь щель в половицах и коснулась меня.

Мир поплыл. Кровь застучала у меня в ушах. Я не могла отдышаться. Я ахнула, но воздуха не было. Черные круги появились у меня перед глазами.

Мой желудок дернулся.

Я хлопнула по шлему. Лицевая панель и респиратор убрались в мгновение ока, и меня вырвало на пол. Ужасное зловоние окутало меня: приторный, тошнотворный запах разложения, плесени и гниющего дерева, как внутри могилы. Я воткнула метлу в пол, вцепилась в нее, и меня еще раз вырвало. Магия закрутилась вокруг меня, сжимая мои ноги, пытаюсь добраться до моей души. Я пошатнулась. Я должна была выбираться отсюда. Все было неправильно, очень неправильно. Я должна была бежать! Мне надо было...

Шон схватил меня за плечи и притянул к себе. Постепенно его спокойный и ровный голос проник сквозь дымку.

— Ты в порядке. Я рядом. Дыши.

Я, дрожа, прижалась к нему. Магия собралась у моих ног, и, устремляясь ко мне, ее становилось все больше. Она обогнула Шона и полетела прямо на меня. Подобно цунами от нее поднялось отчаяние, и потащило меня ко дну. Спазмы сотрясали меня, и я заплакала.

— Не торопись. Все будет хорошо.

Это было намного хуже, чем разложение, которое я почувствовала в мертвом ад-але. Это было нечто более глубокое, более непристойное, более ужасающее, худшее, чем все, что я когда-либо испытывала. Хуже, чем смерть младенца, хуже, чем...

Шон крепко сжал меня.

— Это больно?

Я попыталась ответить, но вырывались только рыдания. Мне было так грустно. Все, что я могла делать, это горевать. Я дрожала и содрогалась, но слезы не прекращались.

Шон развернул меня и шагнул к порталу.

— Нет, — выдавила я.

— Ты возвращаешься.

— Нет...

Стена справа распахнулась. Два искаженных ад-хала бросились на нас. Шон выстрелил. Оружие взвыло, выплюнув поток плазмы с наддувом. Первый удар пришелся в грудь. Существо взвизгнуло, выбросив перед собой когтистые руки, пытаюсь создать барьер.

Я должна была помочь. Я заставила себя выпрямиться и воткнула метлу в пол. Моя магия разлилась внутри меня.

Скользкий, гниющий усик вырвался из стены позади меня, обхватил мою талию петлей, как лассо, и потащил меня назад. Мои ноги оторвались от пола. Я полетела назад, через дом. Шон повернулся ко мне. Я увидела его лицо, побелевшее от тревоги и шока, а затем стены стали смыкаться между нами одна за другой, когда щупальце пронесло меня через комнаты, направо, налево, направо, вырвало метлу из моих рук и швырнуло меня в темноту.

Я ВТЯНУЛА ГОЛОВУ, КОГДА ПАДАЛА, ПОКАТИЛАСЬ ПО ПОЛУ И ПОДНЯЛА на ноги. Тренировки с Шоном принесли свои плоды. У меня было несколько синяков, но ничего не сломано.

Я оказалась в маленькой комнате. Зажегся свет, появились те же противные волдыри. След раздавленных грибов и мха затемнял пол там, где я упала. Моей метлы нигде не было видно.

Я вытерла неприятное пятно со своей щеки тыльной стороной ладони и повернулась. В

стене передо мной образовался дверной проем, прямоугольник сине-зеленого света.

Это была гостиница. Я была уверена в этом. Гниющий труп одной, но все же гостиницы. Каким-то образом она оказалась здесь, внутри горнодобывающего предприятия Доминиона, и медленно разлагалась, превращаясь в осадок.

Кто мог это сделать? Это было чудовищно.

Магия выплеснулась из стен. Половицы потели крупными бусинами. Она струилась ко мне. Теперь я поняла. Я была хранительницей, и эта жалкая мерзость гостиницы знала это. Она была неизлечима, но она все равно тянулась, как умирающая собака, ползущая к человеку, чтобы в последний раз ее погладили по голове. Таща себя, избитую и разбитую, всего лишь для еще одного объятия, чтобы облегчить боль.

Это было так больно.

Я вытерла слезы. Я найду того, кто это сделал. Я разорву его на части голыми руками.

И я по-любому найду его. Если это гостиница, кто-то контролирует ее. Мне ни за что не позволят добраться до Шона. Моим единственным шансом было найти хранителя и убить его.

Я вытащила хлыст и прошла через дверной проем. Передо мной открылась большая куполообразная комната, освещенная синим кубом, пойманном в сеть роботизированных рук, образующих колонну от пола и потолка. Гниющие доски впереди заканчивались неровным полукругом, оставляя голый полимерный пол. Гниющие стены поднимались примерно на треть высоты, отражая границу, определяемую полом. Остальное: стены, высокий округлый потолок были прозрачной материей, за которыми простиралось оливковое ничто.

Куб запульсировал. Перламутровая волна прошла сквозь стеклянный купол. Мне потребовалась минута, чтобы собрать все воедино. Мы находились под океаном Каррона, и база использовала генератор силового поля ближнего действия, чтобы держать планету в страхе. Кто-то устроил гостиницу внутри шахты, но она не могла процветать здесь. Она была отравлена, испорчена и умирала, настолько слабая, что даже не могла полностью заполнить эту комнату.

Высокотехнологичные приборные консоли выстроились по периметру купола. Огни все еще мигали. Если я была права, куб был генератором энергии нулевой точки, выкачивающим энергию из микроскопического пространственного кармана. Я уже видела такое раньше, приводящее в действие искусственную червоточину. Тулы не проявляли никакого уважения к вселенной, но иногда их устройства работали. Это был один из тех редких случаев, когда их технология была стабильна. Неудивительно, что Косандион был уверен, что шахта работает. Куб будет питать ее почти бесконечно, управляя всеми системами поддержки и поддерживая пузырь силового поля вокруг объекта, чтобы Каррон не мог к нему прикоснуться.

И прямо сейчас роботизированные руки загоразживали мне обзор.

Я пошла вперед. Магия следовала за мной, преследуя меня, собираясь в моих следах. Я сошла с досок на высокотехнологичный пол. Магия разрасталась позади меня, не в силах следовать за мной. Она накатывала все больше и больше, как прилив, отчаянно желая продолжать прикасаться. Каждый контакт с ней причинял боль, как наблюдение за тем, как любимый человек делает свой последний вздох.

— Я сейчас вернусь, — прошептала я.

Магический прилив задрожал, излучая столько горя, что я споткнулась.

Я прошла по полу к дальнему концу купола, обогнув колонну. Слева от меня, на открытом месте находился Уилмос, застыв в столбе света, будучи пойманным в стазисное поле.

Должно быть, он пришел в себя после того, как его привезли, потому что оборотень внутри столба был в другой форме. Большой, с лохматой темной гривой с проседью, Уилмос выглядел готовым к прыжку, его руки были подняты, рот разинут, острые клыки готовы были атаковать.

Мой пульс ускорился.

Я стояла очень тихо, слушая и вглядываясь. Уилмос был приманкой. Казалось, не было ни единой души.

— Дочь Странника... — произнес мужской голос позади меня.

Я медленно повернулась. На полимерном полу стояло существо. Нет, не существо, человек. Хранитель в темной одежде, изодранной в клочья, с поднятым капюшоном, держащий в руках белую метлу. Одевание струилось, меняя цвет от смоляно-черного до пятнисто-серого и снова черного. Его изношенный край расходился клёшем по полу, двигаясь, скользя, превращаясь в ничто и восстанавливаясь.

Щупальца силы хранителя скользнули ко мне. Они тронули меня. Лед накрыл меня электризующей волной. У меня по коже поползли мурашки.

Мантия была не из ткани. Это было разложение, источник тьмы внутри Майкла, лучшего друга моего брата, и ад-ала, которого я уничтожила в Баха-чар. Он был облечен в порчу, которая изливалась из его тела. Он и мантия были единым целым.

И он знал моего отца.

— Твой отец является проблемой. — У него был ужасный голос, который затихал, пока он говорил, касаясь моей кожи, как холодная слизь. — Твоя мать — проблема. Твой брат — проблема. Теперь ты — проблема.

— По факту. — Он сказал «является». Мои родители были живы.

Все во мне хотело наброситься на него. Ни один хранитель не мог видеть эту гнилую оболочку гостиницы и не захотеть уничтожить ответственного за это. Он был мерзостью. Но я должна была поговорить с ним. Если я этого не сделаю, мы никогда не узнаем, почему все это произошло.

Мужчина повернул голову и посмотрел на лазурный океан снаружи. Мне была видна только узкая полоса его челюсти. Она была странного цвета, имеющего слегка лиловый оттенок.

— Нас двое, только ты и я. — Хорошо, мы установили, что он умеет считать. — Было больно, когда семя умерло?

Как он узнал о дите-гостинице? Должна ли я отвечать? Я решила.

— Да.

Он кивнул.

— Все еще больно?

— Да. — Мне было больно каждый раз, когда я думала об этом. Большинство хранителей гостиниц так и не пережили смерть гостиницы, к которой они были привязаны. Несмотря на то, что наша связь длилась всего несколько минут, смерть той гостиницы чуть не прикончила меня. Мне очень повезло пережить это.

Он кивнул.

— Мне тоже было больно, когда я убил свою гостиницу. Смерть каждой гостиницы,

которую я убиваю, причиняет боль. Боль нескончаема.

Каких гостиниц? Сколько?

— Почему?

Он не ответил.

— Зачем ты убил свою гостиницу? Она доверяла тебе. Она любила тебя. Почему ты предал ее?

Он повернулся ко мне, и я увидела нижнюю половину его лица.

— Спроси их.

Их кого?

— Других хранителей?

— Спроси их о Себастьяне Норте. Спроси их, что они сделали. Как я страдал.

Да ладно!

— Как ты. — Его голос прокатился по куполу, превратившись в шипение. — Они тебе не сказали.

— Что они мне не сказали?

— Из всех нас, ты и я — единственные, кто выжил, познав боль. Она всегда с нами. — Он сделал паузу. — Я дам тебе один шанс. Забирай оборотня и уходи. Покинь свою гостиницу. Покинь свою планету. Не оглядывайся назад, и я приду за тобой последней.

— Зачем мне нужно покидать планету?

— Потому что я пожру ее. Каждую гостиницу, каждого хранителя, каждого ад-ала. Каждого человека.

В том, как он это сказал, была ужасная окончательность. Он не был зол, или обижен, или воинственен. Он просто констатировал факт.

Он не скажет мне ничего больше, пока я не найду с ним общий язык. Он сочувствовал мне, потому что мы оба пережили величайшую трагедию, которую может вынести хранитель. Если то, что он сказал, было правдой, он существовал в состоянии постоянного страдания. В нем должна была остаться хоть капля человеческих эмоций. Я должна была найти их и использовать. Мне нужно было знать, почему он это делал.

— У тебя была кошка?

Он не ответил.

— Я нашла кота, большого серого мейн-куна с зелеными глазами. На нем ошейник с инициалами «СН».

— Белод.

Ого, ничего себе. Это был его кот.

— Он все еще жив? Он здоров?

— Да. Если бы у меня был мой телефон, я бы тебе показала. Я сфотографировала его. Он ходит по гостинице, как ему заблагорассудится. Она открывает для него стены.

Голос мужчины был почти задумчивым.

— Он всегда так делал. Я нашел его во время грозы. Он был таким маленьким, что умещался в одной ладони. Это было 30 мая. Я помню, потому что на следующий день королевский губернатор Мартин сбежал из Трайона-паласа в Нью-Йорке, а мой отец открыл заветную бутылку виски. Это был мой первый глоток спиртного.

Трайон-палас находился в Нью-Берне, в Северной Каролине. Мой отец возил нас туда в гости. Мартин был последним королевским губернатором Северной Каролины, и он бежал в 1775 году. Я знала это, потому что папа помнил Мартина, и он ему не нравился. Черт

возьми. Этот человек был ровесником папы.

— Почему ты ненавидишь моего отца?

— Я не знаю. Странник встал на пути. Он всегда встает на пути. Теперь ты на моем пути.

Итак, мы прошли полный круг.

— Я понимаю, что ты пытаешься пробиться к моей душе, — сказал мужчина. — Ты не найдешь ее.

— Я хочу понять, почему. Чего ты хочешь?

— Убить нас всех.

— Но какова цель? Должно быть, с тобой случилось что-то ужасное, но убийство всех не заставит тебя чувствовать себя лучше.

— Это не для меня. Я ничего не почувствую. Гостиницы и хранители не должны существовать. Я сотру их симбиоз с лица земли. Тебе не обязательно это понимать. Прими это как неизбежное и уходи.

— Нет.

Глубокий вздох эхом прокатился по куполу. Он повернулся, его мантия развевалась.

— Почему ты упорствуешь, создавая трудности? Прими мой подарок. Убирайся с моего пути, глупое дитя. Не попирай мой последний акт доброты. Больше ничего такого не будет.

— Когда-то ты был хранителем. Ты чувствовал связь со своей гостиницей. Они полагаются на нас. Они доверяют нам. Какие бы ошибки не допустили хранители гостиниц, какие бы преступления они ни совершили против тебя, гостиницы невиновны. Разве это ничего не значит для тебя?

— А почему должно? У меня отобрали мою гостиницу. Мою семью, мое лицо, они забрали все, и я оставляю их ни с чем. Я уничтожу каждую гостиницу в галактике, чтобы хранители гостиниц никогда больше не смогли воскреснуть.

— Но ты все еще чувствуешь боль. Ты все еще жаждешь этой связи. — Я указала на остатки комнаты на другом конце купола. — Ты привел сюда гостиницу, и теперь она умирает. Она гниет и страдает. Как ты можешь это терпеть?

Он повернулся ко мне лицом. Его бескровные губы растянулись, и он улыбнулся, показав острые конические зубы.

— Я привел ее сюда для тебя.

Что?

— Ты разве не замечаешь? Оглянись вокруг. Разве она не выглядит знакомо? Разве она не похожа на дом?

Я уставилась на полукруг прогнившего пола, скользкие стены, остатки гниющей мебели... Слева была кушетка. Плесень покрыла ее обивку, но кое-что от первоначального цвета осталось — веселый летний небесно-голубой с большими желтыми одуванчиками. Моя мать обила этот диван для меня, когда мне было семь лет. Я выбирала ткань. Наша собака, старый боксер, перегрызла его переднюю ножку, и следы укусов все еще были там...

Боже мой.

Я только сейчас поняла. Кривая лампа — мы с Мод опрокинули ее, когда она гонялась за мной по дому, и мы так и не смогли посадить абажур ровно. Мой старый стол. Остатки моего коврика.

Это была моя спальня. Это была гостиница родителей. Мой дом. Он разрушил мой дом. Он пытал нашу гостиницу.

Я отшатнулась от него, направляясь к гниющему полу и магии, которая ждала меня там. Она нахлынула на меня, пронзив мое сердце, и я почувствовала последние слабые импульсы «Магнолии Грин». Магия, которую я почувствовала, та, что так отчаянно пыталась коснуться меня, была жизненной силой гостиницы, вытекающей из ее умирающей сердцевины.

Его голос преследовал меня.

— Теперь ты понимаешь?

Я заставила свой рот двигаться сквозь боль.

— Да. — Я поняла.

— Это демонстрация моей силы.

— Это демонстрация твоего страха. — Я призвала свою магию и влила в нее свою боль.

Я формировала и формировала свою силу так, как мог только хранитель. — Ты боялся моих родителей. Ты пытался убить их и потерпел неудачу, поэтому ты осквернил их гостиницу в своей бессильной ярости. Ты использовал ее страдания, чтобы убедить себя, что ты победил. И теперь ты боишься меня. Ты прошел через все эти трудности, чтобы предупредить меня, потому что в глубине души ты боишься. Ты прав, что боишься.

Он вздохнул.

— Да будет так.

Мужчина ударил своей белой метлой об пол. Скверна вырвалась из него скрученными темными потоками и впилась в стены, проникая в гостиницу, заставляя ее подчиниться. Деревянный пол задвигался, как бурлящее море, приближаясь ко мне.

Я погрузила всю свою магию в пол подо мной. Она прорвалась сквозь потоки и водовороты жизненной силы «Магнолии Грин», столкнувшись с извивающейся в них скверне. Моя сила пронеслась сквозь увядающую гостиницу, пронеслась сквозь ее ветви, корни, вплоть до ее поврежденной сердцевины.

Наши магии столкнулись. Связь возродилась в ослепительной вспышке силы. Налет скверны, которая пронизывала гостиницу, скользя по ее ветвям и душа ее корни, сгорела в одно мгновение, открыв чистое пространство между мной и ядром.

«Магнолия Грин» была *моей*.

Искаженный хранитель закричал. Его загрязненные потоки врезались в меня, сотрясая гостиницу, пробивая мою защиту, каждый удар посылал мучительный толчок через нас обоих.

Я протянула руку, и моя метла приземлилась в нее.

— Это тебе не поможет! — прорычал он.

Моя сила вилась по метле тугой спиралью, готовая вырваться на свободу. Мое тело напряглось, пытаясь направить всю эту силу, и мне пришлось выдавить из себя слова.

— Эта гостиница убаюкивала меня, когда я сделала свой первый вдох. Как бы ты ни старался, она никогда не будет твоей.

Я воткнула метлу в пол.

Магия вырвалась из меня магическим ураганом, и врезалась в искаженного хранителя.

Скверна бушевала вокруг меня, пылая и бушующая. Это была чистая ненависть. Поток ненависти и гнева, исходящий от него. Этого было так много, больше, чем могло вместить любое существо, и я не могла понять, как все это не разорвало его на части. Каждая его плеть терзала мою душу. У меня во рту была кровь. Моя грудь болела, каждый вдох — сознательная борьба с наковальней, сидящей на моих ребрах.

Я схватила его своей магией и сжала.

Мы рвали друг друга, он скверной, а я магией хранителя. Купол содрогнулся. Я почувствовала, как гниющие стены рушатся позади меня. Субстанция гостиницы распалась, поскольку она жертвовала все больше и больше своей силой, чтобы подпитывать мою атаку.

Он утопил «Магнолию Грин» в своей скверне. Он, как пиявка, неизвестно, как долго питался магией гостиницы. Гостиница боролась с этим, пытаясь выжить, пытаясь сохранить какую-то маленькую часть себя. Но теперь я попросила ее о помощи.

«Магнолия Грин» любила меня с момента моего рождения. Он отдала мне все. Всю свою силу. Всю свою магию. Все до последней капли.

Ее ветви засохли. Ее корни превратились в пыль. Она ничего не оставила для себя. «Магнолия Грин» убивала себя, чтобы защитить меня.

Я противостояла этому притоку магии, пытаясь сдержать ее. Магия смела мое сопротивление в сторону и вылилась из меня. Гостиница приняла решение. Она защитит меня. Я была бессильна остановить ее.

Мы были связаны, мы трое, пойманные в ужасный круговорот силы — я с магией хранителя, он, хлестая потоками скверны, которые причиняли мне боль, и «Магнолия Грин», связанная с нами обоими, разделенная в момент смерти между принуждением и любовью, поглощенная одним и добровольно жертвуя себя для другой.

Трудно было вынести такой ужас. Я услышала звук и поняла, что кричу, плачу, как ребенок, от боли и горя. Я стану причиной смерти гостиницы моих родителей. «Магнолия Грин» знала это и все равно меня подкармливала. Его отчаяние пронзило меня. Она знала, что ее предсмертные муки следом заберут меня. Я бы не пережила смерти гостиницы, в которой родилась. Наша связь была слишком сильной.

Мы умрем здесь вместе. Но сначала мы должны были убить его, чтобы ни одна другая гостиница не была осквернена и оставлена гнить.

Мы выступили против него как единое целое. Магия, изливающаяся из меня, имела цвет. Она сияла, как травинка, сквозь которую просвечивает солнечный свет. Я слилась с «Магнолией Грин».

Искаженный хранитель взвыл, обрушивая на меня импульсы зловонной магии. Я превратила свою магию в бледно-зеленый купол вокруг себя, пытаясь защитить себя достаточно, чтобы оставаться в сознании. Оранжевая молния вспыхнула в потоках скверны и разбилась о мою защиту. Взрыв боли чуть не уронил меня на колени.

Он замахнулся сильнее, метая молнии по моему щиту. Скверна кусала меня, и ее зубы были ледяными, как пространство между звездами. Это был не человек. Теперь она была частью его, но она не была рождена от него. Он нашел ее и сделал своей.

Если бы я только могла отделить от него скверну. Если бы я могла изолировать его, я смогла бы уничтожить его.

Она изливалась из центра его груди. Он прятал ее раньше, но впад в безумие, забыл о себе.

Я могла либо атаковать, либо защищаться. Не одновременно, только так. «Магнолия Грин» была на самом последнем пределе. Не осталось ничего, кроме ее сердцевины и последнего корня, слишком слабого, чтобы пробиться сквозь пол и добраться до меня.

Я опустила купол, преобразовав свою магию в тонкий, как игла, луч ярко-зеленого цвета, и ударила им в его грудь.

Скверна ударила меня и проникла прямо в душу. Не было слова для такой боли...

Моя магия поразила его. Он закричал и отдернул свою силу назад, закручивая скверну

вокруг себя в тугую спираль, формируя свой собственный щит. Мой зеленый луч нацелился на него, но не смог проникнуть внутрь. Я не могла пройти сквозь щит.

Не хватало силы. Меня было недостаточно. Я потерпела неудачу...

Шон прорвался сквозь стену, огромный, разъяренный зверь, покрытый слизью и кровью.

Кнут зловонной тьмы вырвался из-под купола искаженного хранителя и хлестнул Шона, оставив кровавую рану на его плече.

Шон проигнорировал это и одним прыжком преодолел расстояние между мной и ним. Он приземлился на корточки, схватил мою метлу одной когтистой рукой, а другой воткнул ее пол. Я почувствовала, как его магия заструилась из его пальцев в пол. Она была такая же, как и у меня, сила хранителя, накопленная и возвращенная за месяцы заботы о гостинице.

Пол под нашими ногами раскололся. Последний оставшийся корень «Магнолии Грин» прорвался и обвился вокруг нас. Сила ударила меня, чуть не сбив с ног.

Я вложила всю ее в свой луч. Щит скверны лопнул, как грязный мыльный пузырь. Зеленый луч ударил искаженного хранителя в грудь, прямо в источник его силы. Его одеяние разорвалось. На долю секунды я увидела размытое истинное лицо хранителя и его глаза, полные страха.

Он закричал и швырнул что-то себе за спину. Белая молния вырвалась из куба, когда что-то в мгновение ока истощило энергию генератора до нулевой точки. Ткань пространства разорвалась, и сквозь рваную прореху я увидела деревья цвета крови.

Нет! Нет, черт возьми, нет!

Он нырнул в пространственный разлом, клочья его одежды закружились вокруг него, когда он исчез. Прореха захлопнулась.

Он сбежал. Он сбежал. Аааааа, он сбежал!

Куб генератора стал тусклым. Перламутровый свет растворился в ничто. Купол вокруг нас заскрипел, когда Каррон взял в пасть шахту и откусил кусочек.

Мои руки были красными. Мое лицо было мокрым, как и шея, как и тело внутри костюма... Я вся была в крови. Он ускользнул от меня. Но это не имело значения. «Магнолия Грин» умирала, а следом и я. Каждый импульс ее сердцевины резонировал во мне, будучи таким слабым и затухающим. Я буду удерживать гостиницу до самого конца, чтобы она не погибла в одиночку. Я была обязана это сделать.

Стазисный свет вокруг Уилмоса погас, и старый оборотень рухнул на пол. Купол содрогнулся, застонав.

Шон пробежал через комнату, перекинул Уилмоса через плечо и поспешил обратно ко мне.

Сердцевина «Магнолии Грин» стала тусклой. Теперь это не займет много времени.

— Мы должны убираться отсюда! — зарычал Шон.

— Все в порядке, — сказала я ему. — Оставь меня.

Он схватил меня.

— Дина, ты не можешь оставаться здесь, когда она умирает!

Что-то хрустнуло. На куполе образовались трещины. Прорывался океан Каррона.

Шон схватил меня за талию и с рывком поднял, подальше от моей связи с гостиницей.

— Я не могу позволить ей умереть в одиночестве! Оставь меня, Шон!

— Никогда.

Последний корень «Магнолии Грин» дернулся, схватил нас и потащил сквозь пыль,

через стерильные коридоры, через дыру в потолке... Позади нас прогремел гром.

Перед нами замаячил портал.

— Нет! Я не...

Корень, сжимающий меня, раскололся. Из него спиралью пробился тонкий зеленый росток, прекрасный и свободный от скверны. Он вырвался на свободу, маленькая веточка с единственным листиком на ней, и я поймала ее.

Последним импульсом своего ядра «Магнолия Грин» зашвырнула нас в портал.

Я ПРИЖИМАЛА ВЕТОЧКУ К СЕБЕ, ПЫТАЯСЬ ЗАЩИТИТЬ ЕЕ ОТ СОЛНЦА БЛАГОУДАЧИ. Она была похожа на виноградную лозу длиной в четыре фута, но это был блестящий зеленый трилистник, толщиной с мое запястье у основания и сужающийся к тонкому усика с тремя крошечными листиками. За то время, пока она была со мной, проросли еще два. Она обнимала меня, когда я шла по дальней стороне переулочка, ведущего к двери «Гертруды Хант».

Я понятия не имела, как долго она сможет продержаться. Каждая секунда была на счету, и это была невероятно опасная идея. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Росток мягко светился, прижимаясь к моей шее, как котенок, жаждущий ласки.

— Не умирай, — прошептала я. — Пожалуйста, не умирай.

Час назад Шон, Уилмос и я выпали из шахтного портала перед барсами. В тот момент я даже говорить не могла. Шон погрузил меня и все еще находящегося без сознания Уилмоса в шаттл, накачал меня медицинскими коктейлями, которые смог найти в аптечке шаттла, а затем с головокружительной скоростью полетел к порталному центру планеты.

Где-то во время полета последние отголоски слияния с «Магнолией Грин» исчезли, и ко мне вернулось здравомыслие. Я вспомнила, кто я. А потом я заплакала, и Шон утешал меня, говоря ласковые слова, в ответ я сказала ему, что мне жаль, что я напугала его и хотела умереть вместе с гостиницей, и что я люблю его.

После того, как я перестала плакать, я поняла, что несу с собой то, что осталось от «Магнолии Грин». Это было не семя, это была веточка без корня, почти как черенок. Если бы это было обычное растение, я бы поместила его в раствор, богатый питательными веществами, и дала бы сформироваться корням, но с гостиницами так не работает.

Гостиницы были многомерными организмами, которые нарушали основы физических законов. Даже на стадии семени их первичный корень уже формировался внутри оболочки семени. Когда семя гостиницы сажалось, корень привязывался к реальности и физическому пространству. Без этого, даже если бы семя проросло, она не могла удержаться в нашем мире и умирала.

Вот почему, как только гостиница открывала новую дверь, она пыталась проникнуть в пространство вокруг нее, чтобы претендовать на часть территории. Именно поэтому две гостиницы не могли сосуществовать рядом — проблему создавали не их ветви, а корни.

Если бы я положила этот срез в раствор и подождала, пока он даст корни, он бы только засох. Он не засыхал так долго, потому что был связан со мной, и я подпитывала его той малой магией, которая у меня осталась.

В садоводстве был еще один способ сохранить черенок, и ни один хранитель никогда не практиковал такое, потому что никому до меня гостиница не давала черенка. Я понятия не имела, что произойдет, если мы попробуем это.

Я рассказала об этом Шону во время полета. Он улыбнулся и сказал, что доверяет мне.

По крайней мере, мы должны были попробовать. Но это нужно было бы сделать очень осторожно. О том, чтобы нанести удар прямо в сердце «Гертруды Хант» через портал, не могло быть и речи. Мы понятия не имели, что произойдет. Нам нужно было представить его в гостинице за пределами территории, на нейтральной территории, и сначала нам нужно было эвакуировать гостей «Гертруды Хант», просто на всякий случай.

Мы с Шоном проделали весь путь до столицы Доминиона, таща за собой коматозного Уилмоса, а затем разделились. Шон отправился к «Гертруде Хант», в то время как я отправилась через один из порталов Доминиона в Баха-чар.

Я пробралась в переулок и стала ждать.

В пустом воздухе открылась дверь, и из нее вышел Тони.

— Дина!

Я помахала ему рукой.

Он побежал ко мне, дверь за ним оставалась открытой. Чудовище прорвалась сквозь нее и бросилась ко мне так быстро, как только могли нести ее маленькие ножки. Мгновение спустя в дверях появился Шон.

Наши взгляды встретились. Я искала утешения и нашла его. Мы все еще были на той же странице, пытаюсь это сделать.

— Давай сделаем это, — крикнул Шон.

— Вы двое сошли с ума? — спросил Тони, притормаживая передо мной. — Если ты принесешь семя в гостиницу, обе гостиницы умрут!

— Это не семя, это веточка.

— Что?

— Это веточка, — повторила я. — Без корня.

Тони выругался.

— Это гребаная гостиница, а не африканская фиалка.

Веточка «Магнолии Грин» соскользнула с моей шеи и мягко потянулась к гостинице.

— Вы всех эвакуировали?

— Орро с Марайсом. Все остальные ушли через портал в Доминион, — сказал он. — Карат, Гастон и Уилмос охраняют Калдению. Она... несчастна.

— Она у меня в долгу. Она может подождать несколько минут под усиленной охраной. — Как только все закончится, и если все пройдет хорошо, все смогут вернуться в гостиницу. — Уилмос в сознании?

— Да, и чертовски зол.

Мы действительно спасли его. Я должна была быть счастлива, но прямо сейчас это было едва заметно.

Шон махнул мне рукой. Я медленно направилась к двери.

— Две гостиницы не могут занимать одно и то же место, — сказал Тони. — В лучшем случае обе умрут. В худшем случае мы разрушим реальность. Если случится последнее, я не смогу сдержать это.

Длинная ветка выскользнула из-за двери и, зависнув, ждала.

— Дина, даже если ты принесешь его в гостиницу, ты не сможешь заставить его пустить корни, — продолжал Тони.

— Я не собираюсь заставлять ее укорениться.

Мы были почти у двери. Ветвь «Гертруды Хант» задрожала в нескольких футах от нее. Шон похлопал ее, успокаивая.

— Я собираюсь привить ее. — Тони снова выругался.

Ветка потянулась ко мне. Черенок развернулся от моей шеи и потянулся к ней. Это было почти так, как если бы они обе знали, что им нужно делать.

Я затаила дыхание и протянула руку. «Гертруда Хант» коснулась моих пальцев.

Магия «Гертруды Хант» пронзила меня, как стрела, устремляясь прямо в черенок и обратно в гостиницу. Мир исчез. Передо мной расцвела усеянная звездами тьма, в центре которой разворачивался светящийся туманный вихрь. Наэлектризованный ток магии прошел сквозь меня, вибрируя в каждой косточке и сухожилии.

Тьма рассеялась, и я увидела, как ветка «Гертруды Хант» скользнула через меня обратно в гостиницу, а из нее рос черенок.

Ветка скользнула в гостиницу. Магический импульс потряс «Гертуду Хант». Шон исчез в глубине гостиницы.

Я подбежала к дверному проему и нырнула в него, Тони прямо за мной. Дверь за нами захлопнулась.

Гостиница дрожала и грохотала. Черенок двигался сквозь нее с узлом магии все дальше и дальше. Мы преследовали его по многочисленным комнатам гостиницы, по коридорам и стенам, к задней части, к простому коридору, где ждала зарождающаяся дверь.

Реальность разверзлась перед нашими глазами. Стена перед нами распалась, превратившись в яркий солнечный свет. Впереди лежал ровный участок земли, покрытый мягкой зеленой и голубой травой. В сотне ярдов впереди земля заканчивалась, а за ней простирался воздушный океан с травянистой равниной внизу. Гряда белокаменных гор устремлялась от нее к небу, увенчанная бирюзовыми деревьями. Мы были на вершине плато.

Корень скользнул между нашими ногами, глубоко зарываясь в почву, и понесся к утесу. Почва взорвалась, и ветви спиралью стали подниматься вверх, все выше и выше. Распустились зеленые листья, и раскрылись белые цветы размером с мою голову, открывая вихрь розовых тычинок, увенчанных ярко-желтым пучком плодolistиков.

Колоссальная магнолия, выше самого высокого красного дерева, шире самой широкой секвойи, раскинула свои гигантские ветви над плато. Связанная с гостиницей и в то же время растущая отдельно от нее, она была яркая и такая живая. Она была похожа на «Магнолию Грин», но была больше деревом, чем гостиницей. Она выросла из корня «Гертруды Хант», и обе оставались в полном здравии. Облегчение нахлынуло на меня. Я резко подалась вперед, а Шон поймал меня и ухмыльнулся.

— Мы никогда не сможем никому рассказать об этом, — сказал Тони.

— Ты говоришь как ад-ал или как друг? — спросил его Шон.

— Как тот и другой. Никто не может знать. Ассамблея будет... Я даже не знаю, что они будут делать, но нам это не понравится.

— Тогда им не нужно знать, — сказал Шон.

Красивая птица прокричала над головой и приземлилась на могучие ветви магнолии. Я никогда не видела ничего подобного.

— Где мы? — задумалась я.

Тони смотрел за дерево, где поднимались две луны, одна побольше и окрашенная в фиолетовый цвет, а другая маленькая и оранжевая.

— Это... — начал он.

— Дейсин, — закончил за него Шон. — Родная планета Дома Крар.

Конец.

Список персонажей

КРАТКИЙ СПИСОК

Амфи из Доминиона, девушка-соседка, представляющая планету Бехун с «Командой Улыбок».

Бестата из Святой Анократии, рыцарь-вампириша, представляющая Дом Меер.

Цианид — космический снежный барс, представляющая хиггр.

Донкамин — визуально вызывающий беспокойство, представляющий Детей Серебряной Звезды.

Элленда из ум, того же происхождения, что и мать Суверена, представляющая планету Кипоро из Доминиона с «Командой Хмурых».

Никати — эльфоподобный псионик, представляющий Гахею.

Оунд — джазовые плавники, представляющий умбол.

Пивор — с открытой улыбкой, представляющий клюв-убийц.

Прайсен Ол — философ, представляющий шестиногих каев.

Суркар из Орды Сокрушающей Надежду, представляющий Южное племя Гар.

Леди Вексин — обладательница многих драгоценных аксессуаров, представляющая Храм Желания.

Унесса — светловолосая мастерица удушения, представляющая душегубов.

ДЛИННЫЙ СПИСОК

Амфи

Полное имя: Амфозэ Астурра.



Амфи, получившая привилегированное воспитание, приходится дочерью видного сенатора Бехуна. Она — восторженная молодая женщина, типичная для большинства расы Доминиона, гуманоид-сислаф. У нее темно-серая кожа, большие серые глаза и мягкие темно-серые волосы, которые она укладывает асимметричной волной. Она смотрит на Косандиона с благоговейным обожанием и очень старается казаться практически идеальной во всех отношениях.

Ее планета, Бехун, является одной из основных 7 миров Доминиона. Они стремятся поставить ее на высокий пост с надеждой на будущие политические выгоды.

Бестата

Полное имя: Бестата, леди Эминдра, стратег Дома Меер, дочь Конрата и Улизе.



Статная девушка-вампир, рыцарь Дома Меер, с платиновыми светлыми волосами и ровным оттенком кожи, характерным для вампиров, Бестата вечно над всеми насмехается. Она появляется в черных доспехах, обычных для рыцарей-вампиров, которые прикрывает плащом и приправляет аксессуарами для волос в виде цветочков, как дань моде Доминиона. Раздражительная до грубости, она, однако, благородный и ловкий воин.

Она представляет Дом Меер. Дом Меер и Дом Крар, где собирается замуж сестра Дины Мод, имеют бурную историю. Дом Меер отказался выполнить свое обещание сражаться на Нексусе, что вынудило Дом Крар вернуться к той войне досрочно. Когда Дом Крар, Орда Сокрушающая Надежду и торговый клан Нуан встретились в «Гертруде Хант» в надежде достичь мирного соглашения, Дом Меер послал представителей, чтобы попытаться сорвать переговоры. Трое рыцарей Дома Меер напали на Шона, на котором в то время были доспехи Туран Адина, и он убил их в порядке самообороны.

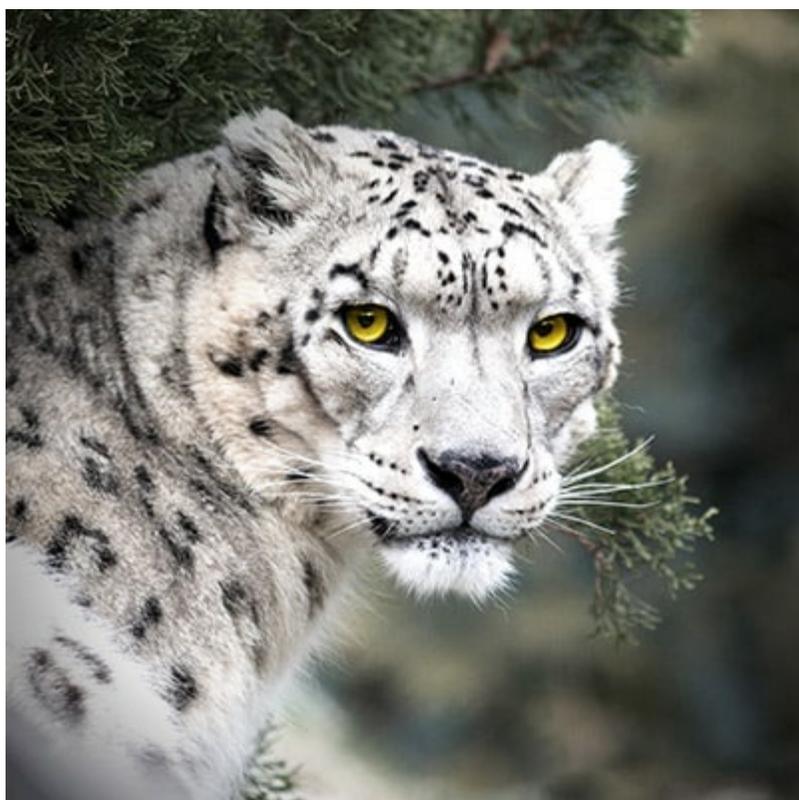
Отказ сражаться на Нексусе привел к тому, что Иерофант Святой Анократии отлучил Дом Меер от церкви за грех трусости. Хотя они все еще являются частью Святой Анократии и подчиняются ее законам и защите, это наказание запрещает членам Дома Меер занимать политические и военные должности на федеральном уровне, пока не будет снято отлучение. Облако позора бросило тень на Дом Меер, и они должны найти способ изгнать его, если они когда-либо собираются вернуть свою честь.

Цианид

Полное имя: Цианид, а затем какое-то рычание.

Цианид хоть и напоминает снежного барса, она крупнее и выглядит немного по-другому, ее сложно перепутать с земным животным. Она в холке 3 фута высотой и покрыта блестящим белым мехом, усеянным золотыми и серыми крапинками. У нее большие золотистые глаза и пушистые лапы с очень ловкими пальцами и длинными когтями. Ее

десны и язык ярко-синего цвета. Она мастерица-ткачиха, ее народ считает ее ремесленницей.



Хиггры — странный вид. Их цивилизация не следовала установленным вехам. Вместо этого они, казалось, перескочили через некоторые ключевые эволюционные достижения, что заставило некоторых людей предположить, что хиггры не эволюционировали, а были биологически сконструированы какой-то таинственной галактической цивилизацией, потерянной во времени.

Хиггры очень духовны. Они верят, что их судьба predetermined, но нужно стремиться заслужить эту судьбу. Как и многие представители семейства кошачьих, они склонны к переменчивости в своих социальных взаимодействиях и редко объясняют свои действия.

Донкамины

Полное имя: неизвестно.



Восемь футов ростом, худые, безволосые, покрытые бледной перламутровой кожей, донкамины вызывают тревогу у большинства гуманоидных видов. Легенда хранителя гласит, что первый хранитель, который столкнулся с ними, открыл дверь своей гостиницы, увидел новых посетителей и выпалил: «Не входить!», за что они и получили свое прозвище.

Они выглядят гуманоидами, с четырьмя придатками, напоминающими руки и ноги, 7 пальцами без ногтей и двумя рядами розовых псевдососков на туловище — однако они даже не млекопитающие. У них большие глаза, носовые отверстия, защищенные раковиной трилобита, и широкие безгубые рты, усеянные коническими зубами. Выступающие из их груди гребни скользят и удлиняются, позволяя их шеям вытягиваться по дуге длиной до восьми футов.

Донкамины называют себя Детьми Серебряной Звезды, и об их цивилизации известно очень мало. Они относительные новички на галактической сцене. На данный момент они сосредоточены на игре в догонялки и пытаются продвигать свои научные достижения.

Эленда

Полное имя: Эленда из ветви Сахава, гордость своего народа.



Элленда — ума, выходец из жестокого и замкнутого народа, как мать Косандиона. Она высокая и мускулистая, как гимнастка, и двигается с естественной грацией. Ее кожа цвета глубочайшего индиго, глаза черные, а блестящие темные волосы заплетены в сложную корону. Она дерзкая, гордая и печальная.

Умы были обнаружены тысячу лет назад по времени Земли одной из самых скудных галактических наций. Новоприбывшие прибыли с подарками и сладкими обещаниями, и прошло почти двадцать лет, прежде чем умы поняли, что им не помогают, их колонизируют. Захватчики сильно недооценили дух ум. Менее чем за столетие умы изгнали их с планеты и закрыли двери для большинства посетителей галактики. Немногие счастливики, которые были приглашены, рассказали историю о прекрасном мире, населенном жестокими людьми.

Умы превыше всего ценят свою свободу и скорее покончат с собой, чем будут вынуждены терпеть против своей воли.

Никати

Полное имя: это секрет.

Никати изящный, гибкий, с длинными конечностями, идеальной янтарной кожей и лицом, которое является андрогинным в своей нежной красоте. Его волосы очень длинные и темно-фиолетовые. У него манера ученого, и он ведет себя с элегантностью, независимо от того, надевает ли он чешуйчатую кольчугу или мантию. Как и все гахеи, он носит диадему, которая усиливает его псионический потенциал.

Гахеи — сложная цивилизация. Их мир — это мир политических интриг, убийств и душераздирающей красоты. Они привержены идее достижения полноты личности и уделяют большое внимание искусству и образованию.



Гахеи разделены на несколько королевств, которые существуют либо в состоянии войны друг с другом, либо в состоянии непростого перемирия. Обычно это сделало бы их легкой добычей для других агрессивных цивилизаций, таких как Орда Сокрушающая Надежду, однако гахеи — смертоносные псионики. Они убивают противников своим разумом, и их потенциал разрушителен. Один гахей с выдающейся родословной может легко уничтожить батальон вторгшихся отрокаров.

Оунд

Полное имя: Оунд, рожденный в луче света, сияющем сквозь зеленые воды.



Оунд — это умбол, водный вид длиной 4 фута, напоминающий земную рыбу. Он покрыт оранжевой чешуей и имеет впечатляющие плавники, которые варьируются от желтого до оранжевого и красного. Когда он активирует свою биолюминесценцию, он выглядит окрашенным огнем. Оунд — оокариш, существо необычайной красоты, которое своим танцем успокаивает боль других существ.

Умболы бывают всех цветов радуги. Их круглые головы с небольшим неправильным прикусом, большие глаза и ярко окрашенные улиткообразные усики придают им уморительно комичное выражение. Бахрома щупалец, прорастающих из-под подбородка, позволяет им использовать разные специализированные инструменты.

Умболы — мирные существа, озабоченные главным образом выживанием и безопасностью. Они редко покидают свои океаны, но когда они это делают, они путешествуют в огромных аквариумах. Умболы общаются с помощью своих плавников, которые способны преобразовывать в звуки для остальной части галактики.

Пивор

Полное имя: не все сразу.

Пивор — удивительно красивый, коренастый мужчина с лимонно-желтой кожей и блестящими зелеными глазами. Его волнистые каштановые волосы искусно зачесаны назад. Он открыто и часто улыбается и любит быть в центре внимания.

Пивор представляет клюв-убийц. Он стал дополнением к их делегации в последнюю минуту. На полпути к отбору клювы-убийцы обнаружили, что их ДНК несовместима с генетическим профилем Суверена, поэтому они изо всех сил пытались найти подходящего кандидата-гуманоида.

Клювы-убийцы похожи на птиц, они не летают и вооружены огромными клювами и

мощными когтистыми лапами. Их вид заставил бы доисторических птиц Земли поостеречься. У них сильная тяга к добыче, и они убивают ради спорта. Клювы-убийцы — это не прозвище, а буквальный перевод того, как они себя называют. Их свирепость делает их ужасающими противниками, но им не хватает утонченности, и иногда нюансы поведения других видов ускользают от них.

Прайсен Ол

Полное имя: Прайсен Ол, старший ученик Великого Демона монастыря Са.



Прайсен Ол — худощавый, красивый мужчина-гуманоид с длинными шелковистыми голубыми волосами, золотистой кожей и розовыми радужками. Он безупречно говорит на всех трех языках Доминиона и обладает достоинством и тихим спокойствием. На нем бледно-голубая мантия, стянутая на талии, и белый обруч. Как и все ученики монастыря Са, он сведущ в философии, истории и других гражданских и социальных науках. Он имеет тенденцию теряться в сложных моральных дебатах и проводит слишком много времени, заглядывая внутрь себя.

Прайсен Ол представляет каев, вид с шестью конечностями из мира с высокой гравитацией. Каи преуспевают в церемониях и ритуалах и очень методичны, что затрудняет переговоры с ними, поскольку они также очень мнительны. Они избегают покидать свою планету из-за страха заражения чужеродными патогенами, и их появление на отборе — один из очень редких случаев, когда они путешествуют за пределами своей звездной системы.

ДНК каев несовместима с ДНК Суверена, поэтому они обратились за помощью к монастырю Са, известному своими учеными, чтобы найти подходящего кандидата для представления их интересов.

Суркар

Полное имя: Суркар, сын Граста и Ульде, чемпион племени Гар. Суркар — замечательный пример воина Орды Сокрушающей Надежду.



Он высокий и мощно сложенный, с потрясающим рельефом мышц и телом, которое передает превосходную силу, скорость и рефлексy. Он может переломить пополам любого взрослого человека мужского пола, как прутик. Он двигается как крупный хищник и довольно высокомерен. Как и большинство отрокар, его поведение продиктовано богатыми традициями Орды, и как защитник своего народа, он находится под большим давлением, чтобы добиться успеха любой ценой.

Племя Гар происходит из фракции Южных племен Орды. Хотя многое было сделано для объединения различных племен отрокар, некоторые внутренние разногласия все еще существуют, и у Суркара и его людей есть планы, которые они предпочитают скрывать от хана и ханум Орды, которые являются представителями Севера.

Леди Вексин

Полное имя: леди Вексин Дион-Диан.



Леди Вексин пышная девушка ростом пять футов, с большой полной грудью, округлой попкой и мягким животиком. От природы белокожая, она ходит с ярким загаром, длинными темно-каштановыми волосами и большими темными глазами. Она предпочитает прозрачную одежду ярких цветов и часто носит дорогие украшения в виде браслетов и аксессуаров для очень сложных причесок. Несмотря на это, она двигается с гипнотической, соблазнительной грацией. Некоторые описывают ее как «свободолюбивую», но она дает обманчивые ответы с полным сопереживанием.

Храм Желания — загадочная организация, один из знаменитых Храмов, расположенных в скоплении Белой Розы в созвездии Кассиопеи. В Скоплении целые луны посвящены поклонению вселенским аспектам. Храм Доброты, Храм Ярости, Храм Скорби... Храм Желания исследует желание, стремление получить что-то за пределами вашей досягаемости любой ценой. В его стенах и садах священники и просители размышляют о точной природе желания, является ли оно изначально эгоистичным, справедливо ли оно, может ли оно когда-либо быть чистым и бескорыстным.

Унесса

Полное имя: Унесса из... Криииииииииииии.



Унесса статная и очень бледнокожая, с длинными золотистыми волосами, уложенными локонами по плечам, и большими фиалковыми глазами. Носит струящиеся платья, которые подчеркивают ее фигуру и достоинства, любит ходить покачивая бедрами. Агрессивная, прямолинейная и несклонная к интеллектуальным нюансам, Унесса хитра и физически очень развита. Она сильная, быстрая и без колебаний прибегает к насилию.

Унесса — ответ душегубов на «гуманоиды любят секс». Душегубы — разумные деревья, неспособные испытывать большинство эмоций или формировать эмоциональные привязанности. Они расчетливы, кровожадны, питаются животным миром, поэтому они рассматривают большинство других цивилизаций как потенциальную добычу. Их первый вариант — убийство, их второй вариант — убийство, и если это не удастся, они идут прямо к убийству.

Душегубам запрещено появляться в большинстве мест за пределами их солнечной системы из-за их агрессивного характера.

ДОМИНИОН

Косандион ка рет Маггран, Летеро Коливион — Суверен Доминиона Семи Звезд, в поисках пары. Племянник Калдении.

Ресвен — канцлер Доминиона, управляющий столичным дворцом и являющийся правой рукой Суверена во всех делах, связанных с местом жительства и семьей.

Миралитт — префект, глава личной охраны Суверена, сислаф с вампирским наследием.

Ората — глава отдела по связям с общественностью Косандиона, отвечающая за трансляцию мероприятия по выбору пары и за рейтинги кандидатов.

Святой Экклезиарх — религиозный лидер Доминиона. Для его деятельности требуется его присутствие на протяжении всего процесса выбора пары.

НАБЛЮДАТЕЛИ

Карат, леди Ренадра — рыцарь-вампириша из Дома Крар, лучшая подруга Мод.

Дагоркун — стратег и генерал Орды Сокрушающей Надежду, сын хана и ханум.

Нуан Коуки «Куки» — восходящая звезда торгового клана Нуан, далекий племянник Нуан Си.

Калдения — леди не нуждается в представлении.

Томато — похожий на медведя инопланетянин с зеленым мехом, из одной из звездных наций, соседних с Доминионом.

Первый Ученый Тек — философ ку-ко, который впервые посетил гостиницу во время празднования Дня постояльца.

Приколы кандидатов (любезно предоставлены МОД Р)

Это онлайн-дополнение, которое читатели блога попросили включить в опубликованную книгу. Если вы не следили за блогом, некоторые из них могут не иметь смысла.

Имя: Элленда из «Команды Хмурых».

Гармония в прогрессе.

Позиция в дебатах: долг > счастье. Подчинение своему долгу и успешное выполнение его обеспечивает дальнейшее выживание общества.

Свидание: берет на себя ответственность за свою судьбу.

Ключевые слова: непокорная.

Имя: Пивор из клюв-убийц.

Гармония в сотрудничестве между видами.

Позиция в дебатах: счастье > долг. Цель общества — создать индивидуальное счастье.

Описание: красивый коренастый мужчина с темно-бронзовой кожей и бледно-серебристыми глазами, с темными волосами с проседью. Постоянная улыбка.

Ключевые слова: красивый и эгоистичный.

Имя: Бестата из Дома Меер.

Гармония в боевых искусствах.

Позиция в дебатах: ее цель в жизни — преданность чести и славе своего Дома и стремление к личному совершенству.

Талант: полоса препятствий (с завязанными глазами и отрокарами, о боже!)

Свидание: сосредоточена на военных амбициях своего Дома.

Ключевые слова: рыцарь-вампир.

Имя: Унесса Сибейт, кандидатка душегубов.

Гармония в удушении врагов.

Позиция в дебатах: я — Унесса, ты — мужчина. От секса рождаются дети.

Талант: душить, не смотря ни на то.

Свидание: секс. Ты хочешь это обсудить?

Ключевые слова: агрессивная дриада, прямолинейная.

Имя: Прайсен Ол от каев.

Гармония в учении древних мастеров, логиков и философов.

Позиция в дебатах: ну, мы до сих пор не знаем, почему он здесь... но, по крайней мере, Первому Ученому было весело!

Талант: поэзия, написание ее и рекламирование.

Свидание: скукота.

Ключевые слова: образованный философ, достойная мудрость.

Имя: Никати из рода гахей.

Гармония в художественной красоте.

Позиция в дебатах: самое большое, что он был готов признать, что время течет. Возможно. Но не точно. В паре с Прайсенем у них есть будущее в индустрии продажи кофеина.

Талант: баллада о любви для вампиров.

Свидание: королевский разговор по душам.

Ключевые слова: псионический эльф, металлическая голова (ну в том или ином роде).

Имя: Суркар из отрокар.

Гармония: никакой гармонии. Только кровавая жатва врагов!

Позиция в дебатах: лучшая вещь в жизни — это сокрушать своих врагов победой, заставляя их бояться и подчиняться.

Талант: выставлять себя дураком.

Свидание: расплата.

Ключевые слова: дерзкий воин.

Имя: Оунд из умбол.

Гармония в безопасности и аккуратном писанье.

Позиция в дебатах: самое лучшее в жизни — это безопасность. Сделайте себя незаменимым для других, ибо порознь вы боретесь, но вместе вы процветаете.

Талант: успокаивающий танец.

Свидание: один час танца плавниками, выявляющего его стойкость (снова).

Ключевые слова: джазовые плавники, #КомандаРыб, #ОундТолькоВперед.

Имя: Цианид из хиггр.

Гармония в здравом суждении.

Позиция в дебатах: Que sera, sera (чему быть, того не миновать), чтобы заслужить свою судьбу, нужно доказать, что ты ее достоин.

Свидание: внимание, все и мне.

Талант: (очень длинная и очень воющая) песня ее народа.

Ключевые слова: симпатичная кошечка.

Имя: Кандидат донкаминов (безымянный).

Гармония в научном исследовании.

Позиция в дебатах: мы — архитекторы нашего будущего, судьба — это пустое понятие.

Свидание: не прикасайся, не прикасайся.

Ключевые слова: жуткий.

Имя: Амфи из «Команды Улыбок».

Гармония в единстве.

Позиция в дебатах: любовь — это многослойное явление, которое должно быть

рассмотрено в определенном контексте. Ее сила огромна, и ее влияние длится всю жизнь.

Талант: слащавое пение.

Свидание: слишком стараюсь.

Ключевые слова: практически идеальная во всех отношениях, тип подружки для знакомства с родителями.

Имя: Леди Вексин из Храма Желания.

Гармония: не нужна никакая гармония, просто любите своих отпрысков от всей души.

Позиция в дебатах: любовь — это то, что она испытывает к Косандиону, он для нее все.

Талант: танцуй так, чтобы Косандион глаз не мог оторвать.

Описание: пухленькая брюнетка, очень сильная, соблазн во плоти, благодаря чему все это выглядит легко.

Свидание: отдых на пляже.

Ключевые слова: агент хаоса, темная лошадка.

Рецепт яблочного пирога Дины

Тесто:

4 яичных желтка
135 г сахара
113 г сливочного масла
113 г сметаны
200 г муки
1 ч.л. разрыхлителя
щепотка соли
1 ст.л. экстракта ванили
цедра 1 лимона

Начинка:

3–4 яблока «Гренни смит» или других кислых сортов
1 ч.л. корицы
щепотка муки

Меренга:

4 яичных белка
135 г сахара

Оборудование:

миксер
разъемная форма

Разогрейте духовку до 180 градусов. Смажьте жиром разъемную форму. Я использую две 16 см формы, поскольку маленькие пироги удобнее хранить, но формы на 20–25 см тоже подойдут.

Отделите желтки от белков. Белки поставьте в холодильник.

Натрите цедру одного лимона. Очистите яблоки от кожуры, нарежьте их ломтиками толщиной в 1 см, добавьте корицу и муку. Тщательно перемешайте. Если яблоки сладкие, добавьте немного лимонного сока. Отставьте в сторону.

Взбейте масло комнатной температуры с 2/3 стакана сахара. Добавьте по одному яичные желтки, тщательно перемешайте. Добавьте сметану, экстракт ванили и лимонную цедру, перемешайте.

В отдельной миске смешайте муку, разрыхлитель и соль. Добавьте к жидким ингредиентам и перелейте в разъемную форму. Сверху выложите яблоки. Выпекайте 30 минут.

Спустя тридцать минут, достаньте форму из духовки. Взбейте яичные белки до твердых пиков. Понемногу добавляйте сахар и продолжайте взбивать, пока не закончится сахар и образуется меренга.

Выложите меренгу поверх яблок и выпекайте еще 20 минут. Меренга должна красиво подрумяниться. Достаньте пирог из печи и дайте остыть до комнатной температуры.

Аккуратно проведите ножом вдоль края формы, отрезая меренгу (как сделала Дина), иначе при снятии формы половина меренги отстанет. Откройте форму и снимите ее прямо вверх.

Подавайте с чаем или вашим любимым напитком.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ из блога авторов и не только...

Краски, Имена и Суетливые канцлеры

«Хроники хозяйки отеля», вопросы читателей:

Бер «Серый цвет костра» Бер «Деревенский темно-серый»

Мне вот интересно, насколько этот масштабный косметический ремонт истощает ресурсы гостиницы. Надеюсь, магия 300 гостей с лихвой компенсирует это? Или Доминион заплатит за апгрейды в дополнение к предоставлению доступа к Каррону?

Эмили

С тех пор, как Дина начала работать, в гостинице было много влиятельных посетителей, и Дина и Шон регулярно снабжали ее сырьем. Доминион, конечно, щедро компенсирует владельцам гостиниц затраты, просто потому, что было бы ниже их достоинства обходиться дешево, но «Гертруда Хант» более чем способна поддержать реконструкцию.

Является ли Миралитт родственницей лорда Сорена? Установят ли они связь? Поладит ли она с Карат?

Робин

Мать Миралитт была не из Дома Крар. Продолжайте чтение, чтобы узнать больше.

Легче ли украшать старые гостиницы, поскольку они накапливают вещи по мере прихода гостей и у них больше инвентаря?

Да. Чем старше гостиница, чем больше у нее корней, тем быстрее и легче ей приспособливаться к окружающей среде. И, как вы видели на протяжении всей серии, Дина — еще та барахольщица. Большинство владельцев гостиниц ведут себя точно так же. Они откладывают вещи для последующего использования.

Может ли гостиница питаться мусором со свалки?

Гостиница выплюнет проглоченный мусор. Гостинице иногда требуются материал, такое как дерево, например, или ткани. Обычно это происходит, когда владелец гостиницы хочет сохранить ресурсы гостиницы или в те моменты, когда время имеет решающее значение. Лучше и быстрее отправить партию мрамора в гостиницу, чем чтобы гостиница синтезировала его из чего-то другого. Предметы, которые гостиница могла бы найти на свалке, скорее всего, испорчены химическими веществами. Древесина быстро гниет. «Очистка» и поглощение материалов со свалки требует много энергии и в первую очередь сводит на нет цель экономии ресурсов. Вот если бы гостиница каким-то образом получила доступ к строительной площадке, то у нее был бы полевой день, поглощающий все подряд.

Если Дина заберет часть гостиницы с собой, например, возьмет свою метлу, выйдет

ли часть ее силы как владелицы за пределы гостиницы?

Дженна

Ваш ответ в «Хранительнице врат».

Почему бы гостинице не попытаться создать портал в Дейсон?

Дженна

Мы не знаем, куда ведет новая дверь. Нам придется подождать и посмотреть.

Сопrotивляется ли гостиница разлуке с владельцем, подобной той, которой Ассамблея угрожала Дине? Автоматически ли она переходит в спящий режим после этого? Каков процесс, чтобы пробудить ее и связать с другим владельцем?

Дженна

Гостиница, потерявшая своего хозяина, впадет в спячку, как уже делала «Гертруда Хант». Это не тот шаг, к которому Ассамблея отнеслась бы легкомысленно, но они не могут позволить общественному деятелю с мировым именем умереть в гостинице. Это событие поставило бы под угрозу безопасность целой планеты. Они на самом деле не хотели бы, чтобы такое произошло, но автономия отдельных гостиниц очень важна.

Кстати, вы знаете, что когда имя Дины всплывает во время собраний Ассамблеи, у владельцев гостиниц начинают дергаться глаза.

— Итак, «Гертруда Хант»...

Каждый напрягается.

Процесс пробуждения гостиницы описан в серии на протяжении нескольких книг.

Сколько лет самой старой гостинице? В предыдущей книге, про день постояльца звучало так, будто самой старой гостинице было, по меньшей мере, сотни лет, а может быть, и тысячи? Мне нужны подробности.....я спрашиваю вот о чем: если внешний вид гостиницы никогда не меняется, то как же строение, которое было построено сотни или тысячи лет назад и не рассыпалось и не пришло в упадок, как остальные окружающие сооружения, разве это не выглядит подозрительным (при условии, что оно не бездействовало и все еще является функционирующей гостиницей)? Кроме того... если одна из старых гостиниц была в Северной Америке.... тогда как выглядит это строение? Особенно, если большинство североамериканских человеческих обществ были либо кочевыми, либо не участвовали в крупномасштабных строительных проектах, когда они были построены? Не могли бы вы немного рассказать о самых старых гостиницах, как они выглядят и чем они не выделяются, если их внешняя «оболочка» остается неизменной на протяжении многих-многих лет?

Дженна

Дженна, предполагаю, что ты, вероятно, из Соединенных штатов.

Самое старое здание, все еще используемое в США и на других территориях после «открытия» Северной Америки.



Иglesия де Сан-Хосе. Церковь в Старом Сан-Хуане, Пуэрто-Рико, построена в 1532 году.

Самое старое здание в США, в котором постоянно жили.



Таос Пуэбло, построенное между 1000 и 1450 годами нашей эры.

Одно из старейших зданий в Европе, которое все еще используется.



Рим, Базилика Санта Сабина, построена в 422 году нашей эры.

Гостиницы строились до колонизации США. По всему миру есть гостинцы. Они родом не из Северной Америки.

Почему вы считаете, что гостиница не может изменить свой фасад? Если гостиница может построить новые номера в точном соответствии с надобностью, почему тогда гостиница не может изменить внешние стены?

Особенно, если большинство североамериканских человеческих обществ были либо кочевыми, либо не участвовали в крупномасштабных строительных проектах, когда они были построены?

Подводя итог: идея о том, что коренные американцы жили в сооружениях, похожих на вигвамы, и никогда не занимались сельским хозяйством, или никогда не строили городов, или никогда не создавали памятников культуры, очень устарела. Мы знаем, что они занимались сельским хозяйством и строили города. Мы знаем, что многие из тех строений были сделаны из дерева и поэтому не пережили течения времени, но мы также знаем, что они вырубали жилища в скалах. История коренных американцев — это история динамичного и разнообразного населения. Они не были однородными.

Я имею в виду, что у чероки прямо там, в горах Блу-Ридж, были сады и поля, и они практиковали передовое сельское хозяйство. Три сестры — кукуруза, фасоль и тыква — все они произрастают в Северной Америке. Помидоры. Картофель. Перцы. Почему у нас есть эти овощи? Потому что коренные американцы выращивали эти культуры. Сельское хозяйство требует пребывания в одном месте и создания инфраструктуры. Оно требует орошения, складских помещений и рынков, и приводит к образованию мест сбора и специально отведенных мест отправления культа. Даже племена равнин не стали в значительной степени кочевыми, пока лошади не стали широко доступны, что произошло в

17 веке.

Чтобы дать нам другую точку зрения, мы со 100 % уверенностью знаем, что в Китае было множество крупных архитектурных сооружений задолго до династии Цинь (221–206 годы до н. э.), но почти ничего из этого не сохранилось. Почему? Древние памятники, которые все же сохранились, такие как пирамиды, египетские и южноамериканские, были сделаны из камня, в то время как чудеса древней китайской архитектуры были «сделаны из дерева, глины и кирпича». Пожары, грызуны, гниль, стихийные бедствия — все это имеет тенденцию разрушать не каменную архитектуру.

Если вы хотите узнать больше о сельском хозяйстве и обществах коренных американцев, эта статья — хорошая отправная точка.

Существование гостиницы в доколумбовой Северной Америке абсолютно возможно.

*Почему у него 9 звездных систем, если он называется Доминионом Семи Звезд?
Вини*

Терпение.

*По какому принципу вы называете пришельцев? Не названия рас, а данные имена?
Поскольку это не имена с Земли, которые вы можете точно найти?*

Я раскрою секрет. Вы готовы?

Генератор несуществующих слов.

Вот так. Мы прокручиваем его до тех пор, пока не наберем комбинацию букв, которую сможем изменить настолько, чтобы получилось приличное имя. Это не означает, что не существует шаблона для присвоения имен представителям определенного вида. Есть, и мы помним о нем и его используем. А затем мы, на всякий случай, проверяем имя в «Гугле».

Планировали ли вы, что Джордж и Ко появятся в других сериях, когда вы писали «Грань»?

Аманда

Нет. «Хроники хозяйки отеля» были задуманы и написаны после «Грани». Работая над серией «Грань», мы не планировали серию «Хроники». Мы писали «Кейт Дэниелс» и «Грань» параллельно друг другу, и наши маленькие мозги были итак перегружены.

notes

Декофеинизированный кофе, или декаф — это обычный кофе, который прошёл дополнительную обработку с целью удаления кофеина.

Минус 260 градусов по Фаренгейту = минус 162,2 градуса по Цельсию

Минус 300 градусов по Фаренгейту = минус 184,4 градуса по Цельсию

Это отсылка к автору Х.П. Лавкрафту, потрясающему создателю книг-ужасов. Лавкрафтовский кошмар (хоррор) — это поджанр фантастики ужасов, который подчеркивает космический ужас неизвестного (в некоторых случаях непознаваемого).

Тоёто́ми Хидэёси (яп. 豊臣 秀吉, 6 февраля 1536 года либо 26 марта 1537 года — 18 сентября 1598 года) — японский военный и политический деятель, объединитель Японии.

Да-да, именно так написано в книге, английскими буквами по-русски — душегубс.

Алекситимия — затруднения в передаче, словесном описании своего состояния.

Behr Paint Company (стилизованная под ВЕНР) — поставщик архитектурных красок и средств по уходу за внешней древесиной на рынки США и Канады «сделай сам».

Don't come in! (анг. — донт кам ин))

Возможно, речь идет о похоронах Мартина Лютера Кинга-младшего, а может, и нет. Вообще, поискав информацию в Интернете, в Америке за последние 100 лет все бунты после похорон были связаны с убийством представителями власти темнокожих юношей и мужчин. Помним, что наш Суверен, черный, как смоль мужчина. Но... это все догадки.

Are you ready to rumble (Let's get ready to rumble!) — крылатая фраза спортивного ведущего матчей по боксу, рестлингу и всему остальному Майкла Баффера, человека-микрофона, придуманная им в начале 80-х.

Речь идет о старом фильме «Конан», где в роли Конана — Арнольд Шварценеггер.

Подозреваю, что Шон напевает песню группы Haddaway — What is love, где такой припев:

What is love
Baby don't hurt me
Don't hurt me no more
What is love
Baby don't hurt me
Don't hurt me no more
No more

Поль Баньян — гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

Энтони Джей Роббинс (урожденный Махаворич, родился 29 февраля 1960 года) — американский писатель, тренер, оратор и филантроп. Он известен своими рекламными роликами, семинарами и книгами по самопомощи, включая книги «Неограниченная сила» и «Пробуди гиганта внутри».

Проявлением силы

(франц.) — Это я, я виноват.

Стихотворение Артюра Рембо «Вечность», перевод [manfinnar](#):

Это страж души,
Ночью в тишине
Прошептать спешу —
День горит в огне.
Мир людей не здесь,
Все дела долой!
Слушай сердцем весть —
С ней взлетай и пой.

Jagdschloss (нем.) — охотничий домик в немецкоязычных странах, больше похожий на замок.

Форма групповой обособленности, характеризуемая внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождается враждебностью по отношению к другим группам. Изначально характеризовал систему первобытных, неразвитых обществ, позднее понятие расширилось и приобрело новые направления.

Принцип управления, согласно которому высшие руководящие должности должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка.

Лёгкий полимерный шнур, изготовленный из нейлона, изначально использовавшийся в стропах парашютов. Паракорд может использоваться для многих иных целей, как военными, так и гражданским населением.

Рассадник болезней